A 282/339
T. I

№ 282
339.

В. Розановъ

ОКОЛО ЦЕРКОВНЫХЪ СТѢНЪ

Имени Господа, Бога твоего,
не пріемли всуе.
Исходъ, XX

Въ двухъ томахъ

Томъ первый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., № 71—6
1906

М. В. ПИРОЖКОВЪ

Спб., В. О., 2 л., д. 13

(„Литературная Книжная Лавка“)

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

I. Историческій отдѣлъ

Батюшковъ, Ѳ. Д.

В. Г. Короленко, какъ человѣкъ и писатель, по его произведеніямъ. Съ портретами и иллюстраціями **(№ 13)** [печатается].

Богучарскій, В.

Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портретами. Спб. 1904 г. **2** р. **(№ 4).**

Бороздинъ, А. К.

Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ (№ 1).

Томъ I. Съ 8 портретами. Спб. 1903 г. **1** р. **75** к.

Томъ II. Съ 18 портретами.— **Вып. I.** Съ 13 портретами. Спб. 1905 г. **1** р. **75** к.—**Вып. II.** Съ 5 портретами [печатается].

Брюкнеръ, А.

Исторія польской литературы. Переводъ С. Штернъ **(№ 18)** [печатается].

Буркгардтъ, Яковъ.

Культура Италіи въ эпоху Возрожденія. Перев. съ нѣм. *С. Бриліанта*, съ 8-го изданія, переработаннаго Людвигомъ Гейгеромъ. Въ 2 тт. **(№ 7)** [печатается].

Вандаль, Альбертъ.

Возвышеніе Бонапарта. I. Происхожденіе брюмерскаго консульства. Конституція III года. Переводъ съ XI-го фран. изд. *З. Н. Журавской.* Спб. 1905 г. **2** р. **(№ 16).**

Каутскій, Карлъ.

Томасъ Моръ и его Утопія. Переводъ съ нѣм. *М. А.* и *А. Г. Генкель.* Спб. 1905 г. **1** р. **25** к. **(№ 14).**

Лемке, Мих.

Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Съ 19 портретами и 81 каррикатурою. Спб. 1904 г. **3** р. **(№ 2).**

Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 годовъ. Съ 5 портретами. Спб. 1904 г. **3** р. **(№ 3).**

Милюковъ, П.

Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. 2-е изд. Спб. 1905 г. **3** р. **50** к. **(№ 5).**

Никитенко, А. В.

Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, „чему свидѣтель въ жизни былъ“. Записки и дневникъ (1804—1877 гг.). Съ портретомъ автора. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное *по рукописи*, подъ редакціей, съ примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ *М. К. Лемке.* Въ двухъ томахъ. Спб. 1905 г. Ц. за оба тома **7** р. **(№ 12).**

Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка.

Статьи и матеріалы *В. И. Семевскаго, В. Богучарскаго* и *П. Е. Щеголева* **(№ 11).** Томъ I. **Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель.** Съ 3 геліогравюрами. Спб. 1905 г. **5** р.

Пименова, Э.

Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи. Съ 10 портретами. Спб. 1904 г. **2** р. **(№ 6).**

Выписывающіе изъ Склада за пересылку не платятъ.—Каталогъ высылается за 7-микоп. марку по первому требованію.

82
39
А 282/339

ОКОЛО ЦЕРКОВНЫХЪ СТѢНЪ

Томъ первый

ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕИ
БИБЛІО-
ТЕКА

В. Розановъ

ОКОЛО ЦЕРКОВНЫХЪ СТѢНЪ

Имени Господа, Бога твоего,
не пріемли всуе.
Исходъ, XX

Въ двухъ томахъ

Томъ первый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., № 71—6
1906

Того же автора:

О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки какъ цѣльнаго знанія. Ц. 5 р.

Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія. Съ приложеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изданіе 2-е. Ц. 1 р.

Мѣсто христіанства въ исторіи. Изданіе 2-е. Ц. 15 к.

Сумерки просвѣщенія. Ц. 1 р.

Литературные очерки. Ц. 1 р.

Природа и исторія. Изданіе 2-е. Ц. 1 р.

Религія и культура. Изданіе 2-е. Цѣна 1 р. 20 к.

Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Семейный вопросъ въ Россіи. Съ рисунками, два тома. Ц. 4 р. 50 к.

Другу-женѣ

2007041718

Содержаніе I тома

стран.

Предисловіе . . . . . XI—XV

Религія—какъ свѣтъ и радость 1
Ѳедосѣевцы въ Ригѣ 23
Интересныя книги, интересное время и интересные вопросы 37
На черномъ и желтомъ материкахъ 61
Желтый человѣкъ въ передѣлкѣ 75
Наши возлюбленные усопшіе 95
Изъ-за чего сыръ-боръ загорѣлся (о старокатоличествѣ) 111
Слово Божіе въ нашемъ ученьи 125
Законъ Божій въ училищахъ 127
Семинаристы-студенты 132
Слово Божіе въ нашемъ ученьи 134
Кто виноватъ. Письмо законоучителя свящ. *М. Лисицина* 139
Еще о словѣ Божіемъ въ школѣ. *Его-же* 140
Весеннее и осеннее древонасажденіе 146
Физическое и нравственное воспитаніе юношества. 148
Рождественскія елки въ сельской школѣ 150
Смерть учительницы Еремѣевой 154
Необходимое разъясненіе. Члена Учебнаго Комитета при Св. Сунодѣ *А. Ванчакова* 156

СТРАН.

Нищета деревенской школы 161
О школахъ грамоты. Письмо *К. Гре—ва* 163
„Драгоцѣнныя черты“ церковныхъ школъ грамоты. *Его-же* 165
Педагогическіе архаизмы 166
О деревенскомъ ученьи 169
Нѣчто о мылѣ, трахомѣ и „завѣтахъ Минина и Пожарскаго“ 171
Миссіонерство и миссіонеры 175
Миссіонеры на Орловскомъ съѣздѣ и рѣчь г. Стаховича 177
Голоса изъ провинціи о миссіонерствѣ 192
Письмо о миссіонерахъ. *Вѣры Гриневичъ* 206
О больныхъ старообрядцахъ 214
О совѣсти. По поводу сужденій епископа Никанора. 217
Совѣсть—отношеніе къ Богу—отношеніе къ Церкви. 222
Люди и книги около стѣны церковной 229
Объ одномъ сомнѣніи гр. Л. Н. Толстого 231
28-го января 1881—1901 гг. (о Ѳ. М. Достоевскомъ). 234
На панихидѣ по Вл. С. Соловьевѣ (годовщина смерти) 239
Скептическій умъ (К. П. Побѣдоносцевъ и его „Московскій сборникъ“) 242
Изъ оклеветанной книги. Талмудъ, легенды о благочестивомъ Гиллелѣ и о равви Акибѣ 253
Благовидовъ и его книга: „Оберъ-прокуроры Св. Сунода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія“. 256
Талантливость и безталанность въ духовенствѣ . 267
Писатели-цѣлители. Свящ. Г. Петровъ и его книга: „Къ свѣту“. Независимый и его книга: „Какъ намъ жить. Этика обыденной жизни“. 275
Небесное и земное 281
Недоумѣнные вопросы читателей и отвѣты редакціи „Православно-Русскаго слова“ 307

СТРАН.

Желчныя мысли въ желтомъ журналѣ 310

Письмо предсѣдателя Совѣта „Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“ протоіерея *Ф. Орнатскаго* 316

Отвѣтъ о. Ф. Орнатскому 317

Духовенство, храмъ, міряне 325

Два письма: 1) объ образованіи духовенства, 2) о византизмѣ въ Россіи 343

Изъ подробностей церковной жизни 345

Гдѣ было хорошо на новый годъ 347

Священническій совѣтъ при епископѣ 354

О помѣстныхъ соборахъ въ Россіи 357

Открытое письмо къ автору. СПБ. миссіонера *Н. Булгакова* 363

О пенсіяхъ духовенству 369

О неудобствѣ частыхъ перемѣщеній въ Духовномъ Вѣдомствѣ 372

Изъ оцѣнокъ русскаго народа. „Московскія Вѣдом.“ о русскихъ идеалахъ, о правахъ русскаго народа, о принципахъ любви и закона 375

О милости къ животнымъ 383

Два стана 387

Екатеринославская помѣщица и троицкій инокъ о нуждахъ русскаго народа . . . . . 390—396

Русско-католическія отношенія 405

Письмо изъ Адріанополя о русско-католическихъ отношеніяхъ 408

Что мѣшаетъ соединенію церквей? 409

О примиреніи церквей. *Русскаго священника* . . . 414

Ни что изъ далекихъ моихъ воспоминаній такъ не ярко, какъ весеннія игры на бугоркѣ, гдѣ стояла наша Покровская церковь. Кстати, что за праздникъ „Покрова Пресвятыя Богородицы?“ Это любимый, самый выпуклый годовой русскій праздникъ; а храмы въ честь „Покрова Пресвятыя Богородицы“ — всегда у насъ по городамъ большіе, видные, обильные богомольцами, народные: между тѣмъ въ Евангеліи даже вовсе и не упоминается ни о какомъ „Покровѣ Пресвятыя Богородицы“, и на вопросъ, что̀ это такое—не только всякій мужикъ, но и почти всѣ образованные отвѣтятъ: „не знаю“. Эта странная смѣсь *любви* и *незнанія*, *молитвы* съ *невѣдѣніемъ*, къ чему она собственно прикрѣплена — напоминаетъ наивный отвѣтъ древнихъ на вопросъ: „чей жертвенникъ это стоитъ?“—„Это жертвенникъ Невѣдомому Богу“, „Deo ignoto“. Достопочтенный архимандритъ (нынѣ епископъ) Антонинъ, на одномъ изъ Религіозно-философскихъ Собраній въ 1903 году, объяснилъ объ этомъ templo Dei ignoti Аѳинянъ: что „древніе политеисты не только не исключали поклоненія никакому, чуждому имъ самимъ, богу, но были такъ простодушны и ласковы ко всѣмъ народамъ, что на тотъ случай, если въ какой-нибудь странѣ, такъ сказать, географически не открытой, тамошнее населеніе или по забывчивости, или отъ бѣдности, или по какой нибудь случайности не поставило

алтаря своему богу:—то вотъ они, Аѳиняне, ставятъ этому Deo ignoto алтарь; и такимъ образомъ божество не останется безъ жертвы, а народецъ ничего не потерпитъ за безбожіе". Неправда ли, какая простота и грація? любовь и братство международное еще въ пору, когда не существовало науки международнаго права?!.. Вотъ на бугоркѣ такого-то въ своемъ родѣ „Невѣдомаго Бога" Православія, церкви „Покрова Пресвятыя Богородицы" въ Костромѣ, я и игралъ съ мальчиками изъ своей околицы ранней весною. Хорошій обычай у русскихъ—ставить храмы на бугоркѣ, на горкѣ. Это напоминаетъ обычай древнихъ поклоняться Богу „на Высотахъ", „высокихъ мѣстахъ", „горахъ". Еще Соломонъ „приносилъ жертвы и куренія на Высотахъ"... Мартовское-апрѣльское солнце обсушитъ, бывало, этотъ бугорокъ раньше всей околицы. Вездѣ — зима, а около храма—весна. Какъ это хорошо. Пусть физики догадываются, что каменныя ступени паперти и отраженіе отъ бѣлыхъ каменныхъ стѣнъ солнечныхъ лучей необыкновенно нагрѣвали бугорокъ. Я не дѣлю Бога и солнце: Солнце—какъ правый глазъ Божій, а луна—лѣвый, и ими обоими Небо смотритъ на нашу милую землю. Значитъ, если Небо сушитъ бугорокъ своего возлюбленнаго мѣста—это Богъ его сушитъ. Вѣдь земля — дитя Солнца?.. Но я все сбиваюсь въ сторону и пишу разсѣянно... Вездѣ въ садахъ, въ огородахъ стоитъ глубокая зима, хоть и яркая уже, солнечная, а около Покрова Пресвятыя Богородицы—лѣто: и, забирая бабки, плитки, деревянные шары и клюшки, всѣ лѣтнія забавы, мы, бывало, спѣшимъ туда, и пока наши мамаши возятся съ нуждою своей, добываютъ намъ кормъ, мы съ безпечностью и легкомысліемъ предаемся тамъ забавамъ.

Старыя воспоминанія... Позднѣе, взрослымъ, особенно

любилъ я слушать церковную службу съ улицы, изъ садика. Это бывало уже въ лѣтніе или въ осенніе праздники. Въ церковь пройти нельзя отъ народу. И вотъ станешь около открытаго окна. Въ окно несется: „Иже Херувимы“. И слушаешь однимъ ухомъ, а глазами разсѣянно смотришь на колокольчики, на розы, на астры, которыя любящая рука ignoti viri насадила вокругъ церкви. И всегда я думалъ: какъ хорошо, если церковь въ цвѣтахъ,— не только въ саду, но и въ окруженіи именно цвѣтниковъ. Я удлинилъ бы эти грядочки цвѣтовъ, и узкой полосой ввелъ бы ихъ и въ церковь: пусть и цвѣточки, какъ я же, слушаютъ неизъяснимую херувимскую пѣснь, которую если и я слушаю— то не понимаю, а все же хорошо. И я думаю: все хорошо—что мы не понимаемъ; а что мы понимаемъ, то уже не очень хорошо.

И такъ слушаешь и смотришь, смотришь и мечтаешь; видишь и дремлешь; а сквозь дремоту—грезы. Что-то неопредѣленное, и милое, и туманное. Человѣческое и религіозное. Эти мои „стоянія“ около стѣнъ церковныхъ, и слушаніе *невѣдомаго* (не всегда все разслышишь, не всегда все поймешь) дали мнѣ мысль и сборникъ статей, крайне разнообразныхъ по тону и содержанію, соединить въ одно подъ именемъ „Около церковныхъ стѣнъ“. Стѣны эти какъ бы расходятся; служба становится открытою; херувимская несется по лугамъ, лѣсамъ; умиляетъ птичекъ, смиряетъ звѣрей, всѣ спѣшатъ къ человѣку: „благодаримъ, что ты не забылъ про насъ и вынесъ Бога твоего всѣмъ твоимъ братьямъ по Райскому саду. Нынѣ, какъ и тогда -Богъ ходитъ между своихъ твореній“.

Мечты эти, впрочемъ, вдали... Пока и народъ-то нашъ темный едва слышитъ Бога и только какъ Ста-

рецъ-Провидѣцъ поклоняется „Покрову Пресвятыя Богородицы“... Пока еще глухо, зимне, темно... Но мнѣ хотѣлось-бы, чтобы статьи, здѣсь собранныя, начали „около стѣны церковной“ хоть что нибудь подобное тому весеннему таянію, какое кстати или не кстати я припомнилъ здѣсь, и—нашимъ невиннымъ дѣтскимъ играмъ.

Грезы—грезами, а дѣло—дѣломъ. Дамъ маленькую библіографію здѣсь помѣщаемаго. Всѣ статьи эти были уже ранѣе напечатаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ [1]). Подъ всѣми (почти) выставленъ годъ напечатанія; подъ нѣкоторыми поставленъ двойной годъ: болѣе *ранній*—время написанія статьи, которую по какой-либо причинѣ я не могъ тогда-же напечатать, и болѣе *поздній* –когда она была напечатана. Въ статьяхъ есть колебанія тона,—въ зависимости отъ частнаго возбужденія, которое дала имъ жизнь. Но общій ходъ ихъ и направленіе –цѣльно. Всѣ они тянутъ... ну, куда тянутъ—разсмотритъ читатель. Надо-же ему читать книгу. Но изъ сборника этого исключены статьи, напечатанныя въ эти-же годы: „Трепетное дерево“ („Міръ искусства“), „Случай“ (тамъ-же), „Объ основаніяхъ церковной юрисдикціи или Христосъ какъ Судія міра“ („Новый Путь“), „Святость и смерть“, и „Объ Іисусѣ-сладчайшемъ и

---

[1]) Въ настоящемъ сборникѣ нѣкоторымъ изъ статей дано другое, болѣе соотвѣтствующее содержанію, заглавіе, чѣмъ какое онѣ имѣли при напечатаніи въ журналахъ и газетахъ; напр, „На черномъ и желтомъ материкахъ“ (вм. „Лицемѣріе“), „Наши возлюбленные усопшіе“ (вм. „Живые и мертвые“). „Талантливость и безталантливость въ духовенствѣ“ (вм. „Сословное-ли только безвкусіе“), „Духовенство, храмъ, міряне“ вм. „Записка о возрожденіи церкви“).

горькихъ плодахъ міра“ („Вопросы жизни“): ибо и направленіе и тонъ ихъ иной. Есть два духовенства у насъ: *бѣлое* и *черное*. Они и не появились бы, въ своемъ существѣ и противоположеніи, не падай на насъ религіозные лучи *бѣлые* и *темные*. Настоящая книга вращается исключительно въ бѣлыхъ лучахъ и имѣетъ бѣлые тоны, усиливается къ бѣлымъ цѣлямъ. Но есть и монашество... Нельзя его отрицать. Это великій фактъ, мірообъемлющій; всегда побѣждавшій, можетъ быть непобѣдимый. Вотъ эту-то „монашескую книгу“ и составили-бы выдѣленныя пока статьи, да еще— „Тревожная ночь“ (въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ за 1903 г.): но я-бы ей далъ заглавіе „Послѣ ариѳметики“... Ибо всѣ статьи, здѣсь собранныя, вращаются въ прямыхъ, понятныхъ, сравнительно легчайшихъ темахъ христіанства, какъ-бы въ темахъ „ариѳметическихъ“; тогда какъ тѣ, болѣе трудныя и темныя (монашескія) статьи, въ самомъ дѣлѣ представляютъ собою что-то „послѣ ариѳметики“, ну, тамъ „непрерывныя дроби“ что-ли христіанства, его логариѳмы...

Къ этимъ „логариѳмамъ“ примкнули-бы частью уже ранѣе изданные мною сборники: „Религія и культура“ (во 2-ой половинѣ) и „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго“, а также статьи, посвященныя Библіи и еврейству и греческому и азіатскому язычеству.

Спб., 1905 г.

РЕЛИГІЯ—КАКЪ СВѢТЪ и РАДОСТЬ.

Евангеліе, какъ основа жизни. Священника Г. Петрова. Изд. 2-ое 1898 г.

Есть нѣчто связующее между авторомъ и читателями, хотя онъ ихъ не видитъ, не слышитъ. Я заскучалъ о своихъ читателяхъ въ привычной газетѣ, и очень грустно было бы, если-бы въ отвѣтъ на горячо схваченное перо они вдругъ сказали кисло—„опять этотъ несносный писатель“.

Увы, читатель! хочешь или не хочешь—беру перо „опять“.

Изъ-подъ таинственной холодной полу-маски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный, какъ мечта,
Свѣтились мнѣ плѣнительные глазки
И улыбалися лукавыя уста.
. . . . . .
И создалъ я тогда въ моемъ воображеньи
По легкимъ признакамъ красавицу мою,
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

Странна жизнь писателей: жизнь мечты, илюзіи. Возможно, что онъ говоритъ „въ трубу“ и „на вѣтеръ“: но при такомъ представленіи, все равно все продумавъ про себя—авторъ ничего бы не напечаталъ. Онъ именно „изъ-подъ таинственной холодной полу-маски“ создаетъ въ воображеніи какихъ-то друзей, что-то невыразимо

интимное; ночью, одинъ, за лампой—онъ въ какомъ-то сіяніи бала, духовнаго бала, бальнаго роскошествованія. Онъ кружится въ какомъ-то вихрѣ словъ, произноситъ рѣчи совершенно невѣроятныя въ одиночествѣ, интимничаетъ, исповѣдуетъ и исповѣдуется, хитритъ, увлекаетъ:

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланитъ, и шеи бѣлизну.
Счастливецъ! видѣлъ я и локонъ своевольный,
Родныхъ кудрей покинувшій волну.

Сумасшествіе. Фантасмагорія. Я говорю о литературѣ и о „призваніи писателя“, которое есть до нѣкоторой степени „призваніе къ сумасшествію“, позывъ „сойти съ ума“ и, вотъ подите же, подумать съ поэтомъ:

И все мнѣ кажется—живыя эти рѣчи
Въ года минувшіе слыхалъ когда-то я;
И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
Мы вновь увидимся какъ старые друзья.

Въ „бальную ночь“ писатель именно такъ думаетъ о читателѣ. Но балъ кончился и на завтра авторъ, выходя „въ службу“, встрѣчаетъ читателя, который, въ свою очередь, пришелъ по-утру въ „бальное настроеніе“ отъ его статьи. Жметъ руку. Авторъ ничего не понимаетъ. Благодаритъ. Авторъ еще меньше понимаетъ. То—уже прошло, кануло въ вѣчность. Литература тѣмъ поразительная вещь, что это—сгорающая до тла, безъ остатка вещь: искры изъ трубы парохода, которыя гаснутъ на вѣтрѣ. Это—необыкновенно красиво; это—нужно. Я не хотѣлъ бы жить, если бы не было красиваго въ мірѣ; никто не захотѣлъ бы жить. Дальше—еще что? Необыкновенное наслажденіе. Но польза? польза? Боже, какой вамъ „пользы“, когда фейерверкъ красоты и счастья погрузилъ васъ въ сонъ; и, пробу-

жденные—вы бѣжите къ „дѣламъ“, къ „пользѣ“ съ удвоенной энергіей, какъ бы вчерашней усталости не было, вылеченные,—вылеченные отъ труда жизни, отъ „пота жизни“, отъ страданія жизни. Литература—живая вода; глотни—„и не умреши“. Только?—Только. Пустое?—Нѣтъ, самое важное: кровь въ жилахъ утружденныхъ, голубой огонекъ небесной искры, бѣгущій по нервамъ, и вдругъ усталое „вчера“ преобразующій въ бодрое „завтра“.

Странно, мнѣ все это внушилъ „священникъ Петровъ“ и его маленькая книжка. Я раскрылъ нѣкоторыя страницы—и вдругъ почувствовалъ въ душѣ „балъ“. Дѣло въ томъ, что у меня уже давно въ душѣ стоятъ, въ нерѣшенномъ спорѣ, двѣ фигуры изъ Достоевскаго—отца Зосимы и отца Ѳерапонта. Читатель, вѣроятно, помнитъ ихъ. Зосима –благостный старецъ. Онъ неудержимо влечетъ къ себѣ праведнаго Алешу Карамазова, и, обратно, самъ, уже умирающій, влечется къ молодому послушнику болѣе, чѣмъ къ сѣдовласымъ собратьямъ-монахамъ. Свѣтъ глубокаго вечера, почти ночи, сливается съ свѣтомъ утра, почти утренней зорьки. Удивительно: мы вообще наблюдаемъ нерѣдко, что близость къ смерти какъ-то совпадаетъ въ трансцендентномъ значеніи своемъ и вліяніи на человѣческую психику съ близостью еще не отодвинувшагося вдаль рожденія. Это—не всегда такъ, но иногда такъ; и именно такъ было между Зосимою и Алешою. Второй еще не знаетъ грѣха въ его глубокихъ изгибахъ; но и первый, знающій всяческій человѣческій грѣхъ (черезъ исповѣдь), съ тѣмъ вмѣстѣ какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ или какою-то догадкою преодолѣлъ тяжесть грѣха и не чувствуетъ его, не чувствуетъ въ себѣ и въ самомъ мірѣ. Онъ оставляетъ Алешѣ нѣчто въ родѣ біографическихъ

воспоминаній и поученій: и главное изъ нихъ—не бояться грѣха, не убѣгать грѣшнаго человѣка; и, наконецъ, это поученіе разливается свѣтозарною любовью на цѣлую природу, на безгрѣшныхъ животныхъ, „у которыхъ начало мысли Божіей“ и поэтому человѣкъ не долженъ ихъ оскорблять и возноситься надъ ними:

„Братья“, училъ онъ, „не бойтесь грѣха людей, любите человѣка и во грѣхѣ его: ибо сіе ужъ подобіе Божеской любви и есть верхъ любви на землѣ. Любите все созданіе Божіе: и цѣлое и каждую песчинку. Каждый листикъ, каждый лучъ Божій любите. Любите животныхъ, любите растенія, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь—и тайну Божію постигнешь въ вещахъ. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далѣе и болѣе, на всякій день. И полюбишь наконецъ весь міръ уже всецѣлою, всемірною любовью. Животныхъ любите: имъ Богъ далъ начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте-же ее, не мучьте ихъ, не отнимайте у нихъ радости, не противьтесь мысли Божіей. Человѣкъ, не возносись надъ животными: они безгрѣшны, а ты со своимъ величіемъ гноишь землю своимъ появленіемъ на ней и слѣдъ свой гнойный оставляешь послѣ себя,—увы, почти всякъ изъ насъ!—Дѣтокъ любите особенно, ибо они тоже безгрѣшны, яко ангелы, и живутъ для умиленія нашего, для очищенія сердецъ нашихъ и какъ нѣкое указаніе намъ. Горе оскорбившему младенца! А меня отецъ Анѳимъ училъ дѣтокъ любить: онъ, милый и молчащій въ странствованіяхъ своихъ, на поданные ему грошики имъ пряничковъ и леденцу бывало купитъ и раздаетъ; проходить не могъ мимо дѣтокъ безъ сотрясенія душевнаго: таковъ былъ человѣкъ“. И т. д.

И вотъ онъ умеръ. Любовь къ нему, да и дѣйстви-

тельно праведная жизнь внушила ожиданіе въ монастырѣ, что тлѣніе не коснется тѣла его. Но тлѣніе коснулось „перси", „красной глины" человѣка. Обманувшійся монастырь воскорбѣлъ о любимомъ старцѣ. Но не воскорбѣлъ, а обрадовался этому отецъ Ѳерапонтъ. Это—обратный полюсъ Зосимы, его благости, его отсутствію тягостнаго ощущенія грѣха. По Ѳерапонту—міръ именно подавленъ грѣхомъ; и символъ его, выраженіе его, „бѣсъ"—является чѣмъ-то вездѣ присутствующимъ. Угрюмый, одинокій онъ является въ келью Зосимы съ обличеніями. Въ невѣроятно дикой сценѣ Достоевскій нарисовалъ его фигуру во весь ростъ; во весь ростъ нарисовалъ его духовный образъ. „Извергая—извергну!" „Сатана—изыди! сатана—изыди!",—повторялъ онъ, крестя всѣ углы и стѣны комнаты, по его увѣренію наполненной „чертями", которыхъ напускалъ сюда Зосима и „днесь самъ провонялъ отъ нихъ". Тяжелыя вериги завистливаго постника звенѣли при каждомъ его движеніи, внушая почтительность наполнившему келью народу. „Постовъ не содержалъ по чину схимы своей", гремѣлъ Ѳерапонтъ. Наконецъ, выйдя изъ кельи, онъ повалился съ воплемъ на землю, и, обращаясь къ заходящему солнцу, возопилъ:

— „Мой Господь побѣдилъ! Христосъ побѣдилъ заходящу солнцу".

— „Вотъ кому сидѣть въ старцахъ! вотъ кто святъ",—заговорила толпа, умиляясь и приходя въ изступленіе: изступленіе уже не умиленія къ міру, а строгости къ міру; не въ восторгъ вездѣприсутствія Бога, а въ страхъ вездѣприсутствія дьявола.

Это—не такъ просто. Это—всемірно многозначительно. К. Н. Леонтьевъ, авторъ „Нашихъ новыхъ христіанъ—Ѳ. М. Достоевскій и гр. Л. Н. Толстой", „Востока, Рос-

сіи и Славянства" и многихъ другихъ сочиненій, самъ того не замѣчая сыгравшій въ 70-хъ годахъ XIX-го в. только роль „отца Ѳерапонта" въ нашей литературѣ и частью политикѣ, замѣтилъ о „Братьяхъ Карамазовыхъ": „тамъ монахи не совсѣмъ то́ говорятъ, что говорятъ *дѣйствительно въ монастыряхъ дѣйствительные монахи*". Можетъ быть. Самъ Леонтьевъ долго жилъ на Аѳонѣ, жилъ въ Оптиной пустынѣ, и былъ тайнымъ постриженикомъ: ему по части *дѣйствительности* „и книги въ руки". Отецъ Зосима, конечно, есть мечта Достоевскаго, и—личная мечта; „буди, буди" его сердца, „золотой сонъ" можетъ быть еще съ каторги, можетъ быть даже съ дѣтства. И суровая поправка Леонтьева, именно къ Зосимѣ отнесенная: „не то́, не то́"—по всему вѣроятію правильна. Но Достоевскій не только высказалъ „буди, буди" своего сердца, но противопоставленіемъ Зосимы и Ѳерапонта, можетъ быть безотчетно—онъ выразилъ вѣковѣчную и уже о самой дѣйствительности истину: истину о тысячелѣтнемъ бореніи двухъ идеаловъ—благословляющаго и проклинающаго, міролобызающаго и міро-плюющаго, поднимающаго изъ скорби и ввергающаго въ скорбь—въ міровой жизни древа Господня, древа Евангельскаго. Что́ такое католицизмъ, въ его отдѣленіи отъ православія? Францисканцы, съ веревками и босые, даже и одѣвались совершенно какъ Ѳерапонтъ. Вообще „Ѳерапонтъ"—слишкомъ возможенъ, „Ѳерапонту" есть какая-то лазейка въ христіанскій міръ; Ѳерапонтъ прокрадывается туда, „садится" или, пожалуй „сажается старцемъ", начинаетъ „крестить чертей" *) и, наконецъ, говоритъ:

---

*) Со среднихъ вѣковъ (см. „Исторія раціонализма" Лекки) повелся обычай, на Западѣ, при невольной зѣвотѣ крестить ротъ:

„Поклонитесь моему Богу, поклонитесь Заходящему Со́лнцу“...

Въ самомъ дѣлѣ, концепція его до того противоположна благословляющей концепціи Зосимы, что при одномъ имени, при одномъ мѣстѣ жительства и, вообще, при полной внѣшней, по символу вѣры, сліянности съ Зосимою и Паисіемъ—онъ прямо исповѣдуетъ *другую вовсе вѣру*, имѣетъ *второго* и именно *своего* „Бога“, съ Христомъ „благодѣющимъ міру“, съ Христомъ „искупившимъ міръ отъ грѣха“ и уже „заключившимъ дьявола“ „въ бездну“—прямо не имѣющаго ничего общаго! Ѳерапонтъ, не смотря на слова о себѣ „погань есмь“ (что довольно вѣрно), имѣетъ Богомъ себѣ свою гордость; о, онъ вездѣ „сядетъ“, не смотря на смиренное „не сяду въ старцахъ“, „servus servorum sum“ etc. Богъ—забытъ. Это—именно Навуходоносоръ, преображенный въ „звѣря“ и пожирающій „траву“ въ тотъ самый мигъ, когда воззрился на міръ: „Кто равенъ Мнѣ въ поднебесной“. И этотъ „Навуходоносоръ“, этотъ „servus servorum“—какъ показалъ великій нашъ аналитикъ сердца человѣческаго—возможенъ въ каждомъ человѣкѣ, или, точнѣе, въ зародышѣ онъ обитаетъ каждое сердце, Ѳерапонта, меня, читателя, всякаго. Это—духъ ложнаго смиренія; духъ—прикидывающагося смиренія; духъ—всѣмъ будто бы „служенія“, который вдругъ кончаетъ какъ Сикстъ V при избраніи: „да мнѣ всѣ послужатъ“. Тутъ есть демонъ какой-то; т.-е. въ сердцѣ человѣческомъ есть какая-то демонская струйка, которая, напримѣръ, начинаетъ:

— „Отъ большого разума вознеслись вы надъ мо-

воздухъ наполненъ „чертями“ и неосторожно забывшій во время зѣвоты перекрестить раскрытый зѣвъ—проглатывалъ дьявола.

имъ ничтожествомъ. Пришелъ я сюда малограмотенъ, а здѣсь что́ и зналъ—забылъ: самъ Господь Богъ отъ премудрости вашей меня маленько защитилъ" (рѣчь Ѳерапонта же, ibid., стр. 17).

И—кончаетъ прямо владычествомъ надъ разумомъ, т.-е. насильственнымъ и внѣшнимъ прямо ломаніемъ его въ щепы. Галилею онъ скажетъ—„отрекись"; трудъ Коперника, „не читая", помѣститъ въ „Index" (католическій катологъ „отреченныхъ книгъ"). Онъ шелъ „съ сумочкой", „прихрамывая", а кончаетъ какъ I. Навинъ: „стой, солнце, и не движься, луна". Вся исторія средневѣковаго папства есть исторія „отца Ѳерапонта"; и, повторяемъ, это—далекая исторія, это—вѣчная исторія, это—исторія вовсе не кончившаяся еще сейчасъ, ибо тутъ завязанъ какой-то вѣковѣчный грѣхъ, что-то запутанное въ судьбахъ и характерѣ человѣка! Не „благословляющее" начало, а „проклинающее": это самое, самое яркое отличіе, водораздѣльная между Зосимою и Ѳерапонтомъ линія, которую изъ великаго страха мы должны держать въ умѣ. Ибо „Ѳерапонтъ" далеко не побѣжденъ, и „Зосима" есть только мечта, личная мечта романтика и психолога, но—да будетъ позволено за образъ Зосимы сказать—и великаго праведника, хотя и не удостоившагося мощей, Земли Русской.

Да, мы вѣримъ—Богъ есть Любовь. Это—написано (Іоанна Ев.). Это—для насъ катехизисъ. Такъ и будемъ называться „Іоанниты", дабы не примѣшивать къ единому цѣннѣйшему зерну еще пустой соломы, вымолоченной отъ любви, соломы очень позднихъ и очень невѣрныхъ измышленій. „Любовь"—и баста; и ничего—„проклятаго". Пусть Ѳерапонтъ со своими „чертями" и въ сущности—ибо „дьяволъ есть отецъ лжи и человѣконенавистникъ искони"—тайно именно бѣсу покло-

няющійся (отсюда и запахъ „бѣса“, его мучащій—запахъ не опознанной собственной его молитвы „бѣсу“) толкнется именно о эту стѣну, гдѣ начерченъ Евангельскій глаголъ любимѣйшаго Христова ученика.

* * *

Книжка „батюшки Петрова“ (такъ и хочется просто его назвать) есть именно „Іоаннова“ книжка, редакціи „Зосимы“, гдѣ нѣтъ „ничего проклятаго“ (Апокалипсическое обѣтованіе), хотя страницы его книжки бѣгутъ по темамъ, которыя какъ-то навѣваютъ память объ одномъ ректорѣ Казанской духовной академіи, о которомъ профессоръ Знаменскій, въ классическомъ трудѣ объ исторіи этого учебнаго заведенія, приводитъ два стиха, со страхомъ произносившіеся студентами:

Ходитъ Ректоръ, ходитъ строгій
Посохомъ стучитъ...

Коротенкія главы небольшой книжки: „Религія и Наука“, „Нравственное вырожденіе“, „Величіе Евангелія“, „Царство Божіе“. Мы такъ и думали, начиная читать и даже увидѣвъ эти заголовки: „ну—вотъ посохомъ застучитъ“. Ибо около этихъ именно темъ уже вѣка стучатъ веригами и клюкою „Ѳерапонты“. Но мы ошиблись. Кроткая и какая-то веселая любовь (любовь всегда должна быть веселая: этимъ и отличается ея истина отъ притворства въ любви, что̀ тоже бываетъ) такъ и вѣетъ со страницъ его, и мы приведемъ нѣсколько выдержекъ, предваряя ихъ коротенькими объясненіями.

Древній (античный) міръ погибъ отъ неумѣнія радоваться о мірѣ. Въ его созерцаніяхъ не было такой безусловной лжи, но ему не хватило умѣлости проложить

къ міру эти созерцанія и самому стать къ міру въ правильное отношеніе.

Гдѣ столъ былъ яствъ—тамъ гробъ стоитъ.

—этотъ стихъ Державина („На смерть кн. Мещерскаго") выражаетъ истину не только о смертномъ человѣкѣ, но и о смертныхъ цивилизаціяхъ. Древніе стали объѣдаться міромъ—и „провоняли", выражаясь терминомъ Достоевскаго о смердящей плоти человѣческой. Вотъ моментъ психологическій, гдѣ свихнулся „эллинъ". Мѣра, умѣренность и даже строгость, читаемая нами еще у Гомера (вѣрная Пенелопа) есть непремѣнное послѣдствіе убѣжденія, что міръ — братъ намъ, родной намъ, что онъ „гость" у Бога въ его тайныхъ уготовляемыхъ „обителяхъ", гдѣ намъ принадлежитъ сосѣдски и родственно созерцать его, привѣтствовать его, многодумно съ нимъ бесѣдовать, пожалуй „волхвовать" съ нимъ (философія и поэзія): но не принадлежитъ разбойничать, или что-либо „пожирать". Природа—другъ, но не съѣдобное. Она—такой же „духъ", и даже, какъ замѣтилъ Зосима—„безгрѣшный духъ", пусть элементарнѣйшихъ формъ развитія, нежели нашъ сложный, но уже павшій (въ „Бытіи" о *всѣхъ* живыхъ тваряхъ, до человѣка созданныхъ, сказано, что Богъ далъ имъ *душу*). „Грѣхопаденіе" человѣка выразилось у эллина именно грубостью; притупленіемъ, въ позднія времена, къ „живому" міра, къ „духовному" міра; тѣмъ, что „лиліи полевыя" стали для него только „съѣдобнымъ салатомъ", и „безмятежно радующіяся животныя" (Зосима)—просто „бифштексомъ". Вотъ граница отношеній къ міру эллина и христіанина: это—не антагонизмъ, не Ѳерапонтово „крещеніе" эллинскихъ „чертей"; вовсе нѣтъ:

„Они—безгрѣшны, а ты своимъ величіемъ — гноишь землю" (Зосима о теперешнемъ человѣкѣ, см. выше).

Это, въ таинственномъ предвидѣніи, нашъ психологъ отгадалъ мѣру „рая", ритмъ „рая", его лишь чаемую или пожалуй вспоминаемую въ сновидѣніяхъ „музыку", по коей человѣкъ обнимется съ ланью какъ бы съ понимающимъ его существомъ, заговоритъ съ медвѣдемъ—какъ говорилъ одинъ святой пустынникъ; гдѣ откроется разумѣніе между животнымъ и человѣкомъ, и какая-то разумѣющая, имъ обоимъ родственная и обоюдно-общая имъ радость, восторгъ даже. И вотъ Зосиму продолжаетъ „батюшка Петровъ", не отвергая, не издѣваясь надъ эллиномъ, а только поправляя его.

Евангеліе, какъ онъ указываетъ и доказываетъ ссылками, поставляя человѣка надъ матеріальною природою, *не противопоставляетъ его ей.* И та одежда вещественнаго блистанія, въ какую онъ самъ облекается, ни мало не въ упрекъ истинному христіанину. „Кто говорилъ о красотѣ полевыхъ лилій, Кто въ тяжелыя минуты душевной скорби удалился подъ тѣнь Геѳсиманскихъ кедровъ и оливъ и здѣсь молился среди аромата благоухающихъ цвѣтовъ, облитыхъ сіяніемъ кроткой луны, не могъ запретить наслажденіе красотами природы. Не осуждалъ Онъ и *разумнаго, умѣстнаго наслажденія благами природы,* если Самъ съ такою нѣжной добротою принялъ отъ женщины помазаніе драгоцѣннымъ мvромъ. Ни мало не отвращая человѣка отъ наружнаго міра и не перерѣзывая нить связующей ихъ радости,—Евангеліе только возстановляетъ истинную зависимость матерьяльнаго отъ духовнаго. Оно говоритъ: „не любите міра, ни того, что въ мірѣ", т. е. не привязывайтесь слѣпо сердцемъ къ благамъ его; пусть сердце человѣка, предназначенное быть алтаремъ чистой любви и вѣчной правды, будетъ свободно отъ грубыхъ плодовъ плоти".

Остановимся. „Не любите міра“—это точный глаголъ ученика Іисусова; но можно ли дать этимъ словамъ чудовищную интерпретацію: „*ненавидьте* міръ“, „будьте *злы* къ міру“? „Благая вѣсть“ Евангелія, самою темою и содержаніемъ своимъ, требуетъ благостнаго истолкованія; и когда мы не находимъ его, то должны лучше оставить всякую попытку истолковать мѣсто, чѣмъ истолковывать его въ зломъ, озлобленномъ и озлобляющемъ направленіи. „*Пренебрегайте міромъ*“—это могъ бы истолковать „совершенный“ фарисей; „будьте *холодны* къ міру“—это Іуда говоритъ. „Любите міръ, но тою *возвышенною*, какъ бы съ небесъ, *любовью*, при которой нѣтъ для васъ избранниковъ въ мірѣ, нѣтъ къ одному *предпочтенія*, но *все* вамъ благостно, все—*мило*; любовью, которая не какъ страсть—рабствуетъ своему предмету, но какъ владыка—объемлетъ всѣ предметы одинаково“: вотъ истолкованіе даннаго мѣста. На немъ и останавливается священникъ Г. Петровъ:

> „Христіанство прямо утверждаетъ: „кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей“; но оно нигдѣ не требуетъ ради любви къ Творцу вражды къ Его творенію. Іисусъ Христосъ сказалъ: „кто хочетъ идти за Мною, отвергнись отъ себя (Мѳ., 16 гл., 24 ст.), т. е. „освободись отъ грубыхъ инстинктовъ, отъ низменныхъ привязанностей, стань новымъ духовнымъ существомъ“.

Такъ поясняетъ онъ знаменитыя Евангельскія слова, давшія поводъ къ множеству злыхъ перетолкованій Ѳерапонтовъ Востока и Запада, противопоставившихъ „міръ“ и „мірское“—„церкви“ и „церковному“.

Но мы еще упростимъ его истолкованіе. Слова Іисуса имѣли конкретное отношеніе къ конкретнымъ людямъ: „фарисей, сними съ себя фарисейство и гряди по Мнѣ“, „книжникъ, оставь книгу — и слушай благую вѣсть“, „корыстолюбецъ, оставь корысть“! Было совершенно

чудовищною интерпретаціею истолковать это личное и конкретное обращеніе, почти только modus dicendi, какъ ростокъ для какого-то Юстиніанова Codex'a, какъ какой-то Кантовскій морально-философскій императивъ въ его логической сухости. Черезъ дикое углубленіе въ легкій Сирійскій глаголъ получилась доктрина: „отвергнись, т. е. *забудь* и *пренебреги* ради Меня—дѣтей"; „разори честный *достатокъ* — плодъ пота и труда", и вообще духовно и матеріально „оголись" и „гольемъ за Мною слѣдуй". А богатый Іовъ? А многоженный Давидъ? Да неужели же святое Богу есть одно въ *третьемъ* тысячелѣтіи, иное—во *второмъ*, и противоположное—въ *первомъ* минувшей и нашей эры? Святое—*вѣчно* свято! Богово—*всегда* Богово!

Священникъ Петровъ такъ и истолковываетъ: „Іисусъ нигдѣ не говоритъ: „отрекись", „отстранись совершенно отъ всего окружающаго тебя". Въ своемъ окончательномъ заключеніи Евангеліе заповѣдуетъ намъ: „все создано на пользу и на радость человѣка, но ничто созданное не должно *властвовать* надъ нами". И только мрачный изувѣръ-фанатикъ можетъ думать, что христіанство вообще враждебно свѣтлымъ, жизнерадостнымъ впечатлѣніямъ бытія. Напротивъ, тщательное разсмотрѣніе убѣждаетъ, что среди всѣхъ философскихъ и религіозныхъ ученій нѣтъ болѣе свѣтлаго и жизнерадостнаго *) міровоззрѣнія, чѣмъ христіанское.

---

*) Замѣчателенъ правильный инстинктъ, побуждающій православныхъ всегда устроять и преимущественно любить свѣтлые храмы, гдѣ много свѣта, и притомъ простого бѣлаго свѣта. Напротивъ, религія „Dies irae, dies illa"—католицизмъ, любитъ запутанную готику, узкія стрѣльчатыя окна, задерживающія свѣтъ, и цвѣтныя стекла, преображающія бѣлизну свѣта въ затемненные, пепельные цвѣта.

„Проповѣдь Спасителя начинается и оканчивается призывомъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ къ *самой полной совершенной радости*. На Тайной вечери, подводя передъ учениками итоги своей свыше трехлѣтней проповѣди, Іисусъ Христосъ говоритъ имъ: „Все это сказалъ Я вамъ, да *радость моя въ васъ пребудетъ и радость ваша будетъ совершенна*“ (Іоан., 15, I гл., 11 ст.). Если же въ Евангеліи говорится не мало о крестѣ, о страданіяхъ, о неизбѣжности горестей для христіанина, то все это не есть собственно неотъемлемая принадлежность Царства Божія, а результатъ противодѣйствія послѣднему со стороны царства зла. Апостолъ Павелъ пишетъ коринѳянамъ: „надлежитъ быть и *разномыслiямъ* между вами“. Здѣсь, понятно, рѣчь идетъ не о *желательной* необходимости, а о *печальной неизбѣжности*. Путь къ истинѣ труденъ, идетъ черезъ ошибки и заблужденія; безъ споровъ не обойтись; разномыслія неизбѣжны. Точно также и путь къ Царствію Божію. Безъ терній онъ пройти не можетъ. Зло сильно въ мірѣ; безъ боя своей власти не уступитъ. Противъ поборниковъ любви и правды оно выдвигаетъ всѣ силы ада. Страданія, мученія физическія и нравственныя, то, что названо общимъ именемъ „крестъ“ тутъ будутъ неизбѣжны. Ихъ не замалчиваетъ голгоѳскій Страдалецъ. „Меня гнали“, говоритъ Онъ, „будутъ гнать и васъ; но эти гоненія не должны омрачать свѣтлыхъ надеждъ“. Лицемѣріе, неправда и насиліе распяли Христа на Голгоѳѣ, завалили Его въ могилѣ тяжелымъ камнемъ, приложили печати, поставили стражу и въ злобномъ упоеніи торжествовали побѣду надъ Нимъ; но прошло два дня, и торжество рушилось: Христосъ воскресъ, а съ Нимъ воскресли добро и правда“ (стр. 108).

Остановимся еще разъ. Остановимся на великомъ недоразумѣніи, которое въ судьбахъ христіанства образовалось около момента Голгоѳы. Голгоѳа—это страданіе; явилось чудовищное подозрѣніе, а потомъ и твердая увѣренность, мысль, что Царствіе Божіе „нудится“ (пріобрѣтается) страданіемъ. И какъ самосожигатели, такъ и закапыватели въ землю, и вообще всѣ варіанты нашей секстантской „морельщины“ (такъ и называется

одна секта)—суть лишь поздніе и далекіе отпрыски, но уже тысячелѣтне-старой мысли, какъ-то запутавшейся, впутавшейся въ христіанскую логику и алканія: „*сораспнемся* Христу!“. Подумаемъ. Вѣдь въ Геѳсиманскомъ саду не Онъ-ли молилъ: „да *мимо* Меня идетъ сія чаша“. Онъ *не хотѣлъ* страданія не только другому и никому: но *и Себѣ*. Страданіе, какъ намъ сказано въ Евангеліи —легло на Спасителя черною марою: *не* зовомою, но *убѣгаемою* Имъ. Но Онъ не избѣжалъ—и умеръ. Богъ—умеръ; Вѣчная Жизнь—на три дня померкла. Для чего? Неисповѣдимо это въ нѣдрахъ Три-Vпостаснаго Божества, но кой-что и въ части, насъ касающейся, объ этомъ открыто: „Той бысть язвенъ за грѣхи наши и мученъ за беззаконія наши; наказаніе міра нашего—на Немъ, раною Его мы *исцѣлили*“. Спаситель—*умеръ*, человѣкъ—*воскресъ*. Онъ *сошелъ* въ адъ, человѣкъ—*вышелъ* изъ него. Богъ—въ *темницѣ*; но (внимательнѣе, читатель) что же дѣлаетъ узникъ-человѣкъ? Онъ садится съ Богомъ: „и я—*съ Тобою*“. Вотъ тысячелѣтняя логика христіанства! Но Богъ *для того и вошелъ въ темницу*, принялъ оковы, „оплеваніе“, „вѣнецъ терновый“,—чтобы человѣкъ не промедля *бѣжалъ отсюда*. Такъ вѣрный другъ, такъ любящая жена—принимая муку мужа или друга, иногда обманывали, переодѣваясь, „іудеевъ“-сторожей. Но „другъ“ или „супругъ“, этотъ безтолковый (да будетъ прощено грубое слово въ нужныхъ цѣляхъ) „человѣкъ“, какъ бы не понявъ совершившагося, или отвергнувъ совершившееся, — остается *недвижимъ въ темницѣ*: „и я—*съ Господомъ*“. Казалось бы —религіозно, а въ сущности—кощунственно! Касировалось черезъ это все дѣло искупленія, касировалось уже свободнымъ пониманіемъ и свободнымъ истолкованіемъ „узника“. Не знаю, чувствуетъ ли читатель всю важность этого по-

ворота мысли: чтобы *не* страдалъ человѣкъ—Спаситель *пострадалъ*; чтобы, маленькій и слабосильный, онъ *не гнулся* подъ грѣхомъ—Спаситель тяжесть мірового грѣха *взялъ* на Себя; человѣкъ сталъ сейчасъ же черезъ это абсолютно безгрѣшенъ, свободенъ отъ первороднаго грѣха и способенъ къ грѣху лишь личному, у каждаго своему, ничтожненькому и легонькому, затираемому легко же добрымъ (малѣйшимъ) дѣломъ. Отсюда неразгаданныя слова Спасителя, что „меньшій въ царствѣ благодати—больше Іоанна Крестителя и Моисея"; ибо на тѣхъ лежалъ первородный грѣхъ, и при всей высотѣ личной—онъ понижалъ ихъ долу. Но „въ благодати", уже „купленные" Спасителемъ отъ грѣха—подобны пустымъ корпусамъ кораблей, которые выпираетъ изъ воды наверхъ, и они чуть-чуть донышкомъ погружены въ „океанъ" побѣжденнаго грѣха. Таково положеніе вещей: но именно послѣ Спасителя, изъ „подражанія Ему" и именно въ моментѣ „Голгоѳы", образовалось въ христіанствѣ неутолимое исканіе страданій, „терновыхъ вѣнцовъ", „оковъ", „оплеваній", т. е. появилось что-то юдаическое въ христіанствѣ, и усердно „усаживая другъ друга въ темницу", приглашая „пострадать" и морально черезъ это „нагнетая" на человѣка страданіе,—люди *слились не съ Спасителемъ въ Гевсиманской Его молитвѣ, но именно съ іудеями* въ ихъ воплѣ: „распни Его". Юдаизмъ, іудейскіе крики; величайшій изломъ сознанія въ исторіи. Но читатель уже видитъ въ самомъ дѣлѣ, что черезъ этотъ изломъ мысли все „дѣло" Іисуса, весь „актъ искупленія" прошелъ *мимо* человѣка и рухнулъ въ какую-то бездну, въ пустоту—никого и ничего не спася („не захотѣли сами спасенія", „со Христомъ—въ темницѣ").

Весь песимизмъ христіанскій отсюда льется; и отсюда такъ часто наблюдаемое сліяніе его, до удивительной

точности—съ песимистическою философіею. „Нѣсть человѣкъ, аще и мигъ единый поживетъ—который не согрѣшилъ бы", до чего это совпадаетъ съ Шопенгауэровымъ:

...Кто-бъ ни былъ ты въ семъ мірѣ:
Есть *нѣчто лучшее—не жить.*

Мы полощемся, обмываемся, сцарапываемъ съ себя грѣхъ: когда единый нашъ грѣхъ послѣ Спасителя и состоитъ въ гипотезѣ, что мы еще грѣшны, все-таки не святы. Мы—святы: вотъ подлинный восторгъ христіанина; мы—свободны (такъ и учили Апостолы) не внѣшнею независимостью, но внутреннею—отъ грѣха. Мы—въ раю (душою): вотъ самоощущеніе человѣка, да и всей твари, съ секунды, какъ изглаголалось на Голгоѳѣ: „жажду", „Элои, Элои: ламма савахѳани" („Боже, Боже, по что Ты оставилъ Меня").

На нашъ взглядъ,—это есть неизслѣдимо искусный и непоправимо ядовитый плевелъ, всѣянный врагомъ рода человѣческаго въ пшеницу Господню, въ зерно Искупленія. Демонъ вторично соблазнилъ человѣка, черезъ очень простой силлогизмъ, и вмѣстѣ черезъ тонкій разсчетъ на героическую сторону человѣческаго сердца, вѣчный и благородный порывъ человѣка—*самому* за другого поболѣть, *самому* за кого-нибудь пострадать. Демонъ погубленіе человѣческое построилъ на богоподобіи человѣка; ибо какъ Богъ не пожалѣлъ Единороднаго Сына ради человѣка, такъ вѣдь и вѣчная суть „богоподобнаго" человѣка, даже еще до Христа, состоитъ въ вѣчной жаждѣ кости своя преломить за Бога. Разсчитавъ этотъ тончайшій эфиръ его души, Искуситель вторично поманилъ человѣка прямо не послушаться Бога, не повѣрить Богу и потрясающему глаголу Его: „не бойтесь грѣха, онъ—умеръ, взятъ отъ земли; земля

и на ней вы — вторично чисты какъ Адамъ и Ева до паденія". Человѣкъ ни разу этому не повѣрилъ, и можетъ быть только по безсилію къ этой вѣрѣ онъ еще и продолжаетъ умирать. Замѣчательно, однако, какъ самая жизненность, сила жить поднимается у каждаго человѣка въ мѣру душевной его облегченности, далекаго и смутнаго прозрѣнія, что не такъ ужъ мы грѣшны; и, словомъ, при приближеніи только къ колоссальному открытію, что мы даже вовсе и совершенно безгрѣшны, дѣти Божіи, птицы Божіи, лиліи Божіи, безъ какой либо тѣни первородной испорченности въ нашемъ „я". Маленькое психологическое наблюденіе: вы даже не виновны, но сознаете, что васъ *подозрѣваютъ* въ винѣ, что на васъ пала *дурная тѣнь*, и которой вамъ нѣтъ средствъ избыть: какая унылость, апатія устанавливается въ душѣ! до чего не хочется ничего дѣлать! И эта психика угнетенности наконецъ переходитъ и въ психику *озлобленія*: такъ тяжело, что я становлюсь и въ самомъ дѣлѣ дуренъ, я ищу и подлинно нахожу (создаю) вину! Т.-е. *иллюзія грѣха создаетъ въ самомъ дѣлѣ грѣхъ*. Вотъ психологія: и кто не узна́етъ ее, оглянувшись кругомъ на помертвѣлыя, тусклыя очи міра? Но мы—похвалены: а, теперь-то мы уже побѣжимъ! и ноги не устанутъ, и руки не опустятся! Теперь это частное практическое наблюденіе раздвинемъ до края „видимаго и невидимаго". Мы—всемірно милы, Богу милы, Богъ прямо не *налюбуется* на насъ и нашу невинность и, такъ сказать, ежесекундно въ творческихъ нѣдрахъ Своихъ повторяетъ: „какую тварь Я создалъ: кто подобенъ въ красотѣ и совершенствѣ ей". Ну, тогда мы—герои Богу; съ этою мыслью мы станемъ геройствовать, и, пожалуй, тоже будемъ „преломлять кости", но уже въ восторгѣ, въ упоеніи, а не съ унылымъ и

смертнымъ взоромъ, какъ „сораспинаясь“—преломляемъ эти кости сейчасъ. Умеретъ отъ радости: да, но то ли это, что вѣчно умирать отъ страха и печали?

Мы привели примѣры этого радостнаго полета души добраго „батюшки“: онъ не оскорбится нашимъ переименованіемъ, угадывая, изъ какого глубокаго уваженія оно идетъ. Да и какъ не уважать человѣка, который говоритъ о человѣкѣ такія добрыя вѣсти, и говоритъ, не впадая въ мистическія созерцанія, но касаясь только практическихъ нуждъ нашей души.

Живая душа любитъ живое. Отдавая почтеніе и даже преклоняясь передъ мистическимъ умомъ Филарета Московскаго, не можемъ, изъ юдоли скорби человѣческой, не воззвать къ его могилѣ: „Отче, ты намъ раскрылъ тайны Божіи, но почти не устремилъ ока на мытарство наше, на геену нашу, на біеніе кулаками въ изсохшія наши груди“? Поразительной тонкости языка и мысли, отточенныя проповѣди московскаго святителя какъ-то вовсе не касаются эмпиризма дѣйствительности, и, такъ сказать, подобны пробковому поплавку съ горящей святильней въ немъ—передъ образомъ, въ лампадѣ; самому поплавку, а не внутреннему маслу, глубже лежащему, и которое собственно и горитъ Богу, подымаясь отъ дна сосуда. Простая рѣчь „батюшки“ Петрова именно движется по дну и отъ дна жизни и полна иллюстрацій, привлекательныхъ именно у священника.

Въ послѣдніе годы у насъ широко зашумѣлъ Фарраръ; очень начинаетъ шумѣть Друммондъ; но, право же, наши „родные“ батюшки, во-первыхъ, естественно намъ кровнѣе и понятнѣе, да и въ высотѣ христіанскаго созерцанія едва ли нуждаются въ помощи Друммонда и Фаррара. Не такъ давно намъ приходилось читать тоже прекрасную книгу: „Пастырство (учительный

подвигъ) Христа Спасителя“ профессора здѣшней Духовной академіи—Пр. С. Соллертинскаго. Все тутъ—родное, колоритъ нашихъ „бѣдныхъ селеній“, и выражено все съ глубокою, европейскою ученостью. Подвизайтесь же, пастыри Божіи, ибо нива человѣческая „захудала“, гдѣ побита градомъ, гдѣ подгнила съ корня, и вездѣ требуетъ помощи или освѣженія. И, главное, не стучите на „міръ“ посохомъ:

Ходитъ ректоръ, ходитъ грозный
Посохомъ стучитъ...

Ибо въ „мірѣ“-то, отъ грѣшныхъ мірскихъ человѣковъ, и идетъ „воня святости“ (церковный терминъ), благоуханіе почти мощей: отъ жизни и живого духа, отъ труда, отъ пота, а не отъ минеральныхъ тѣлесныхъ частицъ, и также не отъ правящаго ректорскаго посоха. Еще, въ самомъ дѣлѣ, не замѣченная сторона Евангелія: будь „міръ“ и „грѣшные человѣки“ такъ совершенно плохи, какъ это постулируютъ въ веригахъ Ѳерапонты, развѣ бы могъ Богъ „тако взлюбить міръ—да и Сына Своего Единороднаго предать за него“? *По достоинству искупаемаго дается величина жертвы.* И ни за неудачливое свое созданіе, что бы его „возродить“, не далъ бы никто и ничего; ни за испорченную въ конецъ вещь не пошелъ бы никто въ темницу, если бы и былъ благъ, какъ бы ни былъ благъ. Очевидно, не въ благости одной Господней лежитъ причина искупленія: но что *было къ чему* приложить благость, въ нѣкоторой изначально и почти божески благой нащи („Сына предалъ за нее“). Таковы дары человѣка, открывающіеся изъ возможности искупленія: и вотъ еще причина для нашей радости. „Будемъ“ же „всегда радоваться“—какъ и зоветъ къ этому апостолъ. И самую религію и ея дыханіе сольемъ съ отрицаніемъ именно унынія и съ вѣчно о всемъ радостью.

1899 г.

ѲЕДОСѢЕВЦЫ ВЪ РИГѢ.

— Нужно посмотрѣть, что̀ тамъ за нѣмцы такіе и какъ они живутъ?—подумалъ я, получивъ этотъ годъ лѣтній отпускъ, и отправился въ Ригу. Нужно замѣтить, Богъ такъ устраивалъ меня всю жизнь, что я не только не выѣзжалъ изъ любезнаго отечества, но никогда и не подъѣзжалъ близко къ его границамъ. Не забуду восхищенія, съ какимъ лѣтъ восемь назадъ, заѣхавъ на Финляндскій вокзалъ (я осматривалъ Петербургъ) съѣсть пирожокъ и отогрѣться, я вдругъ увидѣлъ огромную карту Финляндіи *съ нѣрусскими надписями*.„ Что такое? Неужели близко граница“? И сердце у меня учащенно забилось. Отъ этой-то безвыѣздной жизни въ глухой Россіи, я и люблю окраины. Я просто люблю въ нихъ ощущеніе новизны, люблю свое новое волненіе, новую полосу цвѣта въ полѣ зрѣнія, новый запахъ, новый вкусъ. И ничего болѣе. Никакой политики. Просто человѣку, всю ночь спавшему на правомъ боку, хочется къ утру перевернуться на лѣвый бокъ.

„Нужно посмотрѣть на нѣмцевъ“,—и я поѣхалъ въ Ригу. Удивительно, что первое впечатлѣніе есть въ сущности самое вѣрное и самое глубокое; потомъ пойдутъ „умныя впечатлѣнія“, т. е. смѣсь размышленій, которыя вы съ собою принесли или изъ себя извлекаете, съ фактами дѣйствительности. Но первое впечатлѣніе, физіологическое—это-то и улавливаетъ главную новизну въ

странѣ или мѣстности. Только выхожу съ вокзала, глядь—всѣ извозчики въ мундирахъ (формѣ). Это до того невѣроятно, что я ахнулъ. Вотъ и не нужно никакихъ историческихъ документовъ и никакихъ справокъ въ психологіи, чтобы догадаться, отчего нѣмцы есть, были и частью остаются чуть ли не кореннымъ служилымъ сословіемъ въ Россіи. Позднѣе я съ любопытствомъ разспрашивалъ, и убѣдился въ томъ, о чемъ впрочемъ догадался и сразу: что форма есть изобрѣтеніе самихъ извозчиковъ. Вотъ подите же: какъ азіата неловко было бы представить себѣ не въ халатѣ, даже не художественно, не нормально; такъ эти нѣмцы и латыши просто почувствовали бы себя неловко, неудобно въ нашихъ армякахъ, рубахахъ, поддевкахъ и проч. На козлахъ сидитъ чиновникъ; чиновникъ извозчичьихъ обязанностей. Онъ сидитъ легко, ловко, въ синей короткой формѣ, съ галунными нашивками и металлическими свѣтлыми пуговицами. Торгуется, норовитъ сорвать съ васъ лишнее—также какъ и нашъ извозчикъ, и вообще во всей психикѣ и бытѣ это есть просто обыкновенный извозчикъ. Даже нельзя сказать, что онъ „при парадѣ“. Нѣтъ—это будень. И я увѣренъ, ложась спать, онъ надѣваетъ на ночь тоже какую-нибудь формочку, и тутъ гдѣ-нибудь нашивочка. Форма, оформленность—ему мила самымъ существомъ своимъ; и безъ этого чувства „милаго“ онъ не надѣлъ бы ее, какъ не надѣлъ бы и безчисленнаго множества русскихъ офиціальныхъ, служебныхъ формъ. Но если онъ такъ тянется къ нимъ, то совершенно естественно, что и самая служба ищетъ себѣ нѣмца, т. е. человѣка, которому она навѣрное будетъ не тягостна, который все въ ней исполнитъ безъ напоминанія, самъ. Служба—это порядокъ; нѣмецъ—это порядокъ. Вотъ почему они совпадаютъ.

Рига—красива, богата, блестяща. Вотъ не столица, но рядовой городъ, въ полномъ ходѣ жизни и одушевленія. Лѣтъ пять назадъ я посѣтилъ свою родную Кострому, гдѣ прошло мое дѣтство. Боже, какое убожество, какое нищенство! Какая тишина!—„Да чѣмъ они живутъ? чѣмъ кормятся? и кормятся ли“?—„Такъ—побираются другъ около друга; сапожникъ сдѣлаетъ портному сапоги, а портной за это починитъ ему пальто—и тѣмъ живы; одинъ въ сапогахъ, другой въ пальто“. Это впечатлѣніе обоюднаго нищенства, мѣнового труда, чего-то въ высокой степени „обывательскаго“ и „гарнизоннаго“—произвела на меня Кострома.—„Это однако что́ же за домъ“,—указалъ я на какой-то замокъ среди лачугъ.—„Это—дворянское собраніе“. Вотъ дисгармонія. Нашъ губернскій городъ точно какая-то не связанная ни стропилами, ни въ пазахъ бревенъ—храмина: такъ, другъ около друга все стоитъ, помѣщается, занимаетъ мѣсто, но не живетъ, не взаимодѣйствуетъ одно въ связи съ другимъ. Тутъ—купцы; тамъ—дворянинъ; здѣсь—сапожникъ. А все вмѣстѣ Кострома. Въ Ригѣ все ходко и въ высшей степени связано. Это—Рига живетъ, а не купцы въ Ригѣ живутъ. Веселится ли Рига веселится; „политику ведетъ“—опять Рига. Это не наши купцы, которые норовятъ подкузьмить „гг. дворянъ“; и не дворянинъ въ родовомъ и вѣковомъ его презрѣніи къ „аршиннику“, котораго онъ въ особенности презираетъ за то, что вынужденъ немножко его побаиваться. Да, здѣсь уже не вѣчная и печальная на Руси „ссора Ивана Иваныча съ Иваномъ Никифоровичемъ“. Безсмертный Гоголь: какъ въ этой ссорѣ онъ выразилъ всю суть Россіи. А вѣдь почти и не жилъ въ ней, нехристь,—только „проѣхался“.

Нѣмцы не пробуждаютъ къ себѣ никакой любви, но возбуждаютъ много уваженія. Полная противопо-

ложность Кавказу, гдѣ я ничего не уважалъ, но на все посмѣивался и почти все любилъ. Востокомъ можно заразиться; заразиться нѣмцемъ совершенно невозможно, но можно, и хочется, и слѣдуетъ у него перенимать. Какъ французскіе моряки, видѣнные мною въ Петербургѣ, оставили во мнѣ впечатлѣніе бо̀льшей душевной чистоты, наивности и непосредственности, чѣмъ какая есть у русскаго простолюдина; такъ для меня совершенно очевидно, до чего нѣмецъ какъ собирательный человѣкъ, какъ вообще человѣкъ—грубѣе русскаго. Острая рюмка водки, жгущая у васъ внутри, и кружка пива, только пріятно полощущаяся въ животѣ, вотъ отношеніе русскаго и нѣмца. Въ сущности нѣтъ болѣе острой, наркотической, артистической націи, чѣмъ русскіе: я говорю о сапожникахъ, о толпѣ, о всей нелѣпой ходынкѣ нашего бытія и характера. Но, Господи, когда то она разовьется, когда-то этотъ „сапожникъ“ исторіи перестанетъ пить водку и явится трезвымъ передъ лицомъ народовъ. Пока до сихъ поръ на немъ „ни образа, ни подобія“, и это Богъ вѣсть почему, Богъ вѣсть какъ давно. Толстой въ „Воскресеніи“ хорошо выразился: „поговоришь съ инымъ мужикомъ и диву дашься: это мудрецъ какой-то передъ тобой; соберите этихъ мудрецовъ на волостной сходъ и предложите имъ на обсужденіе самую простую вещь—ничего и притомъ совершенно чистосердечно не понимаютъ“. Тутъ именно народъ -артистъ: вѣдь артистичность, въ чемъ бы она ни выражалась и чего бы ни касалось—есть индивидуальнѣйшее качество, которое моментально исчезаетъ при компактной гуртовой работѣ. Соберите всѣхъ скульпторовъ въ мірѣ и велите лѣпить имъ сообща статую. Получится столпотвореніе вавилонское. То̀ же нашъ волостной сходъ. То̀ же—русскій. То̀ же—Россія.

Я прошелся по крытому Рижскому рынку. Какая чистота лицъ. Вотъ ужъ люди „безъ подноготной“. Чистота лицъ и ясность выраженія. Конечно, тутъ есть, т.-е. въ толпѣ, преступники, порочные, но, я думаю, нѣмецкіе пороки не есть какіе-нибудь ужасные, какъ мнѣ встрѣчалось, живя по губернскимъ городамъ, узнавать среди гоголевскаго затишья вдругъ о какой-нибудь фантастической, дьявольской драмѣ, — что-то изъ римскихъ временъ вѣка упадка, и это въ богобоязненнѣйшей на видъ купеческой семьѣ, гдѣ каждый разъ наканунѣ именинъ хозяйки справляли „всенощную на дому“. Помню одну такую драму въ Ельцѣ, кровавую, безчеловѣчно-развратную, которая долгіе годы тянулась въ „купеческомъ средней руки домикѣ“, не въ центрѣ города, на спускѣ горы; и никто ничего не подозрѣвалъ, пока, спохватившись, не откопали разомъ три женскихъ трупика, и, запечатавъ желудки въ банки, препроводили ихъ въ Петербургъ. Петербургъ и раскрылъ. Орелъ ничего не могъ раскрыть. Когда появились на судѣ дѣдъ, сынъ, внукъ — цѣлое столѣтіе „святой Руси“, и раскрасавица невѣстка, которая пыталась отъ срама удавиться на собственной косѣ въ тюрьмѣ — въ городѣ говорили: „ну, и типы“; „и ужаснѣе всѣхъ — уже почти полуживой отъ старости дѣдъ“. Да, мрачна Русь, и вся-то она какая-то неразобранная „подноготная“. И около этого—какая геніальность! Что бы, казалось, мѣщанамъ нашимъ до народнаго образованія. Я долго былъ учителемъ, много размышлялъ объ ученіи и училищахъ; считалъ, что нѣкоторыя мысли у меня суть новыя и оригинальныя, и я ихъ въ самомъ дѣлѣ въ книгахъ не встрѣчалъ. Но я ихъ слышалъ... проѣзжая въ Петербургѣ на общественныхъ саняхъ въ должность. Закутаешься въ шубу, и сквозь дремоту слушаешь па-

сажировъ. И вотъ рѣшительно нельзя отвергнуть, что нѣкоторые изъ нихъ не только по наблюдательности, но и по силѣ теоретической мысли рѣшительно были Соломоны.—„Вотъ бы кому управлять губерніей“... подумаешь иной разъ, дивуясь.

Отъ нѣмцевъ я не только не слышалъ ничего любопытнаго, но ясно было, что и не услышишь ничего. Надѣлъ форму и сидитъ себѣ.—„Да о чемъ ты думаешь, нѣмецъ этакій?“ — „А ни о чемъ не думаю, смотрю на вечеръ“.—„Можетъ быть, восхищаешься?“—„Нѣтъ, восхищаться я буду, придя домой и начавъ, въ четыре руки съ женой, разыгрывать Шумана“. Даже не понятно, какъ у нихъ были Шиллеръ и Гете, былъ Кантъ. Ригу мнѣ показывала одна ѳедосѣевка, раскольница мѣстная: — „Пойдемте посмотрѣть площадь Гердера и памятникъ Гердера: это у нихъ въ родѣ какъ бы“... она затруднилась и договорила: „въ родѣ святого“. Какое удачное выраженіе, какое геніальное выраженіе! Она не знала, что мнѣ извѣстно имя Гердера, какъ и сама ничего о немъ не знала: „лѣтъ 200 назадъ жилъ“. Но она схватила общее отношеніе города къ памяти, лицу, имени человѣка.

— Пойдемте, — сказалъ я, и все дивовался на ея опредѣленіе. Я припоминалъ нашихъ Грановскаго, Ломоносова: нѣтъ, ни къ кому не идетъ имя „святого“. Но къ Гердеру, да и вообще къ нѣмецкому ученому, къ нѣмецкому мыслителю?—Въ высшей степени идетъ! И обмолвка нашей ѳедосѣевки вскрыла мнѣ главную святость Германіи: святость ума, святость умственнаго ихъ настроенія, святость умственной ихъ культуры. Говорятъ, нѣмецкая наука — скучная. Но въ высокой степени похоже на истину, что въ ихъ способѣ отношенія къ этой скукѣ и въ воззрѣніи на себя, какъ на ученыхъ, есть въ точности что-то святое. Мы пришли

на площадь. Она—крошечная, среди огромныхъ зданій. Совсѣмъ миніатюрный цвѣтничекъ. И среди него бѣдный монументъ св. Гердера. Такъ пусть и сойдетъ прозвище за истину.

— Теперь пойдемте въ нашу моленную.

Это въ такъ-называемомъ Московскомъ форштатѣ Риги, очень старинной части города и очень грязной. Тутъ все идутъ бани, и смѣялся же я ихъ вывѣскамъ: надъ воротами—желѣзный крашеный листъ и на немъ художественно изображенъ вѣникъ. „Ну, тутъ Русью пахнетъ“, — подумалъ я. Вѣникъ торчитъ листьями къ верху, и это сообщаетъ ему возбужденное и призывное выраженіе. Огромные каменные корпуса, изъ превосходнаго кирпича, и отличные около нихъ каменные же тротуары обозначали всевозможныя благотворительныя заведенія, сгруппированныя около старовѣрческой моленной. Какъ это близко къ нѣмецкимъ киркамъ, которыя тоже обросли, какъ мхомъ, благотворительностью; и какъ не похоже на наши храмы, около которыхъ никогда не ютится ничего для міра. У насъ есть церкви въ богадѣльняхъ, но у насъ нѣтъ богадѣленъ при церквахъ, т.-е. какъ устроенія церковнаго, какъ продукта заботъ церковнаго чина.

Никогда до этихъ поръ я не бывалъ въ раскольничьихъ моленнахъ, какъ и никогда не имѣлъ отношенія къ раскольникамъ иначе, какъ черезъ разсказы Печерскаго-Мельникова. Вхожу: это—церковь нашего стараго архитектурнаго стиля. Мужская и женская половина совершенно раздѣлены, т.-е. собственно для женщинъ устроена совершенно отдѣльная моленная и только она помѣщена въ томъ же корпусѣ зданія, туда же обращена, какъ и мужская, и имѣетъ во всемъ съ нею одинаковый видъ. Но почему это „моленная“, а не „цер-

ковь"? Высочайшій иконостасъ, образа по стѣнамъ. Только приблизившись, я увидѣлъ, въ чемъ дѣло: нѣтъ ни алтаря, ни престола. У ѳедосѣевцевъ нѣтъ таинствъ, нѣтъ церкви и нѣтъ самаго духовенства, а только „старички", „наставники". Такимъ образомъ, миражъ церковности былъ въ точности миражемъ. То, что мы зовемъ иконостасомъ, было восточною стѣною моленной, и только ряды старинныхъ иконъ, въ нее вдѣланныхъ, и въ томъ самомъ расположеніи, какъ это устрояется въ нашихъ церквахъ, производятъ зрительный обманъ. Но почему же мнѣ все кажется, что это церковь? Ѳедосѣевцы сдѣлали всѣ усилія, чтобы моленная ихъ производила иллюзію древней церкви; но алтаря и престола— этого они уже не могли сдѣлать, по правиламъ своей вѣры и строгого отреченія. И опять я дивился душѣ человѣческой въ ея изгибахъ, въ ея судьбѣ, въ ея заблужденіяхъ и порывахъ къ истинѣ. Люди исходною для себя точкою взяли: ни іоты старины не нарушить. Но силою вещей, которую они не предвидѣли, они поставлены были въ такое положеніе, что оказались отрекшимися въ сущности почти отъ всей полноты старины. И вотъ они хватаются, усиленно хватаются за всякую мелочь, за подробность, за что-нибудь изъ старинки; и держатъ соломинку съ крыши сгорѣвшаго дома съ той любовью, съ какой нужно бы держать самый домъ. Они имѣютъ солею, но не имѣютъ алтаря. Нельзя представить себѣ трогательности и чистоты ихъ благочестиваго домашняго быта (я познакомился): но они не имѣютъ таинствъ. Они безконечно уважаютъ строгихъ „наставниковъ", которые ихъ „учили бы", т.-е. укоряли въ слабости: но этотъ наставникъ есть простой мужикъ-начетчикъ, безъ всякаго преимущества, кромѣ простого знанія, надъ тѣми, кого онъ поучаетъ.

Моленная была совершенно пуста, кромѣ насъ, троихъ посѣтителей, и показывавшаго намъ ее „помощника батюшки“. Худенькій и маленькій, онъ объяснялъ намъ старинность и цѣнность живописи. „Вотъ Всевидящее Око — отойдите сюда: Оно на васъ смотритъ; станьте туда—Оно васъ видитъ; отъ того—Всевидящее“. Дѣйствительно, въ старинной и въ сущности бѣдной живописи „Око“ не имѣло устремленія, не имѣло центра въ себѣ и угла зрѣнія: отъ этого получалось безразличіе впечатлѣнія, съ какой бы стороны на него ни смотрѣть, и это безразличіе можно было принять за „всезримость“.—Вотъ „Всякое дыханіе хвалитъ Господа“. Какая наивность и, пожалуй, граціозность живописи: огромное множество козлятъ, лошадей и совершенно фантастическихъ животныхъ необыкновенно весело рѣзвятся или смотрятъ на небо.—„Вотъ зачатіе пресвятой Дѣвы“: на образѣ Іоакимъ и Анна, гуляя въ саду, склонились и умиленно цѣлуются. Изображеніе прекрасно по наивности и деликатности. Я вспомнилъ лекціи незабвеннаго Н. С. Тихонравова: вся моленная была живою илюстраціею къ его чтеніямъ о возникновеніи раскола, о его художественной и литературной сторонѣ. Я вспомнилъ угрюмый упрекъ начинавшагося раскола „звѣздочетамъ“ ихъ времени и всяческимъ книжникамъ: „вашихъ Платона и Аристотеля черви поѣли, а нетлѣнные тѣла праведниковъ, черезъ сколько вѣковъ,—какъ живые благоухаютъ“. Что противъ этого скажешь?

Мы вышли.—„Вотъ эти ворота штурмомъ брали“,—сказала намъ проводница съ гордостью.—„Какъ штурмомъ?“ — „Отцы наши заперлись въ моленной и не впускали полицію, которая хотѣла войти. Принуждены были войска звать“. Это было въ царствованіе Николая Павловича. Дѣйствительно, ихъ хотѣли объединить съ

общею церковью; но они были соединены съ дѣдами, и дѣдовская связь выдержала и пережила. Въ сущности, дѣтямъ ужасно трудно критиковать родителей: и вотъ на этотъ первоначальный фактъ натыкается всякая попытка реформы; а ужъ если реформа совершилась—то попытка движенія вспять. Дѣло вѣры на землѣ рѣшается представленіемъ о небѣ: „ну, родители горятъ въ аду, они заблудились: что же мы, дѣти, гордо сядемъ надъ ними въ раю, будемъ изъ рая посмѣиваться ихъ заблужденіямъ?“ Такимъ образомъ древнее „чти отца и мать“ переламываетъ всѣ новѣйшія заповѣди и всякое обширное богословіе. „Мы — не хотимъ; мы — съ отцами“. Вотъ и весь аргументъ. И какъ его поколебать?

Я узналъ, что въ Ригѣ около 13,000 ѳедосѣевцевъ. Они вплотную слились съ нѣмцами, безукоризненно говорятъ по-нѣмецки, служатъ въ нѣмецкихъ конторахъ и фабрикахъ, брачатся съ нѣмцами. У нашихъ добрыхъ знакомыхъ, сосѣдей по дачѣ, была дочь, только-что кончившая гимназію, и сынъ въ пятомъ классѣ коммерческаго городского училища.

„— Русскій ли, нѣмецъ ли посватается—все равно“.

Въ самомъ дѣлѣ, по рѣчи и по самому быту, за исключеніемъ большихъ образовъ и кой-чего въ складѣ мышленія, они уже совершенные нѣмцы. Та же безупречная аккуратность. Странно — тоже отсутствіе „червоточинки“. Я рѣдко встрѣчалъ въ великороссійскихъ губерніяхъ такую открытость и незатаенность, такую прямизну и смѣлость рѣчи, разговоровъ, всего склада жизни. Кажется, на третій день знакомства уже были разсказаны большіе контуры біографіи, и черезъ полтора мѣсяца—ея подробности, несчастія, и иногда щекотливыя несчастія. Ни обмана, ни лукавства; признаюсь, я никогда бы не могъ быть такъ откровененъ, да и къ чему?

что мнѣ люди? Очевидно, эти милые люди искали людей и довѣряли людямъ, очевидно—они не обманулись въ людяхъ.

„— Передъ свадьбой я капризна была, и мучила Николая Павловича. Но вотъ мы восемнадцатый годъ женаты — и ни я ему, ни онъ мнѣ не сказалъ грубаго слова".

Я вспомнилъ, что у этихъ бѣдныхъ людей нѣтъ собственно брака.

— Вѣдь у васъ нѣтъ... т.-е. не можетъ быть вѣнчанія?

— У насъ служатъ молебенъ брачущимся, и благословляютъ родители,—сказала она сконфузившись.

При описаніи моленной я забылъ сказать, что передъ серединою восточной стѣны, т.-е. какъ бы передъ царскими вратами, передъ *мѣстомъ* ихъ, стоитъ аналой съ Евангеліемъ и крестомъ. И, немного конфузясь, раскольница объяснила мнѣ:

„— Да, Евангеліе и крестъ. У насъ только Евангеліе и крестъ",—и она сдѣлалась строга въ лицѣ.—„Это и есть алтарь", съ торжествомъ въ голосѣ сказала она.

Она стыдилась и она гордилась, это можно было замѣтить.

Не правда ли, тутъ есть кое-что протестантское? Т.-е. наше „древлее благочестіе", не желавшее шагу двинуться впередъ, въ сущности въ исторіи нашей церкви сыграло роль и заняло положеніе протестантства. Тоже отсутствіе іерархіи, отсутствіе таинствъ; народная толпа—и надъ нею воздвигнутое Евангеліе. Такъ иногда крайности, вмѣсто того, чтобы разойтись—сходятся.

Во всякомъ случаѣ нельзя было не замѣтить, что эти ѳедосѣевцы удивительно подошли къ нѣмцамъ, какъ

и нѣмцы съ полнымъ уваженіемъ слились и сливаются съ ними. Въ дому у нашихъ знакомыхъ уже играли нѣмцы-дѣти, были гости-нѣмцы. И нѣмецкая рѣчь быстро бѣжала и перебивалась съ моею русскою. Ну, милые люди, какъ бы васъ ни устроилъ Богъ, а устроилъ.

1899.

ИНТЕРЕСНЫЯ КНИГИ, ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ
и ИНТЕРЕСНЫЕ ВОПРОСЫ.

Кто любитъ литературу, любитъ невольно и подробности ея существованія. Радуетъ не только хорошее новое сочиненіе, но и хорошее новое изданіе. Читаешь къ нему предисловіе; вдумываешься въ планъ изданія; мысленно разсчитываешь число послѣдующихъ томовъ любимаго писателя, и приблизительный составъ каждаго тома. Такіе казалось бы пустяки, какъ шрифтъ, приложенные портреты и автографы—все радуетъ. Становишься типографщикомъ, становишься издателемъ и почти книгопродавцемъ, если не de facto, то въ идеѣ и горячихъ желаніяхъ. Это нѣсколько типографское и издательское волненіе я испытываю сейчасъ, держа въ рукахъ только-что появившуюся четырнадцатую книгу „Жизни и трудовъ М. П. Погодина“ почтеннаго Н. П. Барсукова, и два тома, почему-то первый и пятый, „Сочиненій А. С. Хомякова, Москва, 1900 года“,—съ двумя портретами знаменитаго славянофила, философа, лингвиста, богослова и борца съ холерой. Не всѣ читатели знаютъ, что Хомяковъ изобрѣлъ средство противъ холеры и что онъ умеръ отъ холеры, и я мелькомъ напоминаю это, чтобы объяснить послѣднее изъ своихъ опредѣленій. Перелистывая и разрѣзывая,—одно изъ самыхъ счастливыхъ для меня ощущеній,—листочки новыхъ только-что созданныхъ станкомъ книгъ, я торопливо досталъ „Сборникъ сочиненій“ Н. П. Гилярова-Платонова, т. I, появившійся въ прошломъ году: изданіе столь же фундаментальное и много обѣщающее, какъ и

только что появившіяся два, и однородное съ ними по духу, содержанію, всему кругу интересовъ. Четырнадцатый томъ Барсукова начинается манифестомъ о восшествіи на престолъ Государя Александра II, обнимая въ вышедшихъ ранѣе 13 томахъ полное царствованіе императора Николая I и конецъ царствованія Александра I, во всей громадѣ литературнаго, общественнаго, бытового и политическаго волненія, переданнаго въ подробностяхъ почти домашней жизни и ежедневныхъ разговоровъ, и важныхъ, и шутливыхъ. Г. Барсуковъ, какъ намъ кажется, является въ настоящее время самымъ важнымъ бытописателемъ, какъ въ смыслѣ трудолюбія, такъ и искусства, и, наконецъ, темы: нравовъ общества въ связи съ литературнымъ развитіемъ страны. Искусство его заключается въ подробностяхъ: онъ выкидываетъ на столъ передъ читателемъ ворохъ записочекъ, листковъ пожелтѣвшихъ дневниковъ, откуда-то выкраденныхъ разговоровъ, чрезвычайно умѣло подобранныхъ; вы ловите эти листки, и ихъ духъ, ихъ слогъ, ихъ минутный интересъ совершенно переноситъ васъ изъ 1900 года положимъ въ 1865. Вотъ Александръ II, сейчасъ еще бывшій наслѣдникомъ и сейчасъ уже ставшій императоромъ. Второй день царствованія; Государственный Совѣтъ, по приказанію наканунѣ, созванъ въ залахъ Зимняго дворца. Молодой Монархъ выходитъ передъ лицо своихъ будущихъ совѣтниковъ, и въ первомъ словѣ, къ нимъ обращенномъ, вспоминаетъ о Родителѣ, бездыханное тѣло котораго покоится почти за стѣною. Онъ передаетъ имъ предсмертныя его слова:

— „Хочу взять себѣ все непріятное и все тяжелое, только бы передать тебѣ Россію устроенною, счастливою и спокойною". Такъ говорилъ мнѣ Родитель въ прежніе годы. Но Провидѣніе судило иначе, и онъ въ послѣдній часъ своей жизни сказалъ мнѣ: „Сдаю тебѣ мою команду, но къ сожалѣнію не

въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя тебѣ много трудовъ и заботъ". Я отвѣчалъ ему: „Ты вѣрно будешь тамъ молиться за твою Россію, и за дарованіе мнѣ помощи". — „О, вѣрно буду",—отвѣтилъ онъ (стр 3).

Какъ трогательно и многозначительно для русскаго!.. Но вотъ текутъ дни, и, среди всеобщаго нетерпѣнія и волненія, И. С. Аксаковъ записываетъ впечатлѣніе:

„Положеніе какое-то странное; всѣ въ недоумѣніи, никто не проченъ, никто не знаетъ настоящаго пути, которымъ хочетъ идти правительство. Государь все живетъ какъ наслѣдникъ, живетъ въ прежнихъ комнатахъ, носитъ генералъ-адъютантскій мундиръ. Очень усиливается Ростовцевъ, котораго въ Петербургѣ называютъ Мазариномъ".

Не правда ли, какъ характерно? И все полно волненіемъ около новаго Государя и передъ живыми событіями. Въ Пасхальную заутреню встрѣчаются Киселевъ и Блудовъ, и полу-колкій, полу-неприличный разговоръ ихъ переданъ въ записочкѣ А. О. Смирновой:

„Блудовъ — печаленъ. Онъ вчера мнѣ признавался: — „Каждодневно молюсь Богу, чтобы онъ простилъ мнѣ то чувство презрѣнія, которое я испытываю противъ всѣхъ людей въ настоящее время". Въ Пасхальную ночь Киселевъ сказалъ ему съ явнымъ намѣреніемъ его уколоть:— „Вотъ два вымирающіе русскіе варварскіе обычая: пасхальныя лобзанія и кареты въ четыре лошади" (стр. 18).

Вѣрно говорится о четверкѣ митрополичьей упряжи... Но какъ любопытенъ этотъ языкъ и воззрѣніе, въ сущности уже совершенно нигилистическое, хоть бы въ „Отцы и дѣти", въ первые три мѣсяца новаго царствованія, и въ разговорѣ старыхъ и знаменитыхъ министровъ. Мы же часто склонны думать, что нигилизмъ пошелъ отъ мальчишекъ.

* * *

И все любопытно. Какъ пріуготовленіе къ маленькому принципіальному вопросу, который намъ хочется

здѣсь разобрать по поводу начавшихъ выходить новымъ изданіемъ трудовъ Хомякова, приведемъ изъ книги Барсукова еще одну параллель. Погодинъ и митрополитъ Филаретъ оба въ волненіи по поводу перемѣны въ царствованіи. Обоимъ хочется сказать что-нибудь, сказать лично, отъ себя и отъ представляемой ими науки и Церкви—юному Государю. И вотъ въ „Дневникѣ" Погодина записи:

„11 апрѣля. Набросалъ о царскомъ времени. Обдумывалъ письмо. Письмо поздравительное".

„21 апрѣля. Отправилъ статью къ Назимову съ письмомъ. Кошелевъ доволенъ также статьею".

„24 апрѣля. Письмо положено на столъ камердинеромъ въ день рожденія".

Непріятно, что изъ книги не узнаешь: къ кому оно положено на столъ, къ Назимову или подано было Государю? Во всякомъ случаѣ, личное письмо Погодина къ Государю написано и послано:

„Государь! Среди торжественныхъ славословій, коими оглашается нынѣ вся Россія, позволь смиренному труженнику исторіи, удостоенному издавна Высочайшаго Твоего благоволенія, принести Тебѣ искреннее поздравленіе... Приношу Тебѣ малую лепту отъ своихъ трудовъ и размышленій, и почту себя счастливымъ, если этотъ краткій мой очеркъ, внушенный чувствомъ неограниченной къ Тебѣ преданности, дастъ поводъ разсмотрѣть тщательно вопросъ важнѣйшій въ нашемъ государственомъ быту: вопросъ о *царскомъ времени* (курс. Погодина). Время царское—дороже всего на свѣтѣ! Оно должно быть сберегаемо и соблюдаемо до послѣдней минуты для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ государственныхъ, для размышленія о существенныхъ предметахъ управленія. Занимать царя частностями и подробностями, развлекать формами и церемоніями—есть величайшее гражданское преступленіе".

Не правда ли, смѣлъ языкъ? но и какъ важны и существенны, сейчасъ и въ наше время существенны

мысли! Историкъ говоритъ, что уже Петръ I, при всей его колоссальной неутомимости, и работавшій во всю жизнь отъ ранняго часа дня до поздней ночи, жаловался, что у него не достаетъ времени,—не достаетъ его для управленія десятью только милліонами подданныхъ. Теперь не только 70 милліоновъ жителей, но и по характеру эпохи—всѣ дѣла стали мудренѣе, сложнѣе, ибо духовнѣе и культурнѣе.

„До какихъ же колоссальныхъ размѣровъ, при неизмѣнившемся характерѣ управленія, достигло количество дѣлъ, повергаемыхъ на Высочайшее воззрѣніе, рѣшеніе, утвержденіе? Мысль цѣпенѣетъ. И вотъ Русскій царь дѣлается первымъ труженникомъ своего царства, несчастнѣе послѣдняго батрака, у котораго послѣ тяжелыхъ ежедневныхъ трудовъ остается все-таки нѣсколько времени для беззаботнаго отдохновенія. У Русскаго Царя нѣтъ этого времени—для возношенія своего духа къ Богу и теплой сердечной молитвы; нѣтъ времени для вкушенія тихихъ радостей въ кругу своего семейства. Ему некогда подумать о себѣ, о важнѣйшихъ человѣческихъ вопросахъ и задачахъ земной жизни; ему некогда заглянуть въ книгу и освѣжить свою мысль, чувство. Передъ его глазами мелькаютъ безпрестанно длинные списки текущихъ обязанностей и встаютъ грознымъ привидѣніемъ высокія груды безконечныхъ дѣлъ, надъ которыми онъ долженъ проводить свои часы,—груды, которыя завтра смѣняются новыми, и такъ далѣе, безъ конца. Сизифова работа!“

Погодинъ очерчиваетъ то „разслабленіе всѣхъ силъ“, которое не можетъ не вызвать эта работа у вѣнценоснаго труженника, разслабленіе не только физическое, но и духовное; „наконецъ“—тонко замѣчаетъ онъ,—„нельзя же не почувствовать въ глубинѣ своего сердца страшнаго внутренняго червя тоски, досады, неудовольствія, который подточитъ самое сильное здоровье и истомитъ самую твердую душу“. И кончаетъ:

„Несчастная система, низведшая во гробъ, вмѣстѣ со внѣшними неожиданными ударами, покойнаго императора

Николая Павловича! Въ порывѣ неограниченнаго своего усердія на благо Отечества, онъ хотѣлъ дѣлать все самъ, работалъ въ теченіи 30-ти почти лѣтъ, не думая о себѣ, и палъ наконецъ жертвою царственнаго долга. Увлекшись блистательнымъ примѣромъ предка, онъ не подумалъ, что со временъ Петра I обстоятельства перемѣнились: и что Петровское „дѣланіе", перенесенное въ наше время, становится оптическимъ обманомъ: что большая часть дѣлъ, не смотря на невидимую непосредственную зависимость отъ государя, обращается такимъ образомъ въ добычу частнаго произвола, застрахованнаго священнымъ царскимъ именемъ, и потому безнаказаннаго,—гдѣ все дѣлается часто въ ущербъ общей пользѣ и составляетъ противоположность Россіи по бумагамъ съ Россіею въ натурѣ" (стр. 25—27).

Не правда ли, какъ живо, современно, какъ практически нужно?! И, наконецъ, какъ открыто смѣло. Это говоритъ гражданинъ Царю. Кто онъ? „Исторіографъ", какъ всегда именовалъ себя; безъ риторическихъ же украшеній—отставной профессоръ Московскаго университета, журналистъ, составитель скучнѣйшей и безталанной „Исторіи Россіи до монгольскаго ига", и, наконецъ, сынъ крѣпостного крестьянина. Почему онъ такъ говоритъ? Потому что онъ вѣритъ въ себя и въ почву подъ собою, потому что онъ безконечно обожаетъ возлюбленнаго своего Монарха, и, какъ „исторіографъ", въ началѣ царствованія считаетъ долгомъ обратить его вниманіе не на продолжаемую еще войну, не на скорбь сыновничью, но... на чрезвычайную груду дѣлъ, которая мѣшаетъ ему раскрыть на досугѣ и прочитать умную книгу, напримѣръ ту-же знаменитую „Исторіи Руси до монгольскаго ига" Погодина. Однако если убрать въ сторону „ученую часть" Погодина, то гражданинъ въ немъ — прямъ, великъ, и даже политически и административно чрезвычайно проницателенъ. — „Почему Вы не велики, Государь, почему Вы не Петръ или Екатерина?"—„Боже,

но я *не имѣю времени* быть великимъ, потому что занятъ исключительно маленькими дѣлами—до пресыщенія, до удушенія, даже до головокруженія" — вотъ краткій историческій діалогъ, въ который разлагается длинный монологъ Погодина. Трудъ его очень похожъ на чрезвычайно распространенные въ XVIII вѣкѣ „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ", гдѣ усопшіе государи и ихъ министры и полководцы разговаривали о минувшемъ своемъ царствованіи, объясняли подробности этого царствованія и давали живымъ загробные совѣты. Это была форма политическихъ разсужденій, въ сущности очень умная и живая.

Въ эти же самые дни митрополитъ Филаретъ тревожился другою тревогою. Подходило 17 апрѣля, день рожденія воцарившагося Государя и въ то же время память преподобныхъ Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ. Филаретъ изготовилъ икону и хотѣлось ему отправить ее въ Петербургъ, но предварительно онъ писалъ своему другу архим. Антонію:

„Я въ недоумѣніи, послать ли икону Государю Императору ко дню его рожденія? Что дѣлается по принятому правилу и обычаю, то дѣлаю съ мыслью: такъ должно; и остаюсь въ покоѣ въ отношеніи къ послѣдующему. Но когда представляется что-либо свыше обычая, тогда спрашиваю себя: кто есмь азъ, чтобы поступать съ дерзновеніемъ?—и не нахожу отвѣта. Если бы мнѣ рѣшиться писать Государю, то надлежало бы въ случаѣ, преимущественно важномъ, при восшествіи его на престолъ; но я и тогда не рѣшился. Почему теперь быть смѣлѣе? Нынѣшній генералъ-губернаторъ при покойномъ Государѣ началъ писать поздравительныя письма и получалъ отвѣтные рескрипты. Не знаю, какъ это дѣлалось: но это особенность царскаго намѣстника въ столицѣ, какъ онъ себя представляетъ. Къ Государынямъ Императрицамъ я писалъ потому, что на то была ихъ воля. Къ Государю Императору писалъ о пожертвованіи; и тогда ска-

залъ, что не вдругъ рѣшился писать собственно къ нему. При покойномъ Государѣ о пожертвованіи, сколько помню, писалъ я къ оберъ-прокурору, для доклада Его Величеству. Преподобный Сергій не прогнѣвается, что я, по моему недостоинству, не сдѣлаю себя посланникомъ Его къ Государю и преподателемъ Его благословенія, и за мое недостоинство не уменьшитъ своихъ молитвъ о немъ къ Богу, и непосредственно подастъ ему свое благословеніе... Таковы мои помыслы. Однако икону оставляю у себя, чтобы еще подумать. Если не рѣшусь послать, возвращу ее".

Письмо кончено. Подъ нимъ стоитъ одна строчка автора книги: „Икона была возвращена". Это былъ образъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, и о его „непосредственномъ по нуждѣ" благословеніи Императору пишетъ своему другу митрополитъ.

* * *

Не знаю, какъ читать, но я едва не заплакалъ, переписавъ письмо. Какая бездна вопросовъ, какая тема для размышленія! Вотъ ключъ къ исторіи Ѳеоф. Прокоповича и Стефана Яворскаго, къ учрежденію оберъ-прокуратуры Синода, и, наконецъ, поправка одной огромной ошибки, въ которую впадало всегда славянофильство, и болѣе всего въ нее впадалъ авторъ двухъ томовъ лежащаго передъ нами „Собранія сочиненій"—Хомяковъ.

Если мы сравнимъ письма Погодина и Филарета, мы будемъ поражены необыкновенною душностью, затрудненностью дыханія во второмъ письмѣ. Прежде всего, кто пишетъ?—Первый умъ вѣка, или одинъ изъ первыхъ,—умъ безконечной политической даровитости и почти святой, только не канонизированный святой. Во всякомъ случаѣ—первый нравственный авторитетъ своего времени; скажемъ такъ—первая солидность своего времени. О чемъ пишетъ? О сущихъ пустякахъ, по сравненію съ

темою, которую взялъ Погодинъ. Можно сказать, что Филаретъ пришелъ бы въ истинный трепетъ, еслибы ему предложили подписаться: „Смиренный Филаретъ, митрополитъ Московскій“ подъ бумагою такого содержанія—„О царскомъ времени“, какую написалъ, сочинилъ и послалъ Погодинъ. Филарету показалось бы, что онъ губитъ себя, что только личный врагъ и злодѣй могъ дать ему къ подписи такія разсужденія. Онъ пишетъ, пишетъ къ другу: послать ли ему икону? Какъ робокъ его языкъ: и очевидная, очевидная трудность положенія. Очевидно дыханіе затруднено! Какіе обороты словъ: „что дѣлается по принятому правилу и обычаю, то дѣлаю съ мыслью: такъ должно; и остаюсь въ покоѣ въ отношеніи къ послѣдующему“. Какая точность языка—вѣдь это Цицеронъ! Но какъ онъ боится! „Но когда представляется что-либо свыше обычая,—тогда спрашиваетъ себя: кто есмь азъ, чтобы поступать съ дерзновеніемъ“. Куда Цицеронъ—щенокъ противъ нашего Филарета, да и конечно щенокъ прежде всего по уму. Умъ Филарета былъ до того свѣтозаренъ, что уже въ концѣ царствованія Александра I производилъ какое-то всеобщее вокругъ себя обаяніе. Мы лично знаемъ людей, которые однажды видѣли его гдѣ-нибудь въ общей процесіи, въ крестномъ ходу—и не могли забыть его фигуры. „Поодаль всѣхъ, одинъ, не поддерживаемый, шелъ святитель; маленькаго роста, полунаклоненная голова... Видѣлъ и не могу забыть“. И таково было отъ него впечатлѣніе на простыхъ и на великихъ.

Но въ этомъ письмѣ гдѣ же его геній? Нѣтъ, болѣе—гдѣ его личность? Погодинъ около него не только кажется, но и точно есть исполинъ, и около исполина-Погодина—совершенно крошечный карликъ-Филаретъ. Онъ боится послать,—да такъ и не послалъ—икону. Не-

ужели бы ее не приняли?—Приняли бы!—Можетъ-быть онъ не получилъ бы „отвѣтнаго рескрипта“, о которомъ упоминаетъ?—Можетъ-быть. Въ день рожденія нужно послать икону: нужно ли? не нужно ли?—Не понимаю.—„Не понимаю и не понимаю“,—пишетъ онъ другу: „духъ занимается, умъ кружится: какъ нужно бы, какъ хочется, но... не знаю, не знаю“. Да неужели же этотъ геній не заблисталъ бы въ чудесныхъ словахъ на тѣ же погодинскія темы „о царскомъ времени“, если бы какъ къ Дмитрію Донскому Сергій Радонежскій—онъ вышелъ на встрѣчу юному государю изъ дебрей московскихъ лѣсовъ?—Какое воспоминаніе, какое сравненіе: къ чему оно? Прошли вѣка; сковались тяжелыя золотыя одежды; парча и парча; длинные разводы на мантіяхъ; и эти посохи, священные въ вѣкахъ, „посохъ митрополита Петра“ который онъ, Филаретъ, несетъ въ священной церемоніи, единожды въ годъ. Онъ не человѣкъ болѣе: онъ болѣе не лицо; отнюдь не монахъ. О, эти церемоніи, и посохи, и облаченія: тяжелы они, душны они! Геній вѣковъ подавилъ геній личности: и Филаретъ не дышетъ, едва дышетъ въ церемоніи. И вѣдь послать образъ Государю—тоже часть церемоніи, въ которой развѣ возможно ступить не такъ, повернуться не этакъ: нужно все „церемонно“... Вотъ разгадка: Филаретъ есть членъ, узелъ, звено или пожалуй глава священныхъ церемоній, и церемонныхъ священныхъ жестовъ, и церемонныхъ словъ; и часть его исторической славы и лежитъ въ необыкновенномъ умѣньи, въ геніѣ такта при этихъ движеніяхъ. Кто отвергнетъ, что за XIX вѣкъ, а можетъ-быть даже и за всѣ вѣка, Филаретъ есть такъ сказать завершитель великолѣпія церковнаго въ смыслѣ „разводовъ“ и „разводовъ“, „голубое по шолку“,—и эти чудныя благословенія народу, и величественныя слова въ

праздникъ, и краткая кованая записка къ богатой благотворительницѣ, и благоуханнное умомъ и религіею письмо къ Императрицѣ. Въ шелестѣ его мантіи—какъ бы звуки всѣхъ этихъ почившихъ Златоустовъ, Двослововъ, и цѣлаго сонма ликовъ, которыхъ онъ представляетъ собою.

Развѣ же тутъ пошевелишься!!! Боже, какъ трудно, какая тяжесть надо мною.—Десять вѣковъ лежитъ на моей груди, и этотъ крестъ давитъ, давитъ, и я не могу вздохнуть. Мое дѣло—не шевелиться. Мое дѣло—болѣе не шевелится. Весь мой геній устремленъ на то, чтобы пронести посохъ митрополита Петра въ крестномъ ходу такъ, что у взглянувшаго разъ—по гробъ не забудется. Кончилась церемонія. Теперь я одинъ въ кельѣ; я въ простой рясѣ; келейникъ прислуживаетъ мнѣ: приди, вотъ теперь приди, и я твою христіанскую душу напою глубочайшимъ христіанскимъ словомъ, и теперь, теперь—о, теперь я научилъ-бы государей и выдралъ бы за уши ихъ министровъ и этого невѣжду Погодина. Теперь—я царь. Царь личности, личнаго начала, личнаго генія; ума и сердца русскаго, да даже и мірового.

Распахиваются двери и входитъ Погодинъ, чтобы быть выдраннымъ за уши: это—посторонній, это внѣшній. Да кто онъ? Тайный совѣтникъ и отставной профессоръ университета. Филаретъ, „не облачаясь“, придвигаетъ къ себѣ одну изъ безчисленныхъ своихъ одеждъ, такъ еще небольшую, и все-таки прикрываетъ ею свою Адамову наготу и вмѣстѣ небесную мудрость. Генія убыло и митрополита московскаго прибыло на вершокъ. Но входитъ не Погодинъ, а Закревскій: Филаретъ беретъ большую свою одежду, геній почти совсѣмъ скрылся, осталось отъ него „общее мѣсто“, зато

митрополитъ московскій стоитъ въ половину роста. Наконецъ входитъ, или, точнѣе, Филаретъ самъ идетъ.... Нѣтъ, его везутъ въ каретѣ, шестернею цугомъ, къ оберъ-прокурору Синода. Теперь въ немъ $^{9}/_{10}$ митрополита, и ничего или $^{1}/_{10}$ человѣка. Геній его померкъ; воля его померкла; личность его померкла... Наконецъ онъ пишетъ письмо Императрицѣ, или наконецъ онъ собирается послать икону Императору: гдѣ онъ? Не видно. Смотримъ и не видимъ Филарета. Передъ нами протискивается, грубо работая локтями, „исторіографъ“ Погодинъ, который весь личность, полная личность, напряженная до 100 град. температуры, и мы кричимъ: „bravo, bravissimo!“

Филарета вовсе нѣтъ. Есть церемонія, есть церемонный жестъ, церемонный поступокъ, церемонное слово, которое, чтобы выслушать-то только—нужно для этого принять церемонную позу, благоговѣйно наклониться, поцѣловать руку, отойти въ сторону и задуматься, и опять-таки церемонно задуматься о выслушанномъ словѣ. Фу, пропасть—какъ трудно! Сколько труда: я такъ усталъ, и такъ напряженъ былъ во все время слушанія поучительнаго слова, что рѣшительно ничего изъ него не помню, даже не слушалъ ничего, а только думалъ: „такъ-ли стою, такъ-ли держу голову, такъ-ли у меня наклонено ухо вниманія“. И вотъ—психика, вотъ—атмосфера. Не только передъ лицомъ вѣрующаго—церемонія, но и самъ вѣрующій уже отвѣтно и невольно (вѣдь тысяча лѣтъ тяжести!) становится тоже только складкою церемоніи, подробностью процессіи, такъ-сказать „каменіемъ“, котораго касается конецъ „посоха митрополита Петра“, несомаго благоговѣйно Филаретомъ. Великолѣпно. И не поучительно. И вотъ—оберъ-прокуратура.

„Нѣтъ, мнѣ рѣшительно некогда! Я рѣшительно не могу: и Погодинъ объясняетъ, что—нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ времени, даже на самонужнѣйшее". „Ужъ какъ нибудь ты, ты—попроще и съ тобою будутъ попроще, да и жиловатый ты человѣкъ—всѣ церемоніи вынесешь", вотъ во всю вторую половину XVIII вѣка и во весь XIX вѣкъ психика и логика того, что около священнаго одѣянія Церкви у насъ поставленъ обыкновенный гражданскій чиновникъ, котораго безъ натяжекъ можно назвать министромъ церкви, ибо, имѣя полномочія министра, онъ „составляетъ бумаги и подаетъ ихъ къ подписи" одѣтымъ въ каменіе и блистаніе членамъ высшаго духовнаго управленія. У насъ раздавались и раздаются глубочайшіе противъ этого протесты, во главѣ коихъ стояла славянофильская школа, Хомяковъ, Самаринъ, всѣ Аксаковы и „всѣ иже съ ними". Но тутъ есть... какое-то невниманіе къ дѣйствительности! Обратимъ сейчасъ вниманіе на слѣдующее: кто теперь и вотъ уже много лѣтъ есть первое сіяющее христіанское лицо въ церкви? Каждый назвалъ дорогое имя—„Іоаннъ Сергіевъ священникъ кронштадтскаго Андреевскаго собора".—Еще кто, если не сейчасъ, то недавно?—Іеросхимонахъ Амвросій, т. е. просто монахъ, жившій въ кельѣ Оптиной пустыни.—Нѣтъ ли еще?—Есть Варнава у Троице-Сергіевской лавры, тоже просто схимникъ и просто монахъ. Но кто настоятель лавры?—Не знаемъ, имя темно. Кто былъ епархіальнымъ архіереемъ въ Калугѣ, при Амвросіѣ?—Не знаемъ же. Да почему не знаемъ?—Они были всѣ хранителями церемоній, оберегателями религіозной въ странѣ церемоніальности: великолѣпной и святой, но при которой *имя и человѣкъ не значущи.*

Такимъ образомъ, великое дѣло творенія вѣры и совѣсти начинаютъ дѣлать простецы церковные, священ-

ники, монахи; и оно просто, въ смыслѣ *новаго* подвига—недоступно и недостижимо для большихъ именъ и для высокихъ положеній въ церкви. Просто—нельзя ничего сдѣлать, ибо ничего болѣе нельзя „отъ сердца“ и „отъ своего ума“. Десять вѣковъ бытія—и кончено. Все великое—лежитъ, съ единственной задачей—не пошевелиться. Въ общемъ зрѣлищѣ и общей панорамѣ Церковь сущую можно сравнить съ благоухающею ракою св. мощей: никто не скажетъ, чтобы это было умаляющее сравненіе, ибо сравнивается она со святымъ, съ Божіимъ. Есть благоуханіе; есть чудеса около нихъ; народъ течетъ сюда. Все—чудно, все—свято. Все есть высшее на землѣ. Но никакъ нельзя оспорить, что св. мощи, привлекая къ себѣ движеніе народное и даже будучи духовнымъ центромъ страны—сами не движутся, не шевелятся... И вотъ опять-таки роль оберъ-прокуратуры: растворить двери храма, пропустить къ ракѣ св. угодника молящихся, указать имъ, сказать имъ, и, словомъ, исполнить сторожевую и черную работу около мощей, которую *сами* св. мощи не могутъ около себя исполнить.

Церковь есть святыня прошлаго; она вся—въ памяти: вотъ краеугольные камни, которые прежде всего сама церковь не дастъ пошевелить подъ собою; и не даетъ, отстраняя всякую прибавку, убавку и перемѣну въ себѣ. Въ этомъ ея *суть*, страстнѣе всего ею самою отстаиваемая. Суть—чтобы не шевелиться, не совершать новыхъ движеній, примѣнимыхъ къ обстоятельствамъ измѣняющихся дней. Т. е., позволительно обобщить,—Церковь есть святое Памятованіе и святое Прошлое. Sancta Memoria et Sanctum Perfectum. Читатель проститъ, что я пишу съ прописныхъ буквъ отвлеченныя слова, ибо они суть въ то же время имена очень опредѣленнаго и узкаго, т. е. собственнаго, значенія. Между тѣмъ для блага

же церкви, „для благосостоянія святыхъ Божіихъ церквей", какъ мы молимся на литургіи,—необходимо около св. Памяти и св. Прошлаго дѣлать нѣкоторое современное дѣло, живое, иногда грубое, матеріальное и практичное. Опять обратимся къ фактамъ дня. Есть у насъ Палестинское общество: какова его роль?—Колоссальная: оживленіе Востока, упорядоченіе всѣхъ православныхъ дѣлъ въ Палестинѣ, удешевленіе тарифа для богомольцевъ туда, устроеніе тамъ пищи, крова и леченія ихъ. Кто его члены?—Свѣтскіе люди, чиновники, особы, богачи, но вообще свѣтскіе и свѣтскіе. Тутъ нужно бѣгать и хлопотать. Роль именно сторожа, святая дѣятельная роль, но вотъ „дѣятельную"-то часть этой святой роли рѣшительно и не могли бы выполнить св. мощи. Мы здѣсь просто раздѣляемъ природу вещей и констатируемъ фактъ, но отнюдь не случайный, а вѣчнаго значенія. На духовенство наше сыпалась бездна обвиненій, и въ интимныхъ разговорахъ—ихъ, этихъ обвиненій, еще больше, чѣмъ въ явныхъ, притомъ съ крайне расположенной къ церкви стороны. С. А. Рачинскій -это, вѣдь, кажется, само одушевленіе, самъ полетъ въ смыслѣ вѣчнаго и неустаннаго лобзанія подножій церкви: между тѣмъ его „Письма къ духовному юношеству", т. е. къ студентамъ духовныхъ академій, къ завтрашнимъ священникамъ, похожи на столь горестный памфлетъ противъ нравовъ нашего духовенства и общаго безсилія собственно всѣхъ христіанскихъ церквей (говорится и объ англиканской церкви, и объ европейскомъ миссіонерствѣ въ Африкѣ), что самъ авторъ, изъ благоразумія, первоначально не пустилъ книжку въ продажу, и только годъ спустя послѣ изданія, едва ли осторожно, далъ доступъ къ ней всѣмъ желающимъ. Но мы рѣшительно становимся на сторону духовенства, считая его доблестнѣйшею и самою здра-

вою частью русскаго населенія; а для доказательства указываемъ на митрополита Филарета и его безсиліе, его „занятый духъ", „запыхавшійся духъ", передъ написаніемъ самаго пустого письма и совершеніемъ самаго коректнаго поступка, простой любезности, вниманія, благожелательства.—„Такъ или не такъ"?—„Не знаю и не знаю", и „томлюсь: Господи, научи меня, просвѣти меня, послать икону въ Петербургъ или не послать?" Всякій можетъ сдѣлать ошибку, Погодинъ, генералъ-губернаторъ, и послѣдній вотъ получалъ за это рескрипты; но святитель московскій, въ лучахъ славы и памятованія Златоустовъ и Двоеслововъ, конечно не можетъ сдѣлать ошибки, и ступня его ноги, какъ и почеркъ его пера, и движенія языка, и мановеніе руки должны быть... „святы", „святы" и „святы": и вотъ это до того трудно, это такая тема, что въ каждомъ случаѣ малѣйшаго колебанія—лучше не шевелиться, не двигаться. Логика святости требуетъ неподвижности. Авторитетъ такъ огроменъ, въ сущности безконеченъ, что сильнѣйшіе могутъ едва пронести его въ рукахъ нѣсколько шаговъ, и уже съ такою корректностью движенія, подъ которою задыхаются.

„Пожалуйста, они не могутъ сдѣлать, они уже ничего не могутъ, кромѣ какъ нести авторитетъ: сдѣлай ты *для нихъ* и *ихнее* дѣло",—вотъ логика оберъ прокуратуры. Неужели можно подумать, что императоры наши за все XIX столѣтіе хотя бы мало вспоминали Никона и его гордую и неудачную попытку? Ничего подобнаго, конечно ничего подобнаго! Александръ III былъ истинно благочестивъ, старо-московски благочестивъ, но вопроса о возстановленіи патріаршества при немъ даже не поднималось; и оно никогда, конечно никогда не будетъ возстановлено, ибо это было-бы еще увеличеніе тяжести авторитета, достоинства, силы, славы, т. е. опять „одѣянія и одѣя-

нія", „разводы и разводы", и словеса, и благословенія: до окончательной невозможности подъ ихъ толщею не только двигаться, но хотя-бы лежать и дышать.

Мы написали съ большихъ буквъ: „Память", „Прошлое". Напишемъ же также съ большихъ буквъ: „Совѣсть", „Будущее". Мы сказали, что оберъ-прокуратура Синода есть движеніе около логики неподвижности; хлопоты сторожа около св. Мощей. Однако есть тутъ и болѣе: принципъ *Святой Совѣсти* и принципъ *Наступающаго Будущаго*. Мы обращаемся къ Гилярову-Платонову, труды котораго начали выходить, и къ произведшимъ въ свое время большое впечатлѣніе „Запискамъ изъ исторіи ученаго монашества" почившаго архіепископа одесскаго Никанора. Оба автора, насколько они касаются Церкви и вращаются около церковнаго интереса, говорятъ съ безмѣрною къ ней любовью и безконечною ей преданностью. Но, въ тоже время невозможно не замѣтить, что какъ только рѣчь изъ общей фразеологіи переходитъ къ чему нибудь конкрентному, нужному, матерьяльному, и очень дорогому и страшно полезному,—она начинаетъ скользить около именъ чиновниковъ. И. напримѣръ, намъ памятны глубоко благодарственныя слова за заботливость о положеніи духовныхъ училищъ, обращенныя которымъ-то изъ нихъ къ Протасову, оставившему почему-то въ печати и исторіи не симпатичную о себѣ память. Въ одномъ мѣстѣ арх. Никаноръ записываетъ общее, итоговое впечатлѣніе отъ петербургскихъ дѣлъ: „все, что дѣлается добраго,—дѣлается не нами, а свѣтскими чиновниками" (въ Синодѣ). Да почему такъ?—Да потому же, почему Палестинское общество „сдѣлано и дѣлается" свѣтскими людьми; ими же сдѣлано „Общество духовно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православія", и безъ числа — богадѣленъ, больницъ, об-

щества призрѣнія малолѣтнихъ преступниковъ, предохраненія падшихъ дѣвушекъ, и, словомъ—все необъятное дѣло *Наступающаго* (употребимъ опять большія буквы) *Грядущаго* и *Живой Совѣсти*. Нужно распутницу поднять съ улицы, накормить, согрѣть, научить: Погодину это въ высшей степени легко сдѣлать; но Филарету? Я говорю совершенно серьезно, что Филарету этого совершенно невозможно сдѣлать, не по малости его сердца, не по недостатку его ума, но по необыкновенной и страшной высотѣ и тяжеловѣсности его московскаго святительства. Тутъ нуженъ простой священникъ: Іоаннъ Кронштадтскій—онъ побѣжитъ; старецъ оптимистъ Амвросій: онъ тоже сдѣлаетъ, ибо онъ ходилъ въ бѣдномъ подрясникѣ, вставалъ когда хотѣлъ, ложился когда хотѣлъ, молился сколько хотѣлъ или не хотѣлъ, и, словомъ, былъ *личность*, и—безконечная личность. Напротивъ Филаретъ, за исключеніемъ одинокихъ минутъ въ кельѣ, есть безконечная безличность, есть „общее мѣсто“ святости, „санъ“ церкви, и... безконечный, „до небесъ“ авторитетъ. Какимъ образомъ „до небесъ авторитетъ“ совершитъ страстное и мучительное и иногда нечистоплотное дѣло „очищенія грѣшника отъ грязи“? Невозможно. Несоизмѣримыя величины. Кошка питается мышами, но не можетъ питаться ими левъ; и не можетъ императрица сдѣлаться бѣлошвейкою, хотя бы для того, чтобы сшить рубище замерзающему. Просто—нельзя; не такъ сложились дѣла. И нѣтъ здѣсь виновнаго.

Совѣсть *сейчасъ* и *здѣсь*, на улицѣ, далѣе—фатальный поворотъ колеса исторіи *къ Будущему*, и, наконецъ *матеріальное* и *фактъ*: вотъ тѣ ингридіенты, которые захватила себѣ около Церкви оберъ-прокуратура, не по властолюбію, не по равнодушію государства, общества, литературы къ

церкви; но потому, что эти ингридіенты *не входятъ вовсе* и не войдутъ *вѣчно* въ самое тѣло церкви, которое, не измѣнивъ всему въ себѣ, есть тѣло прошлаго и тѣло памяти. Въ ней—все кончено, въ смыслѣ—закончено. И все—свято, т. е. неподвижно. Но вѣдь законченное то „*было* закончено", а дни—*текутъ* и есть „*сегодня*" и будетъ „*завтра*"?! Возьмемъ иллюстрацію на Западѣ: Левъ XIII обратился къ соціализму и началъ связывать себя съ рабочимъ движеніемъ. Всѣ дивятся: „какое *новое* движеніе"! *Никакого* движенія: вы обратите вниманіе, перемѣнилъ ли и даже могъ ли бы перемѣнить Левъ XIII что-либо въ *себѣ* собственно, ну напримѣръ откинуть археологическое „двери! двери!" передъ пѣніемъ Символа вѣры на литургіи. „Двери! двери!" значитъ: „бѣгите къ дверямъ, стражи, и посмотрите, не идутъ ли язычники Нерона и Веспасіана, чтобы открыть наше убѣжище въ катакомбахъ". Кажется—старо и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. А попробуйте это „старо" сдвинуть съ мѣста: не сдвинете. И папа собственно позволилъ *идти къ себѣ* рабочимъ, онъ цвѣтокъ своего сіянія повернулъ къ поденщикамъ, но пяты своей исторической онъ не сдвинулъ, да и очевидно не можетъ сдвинуть на „іоту" въ сторону. „*Духу Святому* и намъ изволилось": это стоитъ подъ суммой всѣхъ догматовъ и каноновъ, какъ подпись, какъ удостовѣреніе, какъ санкція, которой вѣрили 10—15 вѣковъ. Да что „вѣрили"—*молились* этому и *спаслись* этою вѣрою милліарды людей! Возьмемъ нашъ старообрядческій вопросъ: неужели порознь, уединенно и келейно, каждый благій пастырь, всякій епархіальный архіерей, ради безмѣрной любви къ единству религіознаго сознанія въ странѣ и просто по смиренію своему и добротѣ, не согласенъ былъ бы на „снятіе клятвъ собора 1667 г. на

старый обрядъ и старыя книги и старое двоеперстіе". О, если бы въ *этомъ*, въ благомъ дыханіи *индивидуальныхъ* сердецъ было дѣло: расколъ, который и держится только передъ упорствомъ несниманія „клятвы" съ ихъ отцовъ и дѣдовъ, завтра же пересталъ бы существовать! Какое благо! какое великое пожеланіе! какое совершилось бы истинно христіанское движеніе и событіе исторіи, слава цѣлаго царствованія! Но вѣдь „клятвы 1667 г." были положены священно-*церемоніально*; это не былъ порывъ, но „разсмотрѣніе", одежды и одежды, „разводы" и „разводы", евангеліе на аналоѣ, большой крестъ, величавое чтеніе. Нужно Церкви не святымъ же порывомъ, но облечась въ *Память* и въ *Прошлое* рѣшить... что? Рѣшиться пойти противъ нихъ просто какъ противъ *обыкновенной памяти* и противъ *обыкновеннаго прошлаго*. „*Было* и—впередъ *не* будетъ": вотъ этого *никогда* и при всяческой нуждѣ не сможетъ сказать Церковь, даже до смерти и смертной муки. Еще примѣръ: „клянусь св. Евангеліемъ"—это произносится въ присягѣ; въ семидесятыхъ годахъ даже въ литературѣ поднялся протестъ за старообрядцевъ, говорившихъ, что „не можемъ мы клясться тою книгою, гдѣ сказано: **Не клянись ни небомъ, ни землею, ни всѣмъ, что тебѣ не принадлежитъ, но будутъ слова твои просто: ей-ей**". Была предложена и прекрасная перемѣна: „клянусь *передъ* св. Евангеліемъ". Кажется—все свято и право въ этомъ пожеланіи, опирающемся прямо на слово Христа! Но „двери! двери!", т. е. принципъ памяти прошлаго—одолѣлъ, потому что онъ и вообще неодолимъ, составляя самую суть церкви какъ законченнаго и святого зданія.

Вотъ почему и забѣгали оберъ-прокуроры, чиновники и чиновники; „все—*они*, и ничего болѣе—*мы*". „У нихъ наша школа; у нихъ — программы и назначенія".

„Насъ двигаютъ, когда мы не двигаемся“. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ была передана въ прошломъ или позапрошломъ году жалоба почившаго митрополита Палладія: „Дѣло дошло до того, что мы даже наканунѣ не знаемъ тѣхъ дѣлъ, которыя сегодня намъ предлагаются къ обсужденію и заключенію и подписанію“. Едва ли очень осторожное сѣтованіе. Зачѣмъ вамъ *совѣтоваться?* прибѣгать къ земному и матерьяльному и погрѣшительному способу нахожденія истины? „Духу святому и вамъ изволится“... Вся сумма дѣлъ церковныхъ сейчасъ, и сверху до низу все вообще зданіе церкви, есть только перечень или „раскрытіе“ того, что „Духу Святому и вамъ изволилось“. Отсюда—и авторитетъ, и это—суть. Для чего же вамъ знать наканунѣ тѣ дѣла, которыя сегодня вы будете „по изволенію Духа Святого“ подписывать? „Духъ святый сойдетъ на тебя“ сегодня, какъ вчера, какъ прошлымъ годомъ, какъ въ 1667 году, и такъ еще въ Никеѣ, Константинополѣ, Римѣ, вѣчно. Отсюда—все, всякія подробности. И если міръ выноситъ этотъ авторитетъ, и не стонетъ, не подломился—ужъ не подламывайтесь и вы „на ноженькахъ“, что вчера заготовленныя бумаги въ оберъ-прокурорской канцеляріи сегодня вамъ будутъ поднесены для простого „соизволенія“. Вы благоухаете и мы на это молимся; но мы ничего болѣе не можемъ, потому что и вы ничего болѣе не можете.

1900 г.

НА ЧЕРНОМЪ и ЖЕЛТОМЪ МАТЕРИКАХЪ.

Война съ бурами, которая обѣщала быть частнымъ эпизодомъ англійской исторіи, вырастаетъ въ явленіе обще-европейскаго интереса по тому чрезвычайному нравственному вниманію, которое она къ себѣ притягиваетъ. Дѣло въ томъ, что въ лицѣ Панамы, шантажистовъ печати, Дрейфуса и пр. и пр., Европа испытала столько потрясеній своей совѣсти, что вѣсти изъ Капской земли о героической борьбѣ полу-пастушескаго народца съ громадною всемірною акулой—поразили всѣхъ.

Вотъ ужъ новый духъ, повѣявшій на старую и усталую Европу! Это—внуки, вдругъ порадовавшіе дѣдовъ; это—Ермакъ, слагающій къ подножію Грознаго покоренную имъ Сибирь въ самую минуту горестныхъ униженій Ливонской войны. Тамъ была радость и отдыхъ политическіе, здѣсь не менѣе важный нравственный отдыхъ. Европа слишкомъ связана сейчасъ духовно, и, не шевеля своими желѣзными арміями, она очень можетъ шевельнуться, да уже и шевельнулась, какъ нравственный авторитетъ, настроенный крайне враждебно къ Англіи. Англія чрезвычайно любитъ красивыя позы и красивыя фразы;Гладстонъ, „вознегодовавъ на отечество“ (будто-бы) съ знаменитымъ возгласомъ о Болгаріи, въ сущности сыгралъ хорошую нравственную партію для своего отечества, вызвавъ упоеніе, едва ли дальновидное, цѣлой Европы: „смотрите—Англія! смотрите, какіе тамъ классическіе старцы! они читаютъ Библію и Гомера, пишутъ стишки и не говорятъ иначе, какъ смотря на небо!“ Доброму Джонъ Булю „все въ котомку“, и онъ разомъ

собираетъ плоды и съ гешефтмахерства Биконсфильда и отъ классическихъ сѣдинъ „великаго старца“.

Маленькая и нелицемѣрно благочестивая страна, страна скотоводовъ и охотниковъ, заброшенная въ сторону отъ большихъ путей исторіи,—она каждому европейскому народу напомнила его историческое дѣтство такого же простого быта, такого же неломанаго отношенія къ Богу, такого же мужества въ перенесеніи опасностей.

Богъ въ помощь бурамъ! Борьба ихъ не есть ли начало не обширной, но прекрасной исторіи маленькой страны, въ родѣ Швейцаріи? Напомнимъ, что буровъ не достачно покорить,—ихъ нужно еще удержать въ покорности. А, кажется, это народъ не очень покорливый...

1900 г., февраль.

Волны новой борьбы, на этотъ разъ въ Китаѣ, заглушаютъ послѣдніе остатки борьбы на югѣ Африки. Кажется, уже не долго продлится агонія маленькихъ буровъ, проглатываемыхъ „львомъ Британіи“. И, кажется, можно подвести итоги: что же мы пережили здѣсь, на континентѣ, за этотъ истекшій годъ въ отношеніи къ столь далекимъ и казалось-бы вовсе ни для кого третьяго не интереснымъ событіямъ?

Пережили сочувствіе Европы къ не-Европѣ, временами страннымъ образомъ переходившее въ отвращеніе къ себѣ, въ неуваженіе къ своему; сочувствіе всеобщее и пламенное! На фонѣ огромныхъ пространствъ совершившейся и умершей жизни можно лучше разглядѣть и оцѣнить фактъ этого года, фактъ, котораго мы—участники. Въ древности былъ „эллинизмъ“: Спарта, Аѳины, Коринѳъ, Ахайя, эти десятки греческихъ городовъ и областей абсолютной политической между собою несвязанности и часто даже культурной противоположности, съ

огромнымъ множествомъ далеко разбросанныхъ колоній, имѣли что-то въ себѣ, что въ поздніе годы исторіи получило названіе „эллинизма“: духъ эллиновъ, идеалы Эллады, смыслъ лучшихъ внѣшнихъ и внутреннихъ событій, тамъ и здѣсь, сейчасъ и давно—объединилось въ этомъ словѣ. Бороться противъ варваровъ—это было эллинизмомъ; призвать варваровъ въ союзники къ себѣ противъ могущественнаго соперника, какъ сдѣлала Спарта въ поздніе годы противъ Аѳинъ—это была измѣна эллинизму; захотѣть надъ собою тираніи—было измѣною духу Эллады и казалось варварствомъ. Эллинизмъ былъ критеріумомъ; эллинизмъ былъ завѣтомъ.—Въ Европѣ еще гораздо мощнѣе былъ общій, единый, трудно опредѣляемый и могущественно-дѣйствующій духъ; и вотъ намъ чудится, что въ этомъ-то духѣ и просвѣчиваетъ теперь какая-то начальная трещинка, какой-то расколъ, „распадъ“, который хочется разсмотрѣть.

Безъ всякаго соглашенія, но съ явнымъ энтузіазмомъ всѣ презирали Англію въ Трансваальской войнѣ. Вспыхнула борьба въ Китаѣ: и уже въ Европѣ раздались рѣзкіе укоры по адресу своихъ „дѣльцовъ“, коммерческихъ и всякихъ другихъ, слишкомъ свободно тамъ хозяйничавшихъ. Рѣчь Салисбюри о миссіонерахъ, которые шли какъ апостолы христіанства, а при первой непріятности бѣгутъ въ консульства и требуютъ вооруженной помощи, поразительна по смыслу и останется долгимъ впечатлѣніемъ въ Европѣ. Во всякомъ случаѣ... укоры и перекоры, какъ въ отношеніи Трансвааля, такъ и Китая, что-то въ кругѣ совѣсти, что-то въ отношеніи общеевропейскаго духа. Въ сущности, событія здѣсь и тамъ пока маленькія; это не то, что огромная европейская война съ двигающимися милліонными арміями. Но огромное чуткое вниманіе рѣшительно всей цивилизаціи, всего ци-

вилизованнаго въ Европѣ и Америкѣ, вспыхнуло моментальнымъ умственнымъ пламенемъ къ небольшимъ событіямъ. Боролась Пруссія съ Австріей—это было мѣстное явленіе; борьба двухъ и только двухъ; безъ интереса для кого-либо. События въ Трансваалѣ, напротивъ, при всей ихъ миніатюрности, сразу же поняты были какъ обще-цивилизаціонныя событія и приковали къ себѣ неслыханный интересъ всѣхъ и каждаго. Такъ внимали только февральскимъ днямъ въ Парижѣ, мартовскимъ—въ Берлинѣ. Африка, Восточная Азія, какъ онѣ обѣ перенеслись на истомленныя стогна европейскихъ городовъ, и стали какъ бы внутренними фактами европейской жизни. Люди встрѣчаясь поздравляли другъ друга съ побѣдою буровъ; лица всѣхъ дѣлались грустны: значитъ—побѣда переходила на сторону Англіи. И это въ Петербургѣ и Нью-Іоркѣ, безъ возраженій съ какой-либо стороны, въ удивительномъ согласіи, съ поразительнымъ энтузіазмомъ.

Обще-европейскій духъ, этотъ такъ сказать европейскій эллинизмъ, родъ какого-то европейскаго славянофильства, былъ гордостью Европы о себѣ; и предположеніемъ честнаго человѣка, что вотъ это или то̀ никогда не будетъ сдѣлано — на почвѣ Европы, европейскими людьми. Была граница возможнаго, за которою начиналось невозможное для европейскихъ завѣтовъ, европейскихъ идеаловъ. Въ мертвомъ царствѣ мы знаемъ кристалъ: его плоскости, его грани, его углы имѣютъ математическую точность. Вотъ нѣкоторую математическую точность, но нравственнаго порядка, и потерялъ сейчасъ европейскій духъ; и какъ о банкротѣ пишутъ на черной доскѣ: „не платитъ“, такъ въ этотъ годъ всѣ о Европѣ читали, подчеркивали, указывали: „это—нравственный банкротъ; его вѣра и его дѣла, его лозунги и его по-

ползновенія имѣютъ также мало общаго между собою, какъ настоящій вексель съ порядочною подписью и бронзовый вексель, на которомъ написано 1.000,000, и за который опасно дать рубль".

Въ Трансваалѣ европейцы сочувствовали чужой первобытной свѣжести и явно не уважали свою старость. „Старые циники",—вотъ противъ чего всѣ возмутились и закричали. Интересовались бытомъ маленькой далекой страны, нравственностью страны, вѣрою страны; какъ и сейчасъ мы пытаемся вникнуть въ духовный строй Китая, безъ историческаго къ нему презрѣнія, съ явною тенденціею что-то въ немъ разсмотрѣть, угадать и непремѣнно уважить. Въ Трансваалѣ сочувствовали не политическому успѣху, но успѣвающему человѣку, т. е. лично и нравственно. Жали руку доброму и радовались, что побили злого или негоднаго. Интересъ былъ нравственный, интересъ былъ совѣстный, въ совѣсти— безъ всякаго любопытства собственно къ политической сторонѣ.

„Трещинка" обще-европейскаго духа, сейчасъ наблюдаемая, и заключается въ само-разочарованіи. *Европа утомилась собою и начала не довѣрять себѣ.* Ни въ сороковыхъ годахъ, ни въ тридцатыхъ—это явленіе не было еще возможно. Но во вторую половину истекающаго вѣка Европа сразу и какъ-то безконечно постарѣла; она вдругъ осѣла; начала рости въ землю, какъ это дѣлается со стариками. Вотъ впечатлѣніе и главная суть. Во внутреннихъ европейскихъ событіяхъ чѣмъ ближе къ концу вѣка, тѣмъ яснѣе „обще-европейскою" дѣлалась только пошлость. Все мѣнялось; но пошлость не мѣнялась. Появились ex-короли; появилась противоестественная политика; приключенія Милана сербскаго,—смерть наслѣдника австрійскаго престола — сливались или по

крайней мѣрѣ не противорѣчили въ смыслѣ съ громкими судебными процессами Франціи. Нигдѣ возвышенія, а пониженіе—всюду. Вдругъ англичанъ стали бить.—„Давно пора!“ вотъ восклицаніе Европы.

Змѣя мѣняетъ каждую весну шкурку. Старая шкурка отдѣляется отъ тѣла, морщится, лопается. Змѣя въ это время болѣетъ и представляетъ крайне отвратительный видъ. Съ Европой дѣлается что-то подобное этому болѣзненному и некрасивому процессу. Главное, чѣмъ мы возмущены были, какъ въ Трансваалѣ, такъ и сейчасъ въ Китаѣ—это несомыми тамъ и здѣсь плакатами, вывѣсками. Англія не просто шла пріобрѣсти себѣ алмазныя копи, а, вядите ли, она „возмущена“ была „негуманнымъ отношеніемъ буровъ къ туземцамъ“, патріархальнымъ невѣжествомъ ихъ управленія, и хотѣла освободить, просвѣтить и для этого присоединить; въ Китаѣ не беззастѣнчиво торговали опіумомъ, а сперва крестили и уже потомъ спаивали. Вотъ суть маленькихъ европейскихъ „дѣлишекъ“. Въ Европѣ всѣ это и всегда видѣли. Въ Европѣ приказчики укладывали въ ящики опіумъ, отраву, грязь; ставили ярлыкъ: „въ Китай“. И когда вдругъ высокихъ комерсантовъ и благочестивыхъ миссіонеровъ начали бить тамъ, множество простыхъ людей, зная всю подноготную, закричали: „мы это знали! это подѣломъ!“ Въ Европѣ и Америкѣ не заинтересованные люди давно знаютъ, чѣмъ собственно интересуются въ въ Африкѣ и въ Азіи ихъ соотечественники; но никто не говорилъ, потому что не было повода, не представлялся случай. Поговаривали, но не кричали. Вдругъ мелкія дѣлишки выросли въ величину конфликта; создалось политическое событіе; потребовались войска, заговорили дипломаты, министры; и вдругъ толпы закричали: „это - мошенничество, оно всегда было и есть“.

Тò новое, что обнаруживается подъ старою шкуркою, чтò закричало, чтò слилось въ энтузіазмъ всей Европы и Америки, — есть простое честное и простое доброе отношеніе къ вещамъ и людямъ, безъ доктринъ, безъ вывѣсокъ надъ собою. А тò, противъ чего оно соединилось,—есть старыя, вѣковыя, но безконечно обветшавшія въ Европѣ доктрины, которыми прикрываются и въ которыхъ уже давно нѣтъ жизненнаго, творческаго сока. Соединилась непосредственность противъ фразеологіи, нервъ—противъ силогизма. Соединилось простое благожелательство къ скотоводамъ и землепашцамъ—противъ движенія ихъ экономически облагодѣтельствовать и цивилизовать; соединилось простое уваженіе къ чужой самостоятельности противъ попытокъ научить, просвѣтить христіанствомъ и дать инструкторовъ военныхъ и гражданскихъ. „Руки прочь“—это восклицаніе Гладстона противъ Австріи, пролѣзавшей въ Турцію, оно раздается сейчасъ въ Европѣ по отношенію къ Европѣ же, лѣзущей на черный и желтый материки.

„Лицемѣріе“—вотъ старая шкурка Европы, которую усиливается сбросить болѣющее животное. Европеизмъ раскалывается; старые общеевропейскіе лозунги, длинные и древніе—прекрасны, неоспоримы, но они просто *не дѣйствуютъ*, и вотъ ихъ недѣйствительность и есть пунктъ борьбы противъ нихъ. Кто можетъ сказать что-нибудь противъ христіанства? Никто не можетъ, а главное—никто не хочетъ. Но всѣ говорятъ: „если ты умѣешь дѣйствовать какъ христіанинъ — то ты христіанинъ, и таково твое имя; но если ты этого не умѣешь—то и не называй себя всуе“. Да, не нужно „всуе“, ничего не нужно — вотъ короткій и новый лозунгъ, объединившій простыхъ и честныхъ людей Европы. Кто противъ образованія? гражданства? „Но не дѣлай этого

предлогомъ"—вотъ опять лозунгъ, противъ котораго трудно возразить. Тутъ дѣло не въ абсолютной истинѣ, но въ истинѣ принадлежности нашей къ древнимъ истинамъ, о которой поднялось всеобщее сомнѣніе и презрительный смѣхъ: „мы христіанизируемъ Китай!? мы защищаемъ готтентотовъ отъ буровъ!? Мы—просто хотимъ алмазныхъ копей, и хотимъ порта, аренды, концессій; мы—выжиги, а лѣземъ въ святые и герои". И „старой шкуркѣ" нечего возразить...

1900, іюнь.

Никогда еще Россія не была поставлена, непредвидѣнно и противъ воли, въ положеніе столь неудобное, двусмысленное и опасное, какъ сейчасъ на Востокѣ. Прежде всего констатируемъ тотъ фактъ, фактъ просто зрительный и слуховой, что всѣ русскіе, какъ частные люди, немножко на сторонѣ „боксеровъ" и глубоко возмущены назойливостью, вѣроломствомъ и эгоизмомъ европейцевъ, которые вызвали въ Китаѣ взрывъ, положимъ, дикихъ дѣйствій, однако долго созрѣвавшихъ въ глухой, молчаливой ненависти, о которой не были неосвѣдомлены какъ миссіонеры, такъ и негоціанты католическіе и протестантскіе. Мы, русскіе, сами испытали высокомѣріе и презрѣніе католиковъ въ свое смутное время; сами тогда освободились черезъ народное движеніе; и логика и психологія китайцевъ намъ не незнакома изъ родной нашей исторіи. Это — разъ. Во-вторыхъ, сюда присоединяется и политическое соображеніе: расшевелятъ муравейникъ—куда бросятся муравьи? На сосѣда! Они поползутъ совершенно тихо, и тѣмъ болѣе необоримо, поползутъ просто потому, что имъ мучительно, что ихъ пошевелили дома; поползутъ, какъ рабочіе, какъ поселенцы — и отъ такого движенія избави насъ

Боже! Ничего нельзя представить себѣ болѣе опаснаго въ экономическомъ, политическомъ, во всяческомъ отношеніи. Китай спокойный, Китай, прижавшійся къ Великому океану, Китай, весь сбившійся въ кучу, съ неодолимымъ центробѣжнымъ стремленіемъ въ себѣ—это такое удобство для его сосѣда, которое дорого можно купить и ни за какую цѣну нельзя продать. Китай въ желательномъ его видѣ—именно тотъ, какимъ онъ былъ всегда и какимъ усиливается сохраниться: доступный только въ нѣкоторыхъ точкахъ для сосѣдей, и доступный такъ, какъ въ Кяхтѣ-Маймачинѣ: мы получили отъ нихъ товаръ и передали свой товаръ. Что̀ намъ тамъ нужно, внутри его? Ничего. Европейцы нахлынули, они воткнули свои палки въ опасный муравейникъ, такъ какъ что̀ же имъ тамъ угрожаетъ?! Взяли свое—и уѣхали! Эксплоатируя Китай, европейцы играли съ порохомъ на заднемъ дворѣ нашего дома. У насъ загорится, а у нихъ будетъ цѣло. Ушли—и все тутъ. Европейцы потому жадно шли въ Китай, потому ихъ такое множество тамъ сравнительно съ нами, потому они подъ угрозой пушекъ требовали открытія себѣ новыхъ и новыхъ портовъ, что въ Китаѣ у нихъ—только выгода, и ни малѣйшей угрозы. Можно замѣтить, какъ они спѣшатъ туда теперь съ большими десантами, какъ они почти рады заварившейся тамъ кашѣ: „Что̀-бы ни взяли—все ладно, и кто первый возьметъ—тому и лучше!“ Можно уже чувствовать, какъ у европейскихъ фабрикантовъ и коммерсантовъ разгораются сейчасъ глазки. Въ европейской исторіи не новость разорять, будто бы христіанизируя, цѣлые цивилизованные міры: такъ нѣкогда испанцы хлынули въ Мексиканскую имперію и въ Перуанскую имперію и смыли эти древнія культуры до основанія. Можетъ быть, кой у кого на Западѣ уже

мелькаетъ мысль, что на голодные европейскіе зубы очень кстати будутъ китайскія богатства. Но какая выгода намъ взамѣнъ тихаго, трудолюбиваго, мирнаго 400-милліоннаго царства получить въ тылу какую-то оргію страстей и аппетитовъ, какой-то міръ случайностей и приключеній?

На громадномъ, неизмѣримомъ протяженіи, околостранъ рѣдкаго русскаго населенія и слабой русской культуры, мы имѣли сосѣдство, гдѣ можно было довольствоваться охраной старыхъ инвалидовъ, вышедшихъ изъ употребленія пушекъ, безъ опасности соперничества, нападенія, безъ всякой вообще опасности. И этотъ теплый уголокъ облегченнаго существованія, гдѣ съ границы мы мирно брали любимый свой чай, безсовѣстною эксплоатаціею доведенъ до взрыва, и мука нашего положенія заключается въ томъ, что неожиданно, невольно, фатально мы должны разорять условіе своего собственнаго спокойствія и мира своими руками. Какъ будутъ ликовать иностранцы, если ихъ отряды, „соединенные отряды“, поведутъ въ бой русскіе офицеры. И между тѣмъ все дѣло поставлено такъ, что уже дипломаты не могутъ или безсильны отсюда предупредить то или иное движеніе, прямо предпринимаемое во имя спасенія тамъ жизни. Никогда не было столь сложнаго положенія! Конечно, нельзя не спасти жизнь человѣку! Но спасая—мы нападаемъ, во всякомъ случаѣ мы убиваемъ въ сущности самозащищающихся людей, которые никогда ничего кромѣ добра намъ не дѣлали, а главное—обѣщаютъ необозримое добро мирнаго сосѣдства въ будущемъ. Тутъ важно простое зрительное впечатлѣніе, какое получатъ и сохранятъ китайцы: „Мы русскимъ ничего не сдѣлали, а они—противъ насъ, въ рядахъ нашихъ мучителей“. Нельзя сказать, что мы

уничтожаемъ только разбойничью шайку, когда она до очевидности не въ своихъ интересахъ дѣйствуетъ, когда ею руководитъ національная китайская партія, и когда самое положеніе правительства между европейцами и этими „кулаками"—весьма неопредѣленно. Какъ будто гверильясы испанскіе, воюя противъ регулярныхъ Наполеоновскихъ войскъ, не защищали отечество противъ иноземцевъ?! Но русскіе, запершіе поляковъ въ Кремлѣ, позволяютъ намъ не прибѣгать къ чужеземнымъ иллюстраціямъ. Во всякомъ случаѣ воображать, что правительство китайское согласнѣе и такъ сказать интимнѣе съ европейскими колонистами и десантами, чѣмъ со своимъ народомъ и народнымъ, хотя и дикимъ, движеніемъ,—значитъ представлять его себѣ не только европейски-образованнымъ, но и національно-ренегатскимъ. Ни на одно предположеніе, ни на другое у насъ нѣтъ правъ.

Въ этомъ необыкновенно трудномъ положеніи вся задача русскихъ, кажется, должна состоять въ томъ, чтобы какъ можно болѣе устраняться отъ всякаго „рука объ руку" съ иностранцами. Мы имѣемъ причины для большого сѣтованія на иностранцевъ за ихъ долголѣтнюю политику на Востокѣ, но никакого мотива не имѣемъ, чтобы вытащить на этотъ разъ драгоцѣннѣйшіе каштаны съ пылающихъ углей своего задняго двора и предложить ихъ въ завтракъ наслѣдникамъ Биконсфильда, Бисмарка и Андраши. Да пройдетъ мимо насъ эта чаша горькой полыни...

1900, сентябрь.

ЖЕЛТЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ПЕРЕДѢЛКѢ.

Между многими прекрасными и новыми наблюденіями, какія сдѣлалъ Дарвинъ, меня всегда особенно привлекало начало уподобленія. Гусеница бабочки, сидящая на сукѣ, сѣровато-черноватая, съ однимъ или двумя переломами въ тѣльцѣ, совершенно сливается цвѣтомъ и фигурою съ сукомъ. Другая крошечная гусеница, сидящая на зеленомъ листѣ и объѣдающая его, совершенно не отдѣлима отъ него по своему зеленому цвѣту и мясистой фигуркѣ. Зимою зайцы—бѣлые, лѣтомъ—сѣрые. Конечно странно предполагать, какъ объяснялъ Дарвинъ, что нѣкогда положимъ гусеницы на капустѣ были всѣхъ цвѣтовъ радуги, но птицы выклевали гусеницъ шести цвѣтовъ спектра и оставили только зеленаго цвѣта, которыхъ не замѣтили; что волки съѣдали сѣрыхъ зайцевъ зимою и бѣлыхъ лѣтомъ, и оставили только тѣ счастливыя случайныя исключенія, которыя зимою были бѣловаты, а лѣтомъ сѣроваты. Словомъ, объясненія Дарвина фантастичны, неправдоподобны и какъ-то глубоко неуклюжи, тогда какъ наблюденіе его не только вѣрно и превосходно, но и имѣетъ въ себѣ какую-то эстетическую прелесть. Да, все въ мірѣ *подобится*, потому что все любитъ другъ друга какою-то слѣпою, безотчетною, глупою и необоримою любовью. Мы сказали: „любитъ“; но это—конечно не въ смыслѣ нашего спеціальнаго и тѣснаго чувства любви, а въ го-

раздо болѣе общемъ смыслѣ, однако имѣющемъ что-то родственное съ нашей любовью: все, каждая вещь даже извнѣ отражаетъ въ себѣ окружающее, и фактъ, открытый Дарвиномъ, можетъ-быть лучше назвать *зеркальностью* вещей, нежели объяснять его „переживаніемъ приспособленнѣйшихъ". Я вотъ давно присматриваюсь къ чухонцамъ. Какое своеобразное лицо! Бороды нѣтъ, или она сбрита, инстинктивно сбрита; волосы безцвѣтные; безцвѣтные глаза; что-то мертвое, сѣрое, худое, угловатое въ лицѣ, фигурѣ. Какъ-то на меня смотритъ чухна-извозчикъ, смотритъ такъ, что и фигура, и лицо его пролагается на фонъ родного сосноваго пейзажа: и вотъ онъ—какъ пятно среди пятенъ. „Фу, бѣлоглазая чудь!",—подумалъ я; „какое вѣрное опредѣленіе: дѣйствительно—бѣлоглазая! Какъ такихъ любятъ женщины?—ни точки выдающейся во всемъ лицѣ и въ цѣлой фигурѣ!". Я гулялъ съ дѣтьми по лѣсу и остановился. Прилегли. Подо мной былъ коверъ исландскаго моху, этого длиннаго, коряваго, угловатаго, сѣраго, некрасиваго. „Вотъ на кого похожъ чухонецъ", подумалъ я. Этой мысли нельзя „доказать", потому-что какъ проводить параллель между мхомъ и человѣкомъ?! Конечно—они не совпадутъ! Но не совпадутъ геометрически, а художественно—совпадутъ! Есть что-то общее между этимъ бѣлесоватымъ и угловатымъ человѣкомъ, живущимъ среди мховъ, и самымъ мхомъ. Какъ будто мохъ и человѣкъ безконечно долго стояли другъ передъ другомъ и начали мало-по-малу близиться, уподобляться, сливаться, конечно—не въ фигурѣ и не въ смыслѣ, а въ художественномъ такъ-сказать фокусѣ своемъ. Еще замѣчаніе: живя среди столь тусклой природы, чухонецъ долженъ бы любить яркое и цвѣтное, напр. въ платьѣ. Между тѣмъ костюмъ ихъ столь же безцвѣ-

тенъ, общъ, сѣръ, тусклъ, какъ ихъ таратайки и лошаденки, какъ вся Финляндія. Провѣряя, правъ ли я во впечатлительности своей, я перенесся мыслью къ великороссамъ: въ красной рубашкѣ, съ поясомъ-ленточкой, въ смазныхъ сапогахъ и шароварахъ за голенищемъ, наконецъ въ шляпѣ стараго типа, съ короткими, загнутыми кверху полями,—нельзя ли сблизить его по общей живой внѣшности, сблизить въ художественномъ его фокусѣ, съ преобладающимъ растеніемъ его страны—зеленой кудрявою березкой? Такой-же веселый видъ, нарядность, и постоянная подвижность...

Отсюда, изъ этой связи человѣка съ роднымъ ему міромъ,—тоска внѣ родины. „Все не по мнѣ". Однако вѣдь „по тебѣ" пища, жалованье, отопленіе, освѣщеніе, вся цивилизація? „Вся цивилизація не по мнѣ, потому что я сѣрый человѣкъ, я мшистый человѣкъ, а эта другая цивилизація—игривая и яркая". Да, иногда думается, что эта взаимная зеркальность вещей простирается даже на цивилизацію, и въ ея штрихи входитъ что-то изъ ландшафта природы, изъ угловатаго или округлаго лица человѣка. Вся русская цивилизація отличается мягкостью, какъ характеренъ мягкій сгибъ русскаго носа. Горбоносый римлянинъ или тяжелоносый армянинъ создали бы и дѣйствительно создали совсѣмъ иную цивилизацію, а бѣлоглазая и безгласная чудь тоже свою: она 4,000 лѣтъ промолчала, и даже, вѣчно ѣздя на быстрыхъ своихъ лошадкахъ, только сосала трубку и никогда не догадалась запѣть.

Мысли эти, которыя я не придумываю, а онѣ сами лѣзутъ въ голову, невольно я примѣняю къ желтому человѣку. Тутъ одно воспоминаніе. Лѣтъ должно быть десять назадъ я былъ въ гостяхъ у знаменитаго педагога нашего времени Серг. Алекс. Рачинскаго въ его

Татевѣ. Среди отдыха и ничего недѣланья онъ показывалъ мнѣ разныя фотографіи тѣ мѣстностей, тѣ людей, и надъ одною группою фотографій я не могъ не остановиться. Я зналъ раньше о какомъ-то японцѣ, посѣщающемъ Татево, но ничего не зналъ о немъ опредѣленнаго и осмысленнаго. Остановившая мое вниманіе группа фотографій и была японскаго и полу-японскаго, европейскаго и полу-европейскаго содержанія. Тутъ онъ мнѣ сказалъ, что это Сережа Саотзы, его любимый или одинъ изъ любимыхъ учениковъ, ставшій христіаниномъ,—„а вотъ и его семейство", „въ такіе-то и такіе-то годы". Саотзы былъ юношею, почти мальчикомъ, а его семейство, отецъ съ матерью и братья и сестры—уже старые или взрослые японцы. „Вотъ это Сережа, когда онъ еще ходилъ въ японскомъ костюмѣ, а вотъ—какъ онъ теперь". „Вотъ онъ—одинъ, кабинетный портретъ, а вотъ—группа семейная, и всѣ они—еще *они*, а *онъ*—уже христіанинъ". Я разсматривалъ. Я не художникъ. Но вѣдь всякій о березѣ скажетъ, что она—нарядна, а о соснѣ, о хвойномъ деревѣ—что оно угрюмо. Дробь художника есть въ каждомъ изъ насъ, и этою дробью въ себѣ художника я невольно смутился.

Тутъ все дѣло въ томъ, что на нѣкоторыхъ фотографіяхъ, вывезенныхъ изъ Японіи, былъ и ландшафтъ, т.-е. мебель и обстановка ихъ чрезвычайно открытыхъ, воздушныхъ жилищъ, и кой-что изъ деревьевъ, ихъ листвы и распредѣленія сучковъ. Что у человѣка и разныхъ породъ человѣка—станъ фигуры, выраженіе лица, тѣ у дерева и разныхъ породъ деревьевъ особое расположеніе сучьевъ. Весь видъ дерева опредѣляется не формою и цвѣтомъ листа, это—морфологія, а расположеніемъ сучьевъ, которое опредѣляетъ характеръ дерева и характерное въ деревѣ. Въ Крыму, спускаясь

впервые съ горъ, я Богъ вѣсть какъ далеко завидѣлъ, помнится въ Симеизѣ, кипарисы. „Это что за чудо? Что это за прелесть? Что это за изнѣженная аристократія среди сѣверныхъ простолюдиновъ"?! Дубъ, пальма, береза, сосна, тополь—все это говоритъ на своихъ языкахъ и говоритъ именно характернымъ видомъ расположенія своихъ сучьевъ. Такъ было и на японскомъ пейзажѣ. Не зная мѣстной природы, я не могу объяснить источниковъ своего впечатлѣнія: но скажу только, что все въ пейзажѣ было прелестно, гибко, какъ-то переломлено въ сучьяхъ, мало тѣнисто и отъ этого безконечно воздушно. Ничего сырого и ничего тяжелаго.

Поэтому, увидавъ Сережу Саотзы въ рединготѣ и застегнутаго на всѣ пуговицы, я былъ пораженъ сыростью и тяжестью его фигуры на фонѣ ландшафта существенно легкаго. Вотъ бегемотъ пробуетъ сѣсть за завтракъ и подвязываетъ себѣ салфетку. Въ данномъ случаѣ „бегемотомъ" былъ рединготъ. Замѣчу слѣдующее. Всѣ японцы, какъ и всѣ кажется китайцы, немного сутуловаты. Вѣроятно жаркій климатъ дѣлаетъ то, что фигура ихъ нѣсколько опущена. Европеецъ по фигурѣ всегда гвардеецъ; на гвардейцѣ рединготъ сидитъ великолѣпно,—прямая спина, выпяченная грудь, открытое большое лицо и этакъ какъ-нибудь усики. Соотвѣтственная стрижка волосъ, полукороткая, съ проборомъ. Все даетъ впечатлѣніе цѣлаго, все—картина. Но все картина—у насъ; вотъ—паркетъ, обширный залъ, картины по стѣнамъ, каменныя стѣны, громадный домина, зимнія зеркальныя рамы, свѣтъ люстръ и въ сторонѣ пылающій каминъ; у подъѣзда—дожидающееся ландо. Все чудно сплочено, сколочено, все глядится другъ въ друга, какъ зеркала, повѣшенныя другъ противъ друга. Теперь возьмите японца; на сутуловатой, непремѣнно и

исторически сутуловатой его фигурѣ, рединготъ сидитъ мѣшкомъ; въ сутуловатомъ—что-то скромное, и вѣдь скромность можетъ быть прелестна; но соединеніе скромнаго въ позѣ съ гордымъ костюмомъ—есть смѣшное, есть претензія, есть хвастовство. Все имѣетъ видъ украденнаго костюма, который въ торопяхъ переодѣлъ на себя воришка и идетъ по улицѣ. Скверно. И вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ прекрасенъ. „Это не я укралъ, это меня украли у моей цивилизаціи, съ моего ландшафта, у моихъ родныхъ и изъ моего дома; украли, положили въ карманъ какъ вещь и показываютъ какъ бонбоньерку".

Такъ тоскливо я думалъ, смотря на фотографіи. Обращу еще вниманіе на японское лицо. Оно—безъ угловъ, какое-то округлое, мѣшечкомъ, похоже на недозрѣлые маленькіе арбузы, какіе продаютъ въ концѣ іюля неопытнымъ. Безъ всякой растительности снизу. Это яблочко съ узенькими глазками, подъ рединготомъ—опять смѣшно, опять обезьяна, опять является безконечное къ нему неуваженіе. Около большого европейца, его фигуры, усовъ, цилиндра, галстуха—переодѣтый въ европейца „Сережа Саотзы" есть просто „малый", кому хочется сказать: „принеси, братецъ мой, лимонаду". Да. Переодѣтый есть всегда немножечко лакей того, въ чей костюмъ онъ переодѣлся. Онъ потерялъ связь со своими зеркалами: ландшафтомъ, небомъ, деревьями; и очутившись среди системы новыхъ для него отражателей—растерянъ, убитъ, уничтоженъ. То же было бы съ европейцемъ въ императорскомъ Римѣ, съ русскимъ—въ Аѳинахъ. Въ обществѣ Перикла и Аспазіи представляю себѣ нашего... ну, положимъ даже Кречинскаго. Онъ сталъ бы ма-а-а-ленькій, маленькій!

И вездѣ малъ человѣкъ, кромѣ какъ у себя; а у себя

онъ всегда въ мѣру и гармонично рослъ. Костюмы японскіе—суть какія-то матеріи, накинутыя на тѣло, съ прорѣзами для рукъ, но не длинныя, не до земли. На сутуловатой его фигуркѣ онѣ прекрасно рисуются, и въ воздушномъ пейзажѣ и среди легкой мебели производятъ впечатлѣніе необходимой малости. Большой человѣкъ и гордый видъ и не шелъ бы къ этой мебели и характерно лѣтнему ландшафту. Лѣтомъ большое тѣло тяжело, а маленькое тѣло—къ лѣту идетъ. И всѣ японцы и все японское не только „идетъ“, но единственно оно „идетъ“ къ японскому небу, и островамъ, и морю, и зелени, и складкѣ сучка у дерева, и къ фэрмѣ ихъ листьевъ, и къ легонькимъ носилкамъ, на которыхъ ихъ несутъ, а они не ѣдутъ въ ландо. У себя японецъ—природа; у насъ—феерія; вернувшись къ себѣ и усвоивъ наше—онъ феерія-же, которую едва ли пріязненно встрѣчаютъ туземцы. Тутъ рѣшаетъ не размышленіе, не наука, едва ли даже религія, а художество. „Ты не красивъ, и я не люблю некрасиваго“.

Отсюда, я думаю, глубокая раздѣленность, которую не создаютъ туземцы около христіанина-японца или китайца, но эта раздѣленность сама выростаетъ. Она выростаетъ на почвѣ взаимной некрасивости. Развѣ вы дружите съ людьми самыми умными, самыми благочестивыми, даже самыми честными?—Нѣтъ. Просто вы дружите съ людьми, самыми для васъ милыми суммою неизъяснимыхъ и неопредѣлимыхъ, большею частью художественныхъ, качествъ; совпаденіе центровъ художественнаго плана двухъ людей устрояетъ дружбу, какъ несовпаденіе этихъ центровъ производитъ разладъ. Это мнѣ симпатично, а это антипатично, этотъ симпатиченъ, а тотъ антипатиченъ. Тутъ дѣйствуютъ законы дополнительныхъ цвѣтовъ, законы контраста и законы одно-

тонности, т.-е. вообще пластическіе, а не законы умственные, этическіе и вѣроисповѣдные. Японецъ, который, въ передѣлкѣ въ русскаго, такъ поразилъ некрасивостью меня русскаго,—поразилъ просто и разомъ, безъ объясненій и доказательствъ,—можно представить себѣ, какъ онъ поражаетъ сородичей! Кажется они такъ и называютъ перемалеванныхъ: „обезьяны", „черти". Это едва ли религіозный терминъ. Скорѣе это терминъ эстетическаго негодованія.

Разсмотрѣвъ фотографіи, конечно я не передалъ С. А. Рачинскому своего тоскливаго впечатлѣнія. Онъ далъ мнѣ книжку, имъ изданную и написанную прозелитомъ: „Какъ я сталъ христіаниномъ. Сергѣя Саотзы". Я ее прочелъ. Она прекрасна въ духѣ, въ тонѣ, въ описаніяхъ, въ разсужденіяхъ, хотя этотъ духъ слишкомъ общій духъ, этотъ тонъ слишкомъ общій тонъ, и эти разсужденія и описанія — все чрезвычайно общее и не имѣетъ въ себѣ ни одной черты личной. Какъ будто книжка написана на тему, какъ вообще и почему вообще дѣлаются христіанами, напр. вотъ я, Сергѣй Саотзы. Гораздо позднѣе, уже пріѣхавъ въ Петербургъ, я познакомился, на службѣ, съ однимъ бывшимъ воспитанникомъ С.-Петербургской духовной академіи, съ которымъ учился вмѣстѣ, т. е. начиналъ становиться православнымъ богословомъ, и этотъ Сергѣй или Сережа Саотзы.— „Отличный былъ малый, отличный товарищъ, веселый и живой, очень не глупый". Еще позднѣе, совсѣмъ недавно, мнѣ привелось узнать отъ одного сосѣда Рачинскаго по имѣнію, дальнѣйшую судьбу японца: онъ сдѣлался офицеромъ и служитъ въ которомъ-то полку. — „А что же богословіе? Духовная академія? Свѣжее зерно на свѣжей почвѣ, и привитое такою могущественною рукою (Рачинскій), какъ въ смыслѣ просвѣтительномъ,

такъ и въ смыслѣ благочестія?"—„Не знаю; только онъ пошелъ въ офицеры". Т. е. ничего не вышло ожидаемаго. Онъ палъ въ русскій океанъ, какъ желтая капля своей желтой родины, смѣшавшись и утонувъ въ волнахъ безцвѣтной, во всякомъ случаѣ не колоритной въ смыслѣ христіанства и богословія—русской интеллигенціи, и утонулъ въ ней. Ничего не вышло, если вдуматься. Стало русскихъ 140.000,001, а японцевъ 39.999,999. Разница ариѳметическая, а не для Бога и не для цивилизаціи.

Именно Божія-то дѣла тутъ и не выходитъ. Божіе началось бы, еслибы онъ поѣхалъ на родину, еслибъ онъ привелъ къ намъ и нашей вѣрѣ своихъ родныхъ, кого-нибудь изъ друзей дѣтства, и вообще еслибы онъ палъ обратно на родину—христіанскимъ лучемъ. Конечно это отъ него и ожидалось, но этого не случилось. Можетъ быть онъ напишетъ когда-нибудь болѣе любопытныя воспоминанія: „какъ я былъ христіаниномъ, и что дѣлалъ и что чувствовалъ до старости". Безъ сомнѣнія, съ нимъ что-то произошло, отъ чего онъ предпочелъ, сойдя со спеціальныхъ путей, на которые былъ поставленъ, свернуть на большую и общую дорогу интеллигентнаго существованія, какъ напр. и его товарищъ по духовной академіи—ставшій контрольнымъ чиновникомъ, какъ и другое множество семинаристовъ, становящихся докторами и проч. Между тѣмъ онъ находился подъ вліяніемъ, и малая доля котораго не падаетъ отъ заурядnаго миссіонера. Онъ находился среди полнаго русскаго быта, среди огромныхъ образовательныхъ средствъ, въ глубочайше благочестивой обстановкѣ, подъ напоеніемъ обдуманнаго и утонченнаго ученія. И сказалъ: „я пойду въ офицеры"... Не вышло нисколько страницы евангельскаго обращенія, страницы апостольскаго прозелитизма, но одна изъ обыкновенныхъ и ни-

чѣмъ не выдающихся страницъ русскаго интеллигентнаго расшатыванія стараго быта, и послѣдующаго интеллигентнаго праздношатайства. — „Былъ японцемъ, поступилъ въ духовную академію, а потомъ поступилъ въ офицеры". Типичный образчикъ типичнаго русскаго существованія.

* * *

Отъ этого частнаго случая перейдемъ къ соображеніямъ болѣе общимъ. Мнѣ кажется, когда говорятъ о миссіонерствѣ на Востокѣ, всегда не договариваютъ самаго важнаго, и отъ этого самаго важнаго не понимаютъ. Вѣдь отсюда, сидя въ Петербургѣ, Москвѣ, Тамбовѣ, Нижнемъ, сидя въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ, какъ представляется дѣло? „Имъ понесли христіанство, а они не приняли и возстали, потому что они грубы и желты". Или: „благородные европейскіе народы приняли Евангельскую вѣсть, а вотъ монголы, низшая раса, не принимаютъ". Такъ дѣло формулируется издали. А чтобы почувствовать, до чего мы правы въ пропагандѣ, а они не правы въ сопротивленіи, мы открываемъ нагорную проповѣдь и читаемъ:

„Блаженны чистые сердцемъ, яко тіи узрятъ Бога"...

„Блаженны миротворцы, ибо они нарекутся сынами Божіими"...

„Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся"...

„Блаженны вы, когда васъ будутъ изгонять"... И прочее.

Пораженные, мы закрываемъ книгу и со слезами спрашиваемъ: „вотъ чего они не захотѣли принять!"— „Вотъ что̀ мы несли имъ, и вотъ что̀ не вошло въ ихъ желтую кожу, потому что самая эта кожа негодная, и

проклятъ всякъ человѣкъ, отвергающій столь очевидную истину; и теперь, когда они насъ прогнали и убили, остается ихъ завоевать, сорвать съ нихъ прежнюю кожу, облечь ихъ, даже насильно облечь, въ нашу бѣлую, и вообще во все наше бѣлое существованіе, христіанское существованіе".

Такъ дѣло разыгрывается, и можетъ быть такъ кончится. Но раньше, чѣмъ будетъ „поставленъ крестъ" надъ желтымъ существованіемъ, мнѣ хочется повести бѣлаго человѣка туда, вдаль, и такъ сказать попробовать годъ за годомъ пережить съ нимъ впечатлѣнія „обращаемаго". Сергѣй Саотзы и мой товарищъ по контрольной службѣ, бывшій студентъ Духовной Петербургской академіи, помогутъ усиліямъ нашего воображенія.

Мы прочитали нагорную проповѣдь — и заплакали. Прочиталъ ее съ нами и Саотзы—и заплакалъ же. Это первый день, свѣтлый день творенія христіанина.

Но вѣдь солнце не останавливается и луна бѣжитъ по небосклону. За „сегодня" наступитъ „завтра", за „завтра"—„послѣзавтра", потекутъ дни, недѣли, годы; и изъ перваго класса семинаріи юный прозелитъ переходитъ во второй, третій, пятый, девятый: идетъ въ академію; онъ „становится „богословомъ", а не христіаниномъ. И настоящее заглавіе книжки, какую написалъ Саотзы и издалъ С. А. Рачинскій, не „Какъ я сталъ христіаниномъ — Сергѣя Саотзы", а „Какъ Саотзы, изъ Кіо-Сіу, поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію". Устранимъ иллюзію общаго, поставимъ на ея мѣстѣ конкретное, опредѣленное—и пылъ остынетъ. Рачинскій — художникъ, и ему нравится: „Какъ я сталъ христіаниномъ"; но я—реалистъ, и мнѣ болѣе нравится: „Какъ я сталъ семинаристомъ". Увѣренъ, что въ этомъ — все дѣло, и бѣдный

„порченый японецъ“, если бы ему случилось прочесть эти строки, прямо упалъ бы мнѣ въ объятія и сказалъ бы: „да! да! въ этомъ все дѣло, я только не умѣлъ объяснить! Они говорили всѣмъ, что дѣлаютъ изъ меня христіанина, и этого я самъ хотѣлъ, прочтя Евангеліе: но на самомъ дѣлѣ они стали дѣлать изъ меня бурсака, и вотъ этого я не хочу, этого я не понимаю и отъ этого я убѣжалъ въ офицеры, потому что это все-таки правда и понятное мнѣ, и болѣе похожее на мое родное Кіо-Сіу, чѣмъ ужасный подрясничекъ и стихарчикъ, въ которомъ ни побѣжать, ни засмѣяться, а только стоять благочестиво и безмолствовать. Я не захотѣлъ! Я не хочу“.

Въ самомъ дѣлѣ, за „сегодня“ наступаетъ „завтра“, и пройдя нагорную проповѣдь, поражающую его блистаніемъ, всякій японецъ и китаецъ переходитъ на второй годъ къ катехизису. Это — фатумъ, безъ этого нельзя. Безъ надежды и увѣренности пройти съ японцемъ и китайцемъ „и катехизисъ“—рѣшительно ни одинъ миссіонеръ не двинулся бы шагу на Востокъ изъ Берлина, Лондона, Петербурга. Въ этомъ все дѣло. Сердце наше опадаетъ, сердце японца падаетъ. О, я самъ помню, изъ студенческихъ лѣтъ еще, весну 1879 года въ Москвѣ, на Третьей Мѣщанской, въ домѣ Сабуровой. Я сидѣлъ на окнѣ въ своей свѣтелочкѣ. За нашимъ большимъ дворомъ начинался садъ глубокій, душистый. Шелъ должно быть апрѣль или май. Не то что бѣло было въ саду, но садъ былъ весь бѣлый, весь пушистый и чудный. Цвѣли вишенки, безчисленныя вишенки. Вечеръ не жарокъ, но тепелъ. Черезъ два дня экзаменъ у проф. Сергіевскаго, и вотъ вмѣсто лекцій литографированныхъ я училъ, изъ страницы въ страницу, его печатную книжку: „Апологетическое богословіе“... Взглядъ—на страничку книги, и потомъ устно повторяя—взглядъ въ садъ...

Я ничего не запомнилъ.

Помню только, что мнѣ было тяжело. О, какъ грустно было, и скучно. Никакого протеста, да и зачѣмъ протестъ, и противъ чего? Вѣдь я былъ малышъ и необразованный человѣкъ Но мнѣ было ужасно грустно, потому что секунды эти были единственныя, а вѣдь такихъ книжекъ много... Ихъ много, и онѣ всегда, вездѣ, а вотъ этотъ садъ, и этотъ вечеръ и я, мой возрастъ въ этотъ вечеръ—единственное сочетаніе! Толсто надувши щеки, я вздохнулъ, отвернулся къ стѣнѣ, къ обоямъ какой-то „резедой въ рамкѣ", и началъ „дуть": 1) „доказательство онтологическое бытія Божія", 2) „доказательство нравственное того же", 3) „доказательство телеологическое — того же".—„Буль-буль-буль", точно тону.—1) „Возраженія противъ матеріалистовъ", 2) „Возраженія противъ раціоналистовъ", 3) „Возраженія противъ мистиковъ".—Я все „буль-буль"... 1) „Неправомысліе Дарвина", 2) „Неправомысліе Спенсера": все я „буль-буль"... И прошли годы; я ничего не помню изъ ученнаго, и только помню все же бѣлыя пушистыя вишенки, которыя и видѣлъ-то мелькомъ и въ отдаленіи. Какъ будто отъ Бога я оторвался, а погрузился въ не-Божіе. И вотъ Божіе—запомнилось, а человѣческое — пропало. Такъ, я думаю, и японецъ.

И для него родина, съ ея чудеснѣйшими пейзажами,— то же, что для меня—весна, но своеобразная, своя родная японская весна. И вотъ на фонѣ ея, съ воспоминаніями о ней, онъ учитъ во второй, третій или девятый годъ:

1) Неправомысліе Лютера объ оправданіи одною вѣрою.

2) Неправомысліе католиковъ о чистилищѣ.

3) Неправомысліе старообрядцевъ, слагающихъ крестное знаменіе двумя персты.

И прочее. Охъ какъ это теперь далеко отъ нагорной проповѣди! „Что же они меня манили нагорною проповѣдью? И что же, въ Берлинѣ, Петербургѣ, Лондонѣ они такъ компактно и вообще красиво для себя и некрасиво для насъ формулируютъ: „мы ихъ обращали въ христіанство, а они насъ не приняли, а и принявъ—пошли въ офицеры".

Все очень обыкновенно. И изъ нашихъ духовныхъ академій идутъ въ чиновники и въ доктора, и мы всѣ не весьма пылки въ вѣрѣ и не весьма интересуемся богословскими вопросами, хотя кто же изъ насъ имѣетъ что-нибудь противъ которой-нибудь страницы Евангелія? Такъ въ Европѣ, такъ вездѣ. И такъ въ Японіи и въ Китаѣ. Ожидая сейчасъ какихъ-то апостольскихъ озареній на Востокѣ, мы забываемъ, что апостолы несли только Евангеліе, а мы сейчасъ несемъ „и 1800 лѣтъ послѣ Евангелія", къ „непремѣнной вѣрѣ и непремѣнному исполненію",—что̀ совершенно не одно и то же. „И катехизисъ", „и богослуженіе", „и апологетическое богословіе", и еще тысяча такихъ же непремѣнныхъ „и"... Въ этомъ все дѣло! На Западѣ, при посылкѣ миссіонеровъ, кажется „одно христіанство"; въ Азіи, на Востокѣ видятъ и вкушаютъ и понуждаются вовсе не къ этому, а „къ исповѣданію Тридентскаго собора", къ „Аугсбурскому исповѣданію", къ „Никейскому исповѣданію". Не споримъ, что это истинно и фундаментально; но вѣдь это уже не нагорная проповѣдь: а прося отворить себѣ двери, открыть порты, дать свободу миссіямъ въ Китаѣ и Японіи—просили открыть двери именно нагорной проповѣди, и выслушать слово и ученіе Христа! Такъ говорили дипломаты и первые миссіонеры, кратко и наскоро объясняя, что это „блаженны алчущіе правды" и „тому подобное".

Отъ этого апостолы успѣвали, мы не успѣваемъ. У апостоловъ было одно Евангеліе, а доказать его, и поразить имъ и ослѣпить имъ—легче, чѣмъ послѣдующими „1800 годами нашихъ думъ объ Евангеліи". Но и не только это. Христіанство было тогда in statu nascenti, и оно заражало и рождало, къ чему ни прикасалось, этимъ своимъ statu nascenti. Но христіанство давно перестало быть бродиломъ, дрожжами. Оно не „бродитъ", а установилось. И это его внутреннее только статическое, а не динамическое состояніе—есть огромная причина притупленія его дѣйствія. Христіанство не только не успѣваетъ въ Японіи и Китаѣ, оно не успѣваетъ и въ самой Европѣ. Никто противъ него не споритъ, но никто имъ и не пламенѣетъ. Говорятъ, сами миссіонеры холодны. Лично мы этого не знаемъ, но, оглядываясь на Европу, уже лично думаемъ: „холодны".

И наконецъ нужно высказать одну великодушную мысль. „Развѣ вы не знаете, что солнце восходитъ надъ добрыми и злыми". Это сказалъ нашъ Господь. Можемъ ли мы думать, что китайцы и японцы совершенно внѣ мысли Божіей и внѣ Божія о нихъ попеченія?.. „Развѣ вы не знаете, что и волосъ человѣческій не падаетъ съ головы безъ воли Божіей"? Итакъ, большіе и тысячелѣтніе пути Востока Азіи совершились ли внѣ того Провидѣнія, которое движетъ и планеты въ путяхъ ихъ? Поэтому наша мысль подойти къ нимъ какъ къ нѣкоторому щебню историческому, предлежащему къ разбору, едва ли даже религіозна. Они только слѣпы въ истинѣ; они не глаголютъ истину; но *существуютъ* они въ истинѣ. Ихъ особые пути, ихъ странныя вѣрованія, ихъ нѣкоторыя прекрасныя воззрѣнія, какъ напр. культъ предковъ, уваженіе къ старшимъ, благоговѣніе къ царю, который—„сынъ Небесный", все это конечно не внѣ

мысли Божіей и даже не безъ нѣкотораго небеснаго вѣянія на землю. Все прекрасное на землѣ—отъ Бога. Мы слишкомъ раціоналисты, и показывая свои пушки, которыя „сами сдѣлали", воображаемъ, что также „сама сдѣлалась" и всякая цивилизація. Но пушки—это одно, а обширная цивилизація—это другое. Одно—искуство, и оно принадлежитъ человѣку; другое—природа. и она принадлежитъ Богу. Китай стоитъ отъ сложенія земли. Онъ—самый ранній; онъ—первый; до него—никого не было, ничего яснаго не было на землѣ. Это—первичное человѣческое устроеніе, безъ перерывовъ существовавшее до сихъ поръ. Я—бѣдный человѣкъ, я—малый человѣкъ, мнѣ осталось десять лѣтъ жизни; итакъ, что бы мнѣ Китай? Но я не могу, необъяснимо для себя не могу, безъ мистическаго трепета думать о *небытіи* Китая, о *разрушеніи* Китая, о сведеніи его къ *провинціальному европейскому существованію*. Пошатнется что-то дѣйствительно „срединное"; и я думаю, самъ не зная почему, что „конецъ Китая" былъ бы вообще „началомъ конца концовъ". Самому европейцу отрадно сознавать, что еще „не все—европейское". Мы еще не знаемъ глубинъ полной европейской тоски. „Теперь—*только* мы на землѣ", „теперь *все* уже Европа", „и Вильгельмъ, и соціалисты, и Круппъ, прусскіе юнкера и французская палата депутатовъ". Я говорю, что глубинъ европейской тоски, тоски европеизма „отъ моря до моря", отъ океана до окоана, между землей и небомъ—мы еще не измѣрили, и вовсе не знаемъ этого чувства, но предугадывать—можемъ. Это—именно конченное, эта тоска собственнаго европейскаго существованія. Найдемъ ли мы внутри европейскаго существованія безконечное? А безъ безконечнаго человѣкъ существовать не можетъ. Всѣ идеалы европейскіе замѣчательно конечны. Мы стали

баловаться спиритизмомъ, окультизмомъ. Что за притча?—„Можетъ быть тамъ—безконечное!“ Но тамъ конечно нѣтъ безконечности, а только наши шалости и наша скука. Главный центръ безконечнаго – въ исторіи, въ будущемъ. И вотъ пока есть Китай—есть великій и даже послѣдній „х“ въ исторіи, стеревъ который мы получаемъ уже слишкомъ разрѣшимое уравненіе. Остаются слишкомъ конечныя и даже слишкомъ малыя для истинной занимательности величины: соперничество Германіи и Россіи, окончательное торжество евреевъ, конецъ морского и колоніальнаго могущества Англіи, и еще нѣсколько подобныхъ темъ, совершенно доступныхъ Иловайскому. Да, забылъ: еще миссіонеры!—„и окончательное мирное распространеніе миссіонеровъ по всѣмъ странамъ земли“. Право, это гробомъ пахнетъ. Едва мы убьемъ первое дѣтство человѣчества,—я говорю о Японіи и Китаѣ—какъ тотчасъ же ощутимъ сами первое дуновеніе и настоящей старости, и собственной могилы. И вотъ это-то чувство и будетъ одно *ново* въ Европѣ, и оно будетъ чрезвычайно страшно...

1900 г.

НАШИ ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ УСОПШІЕ.

Много лѣтъ назадъ я бесѣдовалъ съ однимъ старымъ докторомъ о разныхъ сторонахъ его науки, и, между прочимъ, спросилъ объ особенно мало мнѣ понятной ея части, именуемой судебною медициной.

— Я понимаю, что это прикладная медицина, какъ есть прикладная математика. Чистая математика занимается числами, величинами и взаимными положеніями величинъ, какъ иксами, игреками и зетами. Прикладная математика на мѣсто z, y, x—подставляетъ балки, цементъ, рельсы—и получается инженерное искусство или, еще частнѣе, искусство строить желѣзныя дороги. Но судебная медицина? Это, повидимому, приложеніе анатоміи, физіологіи и паталогіи къ... судебнымъ казусамъ? Да?

— Къ трупу, о которомъ мы не знаемъ, какъ онъ сталъ трупомъ,—относительно котораго у судебной власти есть сомнѣніе, чтобы онъ сталъ трупомъ естественнымъ образомъ. Есть случаи, когда судья рѣшительно ничего не можетъ сдѣлать безъ доктора, не можетъ сдѣлать самаго перваго шага: начать слѣдствіе.

— Напримѣръ?

— Въ моей практикѣ былъ такой случай. Сгорѣлъ домъ и въ немъ обгорѣлъ трупъ; трупъ не только обуглился, но сгорѣли его внутренности, и по желудку, легкимъ, не говоря о наружныхъ признакахъ, нельзя

было заключить, имѣемъ ли мы дѣло съ несчастіемъ или съ судебнымъ казусомъ. Я велѣлъ распилить черепъ. Черезъ черепъ проходятъ въ нѣкоторыхъ точкахъ кровеносныя жилы. Если бы онъ сгорѣлъ живымъ, жилы эти были бы наполнены артеріальною кровью и въ разрѣзѣ дали бы рядъ красныхъ точекъ; но точки были черныя, жилы были наполнены венозною кровью, и человѣкъ задушенъ былъ раньше, чѣмъ сгорѣлъ. Вотъ опредѣленіе, и вотъ что̀ нужно было знать судебному слѣдователю.

За многими истекшими годами я могу ошибиться въ качествѣ точекъ: были ли онѣ красныя, черныя или другого цвѣта. Но я точно помню главный очеркъ разсказа, т. е. что вотъ былъ пожаръ, найденъ сгорѣвшій трупъ, и что по единственному остатку его, черепу, именно черезъ разрѣзъ послѣдняго и цвѣтъ соотвѣтствующихъ точекъ, докторъ не колеблясь, а утвердительно сказалъ судебному слѣдователю, что это — убитый человѣкъ, а не сгорѣвшій. Значитъ—„ищи“. И законъ, судья начали искать.

Человѣкъ можетъ утонуть; но можно уже мертваго человѣка бросить въ воду. Смотря по тому, чѣмъ наполнены легкія, водою или кровью, докторъ говоритъ, утопленникъ это или удавленникъ. И т. д. Наука не можетъ быть передана въ краткихъ строкахъ, и достаточно, если здѣсь мы укажемъ, что наука эта есть разумная, что наука эта есть полезная, что наука эта есть умѣстная.

Но, позвольте: до̀ктора приводятъ на скотобойню и, указывая на только-что заколотаго быка, говорятъ: „опредѣли причину смерти“. Если бы этотъ докторъ былъ умный человѣкъ, онъ оскорбился бы за себя: если бы онъ понималъ свою науку, онъ отвѣтилъ бы:

— Позвольте. Наука есть познаніе неизвѣстныхъ причинъ по извѣстнымъ послѣдствіямъ. И если вамъ нужно открыть что-нибудь, увидѣть научнымъ глазомъ то, чего не видно вовсе простымъ глазомъ необразованнаго человѣка, — я къ вашимъ услугамъ, къ услугамъ общества. Но вы подводите меня къ быку и задаете проблему: „Вотъ мясникъ закололъ быка: скажите, г. докторъ, отчего умеръ быкъ"?—Я могу только смѣяться вашему вопросу, я могу разсердиться на вашу невѣжливость, но мнѣ не о чемъ разсуждать съ вами.

Такъ поступилъ бы врачъ, благовоспитанный въ своей наукѣ. Но что сказать о врачѣ, который съ университетскимъ значкомъ входитъ на бойню, и, щупая теплаго еще быка, начинаетъ длинную рѣчь:

— Э, позвольте, позво́льте—это все не наука. Вы говорите: его закололъ мясникъ. Это ужъ мнѣ лучше знать, мясникъ ли его закололъ, или быкъ закололся самъ, напримѣръ случайно наткнувшись на ножъ; или можетъ быть онъ былъ удавленъ, а мясникъ уже потомъ прокололъ ему кожу и жилу, такъ что выходитъ, что какъ-будто онъ заколотъ, а на самомъ дѣлѣ онъ не заколотъ. Позвольте, позвольте, не перебивайте рѣчь: и бойня ваша ничего не значитъ, и кровь подъ быкомъ ничего не значитъ, потому что ее могъ принести въ бутылкѣ этотъ же г. мясникъ и подлить ее подъ тушу быка. Позвольте, позвольте, не кричите и не волнуйтесь: вы не учились, а я учился, и вотъ у меня значекъ, что въ составѣ другихъ наукъ медицинскаго факультета я слушалъ и эту, которая называется судебною медициною...

Мнѣ кажется, такой докторъ прежде всего не понималъ бы своей науки; но и кромѣ того: онъ обнаружилъ бы чрезвычайно много грубости, неделикатности въ чисто-житейскомъ смыслѣ...

* * *

Грубъ можетъ быть человѣкъ; но гораздо печальнѣе, когда человѣкъ со своими грубыми манипуляціями, не нужными изслѣдованіями, является только подневольнымъ исполнителемъ общаго правила, вѣрнаго въ своемъ существенномъ смыслѣ, но которое становится чѣмъ-то безчеловѣчно-жестокимъ, циничнымъ и наконецъ наглымъ, примѣняясь къ случаю, совершенно не подходящему. Такое рѣжущее впечатлѣніе вѣроятно произвело на многихъ недавнее въ газетахъ сообщеніе о финалѣ страшной царскосельской драмы. Сестра убійца, выбѣжавъ изъ дома, бѣжала по улицамъ и, встрѣтивъ дѣтей своихъ съ гувернанткою, крикнула имъ: „не подходите ко мнѣ, я дурная мать"; вошли въ домъ, гдѣ нашли трупъ застрѣленной изъ ревности дѣвушки-сестры: она бѣжала, хваталась за косяки дверей, и упала въ послѣдней комнатѣ. Но вотъ финалъ: „къ величайшему ужасу, произведенное судебно-медицинское вскрытіе тѣла убитой показало убитую *дѣвственницею*".

По всему вѣроятію, ни сестра-убійца, ни ея мужъ не могли помѣшать вскрытію. У насъ когда законъ входитъ—ужъ человѣкъ молчи. Едва въ вашу квартиру вошелъ человѣкъ съ бляхою, кокардою, цѣпью и, словомъ, чѣмъ-нибудь металлическимъ въ составѣ знаковъ своего достоинства,—такъ ужъ не вы хозяинъ этой квартиры, а онъ; и ваша обязанность только отвѣчать на вопросы, какіе вамъ будутъ предложены властительнымъ и неделикатнымъ гостемъ.

Входятъ судебный слѣдователь и докторъ и берутъ тѣло.

— Позвольте, это наше тѣло, нашего родного человѣка...

— Позвольте, позвольте—законъ. Я—законъ.

— Но, позвольте, вѣдь и родство — тоже законъ, и тѣло—наше.

— Оно и будетъ ваше—послѣ; оно ваше въ смыслѣ суммы ногъ, рукъ, головы, внутренностей и прочее, которыя мы всѣ вамъ возвратимъ въ цѣлости, а пока—распотрошимъ.

— Да вы кто?

— Докторъ и представитель судебной медицины.

— Да тутъ нѣтъ казуса для васъ.

— Есть казусъ. Трупъ. Убійство.

— Но вѣдь убійство такъ ясно, какъ убіеніе быка на бойнѣ.

— Для васъ, потому что вы не учились. Но я учился и для меня оно не ясно.

— Но вы видите пули, кровь, слѣдъ и путь бѣгства, видите лицо и слышите слова убійцы, знаете мотивъ убійства и, наконецъ, если ужъ очень любопытны, можете ощупать отверстіе ранъ въ затылкѣ, спинѣ... Тутъ нѣтъ темы для изслѣдованія, нѣтъ неизвѣстнаго предмета, который вамъ предлежало бы найти по извѣстнымъ даннымъ.

— А вотъ мы покопаемся и можетъ быть что-нибудь найдемъ. Это ужъ наша наука и вобще это нашъ кругъ обязанностей, спеціальность нашего знанія и должности, а вы, какъ частный человѣкъ, пожалуйста на время отойдите...

И экспертиза произведена; и единственно новое, что она нашла и можетъ-быть чего искала, что погибшая—дѣйствительно дѣвушка!

— Да зачѣмъ это вамъ?

— Да вѣдь убійство изъ ревности.

— Ну?

— Мы и открыли, что не было причины для ревности. Вина убійцы отягощается. Судебный казусъ, и мы добыли деталь. Наука.

— Да вы съ ума сошли и съ вашей наукой, а пожалуй—и съ вашимъ судебнымъ воззрѣніемъ...

— Почему?

— Неужели жена могла начать ревновать и дойти въ этой ревности до изступленія, только получивъ или заподозрѣвъ данныя, что убитая уже не дѣвушка? Что̀ за вопросъ! Что̀ за чудовищная мысль! Неужели съ *этого* начинается ревность и *это* имѣетъ своимъ предметомъ, раздражителемъ, мучителемъ ревность? Ревнуютъ къ любви, а не къ анатоміи. Жена любила мужа. Если-бы она не любила, она бы и не ревновала и даже не выстрѣлила бы, имѣя передъ глазами тѣ данныя, которыхъ вы торжественно ищете. Ей было бы все равно. Но разъ въ ней было чувство любви, то оно и относилось къ чувству же любви, къ его уменьшенію, охлажденію, и ясному для несчастной, или подозрѣваемому несчастною, предмету новой любви. Почему вы думаете, что начинаютъ стрѣлять только... начиная съ физіологической измѣны?

— Такъ написано въ законѣ.

— Что написано?

— Прелюбодѣяніе состоитъ въ этомъ. До этого нѣтъ вины.

— Вы хотите сказать: нѣтъ мотива къ гнѣву, ярости, выстрѣлу?

— Да.

— Но, помутившіяся ваши сердца,—если нѣтъ мотива для медика и для члена духовной консисторіи, то онъ есть для жены, какъ любящаго и чистаго созданія, и которая имѣетъ мужа, а не есть только предметъ об-

становки своего мужа. Что́ за нигилизмъ въ вашемъ понятіи о прелюбодѣяніи и въ воззрѣніи на женщину, супругу, супружескую вѣрность и жизнь! Вы говорите о наукѣ, а отъ васъ псиной пахнетъ, какъ отъ собаки. Вы квалифицируете прелюбодѣяніе, какъ могъ бы квалифицировать его доѣзжачій на псарнѣ.

— Наше дѣло исполнить, а ужъ тутъ законъ.

— Да, конечно законъ. И какъ законъ, такъ и исполнитель—оба не безъ вины... Законъ не договорилъ, что „судебное медицинское вскрытіе можетъ имѣть мѣсто только въ виду неясности причинъ смерти или способа смерти", когда это вскрытіе „можетъ добыть данныя, безусловно необходимыя для судебнаго слѣдователя, ставшаго втупикъ передъ вопросомъ, кто убилъ и какъ убилъ". Но ни судебный слѣдователь не долженъ спрашивать медика, ни медикъ—отвѣчать ему, если картина убійства дана, нарисована, удостовѣрена до полной очевидности суммою другихъ данныхъ. Анатомическій ножъ есть послѣднее средство вынудить какъ бы у самого убитаго указаніе на убійцу; но огромная ошибка заключается въ томъ, что у насъ прибѣгается къ этому ножу не какъ къ послѣднему средству, а напротивъ какъ къ первому и какому-то непремѣнному. Прежде всего хватаются за ножъ: вскрыть убитаго, распотрошить его! Это—по китайски... Нѣтъ, хуже: у китайцевъ есть уваженіе къ мертвецу, было это уваженіе у язычниковъ, а у насъ—нѣтъ.

Извѣстенъ священный ужасъ къ сожженію труповъ, проектъ котораго обсуждался и въ нашей печати нѣсколько лѣтъ назадъ. Между тѣмъ сжечь или схоронить въ землю тѣло—не одно ли и то же въ священномъ смыслѣ? Огонь во всякомъ случаѣ чище земли. Далѣе, сгорѣвшее тѣло уже никогда не будетъ оскорблено, а

вотъ мнѣ самому пришлось видѣть, какъ въ Нижнемъ, въ огромномъ бугрѣ надъ Волгой, гдѣ давно и слѣда не было кладбища, случайно осыпавшаяся земля обнажила цѣлый уголъ должно быть древняго кладбища, съ торчавшими гробами, костями ногъ и черепами. Это было неподалеку отъ гимназіи и самыхъ центральныхъ мѣстъ города. Я былъ гимназистомъ и, какъ занимался любительски анатоміей, то самъ извлекъ оттуда нѣсколько череповъ. Никто вообще останковъ этихъ ничѣмъ не прикрылъ, и вмѣстѣ съ людьми къ нимъ могли подходить и, безъ сомнѣнія, подходили и собаки. При сожженіи тѣлъ этого не будетъ никогда, вѣчно. Но тѣмъ не менѣе сожженіе все-таки ужасно, и вотъ чѣмъ: образъ, видъ, очертаніе тѣла, лица и, наконецъ, связь частей дорогого покойника—абсолютно уничтожаются; и какъ?! —фабричнымъ способомъ, въ огромной печкѣ, черезъ какой-то раскаленный газъ! Вотъ эта фабрика уничтоженія тѣлъ и ужасна: „ты прожилъ свой вѣкъ и умеръ; теперь мы живемъ и не хотимъ нюхать ни твоей вони, ни опасаться зараженія отъ тебя воды или земли. Сгинь вовсе!.. Да мы и придумали, какъ тебя... свести къ нулю: мы сожжемъ тебя“. Въ кругѣ этой мысли есть нѣчто ужасное, и это ужасное лежитъ въ отчужденіи живыхъ людей отъ умершихъ, сегодняшнихъ—отъ вчерашнихъ. Ужасно, потому что грубо; ужасно, потому что цинично...

Хоронить въ землѣ—предпочтительнѣе, потому что тутъ выражается, что мы не тяготимся покойниками, что хотя они и умерли, но самыя тѣла ихъ дороги намъ. Кстати, въ видахъ введенія въ нѣкоторыя скромныя границы нашего христіанскаго самомнѣнія, сдѣлаемъ одно параллельное историческое припоминаніе: однажды Периклъ вернулся съ битвы, морской битвы, побѣдителемъ. Его спросили:

— А подобралъ ли и похоронилъ ли ты тѣла убитыхъ?

Битва была очень трудна, и побѣда почти неожиданна. Именно впопыхахъ радости аѳиняне-побѣдители и самъ Периклъ забыли о долгѣ къ павшимъ. Тѣла не были подобраны и похоронены; кстати, не легко ихъ было и собирать по морю и везти на землю. Но это едва не стоило головы Периклу и другимъ вождямъ! Ихъ побѣда была сброшена на смарку, вмѣсто награды они получили жесточайшія порицанія и, какъ говорю, ихъ едва формально не потребовали къ суду и не казнили за кощунство, за святотатство! Такъ чувствовали язычники; но не такъ чувствуемъ мы, христіане:

— Вскрылъ дѣвицу и оказалась невинной,—говоритъ докторъ.

— Вскрытая дѣвица оказалась невинной—записываетъ въ протоколъ судебный слѣдователь.

— Къ ужасу всѣхъ свидѣтелей кровавой драмы, судебно-медицинское вскрытіе обнаружило совершенную невинность потерпѣвшей: она оказалась дѣвицей.

Такъ извѣстилъ корреспондентъ свою газету; и всѣ газеты столицы повторили: „Она—дѣвица".

И все это—о человѣкѣ съ опредѣленнымъ именемъ, о человѣкѣ съ родными, о человѣкѣ въ самомъ дѣлѣ невинномъ и такъ ужасно несчастномъ! О человѣкѣ столь юномъ, какъ 16—17-лѣтняя дѣвушка,—и все на основаніи закона! по правиламъ науки!!

Неуваженіе, цинизмъ. Глубочайшее непониманіе святыни смерти, святыни реликвій; истинное неуваженіе чувства родства. Просто—свинство. Иначе и назвать нельзя. И насъ хотятъ увѣрить, что мы или вообще изъ насъ кто-то „чаетъ воскресенія мертвыхъ"... Красивая реторика вокругъ нашего бездушія: ни я не „чаю",

ни ты, читатель,—не „чаешь“; ни судебный медикъ, ни слѣдователь, наконецъ—ни законъ и общество...

— Чаю...

— Что „чаю“?

— Чаю „воскресенія мертвыхъ“.

— Ну, вотъ не ожидалъ.

— Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ; нѣтъ—это моя вѣра...

— Ну, „вѣра“! Далеко „вѣра“! Конечно, не сказать нельзя, что—„вѣра“: ибо вѣдь какъ же жить и сохранить порядокъ? Это какъ бы въ родѣ полицейскаго устоя и столба, чтобы не падало ничто и чтобы насъ чѣмъ не задавило. А вотъ мы справили потрошеннаго покойничка на Смоленское, и пока онъ „чаетъ“, мы—закуски и чаю. Кстати, около самыхъ воротъ Смоленскаго здѣсь кладбища, vis-a-vis съ церковнымъ домомъ и всяческими лавочками монументовъ и вѣнковъ, огромная-огромная стоитъ гостиница, и съ вывѣской: „Поминальные обѣды“. И батюшки не обходятъ; и родные, и пріятели покойничка; и всѣ они „чаютъ воскресенія“ и спрашиваютъ „закуски и чаю“... Но закуски они съѣдаютъ, а „чаянія“... такъ, въ родѣ дессерта къ закускѣ, для разговоровъ и сохраненія вида. „Все-таки не китайцы“. Но, я думаю мы въ данномъ пунктѣ всѣ немножечко китайцы, и даже меньше, чѣмъ китайцы.

„И всѣ безчисленные бѣдняки-китайцы, продолжаетъ корреспондентъ, ежегодно эмигрирующіе изъ Небесной Имперіи, неизмѣнно связаны между собою невидимыми для европейцевъ соціальными связями, контрактами и синдикатами, ограждающими ихъ отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій и опасностей, которымъ подвергаются эмигранты другихъ странъ. Въ этихъ договорахъ все предвидѣно и опредѣлено, *даже смерть. На случай смерти какому-нибудь работающему въ Калифорніи кули гарантируется*

перевезеніе его тѣла обратно на родину, что китайцами считается необходимымъ условіемъ покоя умершаго". Такъ я прочелъ въ одной изъ журнальныхъ статей этого года.

Да, и Пушкинъ сказалъ:

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но *ближе къ милому предѣлу*
Мнѣ все-бъ *хотѣлось* почивать...

Вотъ эта поэзія,—да не одна поэзія, а и религія, — „своего угла" для могилы, извѣчно присуща смертному. Извѣчно мы будемъ любить покойнаго. Любовь эта, уваженіе къ праху—одинъ изъ краеугольныхъ камней красоты образа человѣческаго. „Я умеръ, но ты найдешь мою могилу",—сказалъ и древній египтянинъ своими пирамидами. Только христіане смотрятъ на умершихъ, какъ на собакъ: „сжечь ихъ"? „опустить въ землю"? „на родинѣ"? „на чужбинѣ"?—„Э, все равно, гдѣ-нибудь и куда-нибудь". Замѣтимъ, что вѣдь не такъ бы дорого было умирающихъ на корабляхъ людей—ихъ очень немного!—въ свинцовыхъ гробахъ отправлять на родину, къ роднымъ: но ихъ спускаютъ въ море, конечно послѣ отпѣванія—однако на съѣденіе акуламъ! Я говорю, что у христіанъ нѣтъ почтенія къ праху, или, по крайней мѣрѣ, его меньше, чѣмъ у древнихъ и у современныхъ язычниковъ. Между тѣмъ умершій человѣкъ—это невозвратимое и бывшее. „Мы его никогда болѣе не увидимъ, никогда, вѣчно"! Какъ это страшно! Какое испытаніе для любви, переломъ жизни сердца! Тутъ слѣдовало бы не плакать слезами наемныхъ плакальщицъ, а настоящими. И если бы къ живымъ у насъ были настоящія слезы, умѣли бы мы отстаивать и прахъ умершихъ почившихъ.

Кстати, о безконечно грустныхъ петербургскихъ похоронахъ, о которыхъ ничего не знаетъ матушка зеленая Русь. Здѣсь обязательно гробъ долженъ быть закрытъ и заколоченъ на дому. Ни по пути, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, къ кладбищу, ни въ кладбищенской церкви, во время довольно долгаго отпѣванія, родные и друзья уже не видятъ чертъ возлюбленнаго покойника. Мнѣ тоже пришлось такъ хоронить своего „приснаго“. Положительно, я былъ раздраженъ и спросилъ:

— Да отчего это?

— Да можетъ быть зараза.

— Да какая же зараза отъ умершаго воспаленіемъ мозга?

— А мы не знаемъ.

— Такъ вы спросите.

— А кого мы спросимъ, да и очень намъ надо.

— Да нѣтъ ничего проще: вѣдь у васъ и внести покойника на кладбище не допускается безъ пропуска отъ полиціи, а въ свою очередь полиція выдаетъ пропускъ, только получивъ докторское удостовѣреніе, отъ какой болѣзни умеръ покойникъ. Двѣ бумаги, и вотъ только бы кратко приписывать въ нихъ: доктору— „умеръ не отъ заразительной болѣзни“, а полиціи „хоронить открыто“, и отецъ, мать, родные видѣли бы лишнихъ три часа лицо умершаго. Это дорого.

— Ну, вотъ дорого. Умеръ—и конецъ. А намъ возня. Теперь всѣ гробики заколочены, и такъ то живо — пропоемъ и къ выносу. Хорошо начальство распорядилось. И никакихъ этихъ „нагробныхъ рыданій“, за которыми бы прошелъ лишній часъ. А намъ когда? У насъ—требы.

Я похоронилъ малютку-дочь и не могъ не подумать даже въ ту утружденную минуту;

— Ну, и люди!

Нѣтъ, если мнѣ придется (чего Боже избави!) умереть и быть похороненнымъ въ Петербургѣ, я всѣ усилія сдѣлаю обратиться въ того злого китайца, который, по ихъ желтымъ легендамъ, будучи похороненъ не на родинѣ—не даетъ покоя живымъ и посѣщаетъ ихъ; и въ особенности бы вѣчно плевалъ въ тѣ поминальныя „яства и питія“, которыми заниматься вѣдь есть и досугъ и охота въ нашей гастрономически-нигилистической цивилизаціи.

Начальству слѣдовало бы все это обдумать.

1900 г.

ИЗЪ-ЗА ЧЕГО СЫРЪ-БОРЪ ЗАГОРѢЛСЯ?

(О ген. А. Кирѣевѣ и его хлопотахъ).

Позволительно человѣку, не окончательно глупому, предложить печатно вопросъ, котораго онъ никакъ себѣ разрѣшить не можетъ и который, повидимому, совершенно ясно разрѣшенъ множествомъ самыхъ почтенныхъ людей. Почти лѣтъ двадцать назадъ, слушая въ Московскомъ университетѣ лекціи по всеобщей исторіи, на одной изъ нихъ, читанной профессоромъ Герье, пишущій эти строки услыхалъ приблизительно такую фразу: „провозглашеніе папской непогрѣшимости на Ватиканскомъ соборѣ вызвало протестъ и отдѣленіе нѣсколькихъ епископовъ; но это не имѣетъ въ себѣ жизни, такъ какъ непогрѣшимость папы, правда не формулированная въ догматъ, всегда была въ католической церкви, какъ мнѣніе, и никогда не вызывало протестовъ". Меня поразилъ чрезвычайно спокойный и равнодушный тонъ профессора; самъ онъ—протестантъ; въ сферѣ своей науки—чрезвычайно строгій умъ, и тоже равнодушный къ самымъ страстнымъ увлеченіямъ минуты. Наконецъ, по убѣжденіямъ—это прогрессистъ и либералъ, который особенно долженъ былъ бы подшутить надъ „непогрѣшимостью" римскаго pontifex'a. Но излагая въ курсѣ лекцій ходъ развитія римскаго католицизма, онъ почти мимоходомъ и совершенно безапелляціонно сказалъ: „конечно, папа непогрѣшимымъ чувствуется не только съ 1870 года, но рѣшительно всегда". Какъ юнаго студента,

меня это поразило, и вотъ 20 лѣтъ я думаю: „въ самомъ-ли дѣлѣ онъ не погрѣшимъ, т. е. не съ моей точки зрѣнія, а съ ихней, католической“?

Нынѣшнимъ лѣтомъ я разговорился съ однимъ богословомъ (православнымъ) и высказалъ удивленіе, что вѣдь вотъ папа даже съ соціалистами почти дружитъ, однако ни словомъ никогда не обронился относительно „погрѣшностей“ въ древней папистской исторіи, напр. хотя бы относительно сожженія Джордано Бруно, заключенія Галилея въ тюрьму и проч. Богословъ этотъ, весьма обширной учености и притомъ ярый противникъ папства, сказалъ, почти вступаясь за папство: „да, католики не распространяются, но и теперь, какъ въ древности увѣрены, что церковь въ правѣ казнить своихъ отступниковъ даже до сожженія на кострѣ: церковь католическая нисколько не перемѣнила этого своего мнѣнія“. Меня и въ этомъ тонѣ поразила логика. Мой собесѣдникъ какъ бы говорилъ: „тутъ—логика, и католики были бы смѣшны и похожи на дѣтей, если бы они не были логичны“.

Прочтя въ № 8855 „Нов. Врем.“ статью почтеннаго дѣятеля по старо-католическому вопросу ген. А. Кирѣева, я и рѣшился „лучше поздно, чѣмъ никогда“ обратиться къ нему съ вопросомъ: да имѣетъ-ли старо-католическое движеніе серьезный фундаментъ подъ собою, болѣе серьезный, чѣмъ добрыя пожеланія, прекрасныя историческія воспоминанія и совершенно несбыточныя надежды? Вѣдь уже сейчасъ можно замѣтить, что старокатолическое движеніе, вспыхнувшее было довольно горячо въ семидесятыхъ годахъ, не только не запылало пожаромъ въ Европѣ, но перешло къ... хладно-хроническому существованію, которое теплится „яко лампада“ и потухнетъ, какъ только масло выгоритъ или свѣтильня

догоритъ; и какъ свѣтильни, такъ и масла, въ сей новенькой лампадѣ не Богъ вѣсть какъ много, даже пожалуй—чуть-чуть на донышкѣ.

О чемъ споритъ ген. Кирѣевъ? Развѣ напр. наша церковь, православная, погрѣшима? Онъ самъ упоминаетъ въ своей статьѣ о епископѣ старо-католиковъ д-рѣ Веберѣ, который, опровергая статью д-ра Циригибеля въ „Нѣмецкомъ Меркуріѣ", формулируетъ, что „*Нѣмецкій Меркурій* не есть ни официальный, ни официозный органъ старо-католической церкви, и что поэтому д-ръ Циригибель въ немъ высказалъ лишь свое собственное мнѣніе, ни въ какомъ случаѣ не могущее быть разсматриваемымъ, какъ *мнѣніе церковнаго* (старокатолическаго) *правительства*". Вы видите, что тонъ совершенно „ультрамонтанскій", только не въ пользу папы, а въ пользу себя, старокатолицизма. „Вчера былъ папа непогрѣшимъ, сегодня—мы". Да иначе и невозможно: тутъ логика и психологія. Ну, какъ же бы старо-католики потрясли авторитетъ Рима, если бы сейчасъ же они не перенесли „Римъ" въ себя? Римъ—вѣчность. Что такое Римъ? Авторитетъ.

Въ довольно наивныхъ разсужденіяхъ Хомякова, во 2-мъ богословскомъ томѣ его „Сочиненій", дѣло прямо такъ и начинается съ заявленія: „Церковь—не авторитетъ, а любовь". Это его новая точка зрѣнія, которую онъ и развиваетъ во всемъ томѣ. Ну, хорошо, допустимъ, что „любовь". Это вѣдь высшее, абсолютнѣйшее, Божіе? Хомяковъ скажетъ: „Да". Тогда я, старокатолики, папство, кто угодно, „пріявъ всю любовь на свои плечи" или въ свое сердце, говорю: „Вотъ какая драгоцѣнность; нѣтъ еще такого сокровища на землѣ; у меня—любовь, у васъ раздоры; напою я васъ изъ своей амфоры—и не будете вы алкать, не напою — будете терзать другъ

друга; безъ меня—вы погибли, всѣ погибли, міръ погибъ; берегите же меня; выплеснется моя любовь изъ амфоры—и пропало дѣло, для всей земли и всячески пропало. Не коснитесь до моихъ одеждъ, не толкните меня нечаянно, раскройте уши, разиньте ротъ: я буду съ ложечки давать каждому по унціи любви, а къ тому же и научать словами любовными и истинными". Получился авторитетъ. Теперь вы можете заподозрѣвать, что въ амфорѣ не любовь и прочее, но это уже нигилизмъ, это—непотребство, бунтъ. Нельзя этого допустить. Нѣтъ, Хомяковъ и Самаринъ, поднявъ въ книгѣ знамя „любви", тоже почувствовали себя довольно авторитетно, и напримѣръ въ извѣстномъ предисловіи Ю. Ѳ. Самаринъ прямо провозгласилъ Хомякова „Отцомъ церкви", „вселенскимъ учителемъ церкви". Довольно много для журналиста и обыкновеннаго помѣщика. Но всякій глупый пойметъ, что и тутъ потянуло къ папству, къ естественному и неодолимому росту „я", къ всемірности, къ абсолютности. Да это и непремѣнно: кто держитъ въ рукахъ абсолютъ—тотъ абсолютенъ. Былъ актъ „искупленія", 1900 лѣтъ назадъ, „отъ грѣха, проклятія и смерти", и съ завѣщаніемъ Искупившаго въ словахъ особенныхъ и поразительныхъ: „Симонъ Іонинъ—паси агнцевъ моихъ, паси овецъ моихъ" (отъ Іоанна, гл. 21). Ну, вотъ на этомъ все и основано. Что же абсолютнѣе есть снятія грѣха съ человѣка? И кто держитъ или кому передано „искупленіе", „врата Царства Небеснаго",—тотъ и абсолютенъ. Правда, сонмъ епископовъ вселенной закричитъ: „И *мы*—епископы; и въ Римѣ—тоже *только* епископъ". Но крикъ этотъ довольно неудаченъ, ибо совершенно очевидно, что Петру, въ глубочайшемъ и таинственнѣйшемъ Евангеліи отъ Іоанна, въ заключительной его

главѣ, передано *все* и притомъ *лично* и *исключительно*. „А этому что“,—спросилъ Петръ, получивъ необыкновенные завѣты отъ Іисуса, о любимомъ его ученикѣ Іоаннѣ: „Тебѣ что“?—отвѣтилъ Іисусъ: „ты—иди за мною, а этотъ пребудетъ, доколѣ я не приду“. Римскій епископатъ вовсе держится не на апостольскомъ учрежденіи епископства, административномъ только и удобномъ: епископство—ничто въ папѣ, придатокъ, привѣсокъ, малая одежда. Папа пріялъ все Спасителево, онъ пастырь міра: и глаголовъ Іисусовыхъ *объ этомъ самомъ* не выжжешь изъ Евангелія. Я русскій, я православный; отвергаю совершенно папство; но вѣдь у меня есть еще логика, и я не сомнѣваюсь во всемъ, что сейчасъ написалъ: онъ (папа) есть камень, на которомъ все зиждется... и который всѣхъ пасетъ, а внѣ его—только „разговоры“...

И старокатоличество—только „разговоръ“ одинъ. И они, повинуясь абсолютному уклону, потянулись къ абсолютной же, но только провинціальной, въ своемъ углу, власти. Вѣдь папа „непогрѣшимъ“ не какъ Пій, не какъ Левъ, не какъ человѣкъ и имя, но какъ санъ и должность, какъ миссія и апостольство, „ex cathedra“. Такъ и формулировано было на Ватиканскомъ соборѣ, что „ex cathedra“. Но позвольте, развѣ напр. нашъ священникъ, говоря на литургіи въ церкви проповѣдь, „погрѣшимъ“? Нисколько. И ни одинъ царь, перебивъ его, не станетъ ему возражать, не можетъ ему возражать. Это самая *суть* церкви и всего въ ней *священства*, что „ex cathedra“ имъ никому въ частности и всѣмъ вообще нельзя возражать... иначе, какъ *изъ „церкви“ же*. Протестанты возражаютъ католикамъ: но для того, чтобы начать это, имъ нужно было выйти изъ церкви и начать свою церковь. Кто возразилъ священнику во время проповѣди—тотчасъ и сталъ второю и новою передъ нимъ

церковью. Старо-католики возразили противъ одного, единственнаго постановленія церковнаго—и сейчасъ полетѣли въ бездну „новой церкви", гдѣ живутъ, развиваются, строятся и перестраиваются, но уже по своему особому закону и совершенно внѣ орбиты старой церкви. Да это такъ вѣчно будетъ и это непремѣнно. Церковь есть авторитетъ. Сперва можетъ быть она есть любовь, „искупленіе", но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ—авторитетъ!

Развѣ нашъ Сѵнодъ не называется „святѣйшимъ"? А святость и безгрѣшность—одно. Пусть ген. А. Кирѣевъ возразитъ Сѵноду: тогда мы повѣримъ чистосердечію и его возраженій противъ древне-католическаго, а въ сущности вселенско-общаго ученія о непогрѣшимости вообще „сего святаго мѣста". Митрополитъ—въ Сербіи, у насъ—Сѵнодъ, у старо-католиковъ—„правительство" ихъ, у римлянъ—папа, и даже у славянофиловъ—Хомяковъ „ex cathedra", „въ книгахъ", „въ словѣ спасительномъ о любви"—непогрѣшимы. Но и далѣе, развѣ мы не исповѣдуемъ въ Сѵмволѣ вѣры: „и во едину *святую* (безгрѣшную) соборную и апостольскую церковь". Славянофилы сейчасъ закричатъ: „а, соборную,—это мы, Хомяковъ съ Самаринымъ, или по крайней мѣрѣ Сѵнодъ"; но папа, раскрывъ отъ Іоанна 21-ю главу, прочтетъ о личномъ Симону-Петру ввѣреніи „овецъ Моихъ": глаголъ Спасителя, противъ котораго мало что́ могутъ подѣлать послѣдующія судьбы церкви. Ибо вѣдь глаголъ-то этотъ особенный, поразительный, прямо на самомъ концѣ четвертаго таинственнѣйшаго Евангелія и очевидно во всемъ тонѣ—завѣщательный. Спаситель, какъ бы возносясь, сказалъ: „Вотъ—Я возношусь, а вамъ (міру, овцамъ) оставляю Симона, сына Іонина,"... Кто не вѣритъ или думаетъ, что я преувеличиваю—пусть пере-

чтетъ. Вѣдь весь міръ вѣритъ, что Евангеліе есть книга любви; между тѣмъ „да любите другъ друга“ составляетъ всего одну строчку. Какъ было папамъ не повѣрить цѣлой главѣ, столь *лично* сказанной, столь таинственно указующей, послѣ дней страданія и воскресенія, непосредственно передъ вознесеніемъ Спасителя на небо? Да это—новозавѣтная милоть (одежда), какъ и брошенная Иліею пророкомъ ученику своему Елисею. И милоть эта пала въ Римъ.

Передачей „пасомыхъ овецъ и агнцевъ“ *лично* и *исключительно* Петру Спаситель отстранилъ всякую мысль собственно о колективизмѣ въ церкви. Да и непонятно, зачѣмъ этотъ коллективизмъ, даже по нашему ученію. „Духу святому и *намъ* изволилось“, или „Духу Святому и *мнѣ* изволилось“—развѣ не все равно? Ни „я“, ни „мы“ тутъ незначущи, а только—Духъ Святый, который и говоритъ многоязычно или одноязычно, въ соборѣ или въ папѣ. Вѣдь нужно быть совершенно скептикомъ и заподозрить не только папу, но и соборы, чтобы сказать, что „Духъ Святый“ произносится только ради титула, а на самомъ дѣлѣ тутъ „мы“, многіе, дебатирующіе, „выясняющіе“ истину, другъ друга ограничивающіе, другъ за другомъ подсматривающіе и наблюдающіе, а посему и „несогрѣшающіе“ въ отличіе отъ папы, который „одинъ-то Богъ знаетъ, что̀ назлоумышляетъ“. И папа—совѣтуется, учится; папство хорошо организовано. Но въ рѣшительную минуту, ex cathedra—онъ лично, какъ Пій или Левъ, исчезаетъ, остается санъ, апостольство, и „Святый Духъ“, рѣкущій въ судьбахъ исторіи, направляющій стопы избранныхъ, напр. его, Сунода, проповѣдующаго священника, и даже Хомякова или сотрудниковъ журнала „Мисіонерское обозрѣніе“. Увы, въ разныхъ степеняхъ—они всѣ святы; святость въ смыслѣ

обширности приложенія—распространяется расходящимися кругами; напр. очень великъ кругъ святости въ Петербургѣ, но Петербургъ всего существуетъ съ 1703 года, Россія—съ 862 года, христіанство у насъ—съ 988 года. А Римъ черезъ „непосредственное рукоположеніе", безъ единаго перерыва, существуетъ отъ распятаго апостола Петра, и о самомъ этомъ распятіи таинственно предсказалъ ему Іисусъ передъ своимъ вознесеніемъ, одновременно съ посланничествомъ: „иди пасти ихъ". Это—совсѣмъ другая традиція. Мы—новенькое, мы—недавненькіе. Что мы въ этомъ понимаемъ, и, главное, что можемъ *чувствовать?* Вѣдь о насъ то „лично" ни словечка не сказано въ евангеліяхъ и даже въ посланіяхъ. Совсѣмъ другое чувство и само-ощущеніе. Правда, преданіе разсказываетъ, что „Андрей Первозванный, приплывъ къ берегамъ Чернаго моря, водрузилъ тамъ крестъ".. И вѣдь какъ оно намъ дорого, это преданіе! Мы—не умолчимъ о немъ въ каждомъ учебникѣ исторіи, мы чуть-чуть зиждемся на немъ, оно — камень подъ нами, не очень большой, но котораго мы ни какъ не хотимъ оттолкнуть. А каковъ же „камень" подъ Римомъ?!! съ распятымъ тамъ апостоломъ Петромъ? съ словами Спасителя Петру: „Ты, ты, все на тебя кладу, ты будешь какъ и Я же распятъ, но—тамъ, въ Римѣ, который Я полагаю въ столпъ міра на мѣсто этого Сіона, который дерзнулъ не принять Меня, и отъ котораго камня на камнѣ не останется"?!

Но можетъ быть я говорю вздоръ? Можетъ быть я съ поразительною слѣпотою чего-нибудь не вижу, что́ съ поразительною ясностью видитъ ген. А. Кирѣевъ? Можетъ быть. Но я чистосердечно не вижу и чистосердечно прошу его раскрыть мнѣ глаза. Главное пусть бы онъ поговорилъ на тему, что мы всѣ, миряне—ужасно

грѣшны, а они всѣ, отъ папы до священника, святы, „безгрѣшны", откуда и проистекъ особенный терминъ „священства", а не „учительства" или „пастырства", или „руководства", или еще какой другой возможный. Дѣло вѣдь въ томъ, что вся эта область есть область святости, „искупленія отъ грѣха": а на святомъ мѣстѣ стоящій есть „святый" или „безгрѣшный".

Но эта „безгрѣшность", выросшая въ фактъ на Западѣ, осталась на Востокѣ безсильнымъ посягновеніемъ,— какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать по точному глаголу Іисуса („паси овецъ" и проч.). На Востокѣ на этомъ основалось чрезвычайное раздраженіе противъ Запада, ибо никто болѣе не мучится, чѣмъ завидующій. Византія подсказала Руси, что католики—даже не христіане, и въ Московскомъ государствѣ былъ законъ, по которому принимаемыхъ въ лоно православія папистовъ положено было крестить какъ бы они приходили въ церковь изъ язычества. Константинопольскій патріархъ именовалъ себя: „Судія Вселенной, имѣющій права Бога" („Богословскій Вѣстникъ", 1901 г., іюнь, стр. 380); и если въ тоже время онъ принужденъ былъ выпрашивать подаянія у Великихъ Московскихъ князей и дипломатизировать около Султана, то это было уже положеніе исторіи, а не внутренняя психологія. Психологія-же—одна, въ Римѣ, Константинополѣ, Петербургѣ, въ Калугѣ или Тулѣ. Но только она вездѣ—не провиденціальна, и потому вездѣ не удалась, а удалась тамъ, гдѣ была провиденціальна: „Паси агнцевъ Моихъ! паси овецъ Моихъ! паси овецъ Моихъ"! (трижды).

Не подалеку отъ Рима, однако за городомъ, стоитъ громадный соборъ San. Paulo,—параллель св. Петру въ Римѣ. Въ медальонахъ, часть которыхъ пустые и ожидаютъ портрета, помѣщены *всѣ* папы, „епископы", на-

чиная съ ап. Петра. Я сосчиталъ ихъ и записалъ счетъ, но сейчасъ не могу найти бумажку, куда занесъ цифры. Это въ самомъ дѣлѣ традиція, передъ которою Константинопольскія традиціи—дѣтская улыбка! И дѣла въ исторіи, идущія отъ Константинополя, тоже не работа гигантовъ, а шалости мальчиковъ, позднѣе наказанныхъ султанами. Но вотъ что больше меня поразило. Тѣло св. Апостола Павла покоится въ склепѣ подъ соборомъ. Неподалеку отъ собора великолѣпный монастырь, и при немъ часовня съ тремя ключами, именуемая „Три фонтана“: сказываетъ преданіе, что они открылись въ мѣстахъ, которыхъ коснулась голова св. ап. Павла, отсѣченная мечемъ римскаго воина; и тутъ же камень, на которомъ была усѣкнута глава Апостола (внутри часовни). Можетъ быть легенда? Но ей вѣрятъ. „А на камнѣ вѣры созиждется все“. Дѣло въ томъ, что имъ есть *во что* вѣрить. Вѣдь читаютъ-же они всѣ, отъ папы до послѣдняго испанскаго гидальго, это потрясающее душу (даже *мою*) послѣднее завѣщаніе Петру: „Симонъ Іонинъ, любишь-ли ты Меня?—паси овецъ Моихъ“! Но я договорю о Соборѣ. Надъ тѣломъ ап. Павла воздвигнутъ балдахинъ, и въ немъ колоссальная мраморная статуя. Онъ держитъ въ рукѣ—книгу. Я всмотрѣлся: это—разогнутое... *„Посланіе къ римлянамъ“*!! Я прочелъ: „Павелъ рабъ Іисуса Христа, призванный Апостолъ, избранный къ Благовѣстію Божію... *всѣмъ находящимся въ Римѣ, возлюбленнымъ Божіимъ, призваннымъ святымъ: благодать вамъ и миръ“...*

„Вамъ“... какъ это услышать изъ устъ Апостола!! Ну, еслибъ въ Евангеліи были слова: „вамъ, Московитамъ“, еслибы было „посланіе апостола Павла къ Москвичамъ“... Я думаю, у насъ была бы такая радуга въ сердцѣ, съ которою мы сочинили бы нѣчто большее;

чѣмъ „Краткое руководство къ русской исторіи“ Иловайскаго. Но не было сего.

А не было, нѣтъ *камня* подъ нами,—то и машемъ мы только руками. Посягаемъ. Волнуемся. Кричимъ, что у насъ Андрей Первозванный водрузилъ крестъ; да вѣдь и водрузилъ то онъ еще печенѣгамъ и половцамъ, а ужъ никакъ не русскимъ. Никакого „Посланія къ русскимъ“ нѣтъ и не было...

1901.

СЛОВО БОЖІЕ ВЪ НАШЕМЪ УЧЕНЬИ.

I. Законъ Божій въ училищахъ.

Крайняя невліятельность въ нашихъ училищахъ такъ называемаго „Закона Божія“ — вещь общеизвѣстная. Между тѣмъ причины таковой невліятельности далеко не ясны. Два недѣльныхъ урока, отведенные на преподаваніе его отъ перваго до восьмого класса, достаточны для очень большого усвоенія. Если прибавить сюда два или три часа, проводимые еженедѣльно учениками на церковной праздничной и предпраздничной службахъ, то мы получимъ сумму впечатлѣній и длительность дѣйствія очень значительную. Однако ни для кого не секретъ, какъ мало религіознаго приносятъ съ собою русскіе юноши въ университетъ, гдѣ краткія лекціи на первыхъ двухъ семестрахъ по курсу богословія мало что прибавляютъ къ легкой ношѣ гимназіи. Между тѣмъ солидное религіозное воспитаніе юношества есть и останется всегда одной изъ капитальныхъ задачъ школы и особенно таковой она останется у насъ, какъ отвѣтъ на запросъ вообще очень религіозно настроеннаго населенія.

Ветхозавѣтная и новозавѣтная часть этого курса отнесена къ самому дѣтскому возрасту учениковъ, къ первому и второму классамъ гимназіи. Два коротенькіе учебничка, Рудакова или Соколова, разучиваются: одинъ въ первомъ классѣ — это Священная исторія Ветхаго

Завѣта, и одинъ во второмъ классѣ—это Священная исторія Новаго Завѣта. Повидимому такое распредѣленіе вытекло не изъ самаго матеріала преподаванія, а скорѣе изъ времени преподаванія. Одинъ годъ, еще одинъ годъ; и въ два года *повьствовательная* часть предмета кончена. Начиная съ третьяго класса, вплоть до восьмого, т.-е. шесть лѣтъ, и притомъ самыхъ важныхъ для духовнаго склада ученика лѣтъ, удѣляется догматическому мышленію и литургическимъ подробностямъ, включая въ составъ перваго и исторію христіанской церкви. При первомъ же взглядѣ нельзя не быть пораженнымъ, что только одинъ второй классъ гимназіи посвященъ Священной исторіи Новаго Завѣта, и это есть часть, конечно безслѣдно тонущая среди другихъ частей курса, и болѣе солидно поставленныхъ, и проходимыхъ въ болѣе солидные годы ученика.

Между тѣмъ болѣе чѣмъ естественно желать, чтобы Священная исторія Новаго Завѣта выдвинулась на передній фасадъ всей восьмилѣтней программы и проходилась не по пересказамъ Рудакова или Соколова, но какъ *подлинное Слово Божіе* въ подлинномъ Словѣ боговдохновенномъ—Евангеліи. Обратимъ вниманіе на странность вообще всего строя преподаванія въ нашихъ школахъ Закона Божія: въ нихъ дано ничтожное положеніе собственно догмату, догматъ совершенно теряется въ сознаніи учениковъ, во вниманіи учениковъ, и это вниманіе загромождается коментаріями къ догмату. Что есть догматъ христіанства? Слово Божіе, слово Іисуса Христа. Это слово однако даже и отдаленно не заучивается съ тѣмъ благоговѣніемъ и вниманіемъ, какъ литургическій, катехизическій и всякій другой коментарій къ нему. Все вниманіе и всѣ силы учениковъ сосредоточены на *подробностяхъ катехизиса и литургики*, ме-

жду тѣмъ какъ Евангеліе замѣнено *пересказами*. Изъ четырехъ евангелій, почти совпадающихъ въ смыслѣ излагаемыхъ тамъ событій и содержащихся тамъ словъ Іисуса Христа, можетъ быть составлено, *безъ перемѣнъ въ текстѣ*, одно *евангельское повѣствованіе о жизни и ученіи Іисуса Христа*; и вотъ это-то Евангеліе должно быть предметомъ самаго тщательнаго изученія учениками. Для отроческаго и юношескаго ума были бы неотразимо убѣдительны, неотразимо понятны нравственныя истины, оставленныя человѣчеству въ несравненной красоты бесѣдахъ, изреченіяхъ, притчахъ; но для нихъ гораздо менѣе вразумительны и часто совсѣмъ непонятны тонкіе споры, которые поднялись впослѣдствіи въ христіанскомъ мірѣ и раздѣлили его. Слово Божіе, этотъ истинный и единственный догматъ равно всѣхъ церквей, всего христіанскаго міра, вполнѣ можетъ быть *усвояемо наизусть, заучиваемо*, какъ теперь заучиваются только катехизисъ и литургія; а изученіе катехизиса, т.-е. собственно только *комментарія* къ Слову Божію, можетъ быть отодвинуто нѣсколько далѣе, къ болѣе сознательнымъ годамъ юности; что же касается литургики, то гораздо желательнѣе усвоеніе ея *въ пластическихъ впечатлѣніяхъ* при посѣщеніи церковной службы, нежели въ мелочныхъ и утомительныхъ объясненіяхъ, въ которыхъ передъ взоромъ ученика какъ бы развинчивается и показывается по частямъ, подобно механизму напр. часовъ, пышный и мистическій, въ высшей степени *музыкальный* церемоніалъ службъ. Едва-ли это удобно даже въ смыслѣ сохраненія благоговѣнія къ церковной службѣ: ибо мистически благоговѣть мы можемъ только къ тому, въ чемъ есть мѣсто для *тайны*, чего мы *не умѣемъ развинтить и понять*.

1900 г., февраль.

* * *

При усиліяхъ поставить въ реформируемой теперь школѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ на другія и лучшія основанія, чѣмъ на какихъ оно стояло до сихъ поръ, нельзя не обратить особеннаго вниманія на такъ называемый „Законъ Божій“. Та же сухая программа и здѣсь, какъ на урокахъ алгебры или нѣмецкаго языка; та же отвѣтственность преподавателя и ученика къ экзамену; тотъ же наскоро составленный и сжатый до послѣдней степени учебникъ; то же унылое „отъ сихъ до сихъ“ на завтра; и имена праотцевъ, патріарховъ, пророковъ, святыхъ, запоминаемыя съ такимъ же чувствомъ, какъ рѣки Австраліи или плоскогорія Азіи. Между тѣмъ кто же станетъ спорить, что задачи преподаванія здѣсь совершенно другія; что Евангеліе или Ветхій Завѣтъ, и наконецъ исторія христіанства—не „сухой матеріалъ“, практически необходимый для путешественника, торговца и для читателя газетъ. „Практично необходимое“ въ Законѣ Божіемъ именно—воздѣйствіе на душу ученика; воздѣйствіе на его *воображеніе* живыхъ фигуръ мучениковъ, апостоловъ, пророковъ; *картина* событій исторіи, самой потрясающей; и, наконецъ *размышленіе* надъ нравственными законами, надъ заповѣданіями совѣсти человѣческой, какіе оставилъ міру и человѣку Христосъ. Гдѣ это все? Въ пожеланіи—это у каждаго; въ осуществленіи—ни у кого. Нѣтъ ничего печальнѣе тѣхъ длинныхъ славянскихъ текстовъ, которые, полу-разумѣя ихъ, выучиваютъ на память ученики гимназій; тѣхъ сложно-хитрыхъ умозрительныхъ построеній, которыя возникли какъ плодъ ученой работы надъ вопросами вѣры: и эту ученую работу (катехизисъ) распутываютъ, съ усиліями и напрасно, отроческія наивныя

и беззаботныя головы! Память обременена, а совѣсть не просвѣщена. Да, совѣсть, ибо конечно *суть* Закона Божія и его миссія на землѣ—*будить и просвѣщать разбуженную совѣсть*. Добавимъ, что *разборъ единичныхъ встрѣчающихся или возможныхъ случаевъ изъ живой жизни, поступковъ въ жизни, при свѣтѣ евангельскомъ* —вотъ прекрасная какъ бы *хрестоматія*, которая можетъ и составляться и изучаться на бесѣдахъ пастыря съ учениками. Что мы наблюдаемъ сейчасъ? Безвѣріе и обрывки богословскихъ знаній. Лучше дайте вѣры, и дайте ее хотя бы въ ущербъ богословскимъ умозрительнымъ построеніямъ, при уменьшенномъ фактическомъ матеріалѣ. Кто же не знаетъ, что изъ духовныхъ нашихъ академій выходятъ пастыри не болѣе ревностные въ вѣрѣ, а часто и болѣе слабые, чѣмъ поступающіе въ священство прямо изъ семинарій. Вотъ огромное наблюденіе, которое можетъ насъ разочаровать въ благомъ дѣйствіи обширныхъ программъ по Закону Божію. Совершенно очевидно, что *качества* воздѣйствія есть единственная сторона, которая, здѣсь что-нибудь значитъ. Контингентъ нашихъ законоучителей-священниковъ таковъ, что можно безъ опасенія довѣрить имъ преподаваніе съ меньшею требовательностью относительно программъ, экзаменовъ и прочихъ принадлежностей усердной и ускоренной зубрячки. И мы думаемъ, что черезъ это выиграютъ не только дѣти, выиграетъ прежде всего Церковь, Россія—въ смыслѣ оживленія въ ней вѣры. И теперь школьныя воспоминанія, какія есть, въ той части ихъ, которая касается Закона Божія—всегда сосредоточиваются около личности „батюшки“. Никто не пишетъ: „какъ мы славно учили катехизисъ—до сихъ поръ помню“, но многіе записали: „какой свѣтлый и хорошій былъ у насъ законоучитель: его рѣчи и объ-

ясненія я до сихъ поръ помню". На этомъ и нужно основать все, пустивъ въ ростъ все доброе, и обстригая—безразличное въ смыслѣ дѣйствія на душу.

1900 г., апрѣль.

II. Семинаристы-студенты.

Теперь, когда наше учебное дѣло тронулось такъ всесторонне и всевозможныя нужды учащихся находятъ себѣ благопріятное вниманіе, своевременно напомнить о едва-ли основательномъ устраненіи отъ университета воспитанниковъ семинарій. Имъ открытъ доступъ въ три университета—Томскій, Юрьевскій и Варшавскій. По положенію университетовъ видно, что тутъ имѣется въ виду не столько интересъ учащихся, сколько цѣли обрусенія. Семинаристы—слишкомъ коренные русскіе люди, чтобы не придать русскую окраску всякому мѣсту, гдѣ они появляются. Но вполнѣ гуманно принять во вниманіе и ихъ собственные интересы. Трудолюбіе, старательность воспитанниковъ семинаріи слишкомъ общеизвѣстная и общепризнанная вещь, чтобы о ней надо было распространяться. Подготовленность ихъ въ смыслѣ общаго развитія не представляетъ сомнѣнія для всякаго, кто помнитъ время, когда всѣ университеты были для нихъ отворены и они были въ первыхъ рядахъ студенчества по даровитости, прилежанію и такъ сказать наукоспособности. Цѣлый рядъ свѣтилъ нашей профессуры вышелъ изъ семинаристовъ. Ограничимся для краткости однимъ именемъ: покойнымъ Вышнеградскимъ, директоромъ Технологическаго института и потомъ министромъ финансовъ; напомнимъ также извѣстнаго историка Ключевскаго. Огромное множество бывшихъ семинаристовъ, пройдя послѣ семинаріи университетъ, трудятся теперь

на разнообразнѣйшихъ поприщахъ государственной службы и общественной дѣятельности. Изъ семинаристовъ вышло множество докторовъ, нѣкоторые—съ большимъ именемъ. Такимъ образомъ, внѣ всякаго сомнѣнія *университетъ только выиграетъ отъ притока къ нему студентовъ изъ духовнаго сословія.* Съ другой стороны и сословіе это едва-ли не выиграетъ въ качествахъ, въ солидности и въ преданности своему важному дѣлу священнослуженія, если допуститъ оттокъ изъ себя такихъ воспитанниковъ семинаріи, которые *явно проходили бы это служеніе холодно и равнодушно.* Нигдѣ такъ не нуженъ порывъ и чистое усердіе, какъ въ священникѣ; нигдѣ хотя бы тѣнь *притворства* на нивѣ дѣланія не принесетъ столь пагубныхъ плодовъ, не окажетъ такого вреднаго вліянія на народъ и на распространеніе раскола. Но ожидать, чтобы подростающее поколѣніе цѣлаго сословія сплошною стѣною рвалось къ спеціальной службѣ этого сословія, чтобы въ немъ не проявилось порывовъ къ чистому занятію теоретическими науками, къ медицинѣ, юриспруденціи, исторіи, филологіи,—ожидать этого, говоримъ мы, невозможно. Вотъ почему высокая одухотворенность нашего духовенства, которая требовалась бы, обусловливается свободнымъ *отпускомъ* изъ этого сословія всѣхъ не приспособленныхъ и не расположенныхъ къ нему силъ и дарованій; какъ и *допущеніемъ* въ него всѣхъ такихъ дарованій и силъ, которые, родившись въ другихъ сословіяхъ, чувствуютъ призваніе къ священнослуженію. Въ духовныя академіи хотя и изрѣдка, но поступаютъ ученики гимназій, студенты университетовъ; и параллельно этому слѣдовало бы допустить невозбранный переходъ учениковъ семинаріи во всѣ безъ исключенія университеты и на всѣ факультеты. Только это можетъ послу-

жить гарантіею, что всякое призваніе найдетъ соотвѣтствующее себѣ поприще. А всѣ поприща въ суммѣ своей образуютъ единую цѣлокупную Россію, у которой чѣмъ больше будетъ вездѣ раскидано талантовъ, тѣмъ краше будетъ отъ этого она сама, наша всѣмъ общая мать.

1901 г., май.

III. Слово Божіе въ нашемъ ученьи.

Его я узналъ первый разъ при переходѣ со второго курса на третій въ университетѣ. Памятенъ мнѣ этотъ вечеръ. Я пришелъ совсѣмъ изнеможенный съ послѣдняго классическаго экзамена. Безъ уговора, но точно по уговору, этотъ годъ у насъ читались самыя избранныя, самыя роскошныя произведенія классической древности: шестая пѣсня Иліады, „De Republica“ Цицерона и „Рѣчь о вѣнкѣ“ Демосѳена. Въ шестую пѣснь входитъ знаменитое прощаніе Гектора съ Андромахой, и, Боже мой, что это за поэзія, какая блѣдная тѣнь ея остается въ переводѣ! Кстати, у насъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ есть тоже знаменитый „Плачъ Ярославны“, по мысли и сюжету и всему тону и сущности близкій къ темѣ Андромахи. Оба произведенія еще языческія—и какъ, значитъ, язычницы умѣли любить мужей, говорить о мужьяхъ, какое въ нихъ было высокое чувство любви и жены! Но перехожу къ другимъ произведеніямъ. Палимпсестъ „De Republica“ былъ найденъ Анджело Маи, итальянскимъ ученымъ XIX вѣка, гдѣ то въ монастырскомъ средневѣковомъ погребкѣ. Это былъ заплѣсневѣлый пергаментъ, на которомъ были написаны какіе-то католическіе тропари и кондаки; но ученый, при разсматриваніи, замѣтилъ подъ готическими буквами средневѣковаго письма царапины какого-то другого письма. Онъ смылъ позднѣй-

шее писаніе, и подъ нимъ открылся знаменитый текстъ Цицерона: оказалось, невѣжественные монахи, чтобы не тратить свѣжаго пергамента, употребили старую рукопись, соскобливъ письмо съ нея. Но они соскоблили краску, а черты остріемъ остались.—Цицеронъ тутъ пѣлъ свою лебединую пѣснь. Онъ не осмѣливался защищать республику передъ лицомъ валившагося на нее Цезаря. Страшный тріумвиръ подавилъ его адвокатское краснорѣчіе. Онъ боялся, онъ страшно боялся, но онъ и помнилъ доброе старое время, патриціанское время, эту римскую помѣщичью эпоху, но доблестную, но благородную, но съ великими воспоминаніями. И онъ запѣлъ. Онъ вводитъ въ разсужденіе Somnium Scipionis, миѳическій „Сонъ Сципіона“, гдѣ великій римскій полководецъ передаетъ привидѣвшійся ему сонъ о томъ, что̀ можетъ угрожать республикѣ, спасенной имъ отъ Ганнибала: потеря чувства равенства, узурпація одного. Подъ перомъ Цицерона это былъ намекъ на Цезаря, и тутъ, я думаю, адвокатъ особенно трепеталъ. Но пѣсня хороша. Демосѳена же обвинилъ Эсхинъ. Кто-то предложилъ наградить Демосѳена за политическія заслуги золотымъ вѣнкомъ. Всталъ знаменитый ораторъ Эсхинъ и объяснилъ гражданамъ, что кромѣ вреда Аѳинамъ ничего не принесла задорная и безсильная борьба ритора-Демосѳена съ македонскимъ владыкой. Эсхина въ поздніе его годы изгнали изъ отечества и, не имѣя чѣмъ существовать, онъ открылъ ораторскую школу; и вотъ чтобы объяснить ученикамъ на примѣрѣ свои правила, онъ повторилъ имъ въ классѣ свою рѣчь противъ Демосѳена. „Что̀ же, что̀ же онъ могъ сказать тебѣ?“ воскликнули удивленные и восхищенные ученики.

„А вотъ послушайте, что этотъ дьяволъ сказалъ“, отвѣтилъ Эсхинъ, и повторилъ имъ рѣчь Демосѳена.

„Теперь-то мы понимаемъ",—сказали, выслушавъ, ученики,—„почему ты былъ побѣжденъ и даже выгнанъ изъ Аѳинъ". Дѣйствительно, вотъ двадцать лѣтъ прошло, а я помню еще наизусть цѣлые отрывки Демосѳеновой рѣчи. Мѣстами она груба (для нашего уха и понятій) и это-то сообщаетъ ей красоту правды. Право, она напоминаетъ „Слово о полку Игоревѣ": то же великое теченіе несказанныхъ природныхъ силъ. Особенно мнѣ помнится изображеніе судьбы измѣнниковъ (читай—Эсхина) послѣ того, какъ дѣло ихъ кончено и они становятся ненужными господину, которому служили и за деньги предали отечество. Это ужасно по силѣ натиска, по горечи. Другое патетическое мѣсто—гдѣ онъ говоритъ, какъ не за силу оружія, не за политическія дѣла, но черезъ искусства, образованіе и благородство аѳиняне сдѣлались средоточіемъ Греціи. „Всѣ сюда идутъ, чтобы увидѣть и указать, чѣмъ можетъ быть грекъ". Мѣсто это удивительно. И такая оказія: издатель лекцій закутилъ у насъ и растерялъ всѣ листочки. Мы потеряли не только коментаріи къ рѣчи, но и самый переводъ. И вотъ въ пять дней подготовленія пришлось приготовить, т. е. въ сущности вновь перевести всю рѣчь. Это была чудовищная работа и чудовищный страхъ передъ экзаменаторомъ, сухимъ и строгимъ нѣмцемъ. И такова красота подлинника, что даже испугъ передъ экзаменомъ (а я ничего не зналъ по-гречески) не лишилъ меня способности нѣсколько разъ почти прослезиться и надъ Аѳинами, и надъ обвиненнымъ героемъ, который парировалъ крикъ: „ты—мальчишка".

Я получилъ „три" на экзаменѣ, едва переводный балъ. Профессоръ, которому мы не коментировали, а только уже переводили, все время кричалъ на насъ. „Ради Бога, сколько угодно кричи, только поставь три"—это была

наша психологія. Я пришелъ домой, бросилъ книги въ уголъ комнаты, рѣшилъ идти въ баню, чтобы смыть всю тяжесть экзаменовъ легкимъ московскимъ паромъ, а пока бросился на диванъ, но заснуть не могъ. А такъ какъ студентъ машинально читаетъ, когда не разговариваетъ, то и я досталъ съ полки до сихъ поръ благоговѣйно мною хранимые два старыхъ-старыхъ тома, взятые у одного товарища — „Библіи", изданіе еще временъ Александра Благословеннаго, съ мелкой какъ бисеръ славянскою печатью. А по-славянски я тоже не зналъ, т. е. никогда и ничего не читалъ, кромѣ какихъ-то склоненій въ четвертомъ классѣ по грамматикѣ Перевлѣсскаго: „рака", „раба", „рабому" (кажется — такъ). Эти славянскія неразборчивыя буквы я всегда ненавидѣлъ. Положивъ ее на валикъ кушетки, я открылъ—конечно случайно — начало Исаіи пророка... и сталъ почти по складамъ разбирать, но потомъ все быстрѣе и быстрѣе.

И тутъ я почувствовалъ, именно сейчасъ послѣ смѣны тѣхъ греческихъвпечатлѣній, до чего же это могущественнѣе, *проще*, *нужнье*, святѣе всего, всего... Первый разъ я понялъ, почему это „боговдохновенно", т. е. почему такъ рѣшили люди вотъ объ этой единственной книгѣ, а не о другихъ. Это шло куда-то въ бездонную глубину души... Это было совсѣмъ другое, чѣмъ Демосѳенъ. О чудная Сирія, о твои тайны! Ничего мы не понимаемъ въ Востокѣ. Богъ говоритъ, а то—человѣкъ говоритъ. Да не важно, что тутъ (у Исаіи) „Богъ" написано. И мы вездѣ и всюду это „Богъ" пишемъ. Но если бы „Богъ" и не было написано (у Исаіи): все равно я и всякій почувствовали бы, что это—Божіе слово, что вообще это какое-то нечеловѣческое слово. И какъ оно нужно! И какъ оно дорого! Оно спасительно, опять не въ нравоучительномъ смыслѣ, а въ какомъ-то другомъ, глубочайшемъ—вотъ въ чемъ дѣло.

Такъ я не пошелъ въ баню. А съ тѣхъ поръ люблю и читаю слово Божіе. Но вотъ дѣло и практика, ради которой я заговорилъ. До этого 1880 года я никогда не читалъ слова Божія. Въ восемь лѣтъ ученья въ гимназіи мы, ученики, прошли катехизисъ, богослуженіе, исторію русской церкви, священную исторію Ветхаго завѣта Рудакова и его же священную исторію Новаго завѣта: но Евангелія и Библіи я никогда не читалъ, и зналъ разницу между ними только въ томъ, что Евангеліе—маленькаго формата, а Библія—огромная и тяжелая. Я хочу сказать и хочу, наконецъ, пожаловаться, что на такъ называемомъ „Законѣ Божіемъ" насъ учатъ чему угодно, но не слову Божію, а слово Божіе точно держатъ отъ насъ въ карантинѣ. Какъ это мудрецы распорядились—я не знаю, но знаю еще и второй фактъ, что оканчивали курсъ мы въ гимназіи сплошь лютыми безбожинками, и какое-нибудь религіозное чувство во мнѣ пробудилось только въ университетѣ, начиная съ разсказаннаго вечера, да еще подъ впечатлѣніемъ талантливыхъ лекцій по всеобщей исторіи (курсъ среднихъ вѣковъ, курсъ реформаціи). На счетъ безбожія я не о себѣ одномъ говорю, а о всемъ нашемъ товариществѣ: не было для насъ большаго удовольствія, какъ поглумиться надъ вѣрой, приблизительно съ четвертаго и до восьмого класса гимназіи.

Но еще о словѣ Божіемъ: позднѣе я узналъ и чудную „книгу Товита", и рѣчи Іова, и страницы „Исторіи царствъ", и таинственное „Бытіе". Все до того хорошо, что трудно выразить. Вотъ что надо проходить въ гимназіяхъ, взамѣнъ теперешняго безвѣрнаго набора фразъ, разныхъ тоже въ своемъ родѣ „Иловайскихъ", передѣлавшихъ по своему, скомпилировавшихъ по своему слово Божіе. Заставьте-ка въ первомъ классѣ проходить „Книгу

Товита": вѣдь это идилія, святая идилія. Гдѣ-нибудь въ пятомъ классѣ проходите мудрое „Бытіе", ибо тутъ уже о грѣхѣ и это можетъ усвоить не ребенокъ же въ 10—11 лѣтъ (теперь проходятъ въ этомъ возрастѣ священную исторію Ветхаго завѣта), въ шестомъ классѣ—Евангеліе, въ седьмомъ—апостольскія посланія. И будетъ выходить изъ гимназіи христіанинъ, а не безбожникъ и циникъ, издѣвающійся надъ отрывочными текстами, которымъ его старательно и безполезно выучили.

Если въ какой реформѣ мы серьезно нуждаемся, то въ этой. Ибо безъ помощи слова Божія и безъ вѣры въ него прожить трудно, и тѣмъ труднѣе, чѣмъ серьезнѣе человѣкъ и чѣмъ труднѣе время.

1901 г., августъ.

Кто виноватъ.

(Письмо въ редакцію).

Хорошо все то, что высказано В. В. Розановымъ въ статьѣ: „Слово Божіе въ нашемъ ученьи", и пусть повѣритъ онъ, что многіе и многіе законоучители солидарны съ нимъ во взглядахъ; скажу даже больше—очень многіе такъ и дѣлаютъ, какъ желается, т. е. читаютъ ученикамъ подлинное Слово Божіе. Но какъ читаютъ? Съ постоянной мыслью въ головѣ: „ахъ, еще 30 человѣкъ не спрошено, а скоро уже инспекторъ классовъ потребуетъ четвертные балы"! Времени, времени то всего *два* часа въ недѣлю назначено на *христіанское* воспитаніе юношества, двадцать лѣтъ уже воспитывающагося на *языческихъ* классикахъ*). Вѣдь какой угодно предметъ поставленъ въ школахъ и въ отношеніи количества часовъ, да и отношенія къ нему воспитателей, другихъ учителей, самихъ родителей, а гдѣ и начальствующихъ,—лучше, только не Законъ Божій. Плохой балъ—„ну, это по Закону Божію",—говорятъ всѣ**). Не успѣлъ прочитать ученикъ по Закону Божію—„ну, это ни-

*) *Въ переводѣ:* 1) намъ жалованья мало, 2) львиная доля его досталась классикамъ, 3) когда мы учимъ христіанству!!! *В. Р—въ.*

**) *Въ переводѣ:* отчего за дурной балъ по Закону Божію не оставляютъ безъ обѣда? *В. Р—въ.*

чего"; а вотъ задачи не рѣшилъ или extemporale не выполнилъ— это громадное преступленіе. Судите же теперь сами вмѣстѣ съ родителями и всѣмъ воспитательскимъ персоналомъ, кто тутъ виноватъ?

19 августа 1901 г. Законоучитель *М. Лисицынъ.*

Еще „о словѣ Божіемъ въ школѣ".

Недостаточно того, чтобы въ классѣ читать Слово Божіе, необходимо, чтобы его читали и сами ученики. Но дать въ руки учениковъ Библію врядъ-ли можно порекомендовать*). Не всѣ изъ нихъ бываютъ сохранены въ семьѣ до поступленія въ школу неиспорченными, многіе уже бываютъ развращены въ мысляхъ и знаютъ о такихъ сторонахъ жизни, о которыхъ дѣтямъ не слѣдовало бы знать. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ Библіи, отданныя въ руки ученикамъ, оказывались подчеркнутыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Надобно сдѣлать для школы особое изданіе Библіи безъ такихъ мѣстъ, какъ напр. о женитьбѣ Лота на своихъ дочеряхъ и др. За границей такія изданія уже существуютъ, а у насъ желаніе ихъ было высказано въ духовномъ журналѣ „Труды Кіевской Духовной Академіи" проф. Св. Писанія В. П. Рыбинскимъ. А что дѣйствительно книгу Іова и Товита in extenso ученикамъ куда плодотворнѣе читать по Библіи, чѣмъ по плохимъ учебникамъ Закона Божія, говоритъ опытъ. Да и много другихъ священныхъ исторій назидательнѣе было бы усвоять по Библіи. Въ старшихъ классахъ весьма полезно было бы знакомить съ боговдохновенными, пророческими книгами. Тогда бы изученіе катехизиса было не мертвымъ и сухимъ, а жизненнымъ. А то приходится говорить на урокахъ Закона Божія, что о боговдохновенности Слова Божія говоритъ его собственная „высота", а также „могущественное дѣйствіе на сердца человѣческія": но все это усвояется учениками теоретически, на вѣру, а другими заучивается механически, иногда даже и безъ довѣрія къ читаемому. Изъ опыта сами они не знаютъ этого. Но опять вопросъ во времени, этой

*) Вотъ вамъ и „слово Божіе"! Ну, конечно, Лисицынское—куда важнѣе!! Да и вообще „наше семинарское" слово давно замѣнило и *подмѣнило* подлинно божественный *духъ* и ученіе: и отъ этого-то и проистекли *судьбы* (выброшеннаго) слова Божія въ нашемъ ученіи!! *В. Р—въ.*

категоріи, внѣ которой человѣческая дѣятельность на землѣ невозможна. На Законъ Божій надо дать minimum 3 — 4 урока въ недѣлю вмѣсто 1—2 уроковъ, да нужно освободить законоучителей и отъ четвертныхъ баловъ, замѣнивъ ихъ годовыми, или хотя бы полугодовыми аттестаціями о религіозной настроенности ученика. Нужно также дать самое широкое участіе голосу законоучителя въ совѣтахъ педагогическихъ и др. и поставить законоучителя въ самыя близкія отношенія къ воспитанникамъ, чтобы онъ имѣлъ возможность видѣть ихъ не только на урокахъ, но и во вѣлкое время. Для этого, конечно, законоучитель долженъ жить при учебномъ заведеніи, а не вдали отъ него, какъ это бываетъ очень часто. Тогда будетъ больше возможности для законоучителей оправдать надежды нашего Царя на то, что въ нашей школѣ будетъ обращено вниманіе на успленіе религіозно-нравственнаго воспитанія нашего юношества.

23 августа 1901 г. Свящ. *М. Лисицынъ.*

Мнѣ не можетъ не быть пріятно, что разсказъ, какъ и когда я узналъ впервые слово Божіе, вызвалъ два письма въ редакцію заботливыхъ законоучителей. Письма, однако, вращаются около вопроса о *времени*, около *учебныхъ часовъ*. Ихъ каждый желаетъ, всѣ рвутъ себѣ, и какъ-то не хочется видѣть священниковъ, оспаривающихъ время у другихъ учителей. Мнѣ кажется, всемірный опытъ можетъ показать, до какой степени *количественная* сторона времени не играетъ никакой роли въ просвѣщеніи насъ религіознымъ свѣтомъ. Развѣ мы не знаемъ людей, которыхъ много и долго учили такъ называемому „Закону Божію“—и изъ этого не вышло ничего, даже при впечатлительности и даровитости учившихся... Другихъ *едва* коснулся религіозный лучъ и просвѣтилъ навсегда. Въ чемъ же тутъ дѣло? Явно—въ *качествѣ* луча.

Всѣ другіе предметы, положимъ гимназическаго ученія, суть *науки* и они механически требуютъ *пространства времени*. „Чѣмъ больше—тѣмъ лучше“; „лучше“—

потому что *основательные, полные, подробные* „проходится предметъ“. Я почувствовалъ въ письмахъ г. г. законоучителей, что имъ хочется также приравнять свой „предметъ“ *къ наукѣ*: и въ этой именно тенденціи ихъ, безспорно отлично уже использованной въ ихъ практическомъ трудѣ, и лежитъ объясненіе, отчего ихъ трудъ и трудъ вообще всѣхъ (почти всѣхъ) нашихъ „законоучителей“ не вызываетъ никакого *религіознаго* свѣта и даже до извѣстной степени производитъ атрофію самой религіозной воспріимчивости въ дѣтяхъ и юношахъ. Религія *вовсе не наука;* и представляетъ глубокую педагогическую ошибку, а главное религіозную ошибку, подходить къ ней съ пріемами *наукообразной передачи* и *наукообразнаго усвоенія*. Вотъ почему предложеніе напр. оцѣнивать „годовую религіозную настроенность ученика“ *балломъ*, каковое сдѣлалъ свящ. Лисицынъ, мнѣ представляется прямо чудовищнымъ! „Вы на сколько молились“?—„На три съ плюсомъ“.—„Я превзошелъ васъ: мое усердіе къ Богу дошло до четырехъ балловъ“. Это можетъ вызвать самыя длинныя улыбки...

* * *

Самое печальное въ нашемъ ученіи въ гимназіи не то, что оно даетъ мало религіознаго просвѣщенія, а что оно даетъ его въ какомъ то исковерканномъ видѣ или въ страшно ослабленномъ. И зависитъ это отъ неблагообразія самихъ средствъ подачи такого свѣта. Тутъ и отмѣтки, тутъ и учебники, таже зубрячка, экзамены и ревизія: весь педагогическій режимъ, педагогическій мундиръ, въ который законоучитель и законоучительство облечены, какъ и каждый другой учитель и урокъ. Но для каждаго учителя и всякаго предмета это еще не

бѣда, а для законоучителя—бѣда, ибо это смерть для живыхъ вѣяній религіи.

Слово Божіе въ подлинникѣ—вотъ одно изъ средствъ спасенія; слово Божіе не слушаемое только, а читаемое. Въ Библіи есть такія сцены, страницы, цѣлыя книги, которыя совершенно доступны самому нѣжному возрасту. „Книга Товита", исторія „судей", первосвященниковъ и двухъ первыхъ царствъ. Здѣсь все картинно, ярко, невинно и вмѣстѣ доступно пониманію. Хронологія въ словѣ Божіемъ—вовсе неумѣстна.

Но скажу или лучше вспомню о томъ, что можетъ быть тоже вызоветъ размышленія компетентныхъ людей, будучи только біографическимъ и личнымъ фактомъ.

Три вещи: таблица умноженія, острова и полуострова Европы, и „Помилуй мя, Боже" доставили мнѣ первую дѣтскую муку. О, какъ помню я эти вечера: большіе уже сѣли за чай, горячее молоко дымится, тутъ и булка и сладкая сахарница, а я, передъ поступленіемъ въ гимназію, въ истомѣ іюльскихъ дней, сижу на подоконникѣ и съ отчаяніемъ, какъ попугай, твержу: „окропиши мя исопомъ и очищуся, омыеши мя и паче снѣга убѣлюся". На географію, еще болѣе трудную, меня изъ страха, чтобы я не убѣжалъ изъ дому, запирали въ комнату, пустую и большую, и тамъ-то съ лютымъ холодомъ на сердцѣ я твердилъ: „Новая Земля, Шпицбергенъ, Ирландія, Великобританія, Балеарскіе и Питіузскіе, Корсика, Сардинія, Сицилія, Іоническіе и Кандія". Но совершенно, какъ это перечисленіе, для меня были трудны молитвы (кромѣ какъ-то безсознательно усвоенныхъ „Отче нашъ", „Богородице" и „Царю небесный") „Утренняя", „Отходя ко сну", „Ангелю хранителю" и 90-й псаломъ. Между тѣмъ я видѣлъ служеніе литургіи молодыхъ священниковъ, только что принявшихъ санъ: они служатъ по

книгѣ, хотя конечно въ семинаріи могли бы выучить литургію наизусть. Какой отъ этого вредъ? Никакого. Такъ же дѣтьми должны изучаться и молитвы. *Молитву нужно изучать молясь*, т. е. слушая или читая: и эта азбучная истина должна бы быть извѣстна въ каждой семьѣ. Но во всякомъ случаѣ распространить эту истину есть задача приходскаго священника, а затѣмъ законоучителя и учебнаго заведенія. Я, выучивши молитвы такимъ же способомъ какъ таблицу умноженія,—на много лѣтъ, на очень долго потерялъ способность и такъ сказать вкусъ къ молитвѣ (молиться). Вѣдь любилъ-то я ихъ, конечно, не болѣе, чѣмъ острова Европы или таблицу умноженія: ну, а ужъ ихъ ни въ какомъ патетическомъ настроеніи души не вспомнишь! Для чего это? Вотъ у меня это лѣто гостилъ одиннадцатилѣтній кадетъ: каждое утро и каждый разъ на ночь онъ бойко и по военному, ставъ на молитву, прочитывалъ „папу“, „маму“, человѣкъ пять сестеръ и братьевъ (т. е. „помяни Господи“), и затѣмъ довольно длинныхъ пять молитвъ. Такъ онъ пріученъ дома, такъ молился много лѣтъ по молитвеннику, и запомнилъ все, какъ запоминаетъ священникъ литургію, читая ее первый годъ по книгѣ. Я видѣлъ въ Ригѣ, въ лютеранскихъ церквахъ, и въ Италіи въ католическихъ, *молящихся съ молитвенниками*: они читаютъ службу, и это прекрасно, потому что они все понимаютъ черезъ это въ слушаемомъ, разбираютъ всѣ слова пастора или патера. Но мы до такой степени привыкли со словомъ „молитва“ соединять понятіе „наизусть“, и именно съ ранняго дѣтства, съ ранней муки,—что для насъ если не „наизусть“ то и не „молитва“. Это совершенно нелѣпое представленіе, и воспитывается оно школою, а первый шагъ этого ложнаго воспитанія есть пріемный экзаменъ въ первый классъ гимназіи, куда „по программѣ“ надо сдать наизусть:

„таблицу умноженія и одиннадцать молитвъ“. Это вовсе не нужно. Если еще можно „разсказать наизусть“ исторію Товита и Товія, ибо тутъ есть пластика, событіе: то неужели же живое чтеніе на дому молитвы можно замѣнить приготовленіемъ ихъ къ экзамену? Теряется самая идея молитвы: что́ она и для чего, въ какомъ настроеніи духа. И если дома этого не сдѣлали, то лучше ужъ пусть канетъ въ Лету этотъ грѣхъ, но не поправляйте его экзаменомъ. Тутъ и наступаетъ роль пастыря-священника, роль законоучителя, какъ авторитетнаго въ школѣ лица: „не экзаменую изъ молитвъ—и баста“, а на опросъ и недоумѣніе директора—и прочитать самому ему краткій урокъ о значеніи и смыслѣ молитвы, о времени молитвы, о цѣли молитвы! Достаточно священникамъ энергично и живо взяться за свое дѣло пастырства—и ихъ послушаютъ; но нельзя не замѣтить съ горечью, что сами они нѣсколько архаично и слишкомъ „въ зубрежку“ понимаютъ свое дѣло: слишкомъ „наукообразно“, въ рубрикѣ отмѣтокъ и экзаменовъ, въ рубрикѣ недѣльныхъ часовъ „уроковъ Закона Божія“—силятся исполнить его.

Я говорю, какъ представляется дѣло мнѣ, бывшему ученику, мірянину, слушателю. Мнѣ кажется, это основная точка зрѣнія. Я учился много, но не былъ религіозенъ. Вдругъ лучъ, одинъ только лучъ „въ щелочку“—и я кое-что узналъ и понялъ. Вотъ это то и отсутствуетъ вовсе въ гимназіи, а что́ есть въ ней,—баллы, отмѣтки, экзамены, и вѣчная жалоба законоучителей, что имъ на преподаваніе отведено мало уроковъ и времени, — все это почему то не дѣйствуетъ. „Ты о многомъ заботишься, Марѳа, а между тѣмъ—единое на потребу“ это нужно помнить и родителямъ, и начальству гимназій, и священникамъ-законоучителямъ. 1901 г.

IV. Весеннее и осеннее древонасажденіе.

Ничего не было о немъ слышно еще года три назадъ. Откуда взялся прекрасный праздникъ и кто его первый выдумалъ? Насажденіе деревьевъ и еще насажденіе цвѣтовъ, соединеніе изящнаго съ полезнымъ, и на какой здоровой почвѣ—сближенія съ природою! Можно ли забыть стихъ Шиллера:

Изъ груди благой природы
Все, что дышитъ, радость пьетъ.

Природа есть утоленіе болей, но, кажется, никакія боли столь успѣшно и специфически ею не лечатся, какъ самыя острыя боли нашего времени—„интеллигентныя“: недомоганіе характера и воли, ихъ истощеніе. Право же, если бы десять лѣтъ назадъ уже существовали эти милые праздники,—въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка самоубійства не развивались бы у насъ въ какую то заразительную эпидемію. Taedium vitae, отвращеніе къ жизни—оно и можетъ быть исцѣлено только соками naturae genitricis.

Императорское Россійское общество садоводства учредило цѣлую комиссію для устройства подобныхъ праздниковъ, а штабъ петербургскаго военнаго округа отводитъ для насажденій мѣсто при въѣздѣ на военное поле въ Красномъ Селѣ. Изъ Лисинскаго казеннаго лѣсничества, (близъ стан. Тосна Николаевской желѣзной дороги) по распоряженію министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ будетъ отпущено 1,600 казенныхъ саженцевъ. Вотъ гдѣ мундирные канты не спорятъ и вѣдомства примирены. Но что же ихъ примирило, даже соединило? *Соучастіе* дѣтской, ребяческой *веселости*! Мы вполнѣ увѣрены, что и Министерство путей сообщенія найдетъ возможнымъ удовлетворить ходатайство комис-

сіи о безплатномъ проѣздѣ учениковъ по Балтійской желѣзной дорогѣ, и что попечитель Петербургскаго учебнаго округа отпуститъ питомцевъ здѣшнихъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ на сентябрскій праздникъ. Ужъ радоваться, то всѣмъ и сообща радоваться, а тутъ предметъ для радости слишкомъ понятный и близкій. Мы увѣрены, что и древонасажденія пойдутъ мало-по-малу по утилитарному пути. Вѣдь 1,600 саженцевъ—это цѣлый садъ, и хорошій, большой садъ. Да вотъ одно изъ ближайшихъ утилитарныхъ приложеній: обсадить деревьями свою школу. И еще другое: развести при школѣ плодовый садъ, съ котораго доходъ составлялъ бы такъ сказать ренту физическаго кабинета гимназіи для покупки новыхъ инструментовъ, или ренту библіотеки—для пріобрѣтенія новыхъ книгъ. Вотъ и новоя сторона разнообразія.

Нельзя не припомнить одного до сихъ поръ памятнаго предпріятія еще временъ Александра Благословеннаго: это обсажденіе деревьями большихъ трактовъ. По всей почти Россіи, проѣзжая „большою дорогою“, вы ѣдете между двумя линіями теперь уже огромныхъ старыхъ березъ. Говорятъ, государь, проѣзжая какою-то мѣстностью Германіи, полюбовался на видъ дороги, похожей на аллею. И любящая Россія отвѣтила на это любованье своего царя фактомъ. „Большакъ“, какъ зовутъ эти дороги мужики, уже не голъ и пустыненъ, мѣстами онъ не такъ песчанъ: корни деревьевъ укрѣпляютъ почву. А теперешнія засухи напоминаютъ, что и всякое вообще деревцо не безплодно для Россіи.

Въ высшей степени желательно, чтобы весеннее и осеннее древонасажденія не остались только столичною затѣею. Важно, чтобы они получили повсемѣстное распространеніе. Конечно, тутъ придется похлопотать, и по-

хлопотать объ этомъ не такъ легко въ провинціи, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Но можетъ быть опять же изъ Петербурга и Москвы тутъ помогутъ мѣстнымъ радѣтелямъ люди опыта, помогутъ совѣтомъ и даже дѣломъ. Начинаніе такъ хорошо, что желательно было бы, чтобы о немъ стали сговариваться и переговариваться изъ далекихъ уголковъ Россіи.

V. Физическое и нравственное воспитаніе юношества.

Не безъ чувства зависти русскій человѣкъ узнаетъ объ основаніи въ Петербургѣ „Комитета содѣйствія молодымъ людямъ въ достиженіи нравственнаго и физическаго воспитанія“, открытіе котораго подъ попечительствомъ принца Александра Петровича Ольденбургскаго послѣдовало 22-го сентября. Комитетъ, по опубликованной программѣ его, предполагаетъ устраивать *музыкальные* и *литературные* вечера, *гимнастическія упражненія*, всевозможныя *чтенія* и *загородныя прогулки*; за небольшую отдѣльную плату — преподаваніе новыхъ языковъ, стенографіи и бухгалтеріи. Небольшая медицинская помощь и пріисканіе занятій для молодыхъ людей, временно лишающихся своего заработка, также входятъ въ составъ заботъ комитета. Но какъ этотъ комитетъ устроился и кто его иниціаторъ?

Увы, онъ *пріѣхалъ изъ-за Атлантическаго океана!!* Это—американецъ Джемсъ Стоксъ. Въ рѣчи, произнесенной при открытіи Комитета, онъ объяснилъ, что, потерявъ нѣсколько лѣтъ назадъ „самое дорогое его сердцу“, онъ рѣшилъ посвятить свой досугъ и свои средства молодымъ людямъ *всѣхъ* національностей. Еще будучи несовершеннолѣтнимъ мальчикомъ, онъ смотрѣлъ на флаги русскихъ судовъ, прибывшихъ въ американ-

скія воды во время войны за независимость. И вотъ раннее впечатлѣніе, павъ на добрую почву его сердца, привело его въ старости къ намъ, въ Петербургъ, съ заботами о нашихъ можетъ-быть скучающихъ, можетъ быть развращающихся среди несоотвѣтственныхъ удовольствій юношахъ. „Филантропія,—сказалъ онъ въ заключеніе,—не знаетъ религіи, національности и вѣроисповѣданія". Мы думаемъ, всякое доброе дѣло—христіанское дѣло, и въ американскомъ гостѣ своемъ можемъ привѣтствовать лучшаго христіанина.

Въ Германіи каждый городокъ имѣетъ свои ферейны. Въ Германіи нѣтъ скучающей молодежи и нѣтъ угрюмыхъ обывателей, выглядывающихъ недоброжелательно на сосѣдей изъ своего угла. Все трудится и по своему веселится. Всегда всѣ вмѣстѣ. Отъ университета, гдѣ юношество сплочено въ корпораціи, даже отъ гимназіи, гдѣ мальчики образуютъ полу-игрушечное, полу-серьезное „общество натуралистовъ" подъ руководствомъ своихъ учителей,—въ этой Германіи всякое мѣстечко и всякое сословіе кишитъ кружками, обществами, самодѣятельностью, самопомощью. Но у насъ, у русскихъ? Вотъ исполняется 40-лѣтіе со дня смерти основателя славянофильства, Хомякова, который возвѣщалъ, что западная цивилизація „гибнетъ отъ личнаго начала", отъ „развитія въ ней центробѣжныхъ силъ", а что Россія полна силами центростремительными и русская душа—по природѣ своей такъ сказать „соборная душа", выражаетъ собою начало соборности, сліянія съ другими душами. Но вотъ на Западѣ прежде были и сейчасъ есть ферейны, а у насъ?.. Всѣ сидимъ по своимъ угламъ и повторяемъ при всякомъ зовѣ исконное, историческое: „Моя хата съ краю,—ничего не знаю". Какъ русская жизнь мертва на всемъ необозримомъ провинціальномъ протяженіи... Точно

мертвецы, которые ждутъ изъ Петербурга указа: „Начните жить“. Право, точно ждутъ трубы архангела, дабы зашевелиться въ „гробахъ“... Клубъ, карты, маленькое пьянство, маленькій флиртъ и въ общемъ итогѣ —опадающая внутренняя Русь, какъ западающая грудь чахоточнаго: вотъ картина, которую не безъ слезъ видишь и съ особенною болью о ней думаешь теперь, когда американецъ пріѣхалъ въ Россію сдѣлать русское дѣло.

VI. Рождественскія елки въ сельской школѣ.

Скоро вотъ Рождество... И намъ слѣдуетъ подумать не только о своихъ городскихъ удовольствіяхъ, но и о сельскихъ; не только объ удовольствіяхъ взрослыхъ людей, но и объ удовольствіяхъ дѣтей. Тутъ есть кое-что, о чемъ предстоитъ не только практически позаботиться, но и принципіально рѣшить.

Только что вернулся изъ поѣздки въ Орловскую губернію одинъ мой родственникъ и разсказалъ о селѣ, гдѣ онъ провелъ недѣли двѣ:

— Сельчане не нарадуются на своего молодого діакона.—„Вотъ, баринъ, послалъ намъ Богъ ангела; такого, сколько ни живемъ, не запомнимъ. Все то онъ съ нашими ребятками. Бывало, они распущенные бродятъ по селу, шалятъ, озорничаютъ, портятся, сызмальства развращаются. А теперь постоянно около отца діакона и все-то грамоту слушаютъ. То онъ имъ читаетъ что, то картинки показываетъ и объясняетъ, то самъ разсказываетъ. Во, какъ любитъ нашихъ ребятъ“. Секретъ разъяснился просто. Молодой діаконъ, самъ образованный и начитанный человѣкъ, по окончаніи семинаріи женился на сельской учительницѣ и, чему дивится вся округа, ничего за женою не взялъ. Вмѣстѣ

дружною парою они вошли въ село, и ужъ не разберешь, стало ли на селѣ два діакона, или двѣ учительницы: такъ служебный діаконскій санъ сплелся съ вдохновеннымъ учительскимъ призваніемъ. Но діаконъ ужасно томится и все просится въ городъ.

— Что такъ? удивился я.

— Онъ третій годъ въ селѣ. Село большое, до полутора тысячъ жителей, не богатое, но и не бѣдное, въ сорока верстахъ отъ огромнаго города. Въ приходѣ два священника: помоложе—лѣтъ сорока и старше — лѣтъ подъ шестьдесятъ. Двѣ школы—земская и церковно-приходская. До пріѣзда этого діакона церковно-приходская школа до того была распущена въ смыслѣ отсутствія серьезныхъ занятій, что младшій священникъ провелъ двухъ своихъ сыновей, теперь учащихся въ семинаріи, черезъ земскую школу, а не черезъ свою церковно-приходскую. Но теперь эта школа процвѣтаетъ благодаря новому діакону. Но онъ рвется вонъ.

— Этого-то я и не понимаю.

— Я съ нимъ говорилъ, и онъ жаловался: „Когда я былъ псаломщикомъ, то тоже занимался въ школѣ, и священникъ меня ни въ чемъ не связывалъ. Я и волшебный фонарь пріобрѣлъ и показывалъ дѣтямъ картины изъ Священнаго Писанія и изъ Русской исторіи. И читалъ съ ними изъ духовнаго и изъ свѣтскаго. Изъ свѣтскаго: разные разсказы изъ сельскаго быта нашихъ писателей. Отецъ Симеонъ (старшій священникъ) все запретилъ: „Только разсказывайте изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта и задавайте наизусть, а прочее въ сельскомъ быту неумѣстно“.—Но я все-таки и фонарь имъ показываю, и разсказы читаю, только во внѣ-учебное время. А вотъ съ елкой пришлось проститься. Не позволилъ и назвалъ „чортовой затѣей“

— Съ какой елкой?

— У меня успѣхи учениковъ въ другомъ селѣ, гдѣ я былъ псаломщикомъ, были удивительные. И достигались они очень просто. Я устраивалъ въ училищѣ на Рождество елку, на которую сосѣдніе помѣщики охотно давали дѣтскія игрушки, кто изъ своихъ прошлогоднихъ, а кто и вновь покупалъ. Въ зиму, когда шло ученье, я и предупреждалъ учениковъ, что подарки съ елки получатъ только тѣ, которые хорошо учатся и имѣютъ въ журналѣ хорошія отмѣтки. А кто худо до Рождества учился, ничего не получитъ и, наконецъ, самые дурные даже вовсе не будутъ на елку допущены. Вы не можете представить, какое это вызвало соревнованіе учениковъ и какъ поднялись успѣхи школы! Теперь всему этому конецъ. Не понимаю, почему елка „чортова".

Я вспомнилъ, какъ много лѣтъ назадъ съ удивленіемъ узналъ, что въ сущности обычай рождественской елки не принадлежитъ къ числу коренныхъ русскихъ обыкновеній; что онъ возникъ въ Германіи въ пору Лютера и былъ занесенъ къ намъ въ XVIII столѣтіи. Я вспомнилъ теорію „миграцій" или странствованій народныхъ повѣрій, сказокъ, обычаевъ. Оказывается, рѣдко что бываетъ у народа доподлинно оригинальнаго. Но всѣ народы—братья и такъ хорошо это чувствуютъ въ демократическихъ своихъ слояхъ, что иную занесенную изъ-чужа диковинку лелѣютъ часто лучше своей. Елка въ настоящее время такъ твердо привилась въ русскомъ обществѣ, что никому и въ голову не придетъ, что она не русская.

— Само собою разумѣется, что от. Симеонъ, не находя ничего въ „Прологахъ", „Минеяхъ" о древнемъ обычаѣ рождественской елки, не дозволилъ ее и въ церковно-приходской школѣ, гдѣ является распорядителемъ. Во

всемъ селѣ онъ вообще преслѣдуетъ всякое народное веселье, находя все это „бѣсовскими игрищами". Самъ онъ отлично („хоть бы у васъ въ Петербургѣ",—сказалъ мнѣ очевидецъ) служитъ церковную службу, не куритъ, не пьетъ, въ карты не играетъ, въ гости почти не ходитъ, строжайшій постникъ, но безпощаденъ въ дѣлѣ платы за требы, а мать—древнюю старуху, когда-то за тридцать верстъ носившую ему лепешки въ семинарію, держитъ на кухнѣ, и тамъ же она обѣдаетъ съ прислугою, такъ какъ сынъ до стола своего ее не допускаетъ.

Объ этомъ случаѣ я не сталъ бы разсказывать, если бы еще ранѣе не слышалъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не только наблюдатели-священники препятствуютъ устроенію ученической елки въ церковно-приходской школѣ, но что противъ подобнаго устройства высказались и епархіальные училищные совѣты. Такъ какъ въ то же время въ другихъ церковно-приходскихъ школахъ такія елки устраиваются, то очевидно мы здѣсь имѣемъ дѣло съ недоумѣніемъ, съ принципіальнымъ вопросомъ.

И его слѣдуетъ разрѣшить принципіальной власти. Голосъ ея въ вопросахъ не юридическихъ, а бытовыхъ мы рѣдко слышимъ, какъ будто вся жизнь религіозная у насъ сосредоточилась въ наблюденіи и соблюденіи juris canonici Юстиніана Великаго. Церковно-приходскія школы у насъ всего существуютъ съ немногимъ десятилѣтіе, и елка для учениковъ ихъ, и именно въ помѣщеніи самой школы—явленіе новое и требуетъ новаго дозволенія. Замѣтимъ, что запрещеніе елки въ школѣ равнялось бы запрещенію ея полному, потому что не въ избушкѣ же крестьянской устраивать ее для шестидесяти или ста учениковъ: помѣщеніе школы есть единственное приспособленное для дѣтскаго школьнаго празд-

ника. Поэтому было бы желательно, чтобы въ отвѣтъ на это недоумѣніе высказалось съ церковной каѳедры авторитетное духовное лицо, въ родѣ почившаго архіепископа Амвросія въ Харьковѣ, и параллельно съ этимъ (потому что это уже менѣе громко и не столь народно), чтобы объ этомъ высказался и Св. Синодъ: такъ какъ Училищный Совѣтъ, при немъ состоящій, есть учрежденіе бюрократическое, а нужны здѣсь голосъ и рѣшеніе священно-начальническое. Очевидно здѣсь мы имѣемъ дѣло съ упорнымъ фанатизмомъ, съ религіознымъ рвеніемъ вѣрующихъ. И, очевидно, этотъ вопросъ объ елкѣ въ церковной школѣ есть часть болѣе общаго вопроса объ отношеніи самой церкви къ радостямъ людскимъ, къ радостямъ, напримѣръ, безгрѣшнымъ и дѣтскимъ. Мнѣніе объ этомъ компетентныхъ лицъ и учрежденій очень и очень нужно выслушать и взрослымъ.

1901 г.

VII. Смерть учительницы Еремѣевой.

Въ газеты проникла сперва молва, а затѣмъ и точный разсказъ, переданный въ „Вѣстникѣ Новгородскаго Земства“, о печальномъ случаѣ смерти учительницы Еремѣевой. Она была преподавательницею въ церковно-приходской школѣ, получала жалованья *7 р. 50 к.* въ мѣсяцъ, изъ которыхъ 3 р. уплачивала за наемъ комнаты, такъ какъ *при школѣ квартиры не было.* Знавшіе ее разсказываютъ, что она была всегда весела: ее любили окружающіе помѣщики, часто ее приглашавшіе къ себѣ; но она уклонялась и особенно уклонялась отъ приглашеній обѣдать. Случайная простуда заставила ее слечь въ постель. Она была свезена въ земскую больницу и тамъ умерла. Пустяшное заболѣваніе было бы безъ труда перенесено 18-лѣтнимъ организмомъ, если

бы онъ не былъ глубоко *истощенъ хроническимъ голодомъ*: учительница питалась хлѣбомъ и чаемъ, и когда ей случалось обѣдать гдѣ-нибудь въ гостяхъ, у ней происходило разстройство пищеваренія отъ непривычки къ твердой и вообще нормальной пищѣ. Такимъ образомъ она таилась въ своемъ голодѣ, и страхъ показать себя голодною и заставлялъ ее цѣломудренно и строго уклоняться отъ приглашеній на обѣдъ.

Всѣ хорошо знаютъ, какой огромный идеализмъ и неистощимое самопожертвованіе внесено въ деревню русскою образованною дѣвушкою какъ учительницею крестьянскихъ ребятъ. Но мы всѣ это знали; всѣ этимъ пользовались. Однако обезпеченіе хотя бы просто сноснаго способа существованія этихъ маленькихъ героинь остается какъ-то тускло, неясно, неопредѣленно. Вѣдь очевидно, что на *7 р. 50 к.* можно существовать только нищенски. Между тѣмъ „noblesse oblige“ и совершенно невозможно при всяческой скромности, непритязательности, безропотности сельской учительницѣ одѣваться и вести себя нищенкою. Намъ думается поэтому, что самое основаніе школы *съ такими условіями для учительницы* уже представляетъ собою болѣе, чѣмъ неосмотрительность—жестокость. Если школа не располагала болѣе чѣмъ 7 р. 50 к. и притомъ безъ квартиры въ мѣсяцъ „учительскому персоналу“, то она едва ли имѣла право и открываться. Нельзя же положить камень, на него положить копейку и сказать: „Это школа“. Человѣческое тщеславіе не имѣетъ границъ, и если бы успѣхи просвѣщенія стоили такъ дешево, то мы „на даровщинку“ усѣялись бы школами. Ибо нѣтъ „вѣдомства“, которому бы не лестно было сказать о себѣ: „Вотъ у меня *сколько* школъ!“ т.-е. „вотъ *какъ я благодѣтельствую народу*“.

Въ частности на церковно-приходскія школы были въ послѣднее время отпущены большія суммы и сюда же текли огромныя частныя пожертвованія. Достаточно припомнить 500.000 р., пожертвованныя покойнымъ московскимъ докторомъ Захарьинымъ. Можетъ быть завѣдующему этими школами Училищному Совѣту (при Св. Синодѣ), было бы полезно сократить или не увеличивать *ихъ число* и *улучшить содержаніе* уже *существующихъ?* Можетъ-быть излишне многое идетъ *на администрацію и на надзоръ* за школами? Слѣдуетъ вообще замѣтить, что надзоръ и администрація надъ деревенскими школами теперь тройная: Министерства народнаго просвѣщенія, Вѣдомства Св. Синода, земская. Три ревизора надъ одною школой, и всѣ они едва ли служатъ безвозмездно. Во всякомъ случаѣ раздѣленіе учебныхъ функцій между тремя вѣдомствами прежде всего бьетъ по бюджету сельской школы, ибо все, что идетъ на администрацію и надзоръ, на „переписку“ и „канцелярскія принадлежности“, на „разъѣздныя“, „обмундированіе“ и проч. чиновъ „Вѣдомства“,—собственно идетъ имъ отъ стола, отъ „чая съ булкой“, квартиры „у кузнеца“ той же сельской учительницы и сельскаго учителя: и ни откуда больше идти не можетъ. Но по крайней мѣрѣ тройной умъ трехъ вѣдомствъ долженъ позаботиться, и хорошо позаботиться, улучшить положеніе беззавѣтныхъ работниковъ школы.

Необходимое разъясненіе.

Въ № 9130 газеты „Новое Время“ (5-го августа) напечатана статья г. Розанова: „Смерть учительницы Еремѣевой“. Здѣсь говорится о печальномъ случаѣ смерти учительницы Еремѣевой, умершей будто-бы отъ хроническаго голоданія, на которое была обречена ничтожнымъ вознагражденіемъ по должности учительницы церковно-приходской школы, вслѣдствіе чего, истощенная, она не

вынесла, не смотря на свои 18 лѣтъ, пустящнаго заболѣванія отъ простуды. Пользуясь этимъ случаемъ, авторъ высказываетъ нѣсколько упрековъ по адресу Вѣдомствъ, взявшихъ на себя заботы о распространеніи народнаго образованія; особенно достается Духовному Вѣдомству, которое будто бы, изъ тщеславія казаться благодѣтельствующимъ народу, усиленно старается открывать школъ побольше, да подешевле—„на даровщинку", тогда какъ получая на школьное дѣло большія средства отъ казны и значительныя пожертвованія частныхъ лицъ, должно бы позаботиться о надлежащемъ обезпеченіи учителей и учительницъ школъ. Статья эта составлена на основаніи извѣстія, напечатаннаго въ „Вѣстникѣ Новгородскаго Земства".

Однако это извѣстіе оказывается совершенно невѣрнымъ.

Газета начинаетъ сообщеніемъ, будто покойная Еремѣева состояла „преподавательницею въ церковно-приходской школѣ, получала жалованья 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ, изъ которыхъ 3 р. уплачивала за наемъ комнаты, такъ какъ при школѣ квартиры не было".

Но покойная Еремѣева состояла учительницей не церковно-приходской школы, а небольшой женской школы грамоты (17 учащихся дѣвочекъ) въ погостѣ Ручьи Крестецкаго уѣзда Новгородской губ.

Школа грамоты отличается отъ церковно-приходской между прочимъ тѣмъ, что ея курсъ есть курсъ начальной грамотности не въ предѣлахъ положеннаго программами, а въ предѣлахъ возможнаго по силамъ и усердію учителя. Открываясь въ глухой деревнѣ, отдаленномъ поселкѣ, бѣдномъ селѣ или погостѣ, она въ прежнее время довольствовалась весьма немудрымъ учителемъ изъ грамотныхъ крестьянъ, отставныхъ солдатъ, писарей, черничекъ и т. п., учитель избирался крестьянскимъ обществомъ или предлагалъ обществу свои услуги и договаривался о платѣ—15 или 20 р., рѣже 25—30 руб. со столомъ отъ крестьянъ (по очереди) за все учебное время, т.-е. за зиму, за 5—6 мѣсяцевъ учебныхъ занятій: такой учитель обучалъ дѣтей, какъ зналъ и умѣлъ, безъ всякаго руководительства и педагогическаго надзора: кончивъ ученье, онъ въ остальное время года занимался, какъ крестьянинъ, у себя на пашнѣ или кустарнымъ промысломъ, или какимъ-либо подходящимъ для него дѣломъ. Духовно-учебное управленіе, принявъ подъ свое покровительство и руководительство эту прежде гонимую и брошенную призоромъ педагоговъ, но близкую народу

школу, старается сохранить драгоцѣнныя черты ея быта, но улучшить ея обстановку и дать ей болѣе подготовленнаго къ дѣлу учителя, который точно также, занимаясь зиму въ школѣ, лѣтомъ работалъ бы, какъ всякій другой крестьянинъ, что и какъ умѣетъ по крестьянству.

Для подготовки къ учительству въ школахъ грамоты открыто съ 1896 года до настоящаго времени около 400 второклассныхъ школъ и открываются еще новыя, мужскія и женскія, въ которыхъ дѣти крестьянъ, по окончаніи курса начальной школы, учатся три года и практикуются въ обученіи дѣтей начальной грамотности, а по выходѣ оттуда становятся учителями школъ грамоты. По опредѣленію Св. Синода, окончившимъ курсъ второклассныхъ школъ учителямъ и учительницамъ школъ грамоты должно быть назначаемо 120 руб. въ годовой окладъ жалованья (часть изъ мѣстныхъ средствъ, и дополнительно до 120 руб. изъ казенныхъ), что въ сущности составляетъ при занятіяхъ въ теченіе 6, много 7 мѣсяцевъ, жалованье по 20 руб. въ мѣсяцъ, такъ какъ остальное время года учителя и учительницы школъ грамоты вполнѣ свободны заниматься своимъ крестьянскимъ трудомъ, для котораго становится весьма важнымъ подспорьемъ прибавка 120 руб., получаемыхъ въ вознагражденіе по учительству за зиму.

Подобнаго типа учительницей была покойная Еремѣева: она была крестьянка, кончила курсъ только двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, свидѣтельства на званіе учительницы начальной школы не имѣла, и экзамена на полученіе такого свидѣтельства не сдавала: слѣдовательно къ числу „образованныхъ“ дѣвушекъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, какъ названа она въ газетѣ, не принадлежала и была учительницей (по установившейся терминологіи) неправоспособной. По окончаніи курса двухкласснаго училища, Еремѣева просила мѣстное уѣздное отдѣленіе Епархіальнаго Совѣта о назначеніи въ какую-нибудь школу, и получила первое же свободное мѣсто въ маленькой школѣ грамоты глухой деревушки Подмошье, а въ слѣдующемъ году была переведена по просьбѣ въ женскую, тоже небольшую (17 учащихся дѣвочекъ) школу грамоты погоста Ручьи, недалеко отъ родины. Такъ какъ она кончила курсъ двухкласснаго училища и годъ пробыла учительницей подмошьевской школы, то отдѣленіемъ Совѣта приравнена къ окончившимъ курсъ второклассной школы, ей было назначено 120 руб. въ годовой окладъ жалованья, т.-е. по 10 руб. въ мѣсяцъ, а не по 7 р. 50 к., какъ

утверждаетъ газета: изъ этихъ 10 р. она получала 2 руб. 50 коп. отъ мѣстной церкви и 7 руб. 50 коп. казенныхъ; тѣ и другія деньги всегда выдавались ей акуратно, какъ видно изъ ея росписокъ. Кромѣ того, въ концѣ прошедшаго года она получила дѣнежное пособіе въ видѣ награды 15 р., что навѣрное было бы и въ текущемъ году.

По словамъ г. Розанова, учительница Еремѣева изъ своего жалованья платила 3 р. въ мѣсяцъ за комнату, такъ какъ при школѣ квартиры не было. Но при Ручьевской школѣ (помѣщающейся въ принадлежащемъ приходскому попечительству причтовомъ домѣ) есть хоть небольшая, однако сухая и теплая комната для учительницы, гдѣ предшественница Еремѣевой (учительница Троицкая) и жила; Еремѣева же предпочла имѣть за плату столъ у частныхъ лицъ въ четверти версты отъ школы, почему квартирой при школѣ почти не пользовалась.

Г. Розановъ сообщаетъ, что „мѣстные помѣщики часто приглашали Еремѣеву обѣдать, но она отказывалась отъ приглашеній; она питалась хлѣбомъ и чаемъ, а когда случалось обѣдать въ гостяхъ, у нея происходило разстройство пищеваренія отъ непривычки къ твердой нормальной пищѣ". Объясненіе не серьезное. Бѣдная учительница избѣгала сближенія съ этими помѣщиками, людьми иного быта и иныхъ понятій; поэтому она отказывалась отъ барскихъ обѣдовъ и угощеній подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, будто эта пища ей не по желудку ея, что отъ этихъ обѣдовъ ее „тошнитъ".

По словамъ газеты, отъ хронической будто бы голодовки истощенъ былъ организмъ учительницы Еремѣевой, вслѣдствіе чего „случайная простуда заставила ее слечь въ постель, пустяшное заболѣваніе безъ труда было бы перенесено 18-лѣтнимъ организмомъ, если бы онъ не былъ истощенъ хроническимъ голодомъ". Можно подумать, будто бѣдную учительницу изморомъ морили. На самомъ дѣлѣ было такъ: она простудилась въ холодное время и, когда оказалось сильное повышеніе температуры, то по желанію и распоряженію мѣстной помѣщицы, безъ вѣдома священника, безъ надлежащихъ предосторожностей, не смотря на сырую и холодную погоду (на пятой недѣлѣ Великаго поста), больная была отправлена за 17 верстъ въ земскую больницу въ гор. Крестцы; простуда перешла въ воспаленіе легкихъ, котораго не одолѣло больничное леченіе.

Конечно, Ручьевская школа грамоты не лучшая, хотя и изъ

порядочныхъ; существуетъ много школъ грамоты весьма плохихъ, гораздо худшихъ, чѣмъ Ручьевская, особенно если школа принуждена переходить въ теченіе зимы изъ избы въ избу, по очереди къ каждому домохозяину деревни, котораго дѣти обучаются. Однако, уже въ виду практикуемаго еще во многихъ мѣстахъ договора учителя съ крестьянскимъ обществомъ независимо отъ священника, въ виду чрезвычайно развивающейся за послѣднее время среди крестьянскаго населенія жажды грамотности и просвѣщенія, напрасно укорять Духовное Управленіе, будто оно старается открывать побольше школъ, да подешевле,—„на даровщинку“. Духовенство сплою вощей и даже иногда противъ своего желанія, по неотступнымъ просьбамъ крестьянскихъ обществъ, вынуждается давать согласіе на открытіе новыхъ школъ, особенно школъ грамоты, наиболѣе зависящихъ отъ желаній и пожертвованій того или другого общества. Будучи не въ силахъ удовлетворить всѣ такія просьбы, Духовное Управленіе разрѣшаетъ ихъ только тогда, когда нѣтъ уже никакой возможности отказать, особенно когда общество даетъ напримѣръ половину содержанія школы. Такъ число школъ неудержимо растетъ, совсѣмъ непропорціонально увеличенію средствъ, которыхъ недостаточно для надлежащаго обезпеченія даже только существующихъ школъ. Въ настоящее время получается казеннаго пособія собственно на начальныя школы Духовнаго Вѣдомства до 4½ милліоновъ руб., школъ же состоитъ въ настоящее время до 42,000; въ среднемъ получается до 107 руб. на школу; если къ этому прибавить изыскиваемыя на мѣстахъ средства до 5 милліоновъ, то получится въ среднемъ до 225 р. Нужно ли говорить, что такія средства крайне скудны; они не даютъ возможности надлежаще обставить всѣ школы и обезпечить учителей. Въ прошедшемъ году возбуждено было ходатайство объ отпускѣ казеннаго дополнительнаго пособія школамъ 3.518,270 руб. въ годъ, почти исключительно на увеличеніе жалованья учащимъ, причемъ изъяснено, что изъ всѣхъ учащихъ въ церковныхъ школахъ (по свѣдѣніямъ 1898 года) 11,535 лицъ получали вознагражденіе менѣе 50 руб. въ годъ (это учащіе въ школахъ грамоты), 5,824 лица получали отъ 50 до 100 руб. (большею частію въ школахъ грамоты), 9,126 лицъ получали отъ 100 до 200 руб., 2,710 лицъ отъ 200 до 300 руб., и только 1,477 лицъ получали отъ 300 до 400 р., а весьма многіе, особенно изъ членовъ причта, занимались въ школахъ безплатно. Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ уважить ходатайство Духов-

наго Вѣдомства полностью, но къ несчастью событія въ Китаѣ вынудили Высшее Правительство пріостановить фактическій отпускъ этого пособія въ 1901 году, и школы наши продолжаютъ страдать отъ недостатка средствъ.

Наконецъ, если бы ждать, когда нашъ бѣдный живущій въ нуждѣ крестьянинъ настолько разбогатѣетъ, что по всѣмъ угламъ и глухимъ поселкамъ необъятной Россіи въ состояніи будетъ заводить благоустроенныя школьныя зданія и давать многосотенные оклады учителямъ, то... то это значило бы сидѣть у моря и ждать погоды.

А. Ванчаковъ, членъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ.

VIII. Нищета деревенской школы.

Обширное „Разъясненіе“ г. Ванчакова набрасываетъ такую печальную картину состоянія нашей деревенской и сельской школы, которая заставляетъ сильно задуматься и ожидать какихъ-нибудь административныхъ и законодательныхъ заботъ объ этомъ явно забытомъ и заброшенномъ дѣлѣ. Какъ можно не связывать вообще школьное образованіе съ *физическимъ* и *экономическимъ* благосостояніемъ? Хроника нашихъ „недородовъ“ и „неурожаевъ“, *первобытныя*, какъ при Рюрикѣ, орудія обработки земли, *неумѣнье* орошать землю, которую умѣютъ орошать *даже сарты въ Туркестанѣ*, недогадка выстроить избу иначе какъ изъ бревна и соломы, мелкій захудалый скотъ, звѣрскіе семейные нравы—неужели все это не приходится связывать съ безпроглядной темнотой *тысячелѣтіе безграмотнаго народа*?! Старовѣры наши сплошь *грамотны* и *благосостояніе* ихъ *другое*. Колонисты наши тоже грамотны,—и едва ли ужъ такая совершенная кровь у нихъ, такая счастливая у нихъ бѣлая косточка, что живутъ они чисто, уютно, мирно, торгово и хлѣбно?! Только коренной русскій православный мужикъ смотритъ какимъ-то лѣсовикомъ-медвѣдемъ,

неучемъ, безобразникомъ, лѣнтяемъ. Всѣ его обвиняютъ: но кто же его научилъ? Болѣе одиннадцати тысячъ учителей получаютъ *въ мѣсяцъ менѣе пяти рублей жалованья*! Кухарка *на всемъ готовомъ* и при *готовомъ помѣщеніи* получаетъ болѣе, чѣмъ получала умершая учительница Еремѣева *на всемъ своемъ*. Да и вообще всякая работница-поденщица, всякая скотница, ходящая за коровами, обезпечена и награждена лучше, нежели какъ обезпечилъ Училищный Совѣтъ Духовн. Вѣдомства учительницу, ходящую за крестьянскими дѣтьми съ нѣкоторыми педагогическими задачами.

Что такое пишетъ г. Ванчаковъ, что учительница Еремѣева „не имѣла такихъ-то и такихъ-то учительскихъ правъ", „не кончила такое-то училище", учила „безъ ревизій" надъ нею, учила всего семнадцать дѣвочекъ и не могла обѣдать у помѣщиковъ, „людей иного быта и иныхъ понятій"? Какой такой „бытъ" и какія такія „понятія" можно имѣть за 7 руб. 50 коп. „отъ казны" и при „сухой комнаткѣ", которую почему-то не взяла привередливая учительница, предпочитая изъ 7 руб. 50 коп. платить три рубля за наемъ комнаты? Что такое за „комната", интересно бы видѣть ея илюстрацію, размѣры и особенно узнать что-нибудь *о ея сухости*? Теперь надъ покойникомъ легко пѣть всякія акаѳисты, ибо мертвые уже не говорятъ и не возражаютъ. Но оставляя этотъ частный и можетъ-быть дѣйствительно особенно несчастный случай, нельзя не обратить вниманія на сообщеніе г. Ванчакова, что положеніе *множества другихъ учительницъ еще хуже*, и онѣ буквально изображаютъ уже не скотницу, ходящую за скотомъ, а почти-что самый этотъ скотъ.

Для заботъ нашихъ трехъ Вѣдомствъ—Министерства народнаго просвѣщенія, Св. Сѵнода и Земства,—во вся-

комъ случаѣ предстоитъ чрезвычайно много работы. Нельзя оставить дѣло въ такомъ положеніи, и особенно жалко это было бы въ виду „жаднаго стремленія къ грамотности и образованію сельскаго люда“, на что какъ будто даже жалуется г. Ванчаковъ, изъясняя, что „всѣ хотятъ учиться и нетерпѣливо хотятъ, а средствъ на открытіе школъ не хватаетъ“ У старообрядцевъ тоже „всѣ хотятъ учиться“, но они *всѣ и выучены* своими начетчиками, людьми простыми, вѣроятно невѣжественными, но вѣроятно и добрыми.

Право, мы хотимъ жать, не сѣявъ. Съ одной крестьянской семьи берется иногда налоговъ не менѣе, чѣмъ сколько уплачивается учителю. А вѣдь что же непосредственно деревнѣ и непосредственно крестьянской семьѣ дается еще отъ государства, кромѣ учительницы? Это и есть пока *вся сумма заботъ о мужикѣ*, тутъ на мѣстѣ и лично. Ибо проселочную дорогу онъ прорубилъ и выровнялъ самъ, большой трактъ и желѣзная дорога существуетъ для городовъ, винная лавка существуетъ столько же для интересовъ казны, какъ и для согрѣванія отъ морозовъ мужика.

Сельская учительница и земскій врачъ, послѣдній уже не въ близкомъ разстояніи, есть *итогъ заботъ о деревнѣ*. Да и они-то вездѣ ли есть? Прочія мѣста уже совершенно оголены отъ всякаго такъ-сказать культурнаго обсѣмененія. Такихъ абсолютно глухихъ мѣстъ сколько есть въ Сибири! да и на европейскомъ Сѣверѣ!!

О школахъ грамоты.

(*Письмо въ редакцію*).

На моихъ глазахъ открылось уѣздное отдѣленіе Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, куда я былъ назначенъ членомъ отъ учебнаго вѣдомства. Быстро созваны благочинные уѣзда и выбраны

со. наблюдатели за будущими школами. И работа (къ сожалѣнію бумажная) закипѣла. Не хотѣлось отстать отъ дѣятельности земства, у котораго въ уѣздѣ было 68 отлично (за немногими исключеніями) устроенныхъ школъ. И вотъ къ концу перваго отчетнаго года въ годовомъ отчетѣ о дѣятельности отдѣленія фигурировало около пятидесяти церковно-приходскихъ и около шестидесяти школъ грамоты. Откуда такъ быстро выросло такое множество школъ?

А вотъ откуда.

Оо. наблюдатели и оо. настоятели пооткопали въ своихъ приходахъ крохотныя нелегальныя школки, гдѣ досужія чернички, унтера, спившіеся писаря и иные грамотѣи обучали ребятъ грамотѣ или вѣрнѣе питались отъ довѣрчивыхъ мужичковъ за проблематическое просвѣщеніе ребятъ ихъ грамотой. Эти школы были зарегистрированы и переименованы однѣ въ церковно-приходскія, другія въ школы грамоты. Унтера, писаря, чернички обратились въ учителей, учительницъ и имъ положены были оклады отъ 25 руб. до 120 руб. въ годъ. Г. Ванчаковъ въ своемъ „Разъясненіи“, напечатанномъ въ „Нов. Вр.“, безусловно правъ, что для такого контингента преподавателей окладъ въ 50 руб. Божія благодать, а въ 120 руб.—верхъ земного благополучія. Но что же это за учителя и школы? Я думаю, что г. Ванчаковъ не только не поручилъ бы имъ своихъ дѣтей, а, несмотря на то, что они, эти педагоги—полные сосуды „драгоцѣнныхъ чертъ“, не подпустилъ бы ихъ близко къ себѣ. Я не стану рисовать типовъ этихъ педагоговъ: жители деревни ихъ отлично знаютъ, а скажу только о томъ волненіи, какое вызвало въ земскомъ собраніи среди крестьянъ-гласныхъ предложеніе одного изъ земскихъ начальниковъ — передать земскія школы въ вѣдѣніе духовенства. Несмотря на то, что въ реформированномъ земствѣ отъ крестьянъ въ гласные попадаютъ волостные старшины, сельскіе старосты,—все лица подначальныя земскимъ начальникамъ,—нашелся одинъ почтенный старшина, и какъ разъ района того же начальника, и сказалъ простую, но полную глубокаго интереса рѣчь. И онъ отстоялъ земскія школы.

Если бы г. Ванчаковъ услышалъ изъ устъ этого крестьянина характеристику этихъ школъ, этихъ педагоговъ, то едва-ли у него достало бы смѣлости искать „драгоцѣнныя черты“ въ омутѣ пьянства, нищеты и невѣжества.

Нѣтъ, настоящее просвѣщеніе народа не въ школахъ грамоты, а въ хорошихъ земскихъ школахъ, гдѣ рядомъ съ разумной, осмысленной грамотой идетъ широкое воздѣйствіе того же духовенства

Батюшка-пастырь, батюшка законоучитель, батюшка-альфа прихода, его душевный и духовный элементъ,—кажется нѣтъ больше, нѣтъ шире простора для благотворнаго воздѣйствія духовенства на прихожанъ и дѣтей ихъ. Но батюшка школьный администраторъ, директоръ училищъ—это обязанности и несовмѣстимыя и непосильныя для священника.

Всякому зерну своя борозда. На своей бороздѣ оно дастъ обильный плодъ. А расколи его, брось частицы въ разныя борозды, будетъ-ли плодъ?

25 августа 1901 г. *К. Гре—въ.*

„Драгоцѣнныя черты".

(Письмо въ редакцію „Нов. Вр.").

М. г. Въ № 9143 уважаемой вашей газеты напечатано „Необходимое разъясненіе" г. А. Ванчакова по поводу смерти несчастной учительницы Еремѣевой. Не считая себя въ правѣ касаться фактическихъ и цифровыхъ данныхъ этого „разъясненія", мы хотѣли бы спросить г. Ванчакова: какія „драгоцѣнныя черты" онъ нашелъ въ школахъ грамоты, въ которыхъ учащіе получаютъ менѣе 50-ти руб.?

По званію члена одного изъ отдѣленій Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, мнѣ приходилось не разъ объѣзжать церковно-приходскія школы и школы грамоты одной изъ южныхъ губерній. И при всемъ желаніи найти эти „драгоцѣнныя черты" школъ грамоты, я, грѣшный человѣкъ, таковыхъ не обрѣталъ. Правда, въ одной школѣ я нашелъ поразившую меня черту, о которой я не могу не разсказать.

Пріѣзжаю въ одинъ хуторъ, гдѣ есть школа грамоты, находящаяся въ вѣдѣніи отдѣленія. Обучаетъ грамотѣ традиціонная „черничка", хотя „чернаго" на ней я не нашелъ ничего. Въ школѣ душъ 15 учениковъ разныхъ возрастовъ. У малюковъ церковные буквари и они, бѣдняки, долбятъ „азъ, буки, вѣди" или „букирцы-азъ—бра". Бьются малюки надъ этими египетскими іероглифами до седьмого поту и тошноты (буквально), но понять что-нибудь они не могутъ. Какъ я у малюковъ не добивался сознательнаго усвоенія буквъ и звуковъ, такъ и не добился. Обращаюсь къ подросткамъ, почти парнямъ, сидящимъ на псалтыри и „числови", заставляю ихъ читать. Читаютъ бойко, хорошо. Я беру у одного

Часословъ, переворачиваю листовъ 20 впередъ и заставляю читать какой-то псаломъ. Парень молчитъ.—„Ну, что же ты, братецъ, молчишь, читай, хоть не торопясь". Опять молчаніе. На повторенную просьбу парень мнѣ отвѣчаетъ: „Мы цего ще не вчылы". Тогда я переворачиваю листовъ десять назадъ отъ бѣгло читаннаго и даю читать изъ средины псалма. Опять молчаніе, которое меня уже поразило. „Вѣдь я же даю тебѣ читать уже „вченое", ну, читай же"! „Мы вчылы видцеля",—сказалъ, наконецъ, грамотѣй, указывая на начало псалма. „Да какъ же вы учили"?—спрашиваю я. „Намъ проказують". Оказывается, что парни, проходившіе 3—4 зимы, не знали ни одной буквы и не могли самостоятельно сложить ни одного слова. Можетъ быть г. Ванчаковъ эту и подобныя имъ черты называетъ „драгоцѣнными". Только эти черты (другихъ я не нашелъ), едва-ли стоятъ того, чтобы ихъ бережно охранять и тратить на нихъ 10 мил. народныхъ денегъ.

20 августа 1901 г. *К. Гре—въ.*

IX. Педагогическіе архаизмы.

Письмо г. К. Гре—ва, бывшаго члена Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, относительно успѣховъ въ такъ-называемыхъ „школахъ грамоты"—появилось очень своевременно. Нѣтъ сомнѣнія и всегда всѣ знали, что школы эти самыя элементарныя. Слово „элементарность" выражаетъ курсъ ученія, крошечный объемъ сообщаемыхъ ученикамъ свѣдѣній или навыковъ, не превышающихъ простую грамотность; но нисколько это слово не должно выражать собою столь первобытные способы преподаванія, что, просидѣвъ три зимы надъ „псалтирью и чыслови", ученики всетаки не умѣютъ читать. Ученики учатся не по здравому методу азбукѣ, а по старинному: „буки-рцы-азъ-бра". Давно было объяснено, что когда учитель ученику говоритъ: „сложи *буки* и *рцы*", то ученикъ довольно раціонально отвѣчаетъ: „*букирцы*", не понимая, что бы это значило? О звуковомъ методѣ обу-

ченія грамотѣ у насъ такъ много писали и педагоги, и непедагоги въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, и онъ до того простъ и естественъ, что—можно было ожидать—„буки-рцы-азъ-бра“ вездѣ брошено и забыто; по крайней мѣрѣ—брошено *въ официально существующихъ училищахъ*. Къ удивленію, они здравствуютъ. Такимъ именно способомъ учатся „Псалтырю“ въ школахъ грамоты, не во всѣхъ, но по крайней мѣрѣ во многихъ. Мы даже не знаемъ, во сколькихъ именно, и можемъ подозрѣвать, что въ очень многихъ. „Я такъ постоянно видалъ“,—пишетъ г. Гре—въ,—„объѣзжая по обязанности члена школы“.

Школы эти были основаны въ восмидесятыхъ годахъ и представляютъ какъ бы приготовительный курсъ или младшую стадію церковно-приходскихъ школъ. О послѣднихъ писалось очень много, писалось по преимуществу священниками, съ жалобами, кажется не безосновательными, что имъ, за множествомъ требъ и обширностью приходскаго письмоводства, некогда внимательно учить. Признаемся, въ откровенномъ разсказѣ о положеніи дѣла нельзя не видѣть заслуги. Въ способѣ, какимъ вводились церковно-приходскія школы, была излишняя торопливость, не пропорціональная подготовленнымъ средствамъ. Прежде всего не было подумано, есть-ли дѣйствительно у священниковъ время? Не много времени беретъ воскресная и предъ-воскресная служба, но сколько времени беретъ выписка изъ метрическихъ книгъ о всѣхъ рожденныхъ за двадцать одинъ годъ назадъ?—Таковая „выписка“ требуется воинскимъ присутствіемъ для составленія списковъ призыва крестьянъ на воинскую службу.

А сношенія и переписка о брачущихся, съ опасностью отвѣтить за неправильный бракъ? А погребенія, кре-

стины и исповѣди? Умирающій не ждетъ, когда окончится урокъ у батюшки; и священникъ долженъ бросать урокъ, потому что слишкомъ для него очевидно, что у постели умирающаго долгъ пастыря нетерпѣливѣе зоветъ къ себѣ, чѣмъ въ школѣ. Вся эта картина приходской сельской жизни едва-ли предносилась воображенію устроителей церковно-приходскихъ школъ иначе, какъ въ чертахъ общихъ и отдаленныхъ. Сказать, чтобы священники никогда не становились въ подобную колизію, въ такое столкновеніе обязанностей, съ одной стороны—душевныхъ, а съ другой стороны—официальныхъ, невозможно. Мы слишкомъ много возлагаемъ на священниковъ, едва-ли измѣривъ даже физическія ихъ силы.

Но торопливость „Вѣдомства“ шла далѣе. Едва-ли организовавъ отлично или удовлетворительно церковно-приходскія школы, оно расширило районъ своего педагогическаго управленія основаніемъ „школъ грамоты“. Что же это за школы? Случайный инцидентъ съ учительницею Еремѣевою заставилъ случайно спросить о жалованьи учительницамъ, а интересное „разъясненіе“ г. Ванчакова раскрыло такія подробности платной стороны дѣла, которыя заставили вѣроятно вздохнуть милліоны русскихъ грудей, привыкшихъ уважать сельскую учительницу. Но что же однако даютъ самыя школы, и что онѣ собою представляютъ? „Буки-рцы-азъ-бра“, „три года сидимъ, а читать не умѣемъ“. Достаточно вѣдь было только показать самому учителю звуковой методъ, т. е. *командировать его хотя на недѣлю въ какую-нибудь учительскую семинарію*, чтобы онъ не мучилъ дѣтей надъ грамотностью цѣлыя три зимы!! Очевидно, у Духовнаго Вѣдомства вовсе нѣтъ или есть крайне мало учительскихъ семинарій. Школы грамоты суть живыя сцены педагогики, которая казалась уже невозможною

Фонвизину, и онъ изобразилъ ихъ въ томъ же безсильномъ чтеніи „Псалтыря“ Митрофаномъ, о какомъ пишетъ г. К. Гре—въ. „Обучаетъ грамотѣ традиціонная черничка... У малюковъ церковные буквари... Бьются малютки надъ этими іероглифами до седьмого поту и тошноты (буквально), но понять что-нибудь они не могутъ“. Да и какъ понять, когда „буки-рцы-азъ“ дѣйствительно и раціонально читаются „букирцыазъ“, а не „бра“. И все это можно бы устранить черезъ недѣлю занятій „чернички“ въ учительской семинаріи. Вѣдь только показать, всего только показать ей: она уже взрослая и такіе пустяки, какъ секретъ звукового метода, въ часъ поймётъ. Но этого не сдѣлано. Что же сдѣлано? Ничего. Написано „школа“, позволено подъ эту вывѣску собираться крестьянскимъ ребятамъ, придти туда какому-то учителю, ничему не выученному... и пусть они повторяютъ безсмертныя сцены Фонвизина. Такое зрѣлище для тысячелѣтней Россіи слишкомъ наивно, а можетъ быть кто-нибудь прибавитъ, что оно и „очень дико“.

X. О деревенскомъ ученьи.

Хорошія пожеланія—при хорошихъ средствахъ. Въ огромной массѣ нашихъ деревень еще вовсе нѣтъ никакого училищнаго свѣта, въ другихъ онъ есть, но въ такомъ изломанномъ и допотопномъ видѣ, что почти приходится пожалѣть, для чего его заводили. Послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ и Министерство народнаго просвѣщенія, и особенно Земство нѣсколько отодвинулись на задній планъ со своимъ излюбленнымъ училищнымъ дѣломъ, очистивъ мѣсто для педагогической дѣятельности Училищному Совѣту при Св. Сунодѣ. Но судя по доносящимся съ мѣста свѣдѣніямъ, обильно со

всѣхъ сторонъ подтверждаемымъ, положеніе деревенскаго ученія такъ плохо и такъ хило, что и Министерству, и земству придется взяться и можетъ быть усиленнѣе, чѣмъ когда-нибудь, за учебное дѣло. Нужно всѣми средствами усиливаться не столько повышать уровень ученія, сколько расширять пространство его, чтобы добиться, наконецъ, хоть твердой и повсемѣстной грамотности, умѣнья *читать*, *писать*, и *знать счетъ*. Первоначальное образованіе съ выучкою чтенію, письму, молитвамъ и рѣшенію легчайшихъ задачъ счета, вмѣстѣ съ тѣмъ не выведетъ ученика школы изъ крестьянскаго быта, что чрезвычайно важно. Нельзя представить себѣ, до чего важно сохраненіе въ нѣдрахъ самого крестьянства даровитыхъ элементовъ, и нѣсколько подученыхъ; до чего бѣдственно дѣйствуетъ какъ бы подставленіе къ деревнѣ насоса, который вытягиваетъ изъ нея всякое возможное или начинающееся дарованіе, и перебрасываетъ его отъ поля и сохи положимъ въ педагогику, въ фельдшерство, въ мелкое чиновничество, вообще въ городской и мелко-интеллигентный трудъ и бытъ. Все это обогащается даровитымъ крестьяниномъ; но само то крестьянство бѣднѣетъ ровно настолько, насколько отъ него обогатились другіе. Вопросъ о судьбѣ крестьянъ-учениковъ вообще всегда оставался какъ-то тусклъ. Извѣстно, какъ много интеллигентныхъ людей, рожденныхъ и воспитавшихся въ городѣ, шло въ деревню. Они сослужили свою хорошую службу. Но вотъ вопросъ: если образованный человѣкъ, и хорошо образованный, находитъ, что нигдѣ онъ не принесетъ столько пользы, какъ живя въ деревнѣ и трудясь среди крестьянъ, то что же мы скажемъ о молодомъ выучившемся крестьянинѣ? Не приложима-ли аксіома о деревенскомъ трудѣ для него удесятеренно сравнительно съ интеллигентомъ?

Поднимать просвѣщеніе деревни поэтому нужно очень ровно, не скачками и въ особенности не кусками, не оазисами. Теперь невозможно до извѣстной степени не примириться съ покиданіемъ деревни питомцами деревенской же школы, во всякомъ случаѣ этому нельзя положить предѣла: просто человѣкъ ищетъ однородной себѣ среды, общенія въ умственныхъ интересахъ, пусть даже не высокихъ. Но столь же очевидно, что тоска по городу не станетъ лишнимъ мотивомъ для покиданія деревни, разъ *вся* деревенская жизнь начнетъ подыматься ровно надъ теперешнимъ заброшеннымъ, одичалымъ своимъ состояніемъ.

XI. Нѣчто о мылѣ, трахомѣ и „Завѣтахъ Минина и Пожарскаго".

Далекая восточная газетка („Приамур. Вѣд.") сообщаетъ случай: въ селѣ Средне-Бѣльскомъ крестьяне рѣшили построить взамѣнъ ветхой и полусгнившей прежней школы новую, большую и свѣтлую. Не только инспекторъ народныхъ школъ края, г. Окунцовъ, но даже и самъ начальникъ области, ген.-лейт. Грибскій, отнеслись равно сочувственно къ постановленію сельскаго общества. Уже заготовленъ былъ лѣсъ. Вдругъ— не ясно, отчего и какъ — вышли споры о томъ, чьей быть школѣ и какого типа, министерской или церковно-приходской? Споръ оказался болѣе горячимъ, чѣмъ можно было ожидать, и не рѣшился до сихъ поръ, а заготовленный на школу лѣсъ лежитъ и гніетъ. Въ другой приволжской газетѣ сообщается, что здѣсь среди крестьянскаго населенія особенно развита и все увеличивается трахома—болѣзнь глазъ. Болѣзнь эта, выражающаяся теченіемъ гноя изъ глазъ и болью въ нихъ, на-

столько сдѣлалась народна, что уже крестьяне считаютъ ее обыкновеннымъ и почти всеобщимъ явленіемъ, и на изслѣдованіе врача смотрятъ, какъ на тягостную и безполезную придирку, а прописанные рецепты вѣроятно бросаютъ въ огонь или въ рѣку. Эти крестьяне по мѣсяцамъ, а иногда до износа, не мѣняютъ бѣлья, освѣщаются лучиною вмѣсто свѣчи и вовсе не знаютъ употребленія мыла.

Въ самомъ дѣлѣ, кому же этихъ немытыхъ и больныхъ учить—Министерству народнаго просвѣщенія или Св. Сѵноду? И какъ—по „Псалтири“ учить или по „Родному Слову“ Ушинскаго? Кому учить—„черничкѣ“ по способу „буки-рцы-азъ—бра“, или учителю, выученному въ учительской семинаріи, который знаетъ все-таки звуковой методъ? Не знаемъ, кому учить. А крестьяне сидятъ все такъ же неумытые и изъ глазъ ихъ течетъ какая-то гадость. Говорятъ, школы грамоты и церковно-приходскія школы суть „продуктъ высшихъ государственныхъ и даже почти историко-государственныхъ соображеній“. Это какъ бы голосъ Минина и Пожарскаго. Мининъ и Пожарскій какъ бы смотрятъ изъ могилы очами,—вѣроятно болѣе здоровыми, чѣмъ у живыхъ русскихъ крестьянъ,—и завѣщаютъ намъ учить дѣтей непремѣнно начиная съ „Псалтири“, а не съ чего-нибудь другого. Повинуясь „сему голосу“ замогильному, „сему завѣту“ историческому, Русь должна скорѣе погодить, нежели торопливо и анти-исторично ринуться по путямъ Ушинскаго, Пирогова и другихъ меньшихъ. Намъ кажется, что сія „историческая забота“ и есть главная причина, что бревна въ Средне-Бѣльскомъ селѣ гніютъ подъ дождями, а глаза приволжскихъ крестьянъ тоже нѣсколько гніютъ отъ лучиннаго дыма и вѣчной неумытости.

Кому учить? Вѣдомства ревниво слѣдятъ другъ за другомъ, какъ Патроклъ за Ахилломъ и Ахиллъ за Патрокломъ. Все это такъ. Но жаль и лѣса въ Средне-Бѣльскомъ, и глазъ по цѣлому Поволжью. Да и по одному ли Поволжью? Лучина и неумытость въ Россіи то же, что муравьи въ лѣсу: гдѣ ни приткнись, они ползаютъ. Гдѣ вы ни войдите въ крестьянскую избу, но если она далеко отъ желѣзной дороги,—вы встрѣтите ту же лучину и то же отсутствіе мыла. Повальная трахома потому и открыта въ Поволжьѣ, что на нее было кому посмотрѣть. Вошелъ врачъ—и увидѣлъ; въ другомъ мѣстѣ онъ не вошелъ— и не увидѣлъ, а она все-таки есть.

Кому учить? Загадочный вопросъ. И страшно Минина, и хочется Ушинскаго. Но еще болѣе хочется въ деревню здороваго и просвѣщеннаго хозяина, какіе, говорятъ, бывали встарь, и пріучали крестьянъ къ издѣліямъ, промысламъ; дѣвушекъ сажали за рукодѣлье, а мальчиковъ выучивали ремеслу и даже иногда искусству. Въ деревню нужно культуру, вотъ кого туда нужно. Споръ между Ушинскимъ и былыми сценами Фонвизина всетаки не настоящій. Настоящій споръ все-таки идетъ о мылѣ, объ умѣньи и охотѣ позвать доктора, объ умѣньи вымазать стѣны избы глиною и покрыть ее не соломою, а черепицею—это съ одной стороны; а съ другой—о теоретизмѣ, будетъ ли все излагаться буквами гражданской печати или церковно-славянской. Деревнѣ нужна школа, но непремѣнно практическая, чуть-чуть подкармливающая крестьянъ черезъ повышеніе цѣнности продуктовъ его труда и въ то же время очищающая его бытъ. Вотъ, думается, двѣ задачи школы въ деревнѣ. Школа непремѣнно должна быть *выгодна крестьянину*. А то вѣдь онъ и безъ того достаточный патріотъ,—и невозможно же ему совсѣмъ ужъ и лучины

не зажигать у себя по ночамъ, чтобы окончательный рубль передать на церковно-приходскую школу или школу грамоты, дабы „черничка“ наводила ему на лицо глянецъ Минина въ видахъ сохраненія исторической преемственности. *Только выгодная школа нужна мужику.* Онъ слишкомъ бѣденъ, чтобы баловаться ученьемъ, хотя бы и въ высоко-архаическомъ или высоко-художественномъ стилѣ. Дѣло въ томъ, что мужику еще нуженъ докторъ—такъ гдѣ уже тутъ думать о Мининѣ и Пожарскомъ и заботиться, чтобы длиннобородый крестьянинъ не терялъ разительнаго сходства съ героями-предками и какъ-нибудь не уподобился, Боже упаси, латышу, чухонцу, колонисту-нѣмцу или штундисту...

Выгодная для крестьянина школа—вотъ знамя, подъ которымъ долженъ быть понесенъ свѣтъ въ деревню. Дайте такую шко̀лу, перестаньте теоретизировать, *перестаньте думать о себѣ* и подумайте о немъ; и онъ все, что у него остается хлѣбнаго, денежнаго, цѣннаго отдастъ школѣ.

А судьбу Средне-Бѣльскаго училища все-таки надо рѣшить: кому же принадлежать ему, Министерству народнаго просвѣщенія или Св. Сѵноду? А то зима настанетъ и лѣсъ уже совсѣмъ сгніетъ.

МИССІОНЕРСТВО и МИССІОНЕРЫ.

Миссіонерство и миссіонеры.

I.

Истекшее лѣто мнѣ случилось провести верстахъ въ девяти за Теріоками. Мы переѣхали на дачное жилье цѣлою группою семей, связанныхъ зимнимъ знакомствомъ,—и, любя бесѣды на религіозныя темы, я имѣлъ случай удовлетворять эту жажду съ людьми высокаго богословскаго образованія, частью прошедшими духовную академію, частью университетъ и духовную академію. Изъ нихъ трое, М. А. Новоселовъ, В. М. Скворцовъ (редакторъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“) и В. А. Тернавцевъ были упомянуты въ газетныхъ сообщеніяхъ, какъ участники двухъ миссіонерскихъ съѣздовъ—въ Нижнемъ-Новгородѣ и Орлѣ. Священники Альбовъ, Устьинскій, Городцевъ хотя и рѣже, по причинѣ своихъ занятій, но принимали здѣсь участіе. Вообще нужно сожалѣть, что такъ рѣдко и мало въ общую печать доносятся отголоски очень живыхъ и очень частыхъ теперь въ Петербургѣ и Москвѣ религіозныхъ бесѣдъ, неустановленныхъ, безпрограмныхъ, чистосердечныхъ, проникнутыхъ самымъ глубокимъ взаимнымъ уваженіемъ, и, на мой взглядъ по крайней мѣрѣ, глубоко содержательныхъ и волнующе интересныхъ. При взаимномъ уваженіи, кому хотѣлось бы обидѣть—не обижалъ, кто въ правѣ былъ бы быть нетерпимымъ—не оказывалъ нетер-

пимости. Острота мнѣній притуплялась, жестокость рѣшеній—сглаживалась. И при полномъ очевидномъ несогласіи другъ съ другомъ относительно многихъ весьма коренныхъ пунктовъ, мы сходились и расходились не только съ взаимнымъ благожелательствомъ, но и съ желаніемъ какъ можно скорѣе вновь сойтись и еще и еще бесѣдовать.

Не нужно напоминать читателю нѣкоторыхъ церковныхъ явленій этой весны, чтобы указать, что одна тема, именно о свободѣ религіозныхъ мнѣній, получила тогда особый импульсъ. И вотъ, я помню одинъ лѣтній вечеръ, какъ три нашихъ семьи собрались у почтеннаго священника П. Д. Городцева, чтобы почайничать на верандѣ. Хлѣбосольный хозяинъ, любитель рыбной ловли, отличный ученый, законоучитель въ нѣсколькихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ, разставилъ намъ всяческія яства и питія,—но мы жаждали болѣе питанія духовнаго и сейчасъ же заговорили о нѣкоторыхъ статьяхъ „Миссіонерскаго обозрѣнія“, редакторъ котораго былъ съ нами и нѣсколько смущался, поступилъ ли онъ тактично или нетактично, опубликовавъ рискованные документы *). Всѣ мы привыкли уважать этого редактора и дружно принялись утѣшать его, говоря, что, оставляя въ сторонѣ вопросъ о тактѣ, въ которомъ всѣ мы не компетентны, подаемъ руку какъ мужественному христіанину, который всегда хочетъ бороться, потому что вѣритъ въ свою правду. И вотъ я помню памятныя слова стараго нашего почтеннаго хозяина-священника:

---

*) Именно, онъ опубликовалъ въ *полномъ* видѣ „Отвѣтъ гр. Л. Толстого св. Суноду“, только что отлучившему его отъ Церкви, съ исповѣданіемъ вѣры этого писателя, изъ какового исповѣданія даже въ оффиціальныхъ документахъ, —гдѣ, какъ извѣстно, „все должно быть изображено“,—были выпущены большіе куски текста.

— У насъ въ Академіи преподавалъ Янышевъ (теперь—протопресвитеръ). Что̀ это были за лекціи и какое тогда было время! Онъ первый устранилъ изъ чтеній своихъ условность и схоластику, устранилъ дѣланный высокопарный языкъ, и началъ показывать намъ суть всякаго разбираемаго вопроса. Мы, студенты Духовной академіи, всѣ были одушевлены. Вотъ разъ мы собрались и говоримъ своему профессору: „Пусть откроютъ свободу мнѣній, пусть пишутъ все: мы побѣдимъ. Неужели-же мы не побѣдимъ“?!

И онъ оглянулъ насъ, сидѣвшихъ, горящимъ взглядомъ, и, сдѣлавъ жестъ, какъ бы переламываетъ палку, которую тянетъ къ себѣ, когда его противникъ тянетъ ее въ противоположную сторону, продолжалъ:

— Кто кого перетянетъ? Неужели же мы не одолѣемъ?

И лицо его освѣтилось побѣдой.

— И какъ я тогда думалъ, тридцать лѣтъ назадъ, такъ и сейчасъ думаю: пусть печатаютъ всякія еретическія мнѣнія! Истина несокрушима, Православная вѣра непобѣдима! Только ужъ тогда и намъ дремать не придется. Придется покинуть лѣнивое существованіе и начать работать, работать и работать—для торжества св. Православной вѣры.

Меня это нѣсколько удивило и я посмотрѣлъ на В. М. Скворцова:

— Рано, рано, отецъ. Нѣтъ! Какое вѣдь наше время и общество? Развѣ возможенъ нынѣ честный споръ? Васъ не поймутъ, засмѣютъ, васъ оклевещутъ, мнѣнія ваши извратятъ, затопчутъ—и вамъ негдѣ защититься... Тутъ—страсти; тутъ—литературная ловкость. Побѣдителемъ окажется не человѣкъ честный, а человѣкъ ловкій. Рано, отецъ.

Но вотъ фактъ. Мнѣніе о свободѣ изложенія рели-

гіозныхъ мнѣній было высказано священникомъ и отпарировано редакторомъ миссіонерскаго журнала не по принципіальнымъ основаніямъ, а по практическимъ соображеніямъ. Сколько вечеровъ я самъ бесѣдовалъ съ этимъ редакторомъ. Когда-то учитель семинаріи въ Кіевѣ, ни кѣмъ не нудимый, открылъ около Кіева пренія съ сектантами, и, любитель-кустарь своего дѣла, теперь перенесъ дѣятельность въ Петербургъ, сохраняя тѣ же пріемы не академическаго высокомѣрія, а такъ сказать домашняго рукодѣлья въ своей дѣятельности. Все въ немъ открыто, твердо, и порядочно. Сколько вечеровъ я задушевно переговорилъ съ этимъ редакторомъ, при первомъ же со мной знакомствѣ спасшемъ отъ духовной цензуры одну ею не пропущенную мою статью („Замѣчательная еврейская пѣснь"). Мы почти непрерывно разговаривали о разныхъ явленіяхъ въ церковной современности, и вотъ образецъ его терпимости:

— Помилуйте!—говорилъ я разъ.—Какъ перепутываются при непониманіи мнѣнія и мѣняются взаимно позиціи. Уже въ печати я обвиняюсь въ томъ, что будто бы высказываюсь за гражданскій бракъ, безъ религіозныхъ формъ, когда я стою здѣсь не за *убавленіе* религіозныхъ формъ, а за *прибавленіе* религіозныхъ формъ; за дальнѣйшее, болѣе глубокое и болѣе послѣдовательное освѣщеніе всѣхъ сторонъ и всѣхъ моментовъ супружества, отчества и материнства. Почему о путешествующихъ, воинствующихъ есть въ эктеніи прошенія, а, когда наши жены рождаютъ и мучатся, и боятся смерти, и ищутъ помощи—нѣтъ о нихъ простого и умилительнаго слова въ эктеніи? А это возможно было бы и нужно было бы. Сошлются, что невозможно что-нибудь здѣсь прибавить или убавить. Неправда. Устано-

влена же новая молитва послѣ несчастной кончины Александра II, въ которой испрашивается у Бога, чтобы онъ оградилъ своего помазанника ангелами-хранителями. Молитвенное творчество, молитвенное созиданіе Церкви не кончено, не запечатано. О всякой скорби и во всякой мукѣ можно молить Бога, и молить не общими, а особо принаровленными словами. И вотъ я говорю, что для такой особенной и страшной и вмѣстѣ радостной минуты, какую женщина переживаетъ рождая, нужны бы двѣ молитвы: личную для нея, утѣшающую и ободряющую, и—общую за нихъ всѣхъ и о всѣхъ ихъ, которую, слушая на эктеніи, повторяли бы мысленно ихъ отцы, братья, мужья, дѣти. Но этого нѣтъ! И наши всемірныя и прекрасныя эктиніи о всемъ помнятъ, а такой центральный фактъ какъ рожденіе—забыли и обошли молчаніемъ. Мнѣ это обидно; какъ семьянину—мнѣ это больно. Теперь обращусь и къ разводу, который опять же долженъ бы вытекать изъ таинства, т. е. протекать религіозно-торжественно, а не въ судебныхъ протоколахъ, что̀ соотвѣтствуетъ гражданской сдѣлкѣ. Не находитъ ли духъ гражданскаго брака себѣ опоры въ вашей же церковной сферѣ, установившей для брачныхъ людей, въ случаяхъ несчастія брака,—*судоговорьніе, свидѣтельства, документъ*, т. е. сумму *юридическихъ* формъ?! Ибо вѣдь если *формы* юридическія, то, предполагаемо—и *зерно* ихъ тоже юридическое? Кто же наглядно учитъ о гражданскомъ бракѣ, кто его внушаетъ обществу? *Вы сами*! Пусть бы священникъ, въ епитрахили, выйдя послѣ литургіи на амвонъ, объявилъ такой-то бракъ расторгнутымъ. А, это я понимаю! Это —таинство. Но теперь? Я вижу судей, юристовъ; и даже если вижу священниковъ въ консисторіи, то *безъ епитрахили*, т. е. не священствующихъ, а разбирающихъ

житейское дѣло, какъ въ консисторіи же они разбираютъ разныя жалобы на священниковъ. И слѣдовательно вотъ *откуда* идетъ, а не отъ моихъ статей, воззрѣніе и внушеніе другимъ, что бракъ есть вообще только житейское дѣло, *юридическая сдѣлка*. Я-то—*за* таинство; а мои оппоненты—*противъ* таинства. Но этого никто не замѣчаетъ.

— Это интересно, это совершенно ново и глубокой правдой дышетъ... Конечно, вся сумма не вашего, а нашего отношенія—юридична, и тутъ много забыто изъ того, что „едино на потребу“. Все это было бы полезно вамъ изложить и напечатать.

Такое слово мнѣ дорого. Никогда въ этомъ человѣкѣ я не видѣлъ ни офиціала, ни офиціоза, а мужественнаго, прямого воина своего дѣла, хотя преданнаго, ревностнаго, желающаго именно воинствовать. И рѣчи съ нимъ лились легко.

Однажды, подъ живымъ впечатлѣніемъ только что произведенной ревизіи, онъ разсказывалъ мнѣ съ негодованіемъ, съ горемъ, объ одной семинаріи, въ которой ректоръ, обязанный слѣдить за содержаніемъ живущихъ въ интернатѣ учениковъ, одиннадцать лѣтъ не спускался въ столовую. „Была одна салфетка на семь учениковъ. Вы представляете себѣ, какой грязной и вонючей тряпкой они утирались?! Юноши заволновались на одиннадцатый годъ, и ихъ обвинили въ либеральномъ духѣ и политической неблагонадежности. А они были только брошены и забыты, какъ свиньи“.

Онъ чистосердечно признавался въ недочетахъ. Какъ было не признаться ему въ своихъ недочетахъ? И душамъ, открытымъ съ одной и съ другой стороны, было легко. Я думаю, это отношеніе между нами было христіанское. А во-истину, гдѣ методъ христіанскихъ отно-

шеній (я настаиваю на словѣ „методъ"),—тамъ все хорошее и доброе становится не трудно, а все злое само собой выскакиваетъ вонъ.

II.

Я позволилъ себѣ эти маленькія воспоминанія, чтобы объяснить читателю то недоумѣніе и непріятное чувство, съ какимъ прочиталъ рѣчь г. Стаховича на послѣднемъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ Орлѣ, посвященную свободѣ религіозной совѣсти. „Не то! Не то! Не такъ! Не такъ!" думалъ я, читая эту рѣчь. Въ ней есть своя правда. Конечныхъ цѣлей, въ ней поставленныхъ, я думаю—достигнетъ Россія; я думаю, многіе дѣятели самого Съѣзда, отрѣшенно отъ условій пространства и времени, страны и исторіи, думаютъ такъ же, какъ г. Стаховичъ. Неужели и они не знаютъ, что Евангеліе есть милость, есть любовь, есть прощеніе, а не кара, не угроза? „Я пришелъ для грѣшныхъ, а не для праведныхъ", неужели этого они не читали у Христа? Увѣренъ, множество священническихъ сердецъ облились кровью, слушая рѣчь свѣтскаго оратора „Боже, онъ *наше*, наши слова взялъ, наше сердце вырвалъ: и продаетъ его на рынкѣ какъ говядину, обращая выручку противъ насъ же".

И душа моя волновалась за нѣкоторыхъ друзей, присутствовавшихъ на Съѣздѣ, которыхъ я зналъ подлинными, настоящими, внутренними христіанами. Изъ нихъ два свѣтскихъ богослова, гг. Тернавцевъ и Новоселовъ, оба прошедшіе длинную стадію религіозныхъ сомнѣній,—до того преданы интересамъ и вопросамъ религіи, что, кажется, ни о чемъ ни думать, ни говорить не могутъ, кромѣ дѣлъ Церкви. Но какъ много они простираютъ критики на дѣла церковныя, можно видѣть

изъ словъ, неоднократно мною слышанныхъ изъ устъ одного изъ нихъ: „Только катъ (палачъ) можетъ говорить противъ нужды въ реформѣ Церкви; но въ реформѣ,—къ *улучшенію* направленной, а не къ *разрушенію*". Онъ же духовную цензуру называлъ всегда „прямо чудовищной"; капитальные богословскіе труды „ничтожными и презрѣнными", въ тоже время зачитываясь греческими мистиками-аскетами IV—V вѣка. Вотъ ихъ умственный строй. А простота и великодушіе ихъ сердца, сказывающіяся въ простыхъ житейскихъ отношеніяхъ, такъ высоки, что, право, умирая, я хотѣлъ бы видѣть ихъ около своей постели. Позволяю себѣ это сказать, ибо рѣчь г. Стаховича можетъ быть независимо отъ прямого намѣренія оратора забрасываетъ сѣмена нравственной подозрительности на дѣятелей миссіи. „Вы притѣснители, а не христіане",—говоритъ смыслъ его словъ. Рѣчь его была только по виду предложеніемъ, а на самомъ дѣлѣ она была судомъ и осужденіемъ. А гдѣ есть судъ, тамъ есть и права защиты, тамъ есть право свидѣтельствованія. Съѣздъ отвѣтилъ оратору, что „отклоняетъ его докладъ какъ по существу, такъ и по несоотвѣтствію задачамъ мѣстнаго миссіонерскаго съѣзда". Отвѣтилъ съѣздъ уклончиво, сухо, оффиціально. Но вѣдь такимъ же тономъ заговорилъ и ораторъ? Почва взаимнаго пониманія между критикомъ и критикуемыми была потеряна. Онъ не понялъ ихъ. Они сказали, что не хотятъ понимать его. Повторяю: по смыслу, рѣчь г. Стаховича — правильна, по далекому идеалу—правильна. Но она не проникаетъ *) вовсе въ

*) Ниже мною, по вопросу о свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданія, помѣщено еще нѣсколько статей, которыя всѣ могутъ показаться читателю *уклончивыми*. Таковы онѣ и были по самому замыслу во время писанія. Я бралъ вопросъ и сбрасывалъ его со

существо темы, мучительной и запутанной для миссіонеровъ еще болѣе, можетъ быть, чѣмъ для сектантовъ. Она чужда братскаго воззрѣнія на рядомъ сидящаго человѣка, и, я думаю—поэтому не благородна.

Въ царствованіе императора Николая не было миссіонерскихъ съѣздовъ. А простое и научное изслѣдованіе вѣроученія религіозныхъ сектъ въ Россіи я читалъ въ лондонскомъ изданіи Кельсіева, похитившаго труды этихъ изслѣдователей въ петербургскихъ тайныхъ архивахъ. Вотъ какъ дѣла дѣлаются, когда отношеніе къ расколу бываетъ *только* преслѣдованіе, *одно* преслѣдованіе. Оно не помогло. Сила раскола и сектантства не сократилась, а выросла. Я думаю, самое главное возраженіе противъ какого-либо употребленія чиновническихъ

стола: „не хочу рѣшать, вопроса этого нельзя рѣшить при имѣющихся или принятыхъ въ опору свою диспутантами точкахъ зрѣнія". Въ самомъ дѣлѣ, дико думать, чтобы Августинъ, по силѣ мысли равный Декарту и Ньютону, не зналъ аргументовъ, пришедшихъ на умъ Стаховичу. Или что Кальвинъ и папы, въ данной темѣ не расходившіеся между собой, знали Евангеліе и вникали въ него менѣе, чѣмъ Орловскій предводитель дворянства. Пустяки. „У стѣны церковной" рѣшить этого *трансцендентнаго* вопроса о преслѣдованіяхъ, гоненіяхъ, мученіяхъ за вѣру въ христіанствѣ — *нельзя* вовсе. Это — не „ариѳметика" Евангелія, его прямыя и открытыя стороны; а, такъ сказать, логариѳмы Евангельскаго духа, текста и судьбы, вращающіеся на границѣ міровъ христіанскаго и не христіанскихъ. Поэтому статью, прямо изслѣдующую этотъ вопросъ и уже *не уклончивую* въ языкѣ: „Объ основаніяхъ церковной юрисдикціи или о Христѣ какъ Судіи міра" (докладъ прочитанный на „Религіозно-философскихъ собраніяхъ" въ Петербургѣ въ отвѣтъ на рѣчь кн. Волконскаго, аналогичную съ рѣчью г. Стаховича)—я вовсе выключилъ изъ настоящаго сборника, какъ глубоко разнородную съ нимъ. Все это уже скорѣе „вдали" отъ стѣны церковной; и вообще внѣ „ариѳметики цѣлыхъ чиселъ", разрабатываемыхъ въ данной книгѣ.

и полицейскихъ силъ противъ сектантства и заключается не въ общихъ ссылкахъ на принципы свободы, но главнымъ образомъ въ указаніи на совершенную *практическую безуспѣшность* всякихъ противъ вѣры притѣсненій. Это—какъ брызгать керосиномъ на раскаленную полосу желѣза. Скопцы производятъ надъ собою извѣстную операцію. Что сравнительно съ нею значатъ два года тюрьмы? Какъ же пугать людей тюрьмою или и подлинно засаживать ихъ въ тюрьму, когда они не побоялись этой операціи,—не въ смыслѣ боли одной, а лишенія важнѣйшихъ утѣшеній земли, потомства, семьи, очарованій поэзіи и красоты. Очевидно, души этихъ людей кипятъ въ чудовищномъ заблужденіи, и одно средство противъ этого: охладить, успокоить атмосферу ихъ вѣры, и, затѣмъ—разъяснить. Въ сектѣ „бѣгуновъ" люди бѣгаютъ изъ мѣста въ мѣсто, побросавъ дома, работу, семьи: что̀ вы сдѣлаете, выславъ ихъ въ Тобольскую губернію? Совершенно очевидно, что степень уже принятаго на себя сектантами страданія превышаетъ всякую мѣру возможнаго наказанія, какое имъ могли бы придумать гражданскія власти. Они сами зажгли для себя ауто-да-фе: а миссіонеры хотѣли-бы ихъ наказать какъ школьниковъ. Наказать карцеромъ, послѣ того какъ запрещены розги. Несчастное баловство, безумное педагогическое самообольщеніе! Русскій расколъ глубокъ и страшенъ. И миссіонерство просто наивничаетъ, если воображаетъ или насколько воображаетъ еще, что тутъ возможно что-нибудь побороть силою, притѣсненіемъ, причиненіемъ страданія, наказанія. Наказываютъ озорниковъ, но фанатиковъ не наказываютъ. Мнѣ кажется, русская миссія и становится теперь быстро на эту точку зрѣнія, перейдя отъ вѣры еще николаевскихъ временъ, что все тутъ „надо держать въ тайнѣ", нужно „сек-

ретно преслѣдовать и секретно подавлять"—къ такимъ мѣрамъ, какъ напримѣръ съѣзды миссіонеровъ, гдѣ открыто обсуждается положеніе дѣлъ, или къ публичнымъ собесѣдованіямъ съ сектантами, къ печатанію въ журналѣ разсказовъ объ этихъ бесѣдахъ, съ полнымъ и открытымъ изложеніемъ ихъ вѣроученій *). Вотъ это я считаю большимъ дѣломъ, добрымъ путемъ; ибо въ немъ я вижу въ самомъ миссіонерствѣ сознаніе, что расколъ надо разъяснить, а не побѣдить. Или лучше: что его и можно побѣдить—только *предварительно* разъяснивъ. Но страшный фанатизмъ русскаго раскола, его раскаленная температура бросаетъ иногда самихъ сектантовъ прямо къ такимъ поступкамъ противъ Церкви, къ такимъ уже не словамъ, а дѣяніямъ, которыя прямо вынуждаютъ не слова же, а дѣйствія самозащиты. „Страшно жить въ деревнѣ, гдѣ завелись скопцы; вы не знаете, не совлекаютъ ли уже тайно вашего сына, вашего мужа къ операціи. Вы узнаете о ней, когда все кончено и ваше счастье и жизнь погибли". Такъ говорила одна женщина-крестьянка изъ скопческой мѣстности. Повторяю, явленія иногда бываютъ такъ страшны, что совершенно простительна растерянность борцовъ съ такимъ явленіемъ. Видя прямо надвигающійся ужасъ на мѣстность, они начинаютъ хватать, бить, физически бороться, безъ всякаго впрочемъ успѣха. „Въ Нижегородской губерніи до тридцати тысячъ хлыстовъ: позволь имъ свободу—вся губернія запляшетъ",—говорилъ

*) Тотъ-же В. М. Скворцовъ съ удивительнымъ (можетъ быть наивнымъ) чистосердечіемъ печатаетъ такія „собесѣдованія" съ сектантами, и особенно ихъ „отвѣты" гг. миссіонерамъ, какихъ наша печать, по „независящимъ обстоятельствамъ", никогда и приблизительно не видѣла. Это я (да и не я одинъ) считалъ всегда большою заслугою г. Скворцова.

мнѣ высоко просвѣщенный человѣкъ, говорилъ прямо съ отчаяніемъ. Нѣкоторые монастыри, особенно женскіе, небольшіе и въ глухихъ мѣстахъ, въ цѣломъ иногда составѣ переходятъ въ хлыстовщину. Съ виду кажется, что стоитъ православный монастырь; совершаются тамъ всѣ службы, весь кругъ полнаго и самаго ревностнаго православія. Они истощаются въ молитвахъ и постахъ; а въ глухую ночь собираются и кружатся „радѣя". Другой видный миссіонеръ мнѣ говорилъ: „мы не боимся и для насъ не составляетъ тревоги старообрядчество. Это сила консервативная, и какъ они стояли — такъ и стоятъ. Но хлыстовщина — вотъ чего мы боимся. Вы не можете представить, какой это тайный, крадущійся звѣрь, до чего онъ вездѣ проползаетъ, будитъ воображеніе народное, и, извращая его—ввергаетъ людей въ гибель. Въ ней есть какая-то дьявольская поэзія, намъ еще неизвѣстныя чары; она внушаетъ мечтательность, рисуетъ надежды, манитъ загробными обѣщаніями. Что́ мы тутъ сдѣлаемъ? А дѣлать что̀-нибудь нужно. Можете ли вы представить себѣ хлыстовскою Россію? А откройте вы свободу пропаганды и обряда— и черезъ сорокъ лѣтъ Россія покроется огромными пятнами хлыстовщины, какъ кожа больного человѣка лишаемъ".

III.

Отъ себя скажу, что тутъ кое-что можно сдѣлать, о чемъ не догадываются миссіонеры. Все народно-религіозное броженіе въ Россіи бродитъ не на своемъ собственномъ корнѣ, выдуманномъ ими, сектантами. Нѣтъ этой оригинальности и автономности въ русскомъ расколѣ. Чтобы понять это, надо быть вѣрующимъ и углубиться въ вѣру. Тогда въ самой Церкви, въ совер-

шенно оффиціальномъ и утвержденномъ ея ученіи окажутся нѣкоторыя *недоговоренности*, неясности, такъ сказать *догматическія многоточія*, и вотъ все сектантство и есть какъ бы попыткою *написать опредѣленныя и точныя слова*—въ замѣнъ этихъ многоточій, неясностей, оффиціальныхъ колебаній. Скопчество... да позвольте, что̀ же такое монашество, какъ не скопчество до операціи и безъ операціи? Совершенно тѣ же утвержденія, какія содержатся въ скопчествѣ, содержатся и въ монашествѣ: но лишь безъ хирургической прибавки. Скажутъ: „она то и ужасна“. А я отвѣчу: да *зачѣмъ* вамъ анатомія, когда *отвергнута физіологія*? Что̀ за органъ, коего функція подавлена, вредна, ядовита,—а вѣдь въ этомъ-же и состоитъ монашество!! Ну, у меня растетъ криво ноготь, вросъ въ тѣло, болитъ, вредитъ: конечно —взять ножницы и срѣзать его! Это и дѣлаютъ скопцы, потому что они чистосердечны, пламенны, вѣрующи, послѣдовательны, а монашество — болѣе прохладно *въ томъ же ученіи*, и *уклоняется*, *колеблется*, *боится*: власть взяло себѣ надъ міромъ, а чего подлинно *стоила бы эта власть*—того не даетъ, не платитъ. Скопцы и думаютъ, что они достигли высшаго архіерейства, такъ сказать небеснаго монашества, ибо все совершили, что можно совершить: стали „юродами“ для міра и „вѣрными“ Христа. Это страшно. Но это и глубоко. Миссіонеры могуть разбить голову объ стѣну, но они не поколеблютъ этого ученія, неопровержимаго съ тѣхъ самыхъ точекъ зрѣнія, которыя обязательны и для миссіонеровъ. Миссіонеры находятся именно въ состояніи тѣхъ неофитовъ, къ которымъ только подкрадывается это ученіе; волны скопчества уже есть, уже ходятъ около нихъ, *въ совершенно оффиціальномъ ученіи*. Но они ихъ, прохладныхъ душою, не увлекаютъ. А встрѣтитъ душу го-

рячую, слезную, обращенную къ Богу: и она закружится, впадетъ въ неодолимую логику, выбросивъ оговорки, колебанія, явныя противорѣчія и, наконецъ, прямую полемическую недобросовѣстность гг. миссіонеровъ—и совершитъ операцію. „Не нужно! кривой ноготь, вредная болячка — по *вашему* же мнѣнію. Но ее вы на себѣ оставляете, а я — рѣжу, по слову Господа: *если глазъ твой правый соблазняетъ тебя—вырви его, если рука соблазняетъ — отрѣжь ее.* Но вы не вѣруете и не дѣлаете, а я вѣрую и дѣлаю".

Я читалъ за нѣсколько лѣтъ „Миссіонерское Обозрѣніе", и не скрывалъ отъ В. М. Скворцова, до чего позорны всѣ попытки опровергать сектантовъ и раскольниковъ. Точно это въ разсчетѣ на дѣтей написано, которыхъ можно убѣждать, складывая словесные карточные домики.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Въ „многоточіяхъ" богословія, въ его уклончивости, неясности, непослѣдовательности около очень многихъ пунктовъ. Отъ этого-то въ сектантство и идутъ чистые сердцемъ и высокіе умомъ люди. Они доходятъ такъ сказать до дифференціаловъ и интеграловъ того самаго ученія, въ которомъ гг. миссіонеры не могутъ переступить дальше и выше четырехъ правилъ ариѳметики. „Дальше—темь! не человѣческаго, по крайней мѣрѣ не нашего разума дѣло! Умолкаемъ, не понимаемъ". Но ревностные лѣзутъ дальше, но даровитые углубляются. Получаются разные виды сектантства. Всѣ наши секты суть *гипотетическія построенія на мѣстахъ богословской неясности.* Въ нихъ много и уродства; но есть и геніальность. Чтобы побороть его, дѣйствительно побороть, нужно чтобы среди миссіонеровъ поднялись Оригены, Клименты Александрійскіе. Куда имъ до этого!

И слабые, но честные люди,—я говорю о миссіонерахъ —бьются. Положеніе ихъ безвыходно, мучительно, жестоко. Они очень любятъ Россію, безконечно преданы Церкви. Въ самой Церкви, въ строѣ ея науки и іерархіи—они „седьмая спица въ колесницѣ“. Что же они могутъ поправить въ тѣхъ многоточіяхъ, о которыхъ упомянулъ я? Они не только *силъ* не имѣютъ, но и *права* лишены что-нибудь свое сказать въ „пунктахъ неясности“. А кто *могъ*-бы и долженъ—одни читаютъ лекціи студентамъ, другіе просматриваютъ „епархіальныя дѣла“ о томъ, какъ въ пьяномъ видѣ такой-то побилъ свою тещу, или другой „взялъ не по чину“ за требоисполненье.

Разъ я сказалъ В. М. Скворцову:—„Вы стрѣляете изъ тѣхъ пушекъ, какія вамъ даютъ. Не вамъ же, миссіонерамъ, выдумывать новые аргументы. Это должны дѣлать духовныя академіи. Это принадлежитъ свѣтиламъ мышленія и религіознаго усердія. Но арсеналъ-то у васъ не исправный, и вотъ вы стрѣляете; грому много, а результата никакого: врагъ стоитъ цѣлъ и невредимъ. Пушки скверныя: и хотя наводчики ихъ старательны, но нужно прогнать старыхъ литейщиковъ и изготовить, по новой системѣ и съ глубокой добросовѣстностью матеріала—совершенно новый снарядъ пушекъ“. Я помню, что онъ ничего мнѣ не возразилъ.

Нужно пожалѣть и ихъ. Сектантство растетъ и кружитъ головы народу. Самая глубокая тревога (я наблюдалъ) миссіонеровъ—просто за Россію. „Неужели же она должна потерять обликъ православія и стать чѣмъ-то другимъ, невообразимымъ“. Вѣрность исторіи своей—ихъ главный мотивъ. Достаточно ихъ ближе узнать, чтобы искренно ихъ полюбить и начать уважать. Они сами ищутъ помощи и вотъ призываютъ свѣтскихъ богослововъ, людей университета, но преданныхъ Церкви. „Мо-

жетъ быть вы что-нибудь разсмотрите, чего мы не видимъ, и сможете, чего мы не можемъ?" Неужели это недобросовѣстный шагъ? Еще немного минутъ историческаго самосознанія,—и лучшія пожеланія г. Стаховича исполнятся: но исполнятся въ созидательныхъ цѣляхъ, въ цѣляхъ религіознаго строительства, роста къ верху, а не въ томъ смыслѣ и направленіи, чтобы разобрать старыя камни древней постройки. Я думаю, неосторожнымъ тономъ своей рѣчи и нравственнымъ недовѣріемъ къ людямъ, которые этого довѣрія безусловно заслуживаютъ, онъ скорѣе поставилъ камень препятствія на пути къ тѣмъ идеаламъ, которые слишкомъ по европейски восприняль, не считаясь съ русскою дѣйствительностью. Намъ нужна свобода для Бога. А безъ Бога уже ни свободы не нужно, ни рабство не страшно. Тогда все равно... А не нужно, чтобы было „все равно". Нуженъ не конецъ религіи, не щебень Церкви, а религія—свѣтлая, небесная, Церковь до небесъ поднимающаяся.

1901 г.

Голоса изъ провинціи о миссіонерствѣ.

Есть темы отвѣтственныя, гдѣ авторъ не можетъ удовольствоваться однимъ своимъ мнѣніемъ, гдѣ затрагивается множество и притомъ самыхъ различныхъ интересовъ: и элементарная добросовѣстность требуетъ, чтобы высказавшій такой-то взглядъ не только про себя выслушалъ, но и довелъ до общаго свѣдѣнія нѣкоторыя важныя себѣ возраженія. Къ числу таковыхъ темъ принадлежитъ наше сектантство. Имъ волнуются до десяти милліоновъ человѣческихъ душъ, т. е. болѣе, чѣмъ вся Греція во время греко-персидскихъ войнъ, чѣмъ Римъ при началѣ Пуническихъ войнъ, чѣмъ нѣкоторыя

изъ современныхъ третье-степенныхъ государствъ Европы. И въ практическомъ, и въ теоретическомъ смыслѣ —это явленіе неисчерпаемаго интереса и непредвидимыхъ послѣдствій. Что значитъ тутъ мнѣніе одного, положимъ—меня? Щепка. Всѣ права ея на существованіе основываются только на томъ, что она плыветъ около другихъ такихъ же щепокъ, ни одну изъ нихъ не топитъ, ничему не мѣшаетъ и, можетъ быть, при обстоятельствахъ сослужитъ чему-нибудь службу.

Я разсказалъ о сектантствѣ и миссіонерствѣ то, что видѣлъ. Но видѣлъ-то я едва милліонную долю того, что есть. Мнѣ это дѣло представилось со стороны миссіонеровъ трудомъ тяжелымъ и добросовѣстнымъ, притомъ чуждымъ самообольщенія, а особенно (самая для меня симпатичная сторона)—простымъ, не чёпорнымъ, не сановнымъ, не бюрократическимъ, хотя мѣстами до очевидности грубымъ и почти вездѣ, въ сравненіи съ задачею, наивнымъ. Такъ я видѣлъ; такъ я разсказалъ. Мой разсказъ вызвалъ нѣсколько писемъ. Изъ нихъ три принадлежатъ лицамъ, имѣющимъ всѣ права быть выслушанными. Сейчасъ я приведу самое рѣзкое письмо, оговорившись въ объясненіе его тона, что вѣдь въ самомъ дѣлѣ мы разсуждаемъ о сектантствѣ со стороны: мы никого не гонимъ и насъ самихъ никто не гонитъ, и спокойный тонъ нашихъ сужденій можетъ капнуть какъ сѣрная кислота на того, кто *испыталъ* въ данной сферѣ кое-что практически. Попробуйте лишиться имущества, попробуйте потерять дѣтей, ну положимъ по нерадивости доктора: и вы ощутите въ душѣ своей звуки, очень близкіе по жёсткости къ слѣдующимъ:— „Какою-то ложью и лицемѣріемъ*) вѣетъ отъ всего,

*) Авторъ можетъ быть только грубо назвалъ (и приписалъ

написаннаго вами по поводу религіозной свободы. Вы такъ же, какъ и ваши знакомцы, гг. Новоселовъ, Тернавцевъ и др., не рѣшаетесь или не можете точно и ясно отвѣтить: нужна-ли свобода совѣсти и въ какихъ формахъ должна она существовать? Вы даете въ утѣшеніе старый Гегелевскій афоризмъ, что рабомъ дѣлаютъ человѣка не цѣпи, а рабское сознаніе; что всякій воленъ мыслить и чувствовать Бога по своему, но высказывать это, а тѣмъ паче изъяснять другимъ—ни подъ какимъ видомъ!"

Конечно, каждый судитъ, какъ можетъ, какъ умѣетъ: для меня Бога только и можно ощущать внутренно; не знаю формъ внѣшняго осязанія Бога. Также не умѣю придумать и „формъ" для совѣсти: вѣдь совѣсть есть голосъ меня ко мнѣ, это есть упрекъ мнѣ, это есть моя радость о моемъ добромъ поступкѣ. Никакими резонаторами и ни въ какой телефонъ голоса совѣсти не уловить. Другое дѣло, выраженіе мнѣнія своего вслухъ. Конечно, и этого часто хочется. Но оспоритъ-ли меня авторъ письма, если я скажу ему: „а государству хочется сказать: не могу дать тебѣ *аудиторіи* для изліяній. Моя аудиторія уже занята *опредѣленною лекціею*, поищи для своей лекціи *другихъ*". Знаю, что сказать такъ—значитъ сказать жёстко, больно. Но вѣдь всѣ, возражающіе противъ права государства на это, себѣ предоставляютъ право имѣть пламенное мнѣніе, и даже за имѣніе-то таковыхъ пламенныхъ убѣжденій они себя и уважаютъ, а у государства право имѣть убѣжденія—они отрицаютъ. Скажу въ предупрежденіе, что какъ писатель я имѣю кое-какія мнѣнія, которыхъ рѣши-

---

какъ *мотиву*) то, что и самъ я опредѣлилъ выше какъ *уклончивость*, не желаніе рѣшать вопросъ.

тельно не въ силахъ провести въ печать, прямо и открыто ихъ сказать. Больно ли мнѣ это? Смѣшно спрашивать: это—мука моихъ безсонныхъ ночей. Но я прямо не уважалъ бы Россіи, если бъ она сказала мнѣ: „батюшка, г. писатель, пиши на мнѣ, какъ на заборѣ, все, что хочешь; я только пустой, гладкій заборъ для вывѣски всякихъ на немъ плакатовъ". Нѣтъ, мнѣ хочется, чтобы Россія имѣла мнѣнія. Съ ея живою личностью я борюсь. Какъ борюсь,—это дѣло моего искусства, зоркости, настойчивости и пр. Возьмемъ примѣръ историческій. До Бѣлинскаго русское образованное общество имѣло мнѣнія анти-„бѣлинскія", послѣ Бѣлинскаго оно имѣло имѣнія „какъ у Бѣлинскаго". Для произведенія этой перемѣны сгорѣлъ Бѣлинскій. Такъ и надо. Каждая душа есть фениксъ и каждая душа должна сгорать; а великій костеръ этихъ сгорѣвшихъ душъ образуетъ пламя исторіи.

Мой кореспондентъ хотѣлъ бы лежать колодой, и что-то бормотать равнодушно, а чтобы Россія не мѣшала его слушателямъ слушать его. Посмотрите, какъ къ инымъ (не къ своей) сектамъ онъ относится холодно. Онъ пишетъ далѣе, въ томъ-же письмѣ:—„Ссылки на скопцовъ, хлыстовъ и пр. къ дѣлу совсѣмъ не идутъ: эти секты не имѣютъ ничего общаго съ религіей,—они коренятся на почвѣ половой психопатіи, истеріи и прочихъ чисто патологическихъ причинъ". Авторъ и не догадывается, что между Озирисомъ-египетскимъ и Кондратіемъ Селивановымъ, захватывая въ кругъ свой Авраама и его обрѣзаніе, Моисея и его субботы, Матѳея 19-ю главу и видѣніе Апокалипсиса о 24,000 старцахъ, которые „не осквернились съ женами",—кругъ всемірнаго религіознаго сознанія колеблется, какъ маятникъ, между „да" и „нѣтъ" относительно пола, упи-

раясь, какъ въ полюсы, въ классическую фигуру Озириса *) какъ она до сихъ поръ сохранена на стѣнахъ египетскихъ храмовъ, или въ классическую же фигуру нашего Селиванова-„Бога-Саваоѳа"; и tertium non datur. Такимъ образомъ, въ чисто религіозной сферѣ авторъ очевидно легкомысленъ и, какъ младенецъ, плещется

*) „Озирисъ *всегда* (мой курс.) изображался съ fallus'омъ", такъ пишетъ, въ подстрочномъ примѣчаніи, архим. Хрисанѳъ въ III-мъ томѣ своей классической „Исторіи религій древняго міра". Въ такомъ-же опять подстрочномъ примѣчаніи (самыя важныя тайны египтологіи!) онъ помѣщаетъ „схолію" на поляхъ одного папируса, написанную неизвѣстнымъ египтяниномъ: „*Міръ* есть *сѣмя Озириса*" (первая, древнѣйшая идея Родителя или Отца міра). Когда я разсмотрѣлъ въ Петербургской Публичной библіотекѣ подлинные атласы ученыхъ экспедицій въ Египетъ и, въ основѣ всѣхъ ихъ, 12-ть томовъ in-folio „Denkmäler" Lepsius'a, то я увидѣлъ, *въ чемъ дѣло*. Озирисъ вездѣ представленъ какъ Богъ (Кондратій Селивановъ тоже именуется скопцами — „Богъ-Саваоѳъ") cum fallo *in statu erectionis* (о чемъ умалчивается въ исторіяхъ религій), и передъ Нимъ „вѣрные" Египта, мужчины, женщины, дѣвушки (прямо—отроковицы, по рисункамъ видно) совершаютъ, изъ особыхъ ручныхъ кадильницъ съ короткою ручкою (до сихъ поръ употребительны вездѣ въ Италіи) куренія изъ душистыхъ травъ и ладана. Очевидно, Кондратій Селивановъ, придя къ идеѣ своей знаменитой операціи и впервые *религіозно* надъ собою ее *совершивъ*, сталъ безсознательно, и притомъ *впервые* онъ одинъ, на полюсъ противоположный Озирису, сталъ *анти*-Озирисомъ. Озирисъ и *анти*-Озирисъ; или, если все перевернуть переломъ назадъ: Саваоѳъ-Селивановъ и Діаволъ-Озирисъ. Но уже съ начала нашей эры древніе „боги" были признаны „демонами", „небо" повернулось (вѣдь *повернулось* оно?): однако до Селиванова это было литературно, бродило около края, а онъ ударилъ *въ центръ всего дѣла*; и сказалъ или о немъ сейчасъ-же заговорили: „Онъ—Богъ нашъ! *безъ fallus'a*! *Одинъ* онъ таковъ изъ всей твари: онъ и стоитъ *выше всякой твари*, открылъ міръ духовный: гдѣ не рождаются и не рождаютъ, но все совершается modo caelestico, безъ костей, крови, безъ сѣмени".

около берега на мелководьи. Онъ только и понимаетъ подъ религіею вегетаріанство, обязательность „быть ко всѣмъ добрымъ“ и, собравшись въ маленькое и пріятное общество, отнюдь не закуривая папиросъ, начать читать что-нибудь о любви къ ближнему.—„А вотъ вы скажите-ка“, спрашиваетъ онъ далѣе, „имѣетъ ли кто право преслѣдовать и мучить, ссылать въ Якутскую область, что будетъ почище инквизиціи, прекрасныхъ людей за то лишь, что они вмѣсто посѣщенія церквей предпочитаютъ въ строго религіозномъ настроеніи читать дома Св. Писаніе и бесѣдовать о прочитанномъ со своими близкими, какъ любите дѣлать и вы. А вѣдь ихъ здорово за это бьютъ. Вы знаете, конечно, и штунду, и баптистовъ, и духоборовъ, и толстовцевъ. Не думаю, чтобы вы осмѣлились утверждать, что они плохіе христіане по Евангелію и плохіе люди. Обвинять въ этихъ преслѣдованіяхъ гражданскую власть прямо несправедливо. Преслѣдованія начинаются лишь по указанію и иниціативѣ гг. миссіонеровъ. Не знаю, извѣстно ли вамъ, что многіе миссіонеры усердствуютъ не изъ любви къ истинѣ, а изъ честолюбиваго желанія вылѣзть въ люди и пр. Но всего не перескажешь; да и не въ этомъ суть. Суть въ той фальши, томъ ханжествѣ сквернаго тона, которымъ проникнута ваша статья о миссіонерствѣ и сектантствѣ. Сильный мыслитель и просто честно думающій человѣкъ не можетъ такъ скверно вилять хвостомъ и туда и сюда. Вы должны, если вы честный писатель, сказать прямо, за кого вы стоите“.

Да какъ же, друже, не вилять (не колебаться)? Конечно, жалко васъ: но и Россія мнѣ не посторонняя женщина, а хоть и во многомъ горькая, но въ общемъ родившая меня—мать. Тутъ ужъ непремѣнно будешь двоиться въ мнѣніяхъ. Скажу кратко и можетъ-быть кое-что поучи-

тельное. Люди, спасающіе себя „некуреніемъ табаку“ и благочестивыми бесѣдами о тихомъ и миломъ образѣ жизни,—не только религіозно, но даже и литературно для меня неинтересны! Просто я считаю ихъ нѣмецкими піетистами, приравниваю къ старымъ дѣвицамъ, читающимъ Ѳому Кемпійскаго, чистоплотными, какъ свѣже вымытый ребенокъ,—людьми прѣсными и скучными, похожими на непріятный супъ, который забыли посолить. Такъ вотъ мнѣ и хочется имъ сказать нѣчто вѣроятно очень для нихъ новое, но, надѣюсь, убѣдительное, собственно въ религіозной сферѣ.

Они читаютъ Евангеліе, а въ церковь не ходятъ, и боятся, пренебрегаютъ ходить: это, видите-ли, для нихъ слишкомъ грубо и необразованно. Но вотъ, завзятый анти-византіецъ, я скажу объективно, холодно и даже равнодушно: что въ церкви есть такія нѣкоторыя глубины и высоты и красота и проникновенія, какихъ въ Евангеліи вовсе нѣтъ—нѣтъ ни въ полнотѣ, ни даже въ зачаткѣ. Это всѣхъ удивитъ? Да, въ дивныхъ трудахъ тысячелѣтняго размышленія и созиданія Церковь кое въ чемъ поднялась надъ Евангеліемъ: и это-то и есть линія вѣчнаго непониманія протестантовъ, и вмѣстѣ восторженной и чуткой вѣры множества русскихъ, что „Православіе—это конецъ, дальше котораго некуда идти“. Замѣтьте: Православіе, а не Евангеліе. Сердце читателя въ негодованіи поднялось на меня, но я въ упоръ остановлю его однимъ примѣромъ: почему весь народъ при пѣніи Херувимской падаетъ ницъ, безъ приказанія, безъ примѣра священника или діакона, по умиленію своему, а при пѣніи молитвы Господней, единственной содержащейся въ Евангеліи, хотя діаконъ и подаетъ примѣръ къ колѣно-преклоненію, но за нимъ лишь весьма немногіе слѣдуютъ? Херувимская—дивно мистична, непонятна:

а вѣдь душа религіи — въ тайнѣ, въ сокровеніи, „въ облакѣ“. И вотъ въ Херувимской и выражена небесная тайна религіозной души, смотрящей въ небо и что-то особенное тамъ видящей. Напротивъ, въ молитвѣ Господней („Отче нашъ“) все понятно, раціонально; она устраиваетъ землю, перечисляя ея нужды, но Престола Господня, какъ въ Херувимской, въ ней не видно. Это-то и почувствовалъ народъ и палъ на земь; а при второй молитвѣ, земной, раціональной, остался на ногахъ. Что на это скажутъ господа, „не курящіе табаку“? Не ходя въ церковь, они лишили себя Херувимской пѣсни, которой рѣшительно невозможно замѣнить чтеніемъ ни одной страницы Евангелія, по отсутствію равенства и сходства настроенія, потому что Херувимская—*новое, другое,* сотворенное *впервые.* И, поразительно, сотворенное даже не святымъ угодникомъ, а какимъ-то греческимъ императоромъ. Такъ, дохнулъ въ него Св. Духъ—и вѣка и народы умилились.

Что въ Евангеліи сказано о смерти и погребеніи? Единственное: „оставь мертвымъ погребать мертвыхъ“. Больше ничего. Кто же, какъ не Церковь придумала, и притомъ вновь придумала, по своему почину, а не на почвѣ Евангелія, дву-ночное надъ покойникомъ чтеніе Псалтири, омовеніе его тѣла, какъ бы умащеніе и приготовленіе его къ переходу во что-то чистое; и,—наконецъ дивныя по глубинѣ и звукамъ надгробныя пѣснопѣнія, которыхъ ни одинъ человѣкъ не можетъ равнодушно слышать. Развилось-ли это *изъ* словъ: „оставьте мертвымъ погребать мертвыхъ“? Конечно—*нѣтъ*, конечно—при молчаливомъ *обходѣ* этихъ словъ! Хорошо-ли это? и умѣстенъ-ли этотъ новый и смѣлый ростокъ, новый и самостоятельный порывъ души учителей церковныхъ, Іоанна Дамаскина и другихъ?! Конечно—*благодѣтеленъ*, великъ, святъ. Уло-

вивъ острую и щемящую боль живыхъ около умершаго, они обвѣяли ихъ чудесными словами, до заключительнаго: „пріиди и даждь послѣднее цѣлованье“! Вотъ чего никогда не пойметъ безвкусная штунда, люди безъ вкуса и остроумія, безъ размышленія. Или возьмемъ трудъ, работу. „Раздай имѣніе нищимъ и возьми крестъ свой и иди“, „взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не сѣютъ, не жнутъ“. Но бѣдному человѣку въ земной юдоли приходится и жать и сѣять. Что же, отвернулась-ли и отъ этого Церковь? Не знаю, есть-ли молитва на посѣвъ зерна; жалѣю, если нѣтъ; но на случай засухи—есть, и я самъ во время чрезмѣрной засухи слушалъ длинное молебствіе епископа Миссаила посреди площади городской въ Ельцѣ. Худо-ли это? Конечно—отлично! „Не на сей горѣ и не въ Іерусалимскомъ храмѣ будутъ покланяться, но на всякомъ мѣстѣ въ духѣ и въ истинѣ“. Но неужели же мы осудимъ Церковь за то, что она усѣяла землю и страны и жизнь народную храмами? и даже не возрадуемся-ли, что содѣлала ихъ златоглавыми, съ золотящимися алтарями, съ кадильнымъ дымомъ, святой водой, съ мvромъ и пахучимъ ладаномъ? Боже, до чего бѣдна была бы жизнь безъ нихъ, до чего дика! Плоска какъ дорога, не обсаженная деревьями, и скучна какъ кратко-сложенная басня о бѣломъ бычкѣ, изъ строки въ строку твердящая одно и то же! Церковь-то, храмы-то, и Херувимская, и ладанъ, и праздники „Господскіе“, и „Богородичные“, и день св. Духа, и Троица, и Введеніе во храмъ—о послѣднемъ даже строки нѣтъ въ Евангеліи—съ ихъ отличающимися и несходными чертами, и сложило всетаки въ нѣкоторый, хотя еще слабый и блѣдный, узоръ нищенское бытіе нашего народа! И не за однимъ „спасеніемъ души“, какового можно достигнуть и дома, но и за красотою и благолѣпіемъ идетъ

за тысячу верстъ какой-нибудь мужикъ съ котомкой въ Печерскую лавру, въ Троицкую лавру, непремѣнно богатую, блистающую, многоглавую, даже если возможно роскошную и утопающую въ архитектурной, и пѣвческой, и богослужебной красотѣ! И до чего этотъ мужикъ былъ бы убитъ, если бы ему, нищему, послѣ тысячеверстной усталости, напомнивъ слова о поклоненіи „въ духѣ и истинѣ", показали кучку не курящихъ табаку господъ, читающихъ въ укромной комнаткѣ Евангеліе, съ предложеніемъ: „Вотъ, садись и послушай мудрецовъ". Да развѣ же не читаемъ мы въ томъ же Евангеліи, въ „Откровеніи" Іоанна Богослова, о Небесномъ сходящемъ на землю Іерусалимѣ, т. е. о послѣднемъ вѣнцѣ религіозной на землѣ жизни, что онъ сходитъ въ блистаніи драгоцѣнныхъ каменьевъ, даже съ перечисленіемъ породъ: „и смарагдъ", „и изумрудъ" „и яхонтъ", „ясписъ", „лазурь", и со стѣнами изъ чистаго золота? Роскошь... Мы растащили ее на ничтожныя земныя дѣла, для грубаго личнаго эгоизма; между тѣмъ какъ конечно *народное* употребленіе богатствъ есть всегда церковное, *храмовое* и *праздничное*! И не жаловаться бы на это, но еще и еще, какъ Возлюбленную Невѣсту, убирать бы религію и благовоніями, и красками, и цвѣтами, и деревьями (садами) вокругъ церквей, и камнями, и металлами, и художествомъ живописнымъ, и архитектурнымъ, и пѣвческимъ. Вотъ что и значило бы потрудиться для народа: открыть очамъ его, послѣ того, какъ открыто слуху, другую мистическую „Херувимскую пѣснь", теряющуюся куполами и спицами въ тверди небесной...

Евангеліе безгрѣшно. Но всего круга бытія нашего оно явно не обнимаетъ; а Церковь и есть движеніе къ восполненію, къ дополненію, къ окончанію, по слову Спасителя: „Я есмь лоза и вы вѣтви", т. е. *растите*,

живите, *умножайтесь* въ словѣ и разумѣ. Что̀ сказано въ Евангеліи о рожденіи? Только одна строка: „Женщина, когда рождаетъ, то терпитъ скорбь, а когда родила, то забываетъ скорбь свою, ибо новый человѣкъ пришелъ въ міръ". Здѣсь нѣтъ никакого приготовленія для чуднаго обряда таинства крещенія, съ возженными свѣчами, съ кажденіемъ ладаномъ, новой крестильной рубашечкой младенцу и золотымъ крестомъ и розовымъ поясомъ. Какъ все хорошо! „Растите и ростите",—сказалъ Христосъ: и уже дѣло нашего сердца и мышленія и вдохновенія религіознаго—*какъ*, *куда*, *доколь* „расти". Бѣдные протестанты, кальвинисты, анабаптисты, духоборы, толстовцы этого-то и не понимаютъ, вообразивъ въ 4-хъ Евангеліяхъ полный кругъ въ 360 градусовъ, когда это явно есть только начатая дуга: и Церковь прекрасно и вѣрно, хотя едва-ли вездѣ безукорно, повела далѣе эту дугу, прибавляя въ вѣкахъ градусъ къ градусу. Слишкомъ проста была бы задача исторіи: не курить и читать Евангеліе.

Таковаго созиданія, а отнюдь не духоборческаго умаленія, нужно желать и ожидать и въ будущемъ. Остановимся на примѣрѣ, чтобы показать, какъ съ излишнею косностью мы всетаки во многомъ опаздываемъ.

Ну, вотъ эти простые и можетъ быть наивные, но все же добрые и прекрасные по намѣренію сборы съ цѣлью читать Св. Писаніе и говорить о прочитанномъ. Сейчасъ и духовенство стало устраивать „внѣ-служебныя собесѣдованія", но минута уже потеряна, уже міряне сами и *раньше* начали „внѣ-богослужебно" собираться, а духовенство спохватилось потомъ, позднѣе и очевидно уже теперь хотѣло бы, но *не можетъ стать во главѣ движенія*. Кто приходитъ поздно, тотъ и считается опоздавшимъ, и садится на послѣднее мѣсто, на остав-

шемся пустымъ стулѣ. Духовенству теперь нечего разгонять читающихъ *безъ него* Св. Писаніе: назадъ не смотрятъ и потеряннаго не ищутъ. Духовенству нужно смотрѣть впередъ, нѣтъ-ли такихъ добрыхъ явленій въ народѣ, которыя еще имени не получили, но въ сердцѣ народномъ и разумѣ народномъ назрѣваютъ, готовятся; и вотъ *тутъ-то* и стать *впереди* народа, встрѣтить его въ новомъ движеніи съ крестами и хоругвями, со святою водой. Обратимъ вниманіе на слова письма: „мы трудолюбивы и тихи“. Опять къ тишинѣ и труду повело-ли духовенство народъ? Говорило-ли оно хотя въ проповѣдяхъ съ каѳедры о безобразіи народной жизни, о грубости нравовъ, о безчеловѣчіи въ семьѣ, о заброшенности дѣтей, объ отсутствіи школъ? Увы! Былъ у меня товарищъ - законоучитель гимназіи, приходскій вмѣстѣ съ тѣмъ священникъ: все то онъ бралъ изъ гимназической библіотеки книжки одного духовнаго журнала за двадцать лѣтъ назадъ. На вопросъ мой: „зачѣмъ ему“, онъ беззастѣнчиво отвѣчалъ, что тамъ „напечатанъ переводъ съ греческаго проповѣдей Іоанна Златоустаго и они ему нужны для проповѣдей же“. Представьте, Златоустъ громилъ императрицу Ѳеодору, супругу Юстиніана Великаго. И вотъ, перемѣнивъ имена, грады, улицы,—сей Златоустовъ громъ несется на бѣдныя стогна уѣзднаго русскаго городка въ 1882—86 годахъ!!

Вотъ о чемъ духовенству подумать: чтобы любовью къ народу, заботою, нѣжностью вернуть очевидно слабое довѣріе къ себѣ. И затѣмъ, можетъ быть, въ читающихъ теперь самостоятельно Св. Писаніе пробудится желаніе пригласить къ себѣ запоздавшихъ сюда пастырей. И пусть священники, именно какъ запоздавшіе, войдутъ сюда смиренно, безъ власти, безъ требованій, просто какъ слушатели. А потомъ, при разумѣ и искусствѣ,

они и завладѣютъ толкованіемъ Св. Писанія. Больше что́ же дѣлать?

Все же въ русскомъ духовенствѣ есть прекрасные свѣточи. Но кажется они рѣдки, и всегда я замѣчалъ, что это или болѣющій человѣкъ, или обиженный кѣмъ-нибудь сверху. Таинственно, что къ великому и прекрасному сердце доходитъ черезъ страданіе. Мнѣ пишетъ изъ далека одинъ священникъ о почившемъ уже своемъ архіереѣ (да будетъ позволено и о нихъ сказать слово, ибо вѣдь и они не безгрѣшны):

„Сколько разъ я шелъ отъ него со слезами, и ни разу съ *радостію сына* (подчеркнуто въ письмѣ). Разъ онъ (епископъ) сказалъ мнѣ, узнавъ о желаніи помѣстить въ духовномъ журналѣ статью о мѣстномъ угодникѣ, мощи коего безъ вѣдома Св. Сунода были перенесены изъ одного храма въ другой, этимъ архіереемъ построенный: „гордость и глупость—двѣ родныя сестры, ты отъ гордости оглупѣлъ, я тебя выгоню изъ N (имя большого города), я въ тайнѣ (отъ Петербурга) это сдѣлалъ, а ты—репортеръ, пошелъ вонъ, dixi“... Вотъ отношеніе къ священнику-академику: какъ же они относятся къ загнаннымъ сельскимъ попамъ! къ дьякопамъ! ...Здѣсь всѣ говорятъ о страшномъ событіи въ селѣ Павловкѣ—разгромѣ православной церкви. Поразительны подробности его, не попавшія въ газеты. Блудница жена скверная,—отъ каковой по церковнымъ книгамъ долженъ народиться и антихристъ,—несетъ впереди разъяренной толпы свое дитя и, подымая, кричитъ нѣсколько разъ: „Вы вѣруете въ это дитя“?—„Вѣруемъ“!—„Ура“, „Христосъ воскресъ“—и слѣдуетъ разгромъ церкви. Самымъ лютымъ богоборцамъ приходится поучиться у павловцевъ. Это не штунда, по моему, и *не толстовство* (подчеркнуто въ письмѣ) тѣмъ болѣе, какъ говоритъ въ „Миссіонер. Обозрѣніи“ г. Скворцовъ, а просто — антиномизмъ (противо-законіе), блудоразліяніе. Отрицаніе брака—вотъ коренъ. Блудница три раза цѣлуетъ публично парня и онъ, послѣ третьяго раза, чувствуя притокъ силъ, разбиваетъ замокъ церкви. Вотъ надъ чѣмъ нужно подумать, а не писать смаху, какъ

въ восхваляемомъ вами „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“: „это—штунда, это—анархизмъ“. Къ чему такое неправдоподобіе?“

Такъ пишетъ мнѣ издали священникъ. Я думаю, не *войдя* вотъ въ эту народную толпу, совершившую разгромъ церкви, ничего нельзя понять. Всѣ наши гаданья и подведеніе движенія подъ такую-то рубрику—не выдерживаютъ критики. Что мы понимаемъ въ душѣ народной? Ничего. Лучше ужъ остаться при воплѣ народномъ, какъ-то афористически доносящемся до насъ, и не писать къ нему коротенькихъ и неудачныхъ коментаріевъ.

Кромѣ выдержекъ изъ писемъ, которыя я привелъ, я получилъ еще длинное письмо отъ одной южно-русской помѣщицы, рисующей такую запущенность у насъ религіозной жизни въ селахъ и деревняхъ, о которой нельзя безъ горечи думать. Сколько я наблюдалъ. въ миссіонерствѣ нашемъ есть добросовѣстность, хотя и грубоватая. Ну, вотъ, важную задачу миссіи, одну изъ самыхъ первоначальныхъ, безъ выполненія которой двигаться впередъ нельзя,—составляетъ то, чтобы добиться позволительности во всей подробности опубликовывать подобные документы: чтобы видѣть нашу матушку Русь во всей неприглядности, а мѣстами и безысходности ея церковно-религіознаго состоянія. Кажется, въ миссіонерствѣ есть тенденція не къ сокрытію дѣлъ своихъ, а къ выявленію. Но пусть же лучъ свѣта падаетъ не только туда, гдѣ „они худы, а мы хороши“, но и туда „гдѣ они хороши или посредственны, а мы худы“. Миссія не можетъ добиться успѣха себѣ безъ сочувствія общества; а для пробужденія его нѣтъ иныхъ путей, какъ открытость, свѣтъ.

Это послѣднее письмо, очень любопытное и замѣчательное, я привожу сейчасъ ниже.

Глубокоуважаемый

Василій Васильевичъ!

„Я только что прочла вашъ фельетонъ о разговорахъ на религіозныя темы.

„Вы такъ пишете, что каждое ваше слово проникаетъ прямо въ душу—и вотъ я не могу удержаться, чтобы не высказаться вамъ по вопросу, которымъ вы меня задѣли за живое.

„Вы правы и убѣдительны во всемъ, что вы сказали въ этой статьѣ; и только потому, что вы внушаете полное довѣріе вашей искренностью, мнѣ хочется указать вамъ на одну сторону борьбы съ сектантствомъ, которую вы вѣроятно упустили потому, что живете и вращаетесь тамъ, вдали отъ народной жизни, въ умственныхъ сферахъ, гдѣ вы имѣете счастье встрѣчать такихъ славныхъ, почтенныхъ священниковъ.

„Вы говорите, что сектантство процвѣтаетъ вслѣдствіе многоточій, неясности и условности богословія. Это совершенно такъ. Но вѣдь устранить этого нельзя ни изъ какой религіи *); и въ вопросахъ вѣроисповѣданія, а тѣмъ болѣе догматики, по самому существу и разнообразію человѣческаго духа, всегда были и будутъ разногласія.

„Дикіе же виды сектантства процвѣтаютъ лишь тамъ, гдѣ царитъ тьма народная и гдѣ уровень духовенства оставляетъ многаго желать... Простите, ради Бога, жестокость моихъ словъ, но надо такъ наболѣть душой въ этомъ вопросѣ, какъ я, чтобы понять и оправдать эту жестокость. Замѣчу при этомъ, что я совершенно частное лицо, простая жительница деревни, и никогда ни въ какіе контры съ духовенствомъ не вступавшая—напротивъ, пользующаяся ихъ благосклонностью за приличную „мзду“.

„И если бы вамъ, какъ мнѣ, пришлось много лѣтъ прожить въ деревнѣ и изучить дѣятельность нашихъ сельскихъ „батюшекъ“ и слышать постоянныя жалобы крестьянъ—вы бы убѣдились, подобно мнѣ и многимъ, что главный нашъ недугъ духовный—въ нихъ (хотя, конечно, они лишь таковы, какими ихъ дѣлаютъ) и

*) „Религія“, говоритъ Амвель, — „есть жизнь высшая, мистическая въ корнѣ своемъ“. *Примѣч. В. Гриневичъ.*

что *они* болѣе всего виновны въ отпаденіи отъ церкви, а не тѣ несчастные, темные изувѣры, которые изобрѣтаютъ всякія безобразныя секты.

„И вмѣсто того, чтобы посылать миссіонеровъ переубѣждать сбившихся съ пути фанатиковъ (что вообще дѣло безплодное)—слѣдовало бы посылать ихъ къ нашему сельскому духовенству и его обращать въ христіанство и наставлять на путь истинный, чтобы они дѣйствительно были служителями Церкви и отцами духовными, а не чиновниками, дѣльцами, и даже, что такъ грустно видѣть, ростовщиками не трезвыми.

„Приходилось-ли вамъ видѣть, какъ священники въ деревенскихъ церквахъ стоятъ во время литургіи въ боковыхъ дверяхъ алтаря съ протянутой рукой, въ которую цѣлыя вереницы жалкихъ, оборванныхъ крестьянъ кладутъ свои, потомъ и кровью добытые, гроши за поминовеніе!.. Христосъ вышелъ изъ себя, когда торгаши брали деньги въ храмѣ, а что сдѣлалъ бы Онъ съ нашими отцами духовными, которые такъ безстыдно позорятъ и храмъ, и себя, и всю паству такой грубой формой обиранія!.. Мнѣ приходилось спрашивать священниковъ, почему они это дѣлаютъ, и неужели не сознаютъ того, *что* дѣлаютъ?—Вопросы эти имъ не нравятся, но они настаиваютъ, что народъ *этого* не понимаетъ и не такъ смотритъ на это *).

„Посмотрите также, какое направленіе и воспитаніе дается въ провинціальныхъ духовныхъ семинаріяхъ! Мнѣ близко знакома наша Полтавская. Одинъ мой знакомый протоіерей, на мой вопросъ, почему такъ часто слышно о некрасивомъ поведеніи семинаристовъ, — безъ колебаній какъ объ извѣстномъ фактѣ, заявилъ, что вѣдь „самые испорченные ученики—это семинаристы“!

„Два года тому назадъ цѣлый выпускъ семинаристовъ хвастали своимъ атеизмомъ и заявляли, что изъ нихъ никто не будетъ попомъ. И дѣйствительно, большинство кинулось въ разныя другія учебныя заведенія и въ учителя, но по своей испорченности и встрѣтившимся трудностямъ многіе опять вернулись къ духовному званію. Хорошіе священники изъ нихъ вышли—не правда-ли? И противъ этого мѣра есть: открытіе для дѣтей духовенства свободнаго доступа въ

---

*) Тутъ нельзя только порицать. Духовенство очень бѣдно. И корень дѣла—улучшеніе положенія сельскаго духовенства.

В. Розановъ.

другія высшія заведенія. У насъ въ Полтавской губ. вы часто услышете, что молодые священники еще хуже прежнихъ, больше обираютъ народъ, большіе лицемѣры и атеисты. И неудивительно, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше растетъ у насъ общее безвѣріе и индифферентизмъ къ религіи; потому что стѣснена свобода мысли въ вопросахъ религіи, и искренніе религіозные люди молчатъ, ихъ неслышно, а ханжи, лицемѣры—проповѣдуютъ. И молодежь это чувствуетъ.

„Народъ же нашъ несомнѣнно обладаетъ большими духовными запросами—и это, мнѣ кажется, покрываетъ всѣ остальные его недостатки. Но можетъ-ли онъ находить удовлетвореніе въ такой формальной, лицемѣрной, торгашеской церкви, которую создаетъ наше *неуважаемое* сельское духовенство, занятое исключительно заботами о добываніи средствъ.

„Мнѣ пришлось въ этомъ году прождать съ народомъ вечерней службы въ вербную субботу часовъ до 8 вечера. Батюшка сѣялъ и спѣшилъ воспользоваться влажной землей, что понятно для каждаго хозяина. Но вотъ онъ наконецъ пріѣхалъ съ поля—и что же?—Служитель заявляетъ, что батюшка усталъ и службы не будетъ. Громадная толпа народа ворча и презрительно махнувъ рукой (они ужъ привыкли къ такому отношенію) поплелась домой...

„Посовѣтуйте, многоуважаемый Василій Васильевичъ, вашимъ знакомымъ искреннимъ миссіонерамъ пожить инкогнито въ деревняхъ и прислушаться къ жалобамъ крестьянъ, къ ихъ поговоркамъ, вродѣ: „что у попа да у жида“ и т. п.: и тогда они увидятъ, съ *кѣмъ* и съ *чѣмъ* надо бороться, и убѣдятся, что если бы можно было оглашать всѣ наши духовные недуги и всѣ печали народныя—то это заставило бы духовенство подтянуться и менѣе безцеремонно злоупотреблять своимъ положеніемъ.

„Боятся „соблазна“: но вѣдь онъ на лицо, и устная молва толкуетъ о немъ свободно. Только наружу ничего не попадаетъ и не знаютъ о положеніи дѣла именно тѣ, кому слѣдовало бы охранять меньшую братію отъ соблазна.

„Отчего миссіонеры не настаиваютъ на томъ, чтобы священники не ограничивались бы только формальной службой и безграмотнымъ чтеніемъ печатныхъ проповѣдей въ церкви, а имѣли бы частныя бесѣды съ крестьянами, читали бы имъ и толковали Священное Писаніе и церковную службу, о которой народъ имѣетъ самое грубое, ложное представленіе. Такъ, въ нашей губерніи, гдѣ

вообще народъ развитой—*плащаницу* считаютъ какою-то святою женщиной и т. п. Какъ, значитъ, они понимаютъ Страсти Христовы?!

„Миссіонеры скажутъ, что это, конечно, желательно, но что это частное дѣло, которое нельзя провѣрить.—Но если можно провѣрять частныя дѣла прихожанъ—то лучше бы заботились сперва о дѣлахъ и поведеніи священниковъ.

„Удивительное у нихъ равнодушіе къ религіозному просвѣщенію народа! Я много лѣтъ формирую школьныя и народныя библіотеки, подбирая лучшія книжки для нихъ; и сколько я ни обращалась къ священникамъ съ просьбой помочь мнѣ указаніемъ наиболѣе доступныхъ, необходимыхъ для крестьянъ книгъ по богословію—я всегда поражалась и ихъ невѣжествомъ, и ихъ нежеланіемъ мнѣ помочь, когда я прямо просила взять нѣсколько купленныхъ мною книгъ на просмотръ!

„Даже московское „Общество распространенія духовно-нравственныхъ книгъ", куда я обращалась, отвѣтило мнѣ: что не ихъ дѣло составлять подборы книгъ и что не все-ли равно—всѣ книги, одобренныя цензурой, хороши! А какъ народъ любитъ религіозное чтеніе, какъ радуется всякой доступной его пониманію книжкѣ!

„Одинъ нашъ школьный учитель, человѣкъ религіозный, охотно водившій учениковъ въ церковь, сталъ было читать имъ Евангеліе, но когда священникъ узналъ объ этомъ—онъ запретилъ, угрожая донести на учителя, и мотивируя запрещеніе тѣмъ, что онъ не можетъ довѣрять ему, въ какомъ *духѣ* онъ будетъ толковать Евангеліе. Это 10—12 лѣтнимъ дѣтямъ опасаться какого-то *духа* и предпочитать полное невѣдѣнье! Но это вѣдь политика нашего духовенства и всевластнаго чиновничества особенно.

„И у насъ всѣ въ народѣ знаютъ, что собираться для частныхъ религіозныхъ бесѣдъ или чтеній *запрещено*, и что это грозитъ полиціей и судомъ.

„Читали-ли вы обидныя, горько мучительныя для всѣхъ насъ, русскихъ, слова Кеннана въ его отвѣтѣ Боткину: „Голосъ за русскій народъ"?

„Гдѣ двое или трое русскихъ соберутся во имя Христово (въ деревняхъ, конечно)—тамъ среди нихъ и полицейскій. Если-бъ самъ Спаситель, продолжаетъ К.,—явился бы въ русской деревнѣ, и, бѣдный и неизвѣстный, какимъ Онъ явился въ Галилеѣ XX вѣковъ тому назадъ, началъ учить народъ *тѣми же* словами, какими Онъ говорилъ въ Галилеѣ и которыя приводятся въ 4-хъ Евангеліяхъ,—

Онъ и сутокъ бы не провелъ на свободѣ! *Его* прежде всего препроводили бы по этапу въ черту своей осѣдлости, какъ еврея, и затѣмъ, если бы Онъ продолжалъ учить—Онъ бы вторично былъ бы арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Если бы Онъ и избѣгъ окончательнаго распятія, отъ представителей той самой нашей вѣры, которая носитъ Его имя,—то только единственно потому, что распятіе замѣнено въ Россіи ссылкой, тюремнымъ заключеніемъ въ кельяхъ для еретиковъ въ отдаленныхъ монастыряхъ и работами въ рудникахъ Забайкалья".

„И что можемъ мы возразить Кеннану, если мы не захотимъ лицемѣрить о существующей у насъ свободѣ совѣсти и вѣры?!

„Стоитъ только узнать, сколько у всѣхъ земскихъ начальниковъ разбирается дѣлъ о томъ, что въ такой-то хатѣ застали мужиковъ за чтеніемъ Священнаго Писанія—только *за это одно!* Такихъ мужиковъ судъ обязанъ или штрафовать, или сажать подъ арестъ, а послѣ повторенія такихъ преступленій ихъ подвергаютъ болѣе тяжелымъ наказаніямъ... Еще недавно приговорили одну 75-лѣтнюю старуху (мать нашей няни) нищую, живущую у бѣдняка сына, къ штрафу въ 100 р., а за неимѣніемъ ихъ, къ мѣсячному аресту съ ворами, мошенниками,—за то, что застали ее въ избѣ, гдѣ читали Евангеліе.

— „Только за это", говорила мнѣ, рыдая, ея дочь.

„Зачѣмъ клянутъ у насъ Кеннана, когда мы всѣ знаемъ еще больше, чѣмъ онъ, знаемъ и страдаемъ, видя, *какъ* у насъ служатъ дѣлу вѣры и любви къ Богу.

„Неужели думаютъ, что народъ безъ всякаго Кеннана этого не понимаетъ, не знаетъ, и что это его не развращаетъ... Лучшіе изъ народа только упорнѣе уходятъ прочь отъ Православной Церкви, не желая, конечно, отдѣлять ее отъ ея слугъ: и за то нещадно ихъ гонятъ, преслѣдуютъ, разоряютъ, ссылаютъ.

„И утверждаютъ, что времена инквизиціи давно прошли... Конечно, у насъ нѣтъ пытокъ, костровъ, у насъ несомнѣнно „тонкіе культурные пріемы".

„Мужу моему, когда онъ былъ земскимъ начальникомъ, приходилось испытывать отвратительныя минуты при разбирательствахъ донесеній на штундистовъ, когда приходилось завѣдомо честныхъ, уважамыхъ людей, штрафовать и сажать подъ арестъ только за то, что ихъ уличали въ чтеніи Священнаго писанія... И они, уходя, бросали всему суду горькія, презрительныя, но глубоко справедли-

выя слова:—„Если-бъ мы пьянствовали, вели безнравственную, противную Богу жизнь—насъ бы оставляли въ покоѣ; а за то, что мы честно держимся закона Евангельскаго и хотимъ дружно, сообща читать духовныя книги—насъ преслѣдуютъ и наказываютъ, какъ преступниковъ, воровъ и мошенниковъ"...

„Знаете,—только благодаря царящему у насъ лицемѣрію, подавленности и полному отсутствію гласности и общественной критики возможно такое возмутительное положеніе вещей. И пусть миссіонеры не лицемѣрятъ, пусть честно сознаются, что они больше озабочены борьбой съ нравственными сектами, какъ штундисты и духоборы, чѣмъ съ изувѣрскими, нравственно вредными. Пусть они не прикрываются охраненіемъ народной этики, потому что всѣ понимаютъ, что тутъ дѣло не въ этикѣ, а наоборотъ. Иначе бы сектантовъ просто привлекали бы къ отвѣтственности за тѣ поступки, которые противны нравственности, оставляя вопросы вѣры въ сторонѣ отъ суда и казней.

„А чтобы бороться съ дикими безнравственными сектами, то лучшее и самое успѣшное средство—это просвѣщать народъ, потому что интеллигентнымъ людямъ не опасна пропаганда хлыстовъ, малеванцевъ, скопцовъ и т. п.

„И если бы миссіонеры, вмѣсто своей безсильной аптекарской медицины, вносили бы здоровую духовную гигіену въ народъ, заботились бы о распространеніи школъ свѣтскихъ (не создавая вражды и антагонизма на этой почвѣ), распространяли бы книги и чтеніе въ народѣ, еще не отпавшемъ отъ Церкви, но легко къ этому склонномъ, а въ особенности лѣчили и исправляли духовенство—тогда бы ихъ дѣятельность была успѣшна и цѣнилась бы всѣми.

„И, что особенно важно въ лѣченіи нашего духовенства, такъ это освобожденіе его отъ необходимости жить поборами,—и въ сущности осуществить это совсѣмъ не трудно. Точно такъ же какъ земство, облагая землю крестьянъ, даетъ имъ и даровую медицинскую помощь, и даровое обученіе, и дороги, и богадѣльни: такъ точно можно было бы содержать духовенство. Причемъ, конечно, и крестьянамъ было бы легче нести равномѣрный правильный налогъ, чѣмъ платить въ экстренныя, часто трудныя минуты, и подвергаться тому *безконтрольному вымогательству*, отъ котораго оно теперь такъ страдаетъ.

„Сколько я знаю случаевъ, когда священники отказывались не

только совершить погребеніе, а даже прочесть молитву надъ умершимъ, если ему впередъ *наличными* не принесутъ 3-хъ рублей. И несчастные бѣдняки такъ и хоронятъ своихъ близкихъ безъ обряда, а каково это имъ при ихъ вѣрѣ въ спасеніе души отъ молитвъ Церкви!

„И въ то же время посмѣй кто-нибудь изъ богатыхъ похоронить безъ священника—его отдадутъ подъ судъ!

„Вопросъ объ уничтоженіи поборовъ такъ важенъ, что о немъ бы слѣдовало кричать на всѣхъ перекресткахъ, и настаивать, чтобы хоть въ видѣ опыта ввели его въ какой нибудь богатой губерніи, ну, какъ Полтавская, почти не знающая недоимокъ.

„Нѣтъ! не вижу я нигдѣ и ни въ чемъ искренности у нашихъ служителей Богу, и мнѣ будетъ также безнадежно тяжело, если вы не найдете словъ, чтобы разсѣять хоть немного мой пессимизмъ.

„Если наше духовенство, убаюканное гробовымъ молчаніемъ общественнаго мнѣнія въ Россіи, думаетъ, что такихъ голосовъ, какъ мой, единицы,—то чѣмъ объясняютъ они *только въ Россіи* существующее, а не во всемъ мірѣ, неуваженіе къ духовной профессіи, выражающееся въ томъ, что никто изъ высшихъ или даже чиновничьихъ, дворянскихъ классовъ населенія не отдаетъ своихъ дѣтей въ духовныя училища? Всѣ родовитыя знатныя фамиліи во всѣхъ странахъ міра имѣютъ родственниковъ въ духовенствѣ, а у насъ только рѣдкіе случайные субъекты изъ этихъ классовъ идутъ въ монахи, но не начинаютъ своего воспитанія въ духовныхъ заведеніяхъ. Почему вообще у насъ духовенство не пользуется почетомъ въ обществѣ, живетъ обособленно и, напр., въ деревняхъ на помѣщичьихъ обѣдахъ священника сажаютъ поближе къ концу стола? Иностранцы всегда удивляются и выказываютъ намъ презрѣніе за то, что мы не держимъ наше духовенство въ почетѣ.

„Во многомъ виноваты и наши усилія сдѣлать изъ священниковъ еще что-то кромѣ служителей алтаря. Въ этомъ мы подражаемъ католичеству, не понимая, что когда католичество было великой политической силой—оно само создало ее, а не было понукаемо извнѣ къ этому, какъ наше православіе. Но почему же умные чистосердечные пастыри наши не имѣютъ честности заявить объ этомъ, и такъ раболѣпно служатъ полицейскимъ, тираническимъ цѣлямъ необузданнаго чиновничества.

„Я бы хотѣла кого-нибудь спросить, что сказалъ бы Христосъ двумъ пастырямъ, изъ которыхъ одинъ привелъ бы ему многолюд-

ную паству, похваляясь своимъ усердіемъ: и Христосъ бы увидѣлъ, что вся она состоитъ частью изъ полу-дикихъ, ничего не понимающихъ въ Его ученіи людей, частью же изъ невольныхъ, принужденныхъ лицемѣровъ (какъ вся наша интеллигенція), а также ханжей и фарисеевъ. Другой же—скромно привелъ бы только горсть людей, но дѣйствительно *Имъ* просвѣщенныхъ, глубоко, сознательно вѣрующихъ.

„Наши же церковные люди теперь безбожно гонятся только за численностью прихожанъ, возмутительно лицемѣря и насилуя.

„Но простите, ради Бога, что я злоупотребляю вашимъ временемъ. Я была увѣрена, что напишу лишь два слова, но поймите, что я живу и не вижу просвѣта, не нахожу ни въ комъ утѣшенія и завидую вамъ, что вы знаетесь съ такими свѣтлыми, духовными лицами...

„Быть можетъ вы захотѣли бы помочь мнѣ еще въ очень трудномъ и тяжеломъ для меня вопросѣ религіознаго воспитанія моихъ дѣтей. Я много, много думала и читала объ этомъ, обращалась ко многимъ лицамъ, но все же страдаю недовольствомъ собою въ этомъ вопросѣ.

„Вы ужъ два раза отнеслись ко мнѣ съ сердечнымъ участіемъ и это причиной тому, что я злоупотребляю вашей добротой—помните, я была у васъ въ октябрѣ по поводу статьи въ „Н. В.“ о школѣ Левицкой? Съ глубокой благодарностью и сердечнымъ уваженіемъ

Вѣра Гриневичъ.

Красный Рогъ, Екатерин. губерніи.

Письмо это мнѣ представляется однимъ изъ лучшихъ литературныхъ памятниковъ общественнаго и духовно-религіознаго содержанія, и вмѣстѣ—важнымъ историческимъ документомъ. Тотчасъ-же по полученіи, я представилъ его В. М. Скворцову для напечатанія въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“, но онъ—продержавъ мѣсяца два его—возвратилъ мнѣ (не напечатавъ). Все я маялся, надѣясь провести его въ печать: и когда открылись „Религіозно-философскія собранія“ въ С.-Петербургѣ, показалъ его Предсѣдателю ихъ, ректору С.-Петербург-

ской Духовной академіи, епископу Сергію, какъ равно и многимъ членамъ этихъ собраній. Всѣ смотрѣли на него одобрительно: но напечатать какъ въ духовныхъ такъ и въ свѣтскихъ журналахъ или газетахъ,— мнѣ его не удалось. Трогательная сторона письма лежитъ въ томъ, что авторъ пламенно относится къ Христу, Евангелію, стоитъ твердо на твердой почвѣ Церкви: и негодуетъ исключительно на людей, исполнителей или лучше не исполнителей Слова Божія и закона нравственнаго. Получивъ его, разумѣется я измѣнилъ и свой, немного высокомѣрный (по теоретическимъ причинамъ) взглядъ на собранія евангелистовъ, „читающихъ Библію и не курящихъ табаку". По прежнему я не считаю ихъ геніальными: но *человѣчности*—вотъ чего *мы не дали имъ*. И если они „просты", то мы— преступны.

О больныхъ старообрядцахъ.

Мною получено письмо, повидимому, принадлежащее русскому и православному, но которое касается здѣшнихъ петербургскихъ старообрядцевъ. Будучи до послѣдней степени некомпетентенъ во всемъ, что касается старообрядчества, я не отвѣтилъ на это первое письмо. Но вчера получаю вновь письмо по тому же поводу и, кажется, отъ того же самаго лица, съ усиленною просьбою.

Авторъ письма ко мнѣ говоритъ, что къ нему обратился съ горькою жалобою знакомый старовѣръ, изъ „пріемлющихъ австрійское священство"—на то, что къ умирающимъ или боящимся умереть старообрядцамъ въ здѣшней петербургской Обуховской больницѣ не про-

пускается ихъ старообрядческій священникъ для принятія исповѣди и причащенія. Администрація больницы сама по себѣ не имѣла бы ничего противъ предсмертнаго напутствованія старообрядцевъ по ихъ обряду и ихъ духовниками; но при больницѣ живетъ православный священникъ, который воспротивился пропуску сюда старообрядческихъ священниковъ, такъ какъ закономъ 1883 года вообще „всякая публичность старообрядческихъ службъ запрещена“. Этому разъясненію священника начальство больницы не могло не послѣдовать, такъ какъ само не компетентно въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ. Думаемъ, что и священникъ не имѣлъ никакого *намѣренія* совершить неправду. По всему вѣроятію, онъ опасался нарушить свой *долгъ*, боялся не исполнить *закона*. О послѣднемъ и приходится говорить.

Законъ 1883 года предоставляетъ старообрядцамъ „свободу отправленія ихъ требъ по ихъ обрядамъ въ частныхъ домахъ и въ особо предназначенныхъ къ сему зданіяхъ“, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы при этомъ „не были нарушаемы общія правила благочинія и общественнаго порядка“ (пунктъ 5) и чтобы „не было публичнаго оказательства послѣдованія расколу, каковыми признаются: а) крестные ходы и духовныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ, б) публичное ношеніе иконъ, в) употребленіе внѣ домовъ, часовенъ и молитвенныхъ зданій церковныхъ облаченій и г) раскольничье пѣніе на улицахъ и площадяхъ (пунктъ 11).

Законъ въ мотивахъ и цѣли необыкновенно ясенъ. Онъ не стѣсняетъ совѣсти, но отказываетъ старообрядцамъ въ правахъ *манифестаціи*. Онъ не насилуетъ души, но не хочетъ *шума улицы*. Онъ оставляетъ вѣру Ивана, Петра, Катерины, многихъ Ивановъ и многихъ Катеринъ, но при непремѣнномъ условіи, чтобы это была ихъ

частная, душевная вѣра, и только. При этомъ совершенно безспорномъ смыслѣ закона какъ посмотрѣть на случай больного, зовущаго въ Обуховскую больницу старообрядческаго священника, чтобы причаститься передъ смертью?

Священникъ идетъ (какъ и у насъ къ исполненію требы) *безъ облаченія*. Облаченіе онъ несетъ въ мѣшкѣ подъ мышкою, оно не видно и никого не смущаетъ. Онъ начинаетъ облачаться (надѣвать епитрахиль) только приступая къ исповѣди, но исповѣдь, какъ извѣстно, можетъ совершаться только *наединѣ*. Какъ извѣстно, въ больницѣ есть одиночныя комнаты и общія. Въ одиночной комнатѣ само собою разумѣется и исповѣданіе, и причащеніе произойдетъ настолько тайно, что о немъ никто и не узнаетъ. Болящаго раскольника можно положить на носилки и вынести на требуемый часъ въ отдѣльную комнату. Мнѣ кажется, эта деликатность такъ проста и удобоисполнима! Я уже не поднимаю вопроса о томъ, до чего сосѣднимъ больнымъ, труднымъ больнымъ вообще нѣтъ интереса къ вѣроисповѣднымъ разницамъ, и какъ мало можно разсчитывать или бояться, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не увлекся и не совратился въ расколъ! Я говорю о буквѣ закона и мнѣ кажется, что моимъ предложеніемъ не нарушается и буква.

Буква пресѣкаетъ *публичность*, *манифестованность*, буква охраняетъ *улицу*. Но исповѣдь и причастіе до того внутренніе и душевные акты, что чудовищная мысль поставить препятствіе исповѣданію и причащенію, конечно, не входила въ мысль законодателя. Ничего подобнаго нѣтъ въ самыхъ принципахъ нашихъ законовъ, вообще ни въ какихъ. Больничный покой имѣетъ въ высшей степени *уединенный* характеръ, *изолированный*; туда и къ родному больному не всегда пропустятъ, а только

въ указанные, немногіе и краткіе часы. Какая же это „публичность и мѣсто публичнаго оказательства".

Законъ ясно перечисляетъ, что разумѣетъ подъ публичнымъ оказательствомъ: крестные ходы, духовныя процессіи, появленіе на улицѣ въ облаченіи, раскольничье пѣніе на улицахъ же. Тутъ разумѣется, кажется, не только появленіе въ публичномъ мѣстѣ, но и появленіе старообрядцевъ *скопомъ, толпою, публикою*. „Будьте не публикою, а частными людьми", вотъ что говоритъ законъ. Исповѣданіе и причащеніе въ больницѣ въ высшей степени отвѣчаетъ этому. Какой тутъ „скопъ", какое „манифестованіе себя"?! Это—интимнѣйшее дѣло. И куда дѣваться больному, какъ ему выполнить душевную нужду?

Кореспондентъ мнѣ пишетъ еще, что это недопусканіе старообрядческихъ священниковъ практикуется единственно въ Обуховской больницѣ, а не во всѣхъ петербургскихъ больницахъ, и, мнѣ кажется, уже изъ этого одного можно заключить, насколько законъ 1883 г. не препятствуетъ нисколько отправленію старообрядческихъ требъ въ больницахъ. Нельзя не заподозрить, поэтому, не замѣшано-ли еще здѣсь таящееся поползновеніе къ мздоимству и вымогательству: явленіе—повсюдное, гдѣ живутъ старообрядцы!

1901.

О совѣсти.

Въ № 272 „Моск. Вѣд." епископъ Никаноръ помѣстилъ весьма интересную статью: „Свобода совѣсти, какъ христіанская основа". Вызвана она тою же рѣчью г. Стаховича на Орловскомъ миссіонерскомъ союзѣ, которая вызвала въ нашей печати вообще такъ много шума. Статья имѣетъ философское построеніе, содержитъ

новую мысль и, если къ ней не приложить внимательное разсужденіе, кажется трудно опровержимой. Судите сами: „совѣсть есть законъ для совѣстливаго человѣка, совѣсть есть судія совѣстливаго человѣка. Но какъ законъ, такъ и судія ограничиваютъ свободу. Потому совѣсть противоборствуетъ свободѣ, и сказать: *свобода совѣсти*—значитъ оказать абсурдъ".

Такимъ образомъ выпадаетъ цѣлая рубрика философскихъ разсужденій. Оказывается, философы разсуждали, не дѣлая точнаго опредѣленія тѣхъ понятій, надъ которыми оперировали. Съ тѣмъ вмѣстѣ значительно измѣняется и общепринятое по крайней мѣрѣ пониманіе христіанства, которое вездѣ его исповѣдниками принималось какъ исповѣданіе совѣсти и именно свободной совѣсти. Авторъ-епископъ говоритъ:

„Свобода совѣсти имѣетъ въ христіанствѣ значеніе весьма ограниченное и даже ничтожное, такъ какъ здѣсь сочетаются понятія не соотвѣтственныя между собой и для христіанства мало пригодныя. Свобода, какъ стремленіе дѣйствовать независимо ни отъ чего и ни отъ кого, неприложима къ совѣсти, какъ закону и судіѣ, потому что этотъ законъ есть такъ-сказать ограниченіе ея, противоположеніе ей, стѣсненіе ея. Гдѣ законъ, тамъ свободѣ положены предѣлы. И предѣлы эти тѣмъ сильнѣе и непреоборимѣе, чѣмъ основательнѣе, тверже и несокрушимѣе законъ. А законъ совѣсти — одинъ изъ самыхъ несокрушимыхъ. Его нельзя ни заглушить, ни вытравить ничѣмъ".

И авторъ цитируетъ стихи:

Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть,
Она проснется въ черный день.

Скажемъ болѣе и уже отъ себя: совѣсть есть не только судія, но стражъ насъ. Однако именно этотъ стражъ и дѣлаетъ насъ свободными. Кто не замѣчалъ, что человѣкъ *безъ совѣсти* легко намъ *покоряется*, отдается

намъ въ руки, мы имъ вертимъ и такъ, и этакъ и говоримъ: „Вотъ *покладистый* человѣкъ! Какъ съ нимъ *удобно*! Вьемъ изъ него веревки: куда ни пошлемъ, что ни укажемъ дѣлать—онъ бѣжитъ *исполнить*, какъ собаченка“! О человѣкѣ же глубоко совѣстливомъ говоримъ: „Съ нимъ неудобно; то слушается, то нѣтъ; его надо уговаривать, надо ему разъяснять, убѣждать: и только тогда онъ слушается“. Купецъ-кулакъ беретъ въ приказчики безсовѣстнаго человѣка, а совѣстливаго не возьметъ, потому что онъ слушаться его не будетъ. Цезари-тираны окружали себя *безсовѣстными* же, потому что они искали *рабовъ*. Изъ этихъ примѣровъ видно, что безсовѣстность сливается съ рабствомъ, и уже изъ этого можно начать предполагать, что съ совѣстью дѣйствительно сливается свобода. Посмотримъ еще рядъ примѣровъ. Сколько записано въ „Житіяхъ Святыхъ“ примѣровъ *непослушанія даже дѣтей родителямъ*: св. Варвара, св. Алексѣй Божій Человѣкъ, Ѳеодосій и Антоній Печерскіе. Что же, скажетъ-ли преосвященный, что они были люди безъ совѣсти? Или отъ того они и *преслушались* родительскаго и государственнаго закона, что были люди *совѣстливые*?

Да, совѣсть была *стражемъ ихъ свободы и источникомъ непослушанія*. Совѣсть есть дѣйствительно судія, но какой и кто? Она есмь *я* самъ, судящій меня; но никто не можетъ взять мою совѣсть и черезъ нее судить меня. Она родилась, когда я родился; и до моего рожденія вовсе не было моей совѣсти. Въ ней родилась душа моя, а какая же душа захочетъ убѣжать отъ самой себя? Такимъ образомъ, говорить о зависимости человѣка отъ совѣсти и значитъ говорить о величайшей его свободѣ. О, еслибы только этотъ судія стоялъ надъ нами, если бы около него не стояли другіе, темные, съ

угрозой именно нашей совѣсти: можно было бы запрыгать козломъ отъ радости. Совѣсть нельзя купить, подкупить, побѣдить; неужели это не свобода? Совѣсть никому не рабствуетъ, не угождаетъ, не льститъ; неужели опять это не есть признаки свободы? Тогда чѣмъ же господинъ отличается отъ раба? Рабъ—чужой: чужая воля, чужая мысль въ немъ; господинъ самъ владѣетъ собою. Но совѣстью кто можетъ овладѣть? Съ нею можно вступить только въ дружбу, нашептать ей, убѣдить ее, обольстить ее. Но это отношеніе союза. Совѣсть непобѣдима, и только какъ союзникъ входитъ въ союзы съ чѣмъ-нибудь. Такимъ образомъ она есть не только господинъ, но такъ сказать *господское* начало выражено въ ней утонченнымъ и недосягаемымъ способомъ.

Вотъ почему совѣсть мучениковъ не покорялась римскому судебному трибуналу, а Евангеліе, это благовѣствованіе совѣсти человѣческой, никто не смѣшивалъ съ Corpus juris civilis. Епископъ Никаноръ, поставивъ слово „судія“, не отличилъ судію оправдывающаго и отворяющаго дверь темницы отъ судьи обвиняющаго и заключающаго въ темницу. Онъ воспользовался бѣдностью языка и на филологической сбивчивости построилъ философскую путаницу. Совѣсть конечно суживаетъ, стѣсняетъ мои поступки. Но въ какомъ направленіи? Она запрещаетъ мнѣ пугаться внѣшнихъ, велитъ не льстить, не угодничать, не соображаться съ матеріальными своими выгодами, а поступать единственно „по совѣсти“, т. е. „по душѣ моей“, такъ сказать (богословскій языкъ): „воображать въ поступкахъ моихъ образъ и подобіе Божіе, въ чертахъ котораго я родился“. Видали-ли вы человѣка, который поступивъ по совѣсти впадалъ бы въ уныніе, горесть, отчаяніе? Ничего подобнаго. Путь совѣсти—самый легкій, восхитительный. Живя въ согласіи съ со-

вѣстью, мы имѣемъ хорошій сонъ и отличный аппетитъ. Но извнѣ это трудный путь, потому что до совѣсти нашей никому нѣтъ дѣла и всѣ топчутъ, атукаютъ на насъ, выпускаютъ на насъ псовъ клеветы, недоброжелательства и проч.

Потому-то сего добраго судію своего, дѣйствительно знающаго одну линію добрыхъ поступковъ, мы бережемъ какъ бриліантъ. Она насъ оправдаетъ передъ Богомъ, какъ бы насъ ни гнали здѣсь. Совѣсть была посохомъ мучениковъ, и они умерли радостными. Съ совѣстью вообще всегда радостно человѣку и она побѣждаетъ міръ не унылою борьбою, но свѣтлою борьбою. Она освободила міръ отъ римскихъ оргій, заставивъ имъ не послушаться; когда папы стали продавать отпущеніе грѣховъ настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ, то встала совѣсть Лютера и освободила Германію отъ папства, которое вѣдь канонически и юридически и всячески было право. Скажетъ-ли епископъ Никаноръ, что Лютеръ, рядовой августинскій монахъ, вдругъ „потерялъ совѣсть, сталъ безсовѣстнымъ человѣкомъ, начавъ выходить изъ повиновенія папѣ и его буллamъ"? Папа послѣ безсильныхъ угрозъ пытался обольстить его совѣсть, говоря: „мы не будемъ тебя обличать, если ты не будешь насъ обличать". Но Лютеръ обличалъ... какъ *рабъ?* или какъ *свободный?* Ибо мнѣ то кажется, что онъ обличалъ какъ совѣстливый человѣкъ. Кстати: *свободенъ*-ли Богъ? А вѣдь Онъ есть міровая совѣсть, и въ то же время древне-еврейское Его имя „*Адонаи*" означаетъ: „*Господинъ*". Ибо быть совѣстливымъ до величайшей степени—это и значитъ достигнуть величайшей *господской* въ себѣ черты, достичь почти *господняго* въ себѣ уподобленія и въ то же время совершенной отъ всего посторонняго свободы.

1901

Совѣсть — отношеніе къ Богу — отношеніе къ церкви.

Нужно различать въ спорѣ о совѣсти двѣ стороны:
1) отношеніе ея къ Богу,
2) отношеніе ея къ Церкви.

Богъ по ученію христіанскому есть Личный безконечный духъ. Каждый съ перваго же взгляда пойметъ, что отношеніе къ *Лицу* нѣсколько иное, чѣмъ къ *порядку вещей*, къ *системѣ* вещей. Никто рѣшительно не скажетъ, что и Церковь лична: напротивъ, лицо въ ней, напр. всякаго іерарха, глубоко покоряется нѣкоторому завѣщанному и общему порядку. Попытка и Церковь понять и выразить лично создала папизмъ, передъ которымъ испуганно отступили германскіе и славянскіе народы. Не нужно объяснять, что если отношеніе къ лицу невольно и неизбѣжно субъективно, внутренно, сердечно, восторженно или горестно; то отношеніе къ порядку спокойнѣе, уравновѣшеннѣе, болѣе исполнено сообразительности, чѣмъ движеній чувства. Напримѣръ припоминая самые религіозные свои годы (вполнѣ сознательные, за 30 лѣтъ), не могу не подѣлиться съ читателемъ удивленіемъ: я всегда любилъ болѣе священника, чѣмъ церковь, храмъ болѣе, чѣмъ россійское церковное управленіе. Слово добраго священника было для меня авторитетнѣе, чѣмъ церковный законъ. Я считалъ себя спасеннымъ настолько, насколько̀ любилъ священника и чувствовалъ, что онъ любитъ меня. Читатель быстро перенесетъ это въ сущности вѣрное явленіе на панораму большихъ фактовъ. Отношеніе къ Богу вовсе иное, чѣмъ къ церкви безличной, или имѣющей міріады лицъ (праведники, учители, книги, законы).

Разсмотримъ это отношеніе въ смыслѣ предполага-

емой свободы или не свободы. Факты даютъ для этого безусловное рѣшеніе.

Свобода есть право *выбрать* одно или другое въ то время, какъ высшимъ авторитетомъ *предлагается* только *одно*. Въ св. Писаніи отношеніе Бога къ человѣку вездѣ выражено словами: „заповѣдалъ“, „заповѣдь“. Законы не заповѣдуютъ, а приказываютъ. Цари подданнымъ ничего не „заповѣдуютъ“, начальники подчиненнымъ не „заповѣдуютъ“-же. Заповѣданіе есть единственная мягкая и кроткая форма, не мучающая душу человѣка, черезъ которую Богъ относится къ человѣку.

Такимъ „заповѣданіемъ“ было первое слово Божіе къ невинному человѣку. И что послѣдній былъ сотворенъ свободнымъ, видно изъ того, что онъ *выбралъ другое, не заповѣданное*. Но еще болѣе: достаточно было не открывать человѣку древа познанія добра и зла, чтобы онъ и не палъ никогда. Но Богъ открылъ, показалъ ему это дерево, т. е. Онъ не только далъ свободу человѣку, но и указалъ возможность неповиновенія Себѣ: дабы повиновеніе-то было любовно, восторженно, дѣтски-человѣчно, а не рабски-подчиненное. Блудный сынъ вѣдь есть любимый, а грѣшный человѣкъ—предметъ любви Божіей даже до посланія на смерть за него Своего Сына. Конечно, это не значитъ, что Богъ хочетъ грѣха въ человѣкѣ; но Онъ безспорно хочетъ человѣка свободнаго и для правды, и для грѣха, а не фаталистически-праведнаго. Фатализмъ есть мусульманство; но въ христіанствѣ нѣтъ фатализма.

Но вотъ Сынъ—на землѣ для грѣшнаго человѣка. Онъ воскресъ и явился апостоламъ. Ѳома сказалъ: „не вѣрю“! Позвольте, какой догматъ церкви болѣе очевиденъ, чѣмъ Христосъ передъ Ѳомою? Что же сдѣлалъ Христосъ? Наказалъ его? Приказалъ ему? Порицалъ

его? „Вложи персты въ язвы и ощупай“, т. е. убѣдись не черезъ Меня, но черезъ себя, *само*-убѣдись. Самоубѣжденіе есть сущность христіанства. Второй случай—разбойники на крестѣ. И здѣсь въ нашихъ провиденціальныхъ цѣляхъ—одинъ увѣровалъ, другой *не* увѣровалъ. Зачѣмъ это? Да иначе и объяснить нельзя (вѣдь не „случай же такой вышелъ!“) какъ еще усиліемъ показать человѣку, до чего онъ свободенъ не слѣдовать величайшей очевидности и въ самыя свои критическія минуты.

Да это такъ и есть непремѣнно: если бы мы избирали добро не по свободѣ, а по принужденію, то *заслуга* и *принадлежала бы не намъ, а принуждающему.* Гдѣ же заслуга человѣка? и какъ же могло бы совершиться тогда искупленіе? Идея искупленія не отдѣлима отъ свободы.

Но блаженный Августинъ въ борьбѣ противъ донатистовъ (карѳагенская секта) первый высказалъ принципъ о принужденномъ приведеніи къ правой вѣрѣ; Лютеръ, человѣкъ чуткой и тревожной совѣсти, проповѣдывалъ укрощеніе нѣкоторыхъ еретиковъ; Кальвинъ сжегъ Сервета. Нашъ Стефанъ Яворскій написалъ громадную книгу „Камень вѣры“, чтобы доказать право Церкви наказывать еретиковъ, въ частности заведшихся въ то время въ Москвѣ кальвинистовъ. Всѣ сейчасъ поднявшіеся споры о свободѣ совѣсти въ этомъ „Камнѣ вѣры“ разобраны подробнѣйшимъ образомъ. Что же это значитъ, что въ тысячелѣтнемъ строѣ своемъ еще на словахъ церковь высказывалась иногда за свободу совѣсти, но въ поступкахъ своихъ она или съ крайнею болью признавала эту свободу, или вовсе не признавала ее, не признавала всегда, когда могла. Что значитъ это явленіе?

Да то и значитъ, что сама Церковь не сливаетъ отношеніе человѣка къ Богу съ отношеніемъ къ себѣ; и мысля первое, какъ свободное, второго не мыслитъ свободнымъ. Я отъ совершенно невѣрующихъ людей слышалъ часто: „Помилуйте! нѣтъ общества, *ассоціаціи, клуба*, гдѣ члены его дѣлали бы что̀ хотятъ. Всѣ признаютъ и *подчиняются* нѣкоторой суммѣ общихъ правилъ; меньшаго не *можетъ* требовать *и Церковь*“. Возраженіе это очень часто; его можно услышать (и уже давно слышимъ) на каждомъ шагу; но рѣдко кто углубляется въ его многозначительный смыслъ. Дѣйствительно, и въ катехизисѣ церковь опредѣляется какъ „собраніе вѣрующихъ“, и вотъ термину-то „собраніе“ и принадлежитъ нетерпимость. „Общество вѣрующихъ“ требуетъ отъ членовъ своихъ не отступать отъ извѣстной униформности ради принципа общности, солидарности, единства. „Иди съ нами въ ногу, иначе мы тебя раздавимъ“. Но имѣетъ ли это какое-нибудь отношеніе къ Богу? къ совѣсти? Никакого.

Сектанты же, обычно пламенные, озабочены отношеніемъ своимъ къ Богу, и со своей точки зрѣнія просто не могутъ понять принциповъ стѣсненія. Церковь и сектанты говорятъ на разныхъ языкахъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, даже, если хотите, о разныхъ совершенно предметахъ. „Какъ быть *Россіи*“—предметъ тревоги миссіи; „какъ быть моей *душѣ*“—предметъ тревоги сектанта. „*Богъ* хочетъ моей *свободы*“, „*порядокъ церковный* не терпитъ *отступленій*“—это совсѣмъ разныя темы, разныя линіи сужденій.

Величайшіе факты нетерпимости, какъ Кальвина или Торквемады, происходили въ пунктахъ и въ минуты, когда Церковь, вдругъ забывая, что она „порядокъ“, „общество вѣрующихъ“, начинала сливать себя съ Бо-

гомъ, отожествляться съ Богомъ. Она начинала требовать себѣ чистосердечія, любви. Но чистосердечные исповѣдники все равно сжигались какъ еретики; на этомъ основывался сыскъ, подглядыванье: горячо ли человѣкъ вѣруетъ, „добрый ли онъ католикъ“. Но это чистосердечіе есть собственность Бога, а не порядка. Если церковь хочетъ себя слить съ Богомъ, добиться любви къ себѣ, какъ къ Богу: то прежде всего она должна позволить вѣрующимъ „вложить персты и осязать“, или— „вкусить и отъ запрещеннаго древа познанія добра и зла“. Самой тенденціи къ подобному самообнаженію не появляется у „собранія вѣрующихъ“. И въ мѣру этого оно мирится (и всегда примирялось) и съ нѣкоторымъ равнодушіемъ, и съ нѣкоторымъ нечистосердечіемъ, при сохраненіи согласія.

Мы имѣемъ почти аксіомы:

1) Богъ и церковь сближаются тѣснѣе и тѣснѣе и наконецъ слиты: въ этомъ пунктѣ—абсолютная свобода человѣку, абсолютная любовь человѣка къ Богу-Церкви. Такова вѣра и положеніе апостоловъ, Давида, Авраама, Адама (Богъ и человѣкъ—лицомъ къ Лицу).

Но въ исторіи этого почти не встрѣчается; и для будней ея, для религіозныхъ будней, наступаетъ дѣйствіе второй аксіомы:

2) Богу—опять любовь, и въ Богѣ—свобода; но это—внутри и субъективно; это—отношеніе маленькаго нашего лица къ безконечному Лицу Божію. А снаружи—повиновеніе порядку „общества вѣрующихъ“, видимое съ ними согласіе, съ возможностью сердечнаго отклоненія отъ него, котораго они и не преслѣдуютъ. Церковь въ общемъ ни мало не тревожится, что многіе лѣниво или равнодушно исполняютъ ея обряды, уставы, даже вовсе не исполняютъ ничего. Церковь не перестаетъ

„числить своими" множество сектантовъ, о которыхъ открыто извѣстно, что они сектанты; и всѣми мѣрами противодѣйствуетъ „документальному" (черезъ запись въ паспортѣ) отдѣленію отъ себя: на этомъ, напр., основанъ законъ о смѣшанныхъ съ иновѣрцами бракахъ. Какъ „общество вѣрующихъ", Церковь менѣе пытаетъ вѣру и ревнивѣе исчисляетъ сонмы вѣрующихъ.

Иногда, утомясь счетомъ, она хочетъ сверхъ повиновенія и любви. Тогда наступаетъ движеніе къ сліянію съ Богомъ; но параллельно этому непремѣнно узы повиновенія должны быть ослаблены, сами должны ослабѣть и, слабѣя болѣе и болѣе, перейти въ совершенную свободу.

Каждый вѣрующій можетъ сказать: „Я даю то, что ты хочешь. Но твое хотѣнье должно быть сообразовано съ законами твоего собственнаго существованія".

Церковь же обратно можетъ сказать вѣрующему: „Я не требую больше, чѣмъ сколько ты можешь дать, и всегда можешь дать. Что ты ропщешь? Мое требованіе не велико".

Вотъ почва, на которой, мнѣ кажется, обѣ стороны могутъ помириться. И если кое въ чемъ будетъ больно одной сторонѣ, то именно въ этой же точкѣ и совершенно равномѣрно будетъ больно и другой сторонѣ. Такъ что ужъ обѣ онѣ какъ-нибудь уладятся...

1901—1903 г. г.

ЛЮДИ и КНИГИ ОКОЛО СТѢНЫ ЦЕРКОВНОЙ.

Объ одномъ сомнѣніи гр. Л. Н. Толстого.

„Я не *понимаю* таинствъ, въ нихъ нѣтъ *смысла*, они суть колдовство". Такъ выразился гр. Толстой въ отвѣтѣ на его оффиціальное отлученіе отъ Церкви. Не критикуя другихъ сторонъ въ его „Отвѣтѣ", психологически и субъективно очень глубокихъ и интересныхъ, остановимся на одной этой.—Кто-же *ихъ* „понимаетъ"? и не отъ того-ли они и получили имя „таинствъ", „тайнъ", „непостижимаго",—что стоять *внѣ* разумѣнія? Можетъ быть не *выше*, не *ниже*, но просто—*внѣ!* Въ „Войнѣ и мирѣ" онъ даже войну 12-го года и въ частности Бородинское сраженіе призналъ „таинствомъ", „непостижимымъ". Онъ написалъ объ этомъ цѣлую главу, съ чрезвычайнымъ упорствомъ и горячностью. Позднѣе онъ перемѣнялъ объекты этого имени: но два объекта, *рожденіе* и *смерть*, кажется никогда не переставалъ считать „таинствами".

„—Они—*колдовство*", утверждаетъ онъ. Значитъ, онъ соглашается, что они *суть*. Можно ли назвать какимъ-нибудь именемъ и даже опредѣлить качества того, *чего нѣтъ*, не существуетъ?! Итакъ, по его же признанію, въ христіанствѣ содержатся тайныя вещи, именующіяся у христіанъ *таинствами*. Только онъ ихъ *не хочетъ* и *порицаетъ* („колдовство"), христіане же ихъ хвалятъ и хотятъ. Еще что́ сказалъ онъ о нихъ, и, даже, что́ онъ единственно о нихъ сказалъ? То, что они суть *колдов-*

ство. Радуемся, что суть ихъ, какъ *непостижимости*, онъ схватилъ въ этомъ словѣ; но какія онъ приписалъ имъ качества? Колдовство есть *злое, ко злу направленное и чрезъ злого человѣка*. Но таинства—всѣ „во врачеваніе души и тѣла“, и, кажется, совершаются чрезъ добрыхъ или приблизительно добрыхъ людей. Онъ не видитъ колдуна, а толкуетъ о колдовствѣ; не видитъ вреда (врачевательство) и все же кричитъ о колдовствѣ. Безсильный крикъ, который никого не смутитъ.

Но, можетъ быть, его задача—показать, что таинство *съ виду похоже на колдовство и такъ же ничего не содержитъ въ себѣ, какъ и подлинное колдовство*; что *таинства суть пустыя безсодержательности, немощныя вещи?* Таковая мысль содержала-бы раціонализмъ и утверждала бы невѣріе его собственно не въ христіанскія таинства, но вообще во все чудесное и таинственное въ мірѣ. „Ничего нѣтъ, кромѣ Иловайскаго, Иловайскій же достовѣренъ“. Это есть *настроеніе* ума, *предрасположеніе* ума, на которое можно отвѣтить только: „у меня—не такое“. Кто любитъ капусту, а кто — супъ съ картофелемъ; одинъ читаетъ Иловайскаго, другой — Пушкина. Толстой такъ не любитъ все чудесное, что въ передѣлываніяхъ Евангелія даже не остановился вниманіемъ на чудесномъ, сверхъестественномъ *Откровеніи* (Апокалипсисъ) Іоанна Богослова. Но онъ хочетъ увидѣть чудо? Согласенъ указать его: такое чудо есть творческо-художественный геній самого отрицателя чудесъ. Вполнѣ чудо, что я не имѣю такого. Вѣдь зачаты-то мы съ нимъ довольно одинаково, и родители наши были довольно равные люди; тѣ и другіе — обыкновенные, сѣренькіе люди. Считая „по обыкновенному“, всѣ безъ исключенія люди должны бы родиться приблизительно одинаково, и разниться не болѣе, чѣмъ березы въ березовой

рощѣ. Но какая между ними разница! Мнѣ подъ 50 лѣтъ и хоть я пытался писать повѣсти, но даже и малой повѣстушки не вышло. А онъ, подите, въ двадцать съ немногимъ лѣтъ написалъ вдохновенное „Дѣтство и отрочество". И вотъ, его даръ сравнительно съ моимъ великое есть *чудо*, и онъ самъ, какъ творецъ и человѣкъ, есть *чудо* по необъяснимости происхожденія и необъяснимой природѣ.

Нужно очень мало бояться Бога, чтобы, получивъ отъ Него чудесный даръ, съ магическимъ дѣйствіемъ на души человѣческія, начать употреблять этотъ даръ на отрицаніе всѣхъ прочихъ чудесъ Божіихъ, которыя предназначены служить людямъ въ скорбяхъ ихъ и въ бѣдахъ, для утѣшенія и для поддержанія.

Я получилъ,—можетъ быть въ связи съ отрицаніемъ Толстымъ „таинствъ",—письмо-запросъ отъ одного торговца изъ Казани. Онъ спрашиваетъ: „не есть-ли *язычество обоготворять*, считать *святынею*, даже просто *священными—вино*-ли и *хлѣбъ*, *кровь*-ли или *плоть*, это все одно. Поклоняться можно только Духу—въ духовной религіи. Въ главномъ церковномъ таинствѣ я нахожу *матерьялизмъ*, даже апоѳеозу матерьялизма". Довольно замысловато для торговца, письмо котораго носитъ явные слѣды если не безграмотности, то малограмотности (буква „ѣ" соблюдена, но слогъ мужицко-мѣщанскій), но ходъ мысли и аргументаціи именно тотъ, который я изложилъ. Такъ-какъ съ тѣмъ вмѣстѣ этотъ торгующій философъ изъ Казани высказалъ попутно въ письмѣ полную вѣру въ божественность Христа и боговдохновенность евангелій, — то я сослался просто на слова Христа: „пейте Мою кровь, ѣшьте Мою плоть—

въ жизнь вѣчную", т. е. что евхаристія (о чемъ онъ въ непостижимой торопливости забылъ) установлена вовсе не Церковью *послѣ Христа*, но *Самимъ* Христомъ. Непостижимая эта забывчивость случилась и у Толстого: и онъ евхаристію отвергалъ, *принимая Евангелія*, т. е. въ періодъ полной своей вѣры и въ Христа, и въ особливую, исключительную божественность Евангелій. Затѣмъ, кромѣ этой ссылки на авторитетъ, я представилъ и нѣкоторыя раціональныя объясненія. Корреспондентъ мой явно *гнушается плотью*, и этотъ вѣчный скопческій лейтъ-мотивъ, такъ вкорененный вообще въ христіанахъ даже самой безукоризненной ортодоксіи, былъ и настоящею почвою или побудителемъ его отрицанія евхаристіи. Я объяснилъ ему, что „Богъ создалъ *видимое* и невидимое", что это есть первая строка нашей религіи: и „видимое" столь-же достойно почтенія, почитанія, исповѣданія его *тайною*, какъ и „невидимое". Можетъ быть сомнѣнія Толстого, какъ и моего корреспондента (лавочникъ Максимовъ) довольно теперь распространены: и мои разъясненія, не удовлетворивъ или мало удовлетворивъ, ихъ разсѣютъ сомнѣнія другихъ. 1901 г.

28-го Января 1881—1901 г.

Сегодня исполнилось двадцать лѣтъ со дня кончины одного изъ самыхъ великихъ, благородныхъ, загадочныхъ и далеко еще не разъясненныхъ русскихъ характеровъ и умовъ, Ѳед. Мих. Достоевскаго. Умственныя сокровища, имъ оставленныя въ „Дневникѣ писателя", „Карамазовыхъ", „Бѣсахъ", „Подросткѣ", едва-ли тронуты критикою. Критика наша болѣе любитъ бродить „около", говорить „по поводу" и вообще излагать себя, нежели собственно приводить въ систему, подчерки-

вать, обрабатывать и освѣщать содержаніе разбираемаго писателя. Критика болѣе занимается собою, нежели литературою, и, кажется, болѣе тщеславна, нежели проницательна. Такъ, одно изъ самыхъ поразительныхъ созданій Достоевскаго, „Сонъ смѣшного человѣка“ (въ „Дневникѣ писателя“) и находящееся съ нимъ въ связи „Видѣніе золотого вѣка“ (въ „Подросткѣ“) едва-ли были въ нашей критикѣ хотя-бы названы, а не только разобраны. Обществу эти творенія вовсе почти неизвѣстны. Общество давно свело Достоевскаго къ коротенькой схемкѣ: „былъ страдалецъ“, „проповѣдовалъ милость къ падшимъ“, „истинный христіанинъ“, „проникновенный психологъ, давшій Россіи Раскольникова и Алешу Карамазова, а по сему *в. п. з. р.*“ (=„великій писатель земли русской“). Между тѣмъ Достоевскій—едва тронутый съ поверхности рудникъ мыслей, образовъ, догадокъ, чаяній, которыми долго-долго еще придется жить русскому обществу, или по крайней мѣрѣ—къ которымъ постоянно будетъ возвращаться всякая оригинальная русская душа.

Воображеніе Достоевскаго было безмѣрно, а его идеи, психологическія и метафизическія, суть идеи въ глубочайшемъ значеніи религіозныя: т. е. такія, которыя какъ принять, такъ и отвергнуть можно только съ точки зрѣнія „сердца человѣческаго, лежащаго въ десницѣ Божіей“. Идеи эти во всякомъ случаѣ переливаются за край и литературы, и въ тѣсномъ смыслѣ за края національнаго существованія. Хотя Достоевскій имѣлъ свою долю успѣха за границей, но тамъ болѣе были удивлены его странностью, поставили его на особую полку, тоже подвели итогъ „страдальцу“, „христіанину“, „защитнику падшихъ“ и „замѣчательному психологу“,— нежели сколько-нибудь успѣшно расчленили и схватили

въ цѣломъ его духовный портретъ. Но Достоевскій есть въ полномъ смыслѣ европейскій писатель, потому-что никто съ такою силою и глубиною не подвергъ критикѣ самые устои психологическаго и метафизическаго существованія Европы. У Токвиля есть книга: „L'ancien regime et la revolution"... Вотъ Достоевскій и есть такая „revolution" въ отношеніи „l'ancien regime" Европы: „revolution" еще не начавшаяся, но которой онъ положилъ твердыя основы. Въ историческій великій часъ, когда его идеи станутъ окончательно ясными и даже только общеизвѣстными (ибо, не смотря на безчисленныя изданія, мы утверждаемъ, что онъ даже и на родинѣ большою публикою еще *не прочитанъ*)—начнется идейная революція въ Европѣ. Самые столбы ея, подпочвенныя сваи, на которыхъ зиждутся ея великолѣпныя надъ-почвенныя постройки, окажутся... косо положенными и частью совсѣмъ не вѣрными.

Чтобы показать въ краткомъ штрихѣ, до чего онъ былъ проницателенъ, отмѣтимъ, что еще при Піѣ IX онъ предсказалъ поворотъ папства, совершившійся при Львѣ XIII. „Папа покинетъ безсильныхъ королей и обратится къ демократіи", „онъ сойдетъ, босой и въ веригахъ, къ четвертому сословію, и скажетъ: дѣти мои, все, о чемъ вы мечтаете и чего вы требуете—справедливо, и все это содержится въ Евангеліи; но безъ меня вы ничего не достигнете. Идите за мною и я поведу васъ". При Піѣ IX, не мечтавшемъ ни о чемъ подобномъ, все это можно было принять за галлюцинацію романиста. Но умеръ Достоевскій, умеръ Пій IX, и при Львѣ XIII галлюцинація русскаго романиста стала дѣловою программою папства. Между тѣмъ приведенный примѣръ—совершенно крошечная черточка въ необозримомъ составѣ мыслей Достоевскаго. Также ему, въ пору славы и все-

могущества Бисмарка, принадлежитъ фраза (въ „Дневн. писателя"): „Бисмаркъ отлетитъ въ сторону, какъ щепка, а Ротшильдъ и банкъ—всемірно утвердятся". Въ самомъ дѣлѣ, Ротшильдъ вотъ уже потянулся и къ Бакинской нефти, и къ кахетинскимъ виноградникамъ, а Бисмаркъ давно умеръ, покинутый, забытый, чуть не запертый послѣдніе годы въ клѣтку... Но это все, какъ ни изумительно—только незамѣтныя блестки на длинной мантіи нашего восточнаго мудреца...

Въ немъ самомъ (Достоевскомъ) было немножечко „папы": въ фанатизмѣ его идей, въ исключительности и нетерпимости его идей... Да, онъ былъ бы не прочь стать pontifex'омъ maximus'омъ „униженныхъ и оскорбленныхъ", „бѣдныхъ людей", всѣхъ этихъ Неточекъ Незвановыхъ и Соней Мармеладовыхъ. Но религіозная идея демократизма есть только первоначальная и вовсе не самая богатая въ немъ часть, не самая новая и оригинальная. Это—положительныя его мечты, розовый романтизмъ „подростка" - Достоевскаго. Въ „Бѣсахъ", „Карамазовыхъ" и „Снѣ смѣшного человѣка" онъ является намъ старцемъ-мечтателемъ, анализъ котораго точно пробуравилъ самое дно „сложенія человѣческаго", а воображеніе построяетъ совершенно новые міры и еще никогда не испытанныя и не почувствованныя схемы отношеній между людьми! Онъ такъ и называетъ это: „Сонъ! Сонъ"! Но тутъ-же прибавляетъ, что сонъ этотъ *реальнѣе* всякой дѣйствительности.. Замѣчено, что идеи Платона, грека- язычника, изложенныя въ его „Πολιτεῖα", нашли себѣ до нѣкоторой степени осуществленіе въ средневѣковой католической теократіи *). Кто знаетъ,

*) Точнѣе, Платонъ и католическіе „идеалисты" IX—XIII вѣка едва-ли не реставрировали, одинъ сознательно и другіе безотчетно, идеи египетской теократіи.

идеи христіанина - Достоевскаго, самыя несбыточныя, невѣроятныя, не найдутъ-ли для себя поприще дѣйствія тогда, когда Римъ, Парижъ и Лондонъ будутъ напоминать собою развалины Акрополя и Пальмиры, и можетъ быть въ новыхъ странахъ начнется вовсе, новая цивилизація? По крайней мѣрѣ ясно чувствуется, что какъ „Сонъ смѣшнаго человѣка“, такъ и видѣніе „Золотого вѣка“ (въ „Подросткѣ“) такъ-сказать не вмѣщаются, какъ бо́льшее въ меньшее, въ рамки Европы. Они—шире Европы, они—лучше Европы, они—счастливѣе Европы.

Еще многіе помнятъ взрывъ скорби надъ его могилою 20 лѣтъ назадъ, и вотъ сейчасъ какъ будто онъ еще не умиралъ: такъ живы его идеи, образы, занимавшіе его споры и въ наши дни. Достоевскій—весь въ движеніи сейчасъ бѣгущихъ идей. Ничто въ немъ не постарѣло; ничто не умерло. Онъ также раздражаетъ однихъ; умиляетъ другихъ. Всѣ прощаютъ великіе недостатки собственно *живописи* у него; точнѣе — гармоніи въ живописи, которая лишь въ отдѣльныхъ вершинахъ несетъ на себѣ краски точно какого-то иного міра, а на сплошномъ полотнѣ своемъ являетъ рытвины, пустыни, обвалы и пустыри. Всѣ это забываютъ: ибо слишкомъ ясно, что центръ личности его—не въ эстетикѣ, а въ мышленіи, однако въ мышленіи при помощи картинъ и образовъ, то́ зовущихъ и соблазняющихъ, то́ мучащихъ и наконецъ отталкивающихъ. Ему надъ могилою не приходится сказать: „прощай, да будетъ тебѣ земля легка!“ но—„живи! броди между живыми и буди ихъ отъ преходящихъ сновъ къ сновидѣніямъ вѣчнымъ“.

28-го Января 1901 г.

На панихидѣ по Вл. С. Соловьевѣ.

Небольшой кружокъ друзей и почитателей покойнаго Соловьева собрался 30 іюля 1901 г. въ Сергіевскомъ соборѣ, на Литейной, на панихиду по немъ. Какъ отвѣчали дивныя слова этого православнаго служенія личности и судьбѣ покойника. Просто хотѣлось еще и еще разъ выслушать слова напѣва или слова читаемой молитвы, чтобы конкретно связать ихъ съ какою-нибудь памятною его житейскою чертою или прижизненною надеждою. Они такъ связывались! „Точно чинъ панихиды для него нарочно придуманъ“: это мелькнуло у меня раза два въ церкви. Я вошелъ въ нее холодный, а ушелъ растроганный. Невольно хочется вслухъ сказать и слѣдующее пожеланіе: чтобы не ограничились ближайшіе личные друзья или родные Соловьева этою одною годовою, формально почти требующеюся, панихидою, но и въ слѣдующіе годы не поскучали бы заказать такую же панихиду и оповѣстить о ней черезъ газеты. Его память очевидно горячо хранится и очевидно она долго сохранится. Для него же,—какъ представляется духовный и даже физическій его ликъ,—никакой разборъ его трудовъ или литературное прославленіе не надобны такъ и такъ горячо не желательны, какъ простая заупокойная литургія.

Вотъ ужъ былъ странникъ въ умственномъ, идейномъ и даже въ чисто бытовомъ, такъ сказать жилищномъ отношеніи! Сынъ профессора, съ большими правами на каѳедру, онъ не получилъ „по независящимъ обстоятельствамъ“ каѳедры; внукъ священника, посвятившій памяти дѣда „Оправданіе добра“, онъ былъ крайне стѣсненъ въ своихъ желаніяхъ печататься въ академическихъ духовныхъ журналахъ; журналистъ, онъ

несъ религіозныя и церковныя идеи, едва ли встрѣчая для нихъ распахнутыя двери въ редакціяхъ. Онъ пробирался въ щелочку, садился пугливымъ гостемъ, готовымъ вотъ-вотъ вспорхнуть и улетѣть со своимъ двусмысленнымъ смѣхомъ. Какой странный у него былъ этотъ смѣхъ, шумный и можетъ-быть маскирующій постоянную грусть. Если кому усиленно не было причинъ „весело жить на Руси", то это Соловьеву. И гдѣ онъ жилъ, въ Москвѣ ли, въ Петербургѣ ли, у себя ли, у пріятелей? Кажется, онъ чувствовалъ себя въ родномъ гнѣздѣ только у Иматры, которую такъ часто любилъ посѣщать. Должно-быть шумъ водопада и его фантастическій видъ, особенно зимою, возбудительно, и хорошо возбудительно, на него дѣйствовали. Онъ такъ воспѣлъ его, и біографически самъ такъ съ нимъ связался, что хочется переименовать это мѣстечко угрюмой Финляндіи въ „водопадъ Соловьева".

Дѣдовская священническая кровь, учено-университетскія заботы отца, и, наконецъ, весь духовный пластъ нашихъ шестидесятыхъ годовъ, съ ихъ хлопотливыми затѣями, шумными отрицаніями и кореннымъ русскимъ „простецкимъ" характеромъ—отразились въ Соловьевѣ. Онъ былъ какой-то священникъ безъ посвященія, точно несшій обязанности, и именно литургическія обязанности, на себѣ. Это замѣтно было въ его психологіи. Точно онъ съ вами говоритъ-говоритъ, а вотъ придетъ домой, надѣнетъ епитрахиль и начнетъ готовиться къ настоящему, должностному, къ завтрашней „службѣ". Ссылки на Священное Писаніе, на мнѣнія отцовъ церкви, на слова какого-нибудь схимника-„старца" постоянно мелькали въ его разговорѣ. Рядомъ съ этимъ у него былъ, хотя не столь коренной, интересъ къ университету, къ состоянію науки, къ ученымъ корпора-

ціямъ. Сюда примыкала его (не долгая и случайная) лекціонная сторона. Онъ любилъ читать лекціи и читалъ ихъ мастерски. Университетъ нашъ потерялъ въ немъ одно изъ возможныхъ своихъ свѣтилъ, потерялъ огромное возможное вліяніе на студентовъ, и вліяніе идеалистическое, философское. Тутъ ужъ приходится посѣтовать на „неблагопріятное расположеніе созвѣздій", гдѣ было рѣшено, что пусть ужъ лучше читаетъ хоть вахмистръ, а только не возбудительный умъ. „Тише ѣдешь, дальше будешь" — русская мудрость. Наконецъ, изъ-за священника и профессора у него вырывалась личность журналиста, самая бойкая, перемѣнчивая, то колющая, то плачущая, крикливая, самонадѣянная: настоящій парѳянскій наѣздникъ, который не давалъ успокаиваться дремлющему и самодовольному Риму. Въ образѣ мыслей его, а особенно въ пріемахъ его жизни и дѣятельности, была бездна „шестидесятыхъ годовъ", и нельзя сомнѣваться, что хотя въ „Кризисѣ западной философіи" и выступилъ онъ „противъ позивитизма", т. е. противъ нихъ,— онъ ихъ однако горячо любилъ и уважалъ, любилъ именно какъ „родное", „свое". Онъ былъ только чрезвычайно даровитый и разносторонній „шестидесятникъ", такъсказать король того времени, не узнанный среди валетовъ и семерокъ. Духовная структура знаменитой реформаціонной эпохи была въ значительной степени и у Соловьева.

Онъ началъ писать въ семидесятыхъ годахъ. И съ людьми 80—90 годовъ онъ уже значительно расходился. Это второе, послѣ-реформаціонное поколѣніе, было значительно созерцательнѣе его. У Соловьева было явное желаніе завязать съ нимъ связь, но она не завязывалась, несмотря на готовность и съ другой стороны. Въ этомъ второмъ поколѣніи было замѣтно менѣе желанія дѣй-

ствовать, а Соловьевъ не умѣлъ жить и не дѣйствовать. Какъ-то онъ мнѣ сказалъ о себѣ, что онъ—„не психологъ“. Онъ сказалъ это другими словами, но замѣтно было, что онъ жалѣлъ у себя о недостаткѣ этой черты. Дѣйствительно, въ немъ была нѣкоторая слѣпота и опрометчивость конницы, сравнительно съ медленной и осматривающейся пѣхотой или артиллеріей. Во всемъ онъ былъ застрѣльщикомъ. Многое началъ, но почти во всемъ или не успѣлъ, или не кончилъ, или даже вернулся назадъ. Но если были неудачны его „концы“, то были высоко даровиты и нужны для отечества и славны для его имени выѣзды, „начатки“, первые шаги...

Замѣтно, какъ образъ его улучшается, очищается послѣ смерти; какъ и передъ самою смертью онъ быстро становился лучше, какъ будто именно пріуготовлялся къ смерти. Разумѣемъ здѣсь его отреченіе отъ горячихъ и не подготовленныхъ попытокъ къ церковному „синтезу“ и вообще быструю его національзацію. Внукъ дѣда-священника вдругъ сталъ быстро скидывать съ себя мантію философа, арлекинаду публициста. „Схиму, скорѣе схиму!“—какъ будто только не успѣлъ договорить онъ, по примѣру старо-русскихъ людей, московскихъ людей. И хорошо, что онъ умеръ около Москвы, москвичемъ. Тамъ ему мѣсто—около сердца Россіи.

Мы же не забудемъ еще и еще поминать его, и именно церковно поминать. Повѣримъ, что это было самое горячее его прижизненное желаніе. 1901 г.

Скептическій умъ.

Пятое изданіе книги К. П. Побѣдоносцева „Московскій Сборникъ“ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя добавленія сравнительно съ предыдущими изданіями. Это—

прежде всего небольшая и яркая статья, направленная главнымъ образомъ противъ идеи „сверхъ-человѣка“ и вообще нитцшеанства: „Новое христіанство безъ Христа“; три новыя главы въ „Болѣзняхъ нашего времени“ и статья С. Рачинскаго: „Древніе классическіе языки въ школѣ“. Сборникъ, какъ извѣстно, не весь оригиналенъ: въ немъ намъ встрѣчается прелестное стихотвореніе „Старые листья“—изъ Саллета, выдержка о безсознательной жизни душъ—изъ Каруса, переводы изъ Гладстона, Карлейля и Эмерсона. Но если, такимъ образомъ, не все въ этомъ „Сборникѣ“ принадлежитъ лично его автору, то тѣмъ не менѣе „Сборникъ“ есть высоко цѣльная книга, проникнутая совершеннымъ единствомъ духа. Каждый человѣкъ много думаетъ и много читаетъ. Если это въ то же время серьезный человѣкъ, то читаемое и найденное самостоятельно у него сливается въ одинъ комъ, гдѣ онъ не умѣетъ и не хочетъ различать свое и чужое. Самолюбіе авторства отходитъ на второй планъ передъ величіемъ темъ.

„Сборникъ“ этотъ прелестенъ по языку, краткости статей и по важному ихъ содержанію. Это какъ бы листки записной книжки, но безъ небрежности изложенія: всѣ статьи одушевлены и чистосердечны именно какъ страницы дневника. Невозможно читать эту книгу и нѣсколько не заражаться ею. Почти каждый годъ появляется ея новое изданіе, и нѣтъ причинъ думать, чтобы успѣхъ ея сталъ меньше, когда ея авторъ перестанетъ быть живымъ и дѣйствующимъ лицомъ. Мы скажемъ и похвалу и нѣкоторое порицаніе, если сравнимъ книгу съ „Баснями Крылова“, книгой поучительной, читаемой, народной, но нѣсколько элементарной. Отсутствіе слишкомъ большой сложности хода мышленія составляетъ недостатокъ ея построенія. Въ записной книжкѣ не доказываютъ,

не убѣждаютъ, но вдохновенно летятъ впередъ и увлекаютъ самымъ этимъ полетомъ. „Сборникъ“ имѣетъ чарующую прелесть для сердца, но уму вездѣ хочется съ нимъ спорить, и, да не будетъ это обидно для автора, умъ часто чувствуетъ крайнюю легкость опрокинуть этотъ симпатичный полетъ благороднаго скорбнаго мыслителя. Онъ, напр., называетъ „великою ложью нашего времени“ выборные, голосовательные и т. п. „говорильные“ принципы западной цивилизованной жизни. Пусть. Мы не за нихъ. Но достаточно указать автору на параллели эпохи Аракчеева и Клейнмихеля съ временемъ Питта и Каннинга, чтобы заставить его или умолкнуть, или сознаться, что есть принципы гораздо худшіе „говорильныхъ“. Это только одинъ изъ примѣровъ „кстати“...

На пространствѣ всѣхъ 366 страницъ книга полна явнаго или тайнаго вздоха. Невозможно безъ волненія прочесть эти строки въ ней:

Срывая съ дерева засохшіе листы,
Вы не разбудите заснувшую природу,
Не вызовете вы, сквозь снѣгъ и непогоду,
Весенней зелени, весенней теплоты!

Придетъ пора—тепло весеннее дохнетъ,
Въ застывшихъ сокахъ жизнь и сила разольется,
И самъ собою листъ засохшій отпадетъ,
Лишь только свѣжій листъ на вѣткѣ развернется.

Тогда и старый листъ подъ солнечнымъ лучомъ,
Почуявъ жизнь, придетъ въ весеннее броженье:
Въ немъ—новой поросли готовится наземъ,
Въ немъ свѣжій сокъ найдетъ младое поколѣнье...

Читателю въ строкахъ этого стихотворенія невольно слышится ретроспектный взглядъ его переводчика на себя. Подъ осень, соки въ деревѣ идутъ въ обратномъ

направленіи сравнительно съ тѣмъ, какъ шли весною. И вотъ этимъ „обратнымъ направленіемъ“ полна разсматриваемая книга. Но природа имѣетъ свои законы; они—есть у дерева, и есть у временъ года. И осень для того, кто умѣетъ ее видѣть, понимать и цѣнить, можетъ быть почти также хороша какъ и весна. „Обратное направленіе“, которое вызвало бы у насъ бурный протестъ, будь то высказано кѣмъ-нибудь другимъ,—въ К. П. Побѣдоносцевѣ исполнено такой природности, неодолимости, ума, своезаконности, что мы только говоримъ: „Ну, что-жъ, осень! Что дѣлать—осень! Нѣтъ душистыхъ розъ, но есть эти красивыя, кожистыя, вѣчныя астры. Остановимся надъ ними и насладимся зрѣлищемъ“.

Но какъ горько, что авторъ чуждъ той природной вѣры, которая и составляетъ характерный моментъ весенней души. Весна провидитъ осень и сборъ плодовъ, но осень видитъ уже только зиму. Взоръ автора или „составителя“ „Сборника“ весь обращенъ къ прошлому. Прошлое есть его поэзія, его утѣшеніе. Въ будущемъ онъ ничего не видитъ, для будущаго онъ не имѣетъ надеждъ. Какъ это горько читателю, дѣятелю, каждому! Горько за автора, горько за будущее. Въ будущее легче было бы идти, имѣя другомъ этотъ опытный умъ, а астры, конечно, имѣли бы внутреннее счастье, благоухая какъ розы. Но нѣтъ этого. Между авторомъ и читателемъ нѣтъ мира. Сердца ихъ враждуютъ, борются. А какъ хотѣлось бы быть вмѣстѣ!

И счастье было такъ возможно...
Такъ близко...

Неужели,—обратимся мы къ автору, — люди такъ глупы и непоправимо глупы, что могутъ только сломать шею, идя впередъ? Неужели люди такъ дурны въ обыкновенномъ и пошломъ смыслѣ, что если они хотятъ

идти впередъ, то дѣлаютъ это какъ злые и испорченные мальчишки, только съ намѣреніями дебоша, а не чего-нибудь прекраснаго? Какъ можно не вѣрить въ человѣка? И особенно не вѣрить въ него, озирая столь сложный узоръ временъ и событій, какой пронесся передъ авторомъ? И можемъ ли мы думать, что онъ, въ длинной чредѣ лѣтъ, не встрѣчалъ людей высокаго сердца, большой чистосердечности, обширнаго ума? Его небольшая книжка „Вѣчная память“ опровергаетъ такое предположеніе. А между тѣмъ „Московскій Сборникъ“ весь дышетъ недовѣріемъ къ людямъ, и какъ къ толпѣ, и индивидуально. Онъ не былъ бы написанъ или имѣлъ бы совершенно другой колоритъ, если-бы авторъ не извѣрился въ величайшемъ сокровищѣ міра, въ человѣческой душѣ! Горько это. Страшно. А главное—ошибочно. Авторъ какъ бы разсматриваетъ все худое въ увеличительное стекло, а все доброе въ отраженіи вогнутаго уменьшающаго зеркала. Онъ не имѣетъ объективно спокойной картины передъ собою и заразился скептицизмомъ относительно того, о чемъ невозможно и наконецъ грѣшно, порочно сомнѣніе.

„Московскій Сборникъ“—*грѣшная* книга, вотъ наше resumè. Она полна скептицизма и проистекающей изъ него печали. „Духъ же *уныія*, любоначалія и празднословія отжени отъ меня“, молится Церковь. Безъ психологическаго момента вѣры, безъ способности уповать, надѣяться, безъ нѣкоторой святой наивности—невозможна вообще религія; за то въ комъ эта вѣра утвердится, то она выростетъ, какъ зерно горчишное въ цѣлый лѣсъ довѣрчивыхъ и любящихъ отношенія къ людямъ, къ государству, къ природѣ, къ событіямъ! „Ангелъ Іеговы“,—приведу библейское выраженіе,—ведетъ народы къ битвамъ, къ миру, къ открытіямъ, успѣхамъ,

и запрещаетъ имъ остановиться. Гдѣ же и быть Богу, гдѣ же Ему и сказаться, какъ не въ исторіи? Вѣдь есть же Провиденціальность? А это другое имя Бога, и только грѣшный отвергнетъ въ исторіи Промыслъ. Поэтому историческое уныніе, политическое уныніе есть грѣхъ. Между тѣмъ такимъ-то унынiемъ и полна изящная и малодушная книга, которую мы разсматриваемъ.

Она полна общими идеями. Но средоточіе всѣхъ идей, самъ человѣкъ, во всѣхъ подробностяхъ его конкретнаго и милаго образа, забытъ, обойденъ въ ней. Авторъ, напр., хочетъ безсмертнаго человѣка, т. е. онъ хочетъ безсмертія души человѣческой. И въ длинномъ извлеченіи изъ Каруса онъ передаетъ ощущенія умирающаго, ощущенія возрастающаго оживленія и радости: и такъ какъ эти ощущенія—предсмертныя, то онъ считаетъ „доказаннымъ“, что мы воскресаемъ во вторую и лучшую жизнь. Хорошо. Догматъ безсмертія души утвержденъ. Но если бы онъ съ такими же подробностями передалъ, положимъ, жизнь Пастера, напр., разсказъ о томъ, какъ имѣя на рукахъ ребенка, умершаго отъ укуса бѣшеной собаки, онъ на нѣсколько лѣтъ отложилъ въ сторону всѣ научныя работы и предался изысканію средства противъ ужаснаго этого страданія, и наконецъ нашелъ его,—то онъ показалъ бы и доказалъ читателямъ еще важнѣйшую истину, что человѣкъ есть любящее существо и что его самого стоитъ любить. Авторъ любитъ многіе институты: церковь, отечество, законъ; больше всего—церковь и древность. Но человѣка въ его индивидуальности? Не видимъ этого. Человѣкъ представляется ему несчастнымъ червякомъ, который ползаетъ въ великомъ мавзолеѣ исторіи. Это бѣдное и невѣрное представленіе, и просто оно основано на незнаніи *подробностей* въ человѣкѣ.

Книга вообще не имѣетъ въ себѣ подробностей. Это —отвлеченная книга, и ея отвлеченность тѣмъ болѣе мучительна, что это — не отвлеченія ума, а отвлеченія сердца. „Церковь“, „государство“, „законъ“, „прошлое“, „будущее“, „настоящее“, „характеры“ (самые общіе, схематическіе)—вотъ рубрики, по которымъ движутся эти плоды

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Но вы не найдете въ ней собственнаго имени, любующагося на человѣка разсказа. На всемъ ея протяженіи нигдѣ не попадается анекдота, смѣха; а вѣдь смѣхъ примиряетъ, а вѣдь смѣхъ есть добрая черта въ человѣкѣ. И совершенное отсутствіе даже намека на него есть въ этой книгѣ зловѣщій признакъ.

Она вся серьезная и сплошь серьезная. Я сказалъ, что въ ней нѣтъ подробностей. Это не только въ смыслѣ очерка, но и въ смыслѣ разсужденія. Онъ пишетъ, напримѣръ, „Болѣзни нашего времени“ (16 главъ). Копается ли онъ съ усердіемъ Захарьина, съ осторожностью Захарьина въ этихъ болѣзняхъ? Онъ поступаетъ какъ магъ. Развернулъ широкое полотно и начерталъ узоръ своихъ вздоховъ, не объясняя, не доказывая, почти только поэтизируя. Всѣ его статьи похожи на resumé предсѣдателя суда: въ нихъ нѣтъ пренія сторонъ, борьбы защиты и обвиненія, и, главное, не представлены самые матеріалы судебнаго разбирательства, разсказы и свидѣтельства очевидцевъ-обывателей. Я говорю — это рядъ знойныхъ схемъ, почти безъ всякаго фактическаго матеріала.

За четверть вѣка нашей литературы это одна изъ самыхъ прелестныхъ, до извѣстной степени обворожительныхъ по изложенію, по стилю, по темамъ и постро-

нію книгъ. Поэзія и мысль сплели узоръ ея страницъ. Но по отсутствію Захарьинскаго усердія къ темамъ, пусть бы лучше ужъ неуклюжаго, но основательнаго, это есть неубѣдительная и даже чуть-чуть поверхностная книга. Невозможно касаться такихъ серьезныхъ и до извѣстной степени страшныхъ темъ въ блестящихъ очеркахъ по 15, по 20 и часто гораздо менѣе страницъ. Мы не довѣряемъ предсѣдателю, когда онъ не далъ намъ выслушать ни судоговоренія, ни матеріала фактовъ. Мы его resumé прослушали, но не хотимъ ему слѣдовать. Тутъ онъ виновенъ, а не читатель. Читатель видитъ передъ собою прекрасные... миражи слова, затѣйливыя башенки, журчащіе ручьи, пальмы и горы; но все это—fata-morgana, опрокинутая въ небѣ надъ знойной и безлюдной и страшной пустыней. Эту пустыню образуютъ: скептицизмъ, неуваженіе къ человѣку, и плодъ ихъ—уныніе. Книга эта—привлекательный собесѣдникъ для человѣка, но не теплый другъ человѣка. Навѣваемое уныніе парализуетъ человѣка, отнимаетъ силы у читателя, у возможнаго дѣятеля. Вздохи автора отдаются резонансомъ и въ груди этого читателя,—родятъ въ ней свои, другіе вздохи. Онъ выростаетъ въ собственныхъ глазахъ, пріобщившись всей этой умственной роскоши, умственнаго изящества. Но эти пріобрѣтенія читателя никогда не будутъ пріобрѣтеніями общества. Въ читателѣ и особенно въ почитателѣ названной книги общество скорѣе потеряетъ здороваго, нужнаго, бодраго труженика, обогатившись однимъ лишнимъ меланхоликомъ. И счастливъ тотъ осмотрительный читатель, который, ухватясь за здравый смыслъ и вѣру въ Бога, „провздыхавъ“ всѣ 365 страницъ, на послѣдней 366-й скажетъ: „Э, ну ихъ, эти страхи! Бояться волка—въ лѣсъ не ходить! Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ“.

1901 г.

К. П. Побѣдоносцевъ. *Воспитаніе характера въ школѣ.* С.-Петербургъ. 1900. Цѣна 10 к.

Авторъ книжки — великій любитель теорій. Все теоретическое его привлекаетъ; восхищаетъ, когда оно планомѣрно и упорядочено; вызываетъ гнѣвъ, когда оно не упорядочено. „Умная жизнь"—вотъ заголовокъ, который можно было бы дать всей серіи книгъ и переводовъ, имъ изданныхъ. При этомъ онъ настолько проницателенъ, что, конечно, видитъ, что однимъ умомъ не проживешь, и онъ „входитъ съ умомъ" въ міръ инстинктовъ, сердца, воли, даже страстей, пытаясь упорядочить и связать въ умный механизмъ самые эти инстинкты и сердце. Таково и лежащее передъ нами „Воспитаніе характера въ школѣ", собственно переводъ статьи г. Barnet — „Common sense in education and teaching". London. 1899. Статья очень методично подвигается по рубрикамъ школьной жизни и вездѣ даетъ совѣты, въ умѣ и правильности которыхъ нельзя усомниться. Какъ у людей, почти обремененныхъ умомъ, у автора и переводчика есть скептицизмъ къ самому уму, недовѣріе къ его творческимъ силамъ, сознаніе роли его, какъ только умнаго воспитателя около геніальнаго ребенка. Этотъ геніальный ребенокъ—инстинкты, сердце, душа, страсти.—Что̀ выйдетъ изъ нихъ? Воспитатель трепещетъ. Сильнѣе и сильнѣе онъ напрягаетъ морщины чела, чтобы къ каждому шагу необузданнаго созданія придумать... не правило — такъ поступаютъ глупцы, но принципъ, т.-е. нѣчто эластичное — такъ поступаютъ мудрецы. Всѣ труды г. Побѣдоносцева и суть принципы и принципы, ткань „умной сѣтки", изъ которой геніальный ребенокъ не вывалился бы. Намъ думается, однако, что зерно инстинктивныхъ сторонъ,

„душа“ души человѣческой для него все-таки темна и непроницаема въ томъ поэтическомъ и неуловимомъ свѣтѣ, которымъ она единственно живетъ и существуетъ. Огромная разница между „управлять инстинктами“ и „имѣть инстинкты“. Чрезмѣрное неравенство между „управлять“ и „имѣть“ порождаетъ осторожность, неувѣренность и вообще подсѣкаетъ крылья въ тѣсномъ смыслѣ творчества. Инстинктъ—*вѣритъ*, потому что онъ *есть;* умъ—не вѣритъ, потому что онъ только видитъ, что *кто-то* есть, и не знаетъ точныхъ границъ этого „есть“, ни силъ его, ни вообще природы. Жизнь, исторія—непремѣнно творятся вѣрою; безъ вѣры—ни шагу, не только въ религіи, но между прочимъ даже и въ политикѣ. Я повторяю, что вѣра есть великое ощущеніе сердцемъ просто избытка въ себѣ бытія—того, что оно просто есть: „я *есмь* и вотъ—я иду впередъ“. Этого нельзя создать и этого нельзя замѣнить никакою критикою, какъ бы она могущественна и утончена ни была, ни какою теоріею и теоретизмомъ.

Во Франціи былъ великій теоретикъ Буало, авторъ „L'art poëtipue“, имѣвшій огромное вліяніе на современныхъ и послѣдующихъ поэтовъ, но самъ не поэтъ. Вотъ примѣръ и вотъ мѣрило, которое мы хотѣли бы и которое въ правѣ приложить къ переводчику разбираемой брошюры. Если около порывистыхъ современныхъ ему умовъ, изъ которыхъ всѣ *критически* были гораздо ограниченнѣе и грубѣе К. П. Побѣдоносцева, поставить его, то онъ будетъ около нихъ, какъ Буало около Расина или Корнеля; а всѣ его труды можно озаглавить: „L'art politique, pedagogique et religieux de vivre très prudement et solidement“. Нѣкогда греческій философъ Платонъ написалъ двѣ книги—теоретическую „Республика“ и практическую; „Законы“; незамѣтно и безсознательно этотъ

замыселъ Платона все обдумать и для всего начертать планъ, „предначертать жизнь“ — живетъ и въ знаменитомъ современномъ намъ государственномъ человѣкѣ, и живетъ съ этимъ же раздѣленіемъ точныхъ практическихъ указаній и болѣе высокихъ духовныхъ полетовъ. Но какъ въ однихъ, такъ и въ другихъ есть одна господствующая страсть, уже почти въ силѣ и яркости инстинкта,—управлять, направлять. Въ сущности это есть черта любви къ человѣку, заботы о человѣкѣ. „Тебѣ безъ меня будетъ хуже“. Да, мы вѣримъ, что въ великихъ политикахъ живетъ любовь; и грустная сторона ихъ существованія заключается въ томъ, что самое положеніе управляющаго заставляетъ политика хорониться въ лучшихъ своихъ чувствахъ, и главный мотивъ ихъ дѣятельности, какъ совершенно задрапированный, остается неизвѣстенъ никому, а потому—безъ отвѣта и нераздѣленъ. Это—дядьки безъ благодарности воспитанника. „Воспитанникъ“ чувствуетъ себя только измученнымъ муштрованіемъ, наставленіями, правилами и принципами „долгой и счастливой жизни“, „жизни добродѣтельной и разсудительной“. Намъ кажется, у Пушкина есть хорошій стихъ обо всемъ этомъ, т. е. объ этихъ учителяхъ, отъ Платона до г. Побѣдоносцева:

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много!
Неравная и рѣзвая семья!
Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.
Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.
Ея чела я помню покрывало,
И очи свѣтлыя, какъ небеса.
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.

Этого психологическаго несоотвѣтствія между критическими, дисциплинарными, регистрирующими способностями человѣка и между его непосредственною субъективностью—трудно избѣжать, никто его не сумѣлъ преодолѣть. Какую бы это боль не причиняло „регистраторамъ человѣчества“, но и субъективисты имѣютъ тоже свою боль, какъ и законы своего движенія. Тутъ можетъ быть соглашеніе, компромиссъ, но о побѣдѣ нечего и мечтать; да и въ самой выработкѣ параграфовъ компромисса податливость и уступка должна идти отъ критическихъ способностей, ибо человѣческая субъективность, сумма человѣческихъ инстинктивныхъ даровъ всегда можетъ, вглядываясь въ непроницаемую будущность, сказать о себѣ, насмѣшливо щурясь, стихомъ Лермонтова:

Здѣсь—я *владѣю*, я—*люблю*,

т. е. *будущность* и *фактъ* принадлежатъ во всякомъ случаѣ творчеству и непосредственному факту, принадлежатъ такъ сказать Расинамъ и Корнелямъ политики, а не Буало политики.

Изъ оклеветанной книги.

Во всемірной литературѣ мало есть книгъ, которыя несли бы на себѣ такое множество обвиненій, какъ знаменитый „Талмудъ“. Каждому, незнакомому съ нимъ, представляется, что это какая-то черная книга, исполненная непонятнаго въ одной половинѣ и злобнаго въ другой. Но вотъ я, русскій и христіанинъ, уже не первый годъ читаю выходящій аккуратно томъ за томомъ знаменитый этотъ сборникъ въ тщательномъ переводѣ еврея-филолога Переферковича, и до сихъ поръ не нашелъ тамъ ничего ни злобнаго, ни темнаго. Талмудъ—это сплош-

ная забота объ евреяхъ ихъ великихъ древнихъ учителей. Здѣсь есть предметъ для зависти всякой націи: „о, если бы и мы уже тысячу лѣтъ назадъ имѣли подобную заботу о себѣ своихъ учителей и своихъ законодателей". Не пришлось-бы тогда Чехову писать своихъ „Мужиковъ", Толстому—„Власти тьмы" и, можетъ, Максимъ Горькій выбралъ-бы для себя болѣе мягкій псевдонимъ. Такимъ образомъ здѣсь есть предметъ для зависти. Но какой-же для упрека?! Пусть каждый народъ имѣетъ о себѣ ту заботу, какую онъ только въ силахъ имѣть! Кто знаетъ, можетъ быть сохраненный въ силахъ и здоровьи, онъ когда-нибудь придетъ на помощь другимъ народамъ, не имѣвшимъ о себѣ этихъ предохранительныхъ заботъ.

Правда, евреи вездѣ представляются въ „Талмудѣ" исключительнымъ избраннымъ народомъ. Но развѣ мы не читаемъ о томъ-же въ Библіи, которая черезъ это не становится для насъ ненавистною книгою? И развѣ, говоря „Святая Русь",—чего мы ни о какой странѣ не произносимъ,—мы не выражаемъ въ сущности аналогичной мысли? Намъ лично всегда казалось, что знаменитое „избраничество" евреевъ показываетъ только, что ихъ такъ называемый „монотеизмъ" далекъ отъ того отвлеченнаго значенія и доктринерскаго ригоризма, который придали ему европейскіе ученые, не знающіе хорошенько, о чемъ они говорятъ. Ихъ монотеизмъ есть просто формула для словъ: „Ты—у меня *единственный* богъ", какъ-бы: „*одна* моя надежда", „*одинокое* прибѣжище". *Чрезмѣрность* любви европейскіе ученые смѣшали съ *единоличностью*, и притомъ универсальною, любимаго существа. Хотя соперничество еврейскаго „бога" съ „ваалами", и побѣды его—уже могли бы показать, что, по представленію самихъ евреевъ, ихъ пророковъ и Моисея, много

разныхъ „боговъ“ старалось овладѣть сердцемъ „избраннаго народа“. Соперничество невозможное при „едино“-Божіи въ нумераціонномъ смыслѣ. Кто же, кромѣ Христа, владѣетъ или пытается овладѣть сердцемъ европейцевъ? „Адонай“ евреевъ чрезвычайно далекъ отъ той отвлеченной универсальности, какую придавалъ „Первому Двигателю“ міра Аристотель, или „Міровому Разуму“— Платонъ, и какую имѣетъ „Существо единое, вѣчное, всеблагое“ и проч. средневѣковыхъ схоластовъ. Это „богъ“ не столь великій и болѣе теплый. Дыханіемъ Его согрѣтъ Израиль, но только—Израиль. Къ другимъ народамъ Онъ не имѣетъ отношенія, иначе какъ косвеннаго и большею частью отрицательнаго. „Іегова“ есть Богъ Израиля, Господинъ Сіона, живущій въ храмѣ Соломоновомъ: и нельзя смотрѣть иначе, какъ на искусственную работу, на попытку перевести Его въ гордые и холодные труды мнимыхъ европейскихъ монотеистовъ; я же скорѣе сказалъ-бы—„европейскихъ алгебристовъ“. Ибо гораздо болѣе похоже на дѣло, что европейцы не имѣютъ никакого Бога у себя въ сердцѣ, и эту пустоту, умственную и сердечную, наполняютъ чисто абстрактнымъ именемъ „Богъ“. Но не стану дальше углубляться въ эту безконечную тему, а лучше разскажу что-нибудь изъ книги законовъ древняго и любопытнаго народа.

Читая „Талмудъ“, я не могъ не отмѣтить нѣкоторыя мѣста, которыя меня тронули своею нѣжностью, или простодушіемъ и деликатностью, иногда — глубиною. Вотъ, напр.,—слова одной молитвы:

„Благословенъ Ты, Господи, Боже нашъ, Царь вселенной, *создающій плодъ лозы виноградной*“. Это читается въ Пасху. Или вотъ, въ этотъ же день, „славословіе празднику“:

„Благословенъ Ты, Господи, Боже нашъ, Царь все-

ленной, избравшій насъ изъ всѣхъ народовъ и возвысившій насъ надъ всѣми языками и освятившій насъ своими заповѣдями. Ты далъ намъ, Господи, Боже нашъ, *съ любовью празднества на веселіе, праздники и праздничныя времена на ликованія*, и сей день праздника опрѣсноковъ, время нашего освобожденія, *священное собраніе*, въ память исхода изъ Египта. Ибо насъ Ты избралъ, и насъ освятилъ изъ всѣхъ народовъ, и святыя празднества Твои Ты далъ намъ *съ любовью и благоволіемъ на радость и ликованіе. Благословенъ Ты, Господи, освящающій Израиля и праздничныя времена*"! (отдѣлъ „Моэдъ", трактатъ „Песахимъ").

Не правда ли, какой прекрасный, тихій и благородный тонъ. Просто это есть радованіе о себѣ и въ себѣ, безъ всякихъ угрозъ кому-нибудь. Превознесеніе себя есть любованіе на себя; и идея, что они ближе всѣхъ къ Богу — есть тоже, что позволительная мысль христіанъ, что они ближе всѣхъ къ Христу.

Вотъ еще два афоризма: „глупый благочестивецъ, хитрый нечестивецъ и удары (или мученія) фарисеевъ губятъ міръ" (трактатъ „Сота"). Фарисеи, т. е. постники и законники, которые все преувеличивали, вообще порицаются въ Талмудѣ. Вотъ интересный діалогъ касательно ихъ, ведшійся послѣ разрушенія Іерусалима, и записанный въ одномъ объясненіи къ Мишнѣ: „Когда былъ разрушенъ второй храмъ, размножились фарисеи („подвижники"), которые не ѣли мяса и не пили вина. Съ ними вступилъ въ бесѣду равви Іисусъ (конечно— не Іисусъ Христосъ). Онъ сказалъ имъ: „дѣти мои, почему вы не ѣдите мяса и не пьете вина"? Они отвѣчали: „какъ намъ ѣсть мясо, когда теперь прекратилась утренняя жертва, приносившаяся ежедневно? Какъ намъ пить вино, когда она шло на возліяніе на жертвенникъ, а

теперь возліянія прекратились"? Онъ отвѣтилъ: „въ такомъ случаѣ мы не должны ѣсть ни фигъ, ни винограда, такъ какъ отъ нихъ приносились первинки въ Пятидесятницу; мы не должны ѣсть и хлѣба, потому-что отъ него приносилось два хлѣба и хлѣбы предложенія! мы не должны пить воду, потому что она шла на возліяніе въ праздникъ Кущей"! Они молчали. Онъ сказалъ имъ: „дѣти мои, придите и я скажу вамъ: совсѣмъ не печалиться нельзя, но и слишкомъ скорбѣть нельзя; человѣкъ пусть бѣлитъ домъ свой известью, но пусть оставляетъ небольшое мѣсто небѣленнымъ въ воспоминаніе объ Іерусалимѣ; пусть онъ приготовляетъ все, что требуется для пиршества, но пусть сдѣлаетъ малое опущеніе въ воспоминаніе объ Іерусалимѣ; пусть женщина украшаетъ себя, но пусть сдѣлаетъ небольшой въ этомъ изъянъ въ воспоминаніе объ Іерусалимѣ, ибо сказано въ псалмѣ: *если я забуду тебя, Іерусалимъ, забудь меня десница моя; прилипни языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалима во главѣ веселія моего"*; а всякій, кто скорбитъ о Іерусалимѣ, удостоится увидѣть радость его, какъ сказано у Исаіи: *возвеселитесь съ Іерусалимомъ и радуйтесь о немъ, всѣ любящіе его: возрадуйтесь съ нимъ всѣ, сѣтовавшіе о немъ"* (трактатъ „Сота").

Какъ это деликатно и умѣренно! Въ тонѣ древнихъ евреевъ вообще есть что-то, напоминающее (мнѣ, по крайней мѣрѣ) Монтекки и Капулетти. Капельный народецъ маленькой Сиріи, со своими праздниками, всемірной миссіей, надеждами, разочарованіями, пророками, храмомъ и скрижалями завѣта, что̀ все развѣялъ безъ труда Римскій вѣтеръ,—представляются чѣмъ-то маленькимъ, субъективнымъ, въ высшей степени частнымъ на громадномъ фонѣ всемірно-историческихъ движеній. Это

именно тоже, что княжескіе роды Вероны передъ папствомъ и Священной Римской имперіей. Но подобно тому, какъ всего только краткій эпизодъ изъ біографіи Монтекки и Капулетти, разсказанный Шекспиромъ, волнуетъ насъ болѣе, нежели чтеніе увѣсистыхъ томовъ, куда записаны войны и интриги Гогенштауфеновъ и честолюбивыхъ папъ, — такъ исторія уголка Сиріи около Ливана заключаетъ больше теплоты и поэзіи, чѣмъ исторія огромныхъ Рима или Македоніи.

Позволимъ себѣ предложить читателю одну коротенькую легенду, ютящуюся на почвѣ Талмуда о великомъ Гиллелѣ. Онъ, вмѣстѣ съ Шамаемъ, былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ толкователей Писанія. „Школа Гиллеля“ и „школа Шамая“ суть выраженія раввинской науки, которымъ подобныя мы найдемъ только у европейцевъ въ выраженіяхъ: „школа Бэкона Веруламскаго“, „школа Декарта“. Вотъ этотъ разсказъ, безъ всякаго переиначиванія съ нашей стороны:

„Во время существованія второго храма въ Іерусалимѣ жилъ великій учитель, по имени Гилелль. Этотъ Гиллель до того былъ беззлобенъ и смиренъ, что никто и ничто въ мірѣ не могло разсердить его. Его смиреніе даже вошло въ пословицу: „смиренъ какъ Гиллель“—бывало говорятъ про человѣка смирнаго характера.

„Разъ какъ-то сошлись двое пустыхъ и вѣтренныхъ молодыхъ людей, оба обладавшіе лишними деньгами, и начали спорить между собой о смиренномъ Гиллелѣ. Одинъ сказалъ: „его, Гиллеля, ничѣмъ не разсердишь“, а другой спорилъ, увѣряя, что если захочетъ—разсердитъ его. Долго проспоривъ объ этомъ, одинъ изъ нихъ предложилъ другому держать закладъ на четыреста динаріевъ.

— „Хорошо,—согласился другой. И ставка была поставлена.

„И вотъ споривший за то, что онъ разсердитъ Гиллеля, началъ подъискивать случай, который помогъ-бы ему выполнить задуманное. Такой случай скоро отыскался".

„Разъ, въ зимній холодный день, когда смиренный Гиллель мылся въ банѣ, къ окну ея подходитъ этотъ недобрый юноша. Гиллель слышитъ: „стукъ, стукъ".

— „Кто тамъ",—послышался изъ бани тихій голосъ.

— „Я"... И юноша назвалъ себя. „У меня до тебя, Гиллель, есть дѣло", прибавилъ онъ.

— „Сію минуту, другъ мой",—послышался изъ бани снова голосъ,—„вотъ только накину на себя простыню".

— „Что, мой другъ желаешь ты отъ меня?"—ласково спросилъ, вышедши на крыльцо бани, Гиллель пришедшаго.

— „Скажи мнѣ, пожалуйста, Гиллель,—отчего это у арабовъ кожа черна?

— „Это оттого, мой другъ, что въ ихней странѣ солнце печетъ и тѣло обгораетъ"— быстро отвѣтилъ Гиллель и побѣжалъ назадъ въ баню.

„Черезъ нѣсколько минутъ опять: „стукъ, стукъ... Гиллель еще здѣсь?"..

— „Здѣсь, мой другъ", — вторично послышался голосъ Гиллеля,—„сейчасъ выйду".

„Скажи мнѣ, пожалуйста, Гиллель, отчего въ Африкѣ много слѣпыхъ?" вновь задалъ вопросъ вернувшійся вторично юноша.

— „А-а, это оттого, что страна эта изобилуетъ песками",—отвѣтилъ Гиллель, не показывая при этомъ ни малѣйшаго вида неудовольствія. „Песокъ попадаетъ людямъ въ глаза и они слѣпнутъ",—добавилъ онъ.

Еще черезъ нѣсколько минутъ—опять „стукъ, стукъ... Гиллель здѣсь?“.. и т. д.—Словомъ, разъ до десяти этотъ безстыдный юноша надоѣдалъ бѣдному Гиллелю, заставляя его то и дѣло выбѣгать изъ горячей бани на холодъ и давать отвѣты на вопросы то пустые, то сумасбродные.

— „Однако же, дѣло скверно“, затужилъ неразсудительный спорщикъ, „деньги мои пропали“.

И, какъ утопающій за соломинку, онъ ухватился за послѣднюю мысль. „Попробую“, подумалъ озорникъ, задамъ ему такой щекотливый вопросъ, отъ котораго онъ поневолѣ придетъ въ раздраженіе, и, конечно, разсердится.

Опять: „стукъ, стукъ, Гиллель здѣсь?

— „Здѣсь. Сейчасъ выйду.

„И наставникъ показался на порогѣ“. — „Что, мой другъ, желаешь спросить“.

— „Вотъ что, Гиллель“, сказалъ ему озорникъ: „выучи меня Торѣ *), пока я простою на одной ногѣ“.

„Къ удивленію его, Гиллель нисколько не смутился, но также кротко, какъ дѣлалъ все до сихъ поръ, сказалъ ему: „Хорошо, голубчикъ. Стань на одну ногу и читай за мною: *возлюби ближняго твоего, какъ самого себя*“. Когда юноша повторилъ за нимъ эти слова, онъ ему сказалъ: „вотъ и довольно, теперь стань на другую ногу, потому-что ты произнесъ всю Тору“.

„Тутъ спорщикъ не вытерпѣлъ и въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ закричалъ на учителя: „Такъ это-то ты, хваленый Гиллель?! Не дай Богъ еще такихъ во Израилѣ!“

— „Да за что, мой другъ, ты на меня сердишься?“ спросилъ его въ недоумѣніи простодушный Гиллель.

---

*) „Тора“—законодательныя книги Моисея, „пятикнижіе“; въ обобщеніи—законъ Моисея, законъ Израиля.

— „Да какъ мнѣ не сердиться на тебя, когда я, по твоей милости, потерялъ четыреста динаріевъ", закричалъ тотъ злобно.

— „А, такъ ты черезъ меня потерялъ четыреста динаріевъ", простодушно улыбнувшись сказалъ Гиллель: „ну, ужъ извини: хотя бы ты потерялъ еще столько и еще столько, тебѣ все же не удалось-бы разсердить меня".

Не правда-ли, какъ это просто? Или вотъ еще легенда о другомъ великомъ учителѣ, равви Акибѣ, записанная въ тѣхъ-же легендахъ:

„Равви Акиба, до сорока лѣтъ своей жизни, ничего изъ ученія Торы не зналъ; даже молитвы читывалъ съ ошибками, какъ совершенно не ученый. Занимался же онъ пастушествомъ.

„Разъ, вдохновенный свыше, онъ, съ согласія жены своей, отправился въ дальнюю сторону и поступилъ тамъ въ ученики къ одному великому учителю. Прошло сорокъ лѣтъ и пастухъ, ставшій уже самъ равви, возвратился на родину въ свой городъ въ сопровожденіи сорока тысячъ учениковъ. Дойдя уже до своей избы и намѣреваясь повидаться съ женою послѣ сорокалѣтней разлуки, онъ былъ пораженъ слѣдующей сценой: двѣ женщины, въ одной изъ которыхъ онъ узналъ свою бѣдную старушку жену, а другая, повидимому, была ея сосѣдка, изъ-за чего-то перебранивались, при чемъ эта вторая, сосѣдка, укоряла его жену *„агиной"* *).

— „Вотъ, съ ехидствомъ сказала та, сорокъ лѣтъ уже какъ мужъ бросилъ тебя, и ты ни замужняя, ни вдова". На это бѣдная старушка, жена равви Акибы, смиренно

---

*) „Агина" называется женщина, у которой мужъ пропалъ безъ вѣсти.

возразила: „мужъ мой меня не бросилъ, а съ моего же согласія отправился далеко-далеко изучить святую Тору, и еслибъ онъ, мужъ мой, еще сорокъ лѣтъ продолжалъ свое ученіе,—я ничего противъ этого не имѣла бы". Воспользовавшись этимъ, равви Акиба, не говоря никому ни слова, не показавшись женѣ, поворотилъ съ своими учениками назадъ, и вновь на цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Сорокъ лѣтъ спустя равви Акиба возвратился съ тріумфомъ съ удвоеннымъ уже числомъ учениковъ, именно восемьюдесятью тысячами;и когда онъприблизился къ своему дому и когда жена вышла къ нему навстрѣчу, онъ, на глазахъ всѣхъ своихъ учениковъ, обнялъ ее и обратясь къ ученикамъ, указавъ на жену, торжественно произнесъ: „Вотъ, друзья мои! Все то, что я и вы знаемъ, —мы всѣмъ единственно обязаны этой святой женщинѣ".

Этотъ то равви Акиба отличался большимъ человѣколюбіемъ, что выразилось въ слѣдующемъ:

„Однажды онъ сказалъ передъ другими учителями народа, что если бы онъ былъ въ числѣ членовъ Синедріона, то никто, ни мужчина, ни женщина, не былъ бы никогда наказываемъ смертью за прелюбодѣяніе.

— „Какъ же ты умудрился-бы это сдѣлать,"—удивляясь спросили его другіе учителя:—„Трое свидѣтелей, напримѣръ, говорятъ: мы своими глазами видѣли, какъ этотъ мужчина и эта женщина совершили блудъ.—Какъ ты тутъ смогъ-бы оправдать ихъ?..

— „Очень просто",—сказалъ на это въ отвѣтъ равви Акиба,—„я бы спросилъ у свидѣтельствующихъ: разсмотрѣли-ли они то, чего никто видѣть не можетъ? И, при отрицаніи, отпустилъ-бы виновныхъ".

Въ заключеніе упомянемъ о глубокомъ различіи еврейскаго покаянія отъ нашего. Покаяніе у нихъ совершается разъ въ году, въ *День Очищенія*. У насъ, по

общей вѣрѣ, грѣхи отпускаются какъ-то механически. И, притомъ, грѣшащій заранѣе знаетъ, что они будутъ отпущены, и нѣсколько разсчитываетъ на этотъ отпускъ. Наконецъ, у насъ грѣхъ совершается противъ *одного*, напр., богачемъ противъ бѣдняка, а отпускается *другимъ*, именно священникомъ. Всякій грубый или жестокій помѣщикъ старыхъ временъ не чувствовалъ себя связаннымъ въ совѣсти противъ крѣпостныхъ; онъ чувствовалъ себя виновнымъ только противъ Бога, и, отговѣвъ на Страстной недѣлѣ, чувствовалъ себя по закону „очищеннымъ", „свободнымъ отъ грѣха". У евреевъ вовсе не такъ. Вотъ правила: „Жертва за грѣхъ, жертва повинности, смерть и День Очищенія—всѣ они очищаютъ только будучи сопряжены съ раскаяніемъ" (трактатъ *Іома*", гл. 8, тосефта 5,9).

„Если кто говоритъ: „согрѣшу и раскаюсь, согрѣшу и раскаюсь",—то ему *не даютъ возможности совершить раскаяніе*. И если кто говоритъ: „я теперь согрѣшу, а День Очищенія меня очиститъ"—то День Очищенія *такого не очищаетъ*".

„Грѣхи, совершенные человѣкомъ по отношенію къ Богу, очищаются Днемъ Очищенія, а грѣхи, совершенные человѣкомъ по отношенію къ ближнему, очищаются Днемъ Очищенія *лишь послѣ того, какъ онъ помирился съ ближнимъ своимъ*" (Іома, гл. VIII, тосефта 9).

Такимъ образомъ у нихъ устранена механичность изъ покаянія, и этотъ актъ души, необходимый, но скользкій и развращающій при легкости „отпуска", остается высокочеловѣчнымъ и индивидуально труднымъ.

1899—1905 г.г.

Ѳ. В. Благовидовъ. *Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. Развитіе оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія.* Казань. 1899.

Предметъ этой книги гораздо обширнѣе возможной на нее рецензіи. Трудно исчислить всѣ прямыя и косвенныя, явныя и затаенныя нападенія на оберъ-прокурорскую власть при Синодѣ, и эти нападенія, сильныя въ печати, еще сильнѣе въ изустныхъ разговорахъ общества. Въ то же время едва ли возможно найти хотя одну, безпристрастную и независимую статью, посвященную ея защитѣ. Въ этой рецензіи намъ хочется дать такую защиту,—надѣемся, довольно безпристрастную. Прежде всего, религія и церковь, выражаясь въ земныхъ дѣлахъ, *не ограничиваются духовной іерархіей*, какъ единственнымъ возможнымъ и дѣйствительнымъ органомъ своего бытія и проявленія. Мы хотимъ сказать, что черное и бѣлое духовенство, несущее въ себѣ „дары священства", идущее іерархически отъ апостоловъ, *не исчерпываютъ* церкви и не покрываютъ всего *пространства* возможной и дѣйствительной религіозно-церковной *святости*. Церковь—колоссальный фактъ, ядро національной и исторической жизни. Претендовать, чтобы нація, государство, историческое бытіе не воздѣйствовали никакъ на это ядро и *пассивно подчинялись его своеобразному и автономному въ вѣкахъ движенію*,—невозможно. Далѣе, изъ множества фактовъ, каждому непосредственно извѣстныхъ, открывается, что не можетъ быть и рѣчи о *слитномъ единствѣ* самой іерархіи церковной, которая разслояется на верхній слой чернаго

духовенства и на нижній слой бѣлаго духовенства, отнюдь между собою не гармоничные. Оберъ-прокурорская власть, стоящая *внѣ* этихъ слоевъ, хотя до нѣкоторой степени уравниваетъ неравное, сглаживаетъ глухое и подавленное заостреніе ихъ другъ противъ друга. Въ книгѣ г. Благовидова, въ общемъ подозрительной и недовѣрчивой въ отношеніи къ оберъ-прокуратурѣ, есть, напримѣръ, слѣдующій поразительный разсказъ, который лучше всего и конкретнѣе всего объяснитъ нашу мысль:

„Цѣнныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ оберъ-прокуратуры къ св. Синоду находятся въ многотомномъ дѣлѣ синодальнаго архива о поступкахъ сѣвскаго епископа Кирилла. Дѣло началось по жалобѣ дьячка Крестовоздвиженской церкви города Сѣвска, Захара Афанасьева, 30 ноября 1771 г., представившаго въ св. Синодъ доношеніе на своего епархіальнаго архіерея Кирилла; дьячекъ жаловался, что мѣстный епископъ Кириллъ своимъ лихоимствомъ и взяточничествомъ превосходилъ всѣхъ свѣтскихъ чиновниковъ и, презирая указы, присягу и совѣсть, бралъ громадныя взятки со ставленниковъ, не смотря на ихъ крайнюю бѣдность; обирая бѣдныхъ кандидатовъ священства, Кириллъ въ тоже время, по словамъ Афанасьева, дозволялъ продѣлывать то же самое и своимъ подчиненнымъ, чѣмъ совершенно разорялъ священниковъ. Въ особой ставленнической конторѣ, спеціально учрежденной для собиранія своеобразныхъ налоговъ съ духовенства, епископъ Кириллъ даже вывѣсилъ собственноручное росписаніе такихъ незаконныхъ поборовъ. Снявъ копію съ архіерейскаго росписанія и приложивъ ее къ своему доносу, смѣлый дьячекъ просилъ Св. Синодъ произвести слѣдствіе надъ преступнымъ архіереемъ, утверждая, что формальное, без-

пристрастное слѣдствіе легко можетъ открыть и другіе противозаконные проступки Преосвященнаго. Высшій органъ церковнаго управленія не могъ оставить безъ всякаго вниманія доноса Афанасьева и потребовалъ отъ Кирилла соотвѣтствующихъ объясненій. Отвѣтъ епископа подтвердилъ справедливость почти всѣхъ показаній дьячка, такъ какъ Кириллъ сознался въ своихъ незаконныхъ поступкахъ. Между тѣмъ Св. Синодъ, хотя и долженъ былъ признать дѣйствія сѣвскаго архіерея противозаконными, но, уважая его собственное добровольное признаніе, соединенное съ различными извиненіями, 19-го мая 1772 г. подписалъ опредѣленіе, въ которомъ всѣ нелегальные поступки Кирилла извинилъ его чистосердечнымъ признаніемъ и тѣмъ, что будто бы въ дѣйствіяхъ епископа, бравшаго со ставленниковъ различныя взятки, не возможно заподозрить никакого лихоимства, такъ какъ недозволенные поборы производились не въ пользу самого Преосвященнаго".—Оберъ-прокуроръ Чебышевъ нашелъ опредѣленіе и докладъ Синода незаконными и въ своемъ письменномъ предложеніи отъ 22-го іюня заявилъ синодальнымъ членамъ, что онъ не можетъ допустить до исполненія ихъ неправильное постановленіе, такъ какъ если въ синодальномъ опредѣленіи написано, что епископъ поступалъ „въ противность законамъ", то и рѣшеніе должно быть строго согласовано съ тѣми же законами; извинять же виновнаго архіерея разными оговорками „ни мало не прилично". Затянулось дѣло. Изъ перипетій его интересно, что епископъ Кириллъ ссылался и оправдывался, что онъ „слѣдовалъ прежнимъ примѣрамъ", на что Чебышевъ написалъ замѣчаніе, что „то были примѣры худые". Только докладомъ на Высочайшее имя оберъ-прокуроръ добился посылки слѣдственной комиссіи въ Сѣвскъ; но и здѣсь

„Синодъ принялъ такія особыя мѣры, что результаты изслѣдованія въ сыромъ видѣ и безъ всякаго заключенія отъ самой комиссіи были представлены на разсмотрѣніе въ Синодъ же“. Замѣчательно, что изъ синодальныхъ членовъ высказалъ полную солидарность съ оберъ-прокуроромъ только протоіерей гвардіи Андрей Преображенскій.

Дѣло это умерло, но не умретъ мысль, что если *были*, то и *возможны* въ будущемъ такіе же факты. Поэтому всѣ разсужденія „вообще“ противъ оберъ-прокуратуры разбиваются о жестокій эмпиризмъ, о практическую нужду, о практическія соображенія, которыя, конечно, свѣтская власть держитъ въ умѣ всякій разъ, когда поднимается мысль объ упраздненіи этой важной должности. „Не было бы хуже“; мы же стороннимъ и безстрастнымъ голосомъ скажемъ: *„вѣроятно* — будетъ хуже“. Еще замѣтимъ: всѣ безчисленныя улучшенія положенія низшаго духовенства, обезпеченіе его участи, маленькія пенсіи, назначеніе жалованья, воспитаніе его дочерей, улучшенія преподаванія въ семинаріяхъ и проч.—все движется, все идетъ, все задумано оберъ-прокуратурою. Все это такъ важно и все это вовсе не принято во вниманіе критикою оберъ-прокуратуры, которая носится въ облакахъ и не ставитъ ноги на землю.

Талантливость и безталанность въ духовенствѣ.

Иногда вопросъ трудный, вопросъ тонкій, вопросъ нерѣшенный и, можетъ быть, даже не рѣшимый- вдругъ, такъ сказать, разрѣшается почти въ серію анекдотовъ. Не весело эти дни лежалось въ могилѣ косточкамъ от. Матвѣя Константиновскаго (Ржевскаго), интимнаго друга Гоголя. Сколько разъ повернулись онѣ тамъ, когда

имя его такъ и этакъ повертывалось здѣсь. Но, въ концѣ-концовъ, что же мы получили?? Отецъ Матвѣй—„случай“. Около этого о. Матвѣя—„случаи“ Надеждина, Чернышевскаго, Добролюбова, Благосвѣтлова, и общее заключеніе: „вся *анти-эстетичность* въ нашей литературѣ шла *отъ семинаріи*“.

Такъ рѣшалъ, эти дни, въ одной распространенной газетѣ г. Н. Энгельгардтъ. Ему вторили другіе.

Что такое за сословные вкусы?! Духовенство живетъ ближе къ природѣ, чѣмъ мы, а природа развиваетъ поэтическіе вкусы. Но въ духовенствѣ они не развились. За то въ духовенствѣ развились и привились государственныя, административныя, чиновническія способности. Нѣтъ болѣе стойкихъ, выносливыхъ, послѣдовательныхъ, сообразительныхъ и тонко-сообразительныхъ людей въ службѣ, какъ изъ семинаристовъ. Филаретъ былъ высокогосударственный умъ. Сперанскій былъ изъ духовенства. Хотя нельзя не замѣтить, что государственные люди семинарскаго закала болѣе *систематики*, чѣмъ *творцы*. Они упорядочиваютъ строй государства, но не ведутъ государство къ новому. Они осторожны, но не смѣлы. Министръ изъ семинаристовъ всегда пахнетъ болѣе чиновникомъ. Петръ Великій есть совершенное отрицаніе семинаризма; Сперанскій своими учрежденіями подсѣкъ порывъ Петра и вообще угасилъ наше политическое творчество.

Что же это за явленіе? Мы имѣемъ цѣлую группу почти сословныхъ талантовъ и цѣлую группу почти сословныхъ неспособностей, дефектовъ. Класть все это „случай“ къ „случаю“ и въ заключеніе объявлять: „таково сословіе“—неосновательно. Это не значитъ объяснять, это значитъ только суммировать.

Духовенство не только не любило теоретически

поэзію, оно и не дало поэтовъ. Оно не сложило у себя и поэтическаго быта, обычаевъ. Изъ жизни духовной семьи трудно написать картину привычекъ и нравовъ, какую Гончаровъ и Толстой нарисовали изъ помѣщичьяго быта въ „Обрывѣ", „Обломовѣ", „Дѣтствѣ и отрочествѣ" и „Войнѣ и мирѣ". Зато Обломовы, Ростовы, Облонскіе имущественно разваливаются, а духовенство—безъ жалованья и опредѣленныхъ доходовъ, живя въ сущности „на милостынѣ"—экономически крѣпнетъ. Описи за долгъ, продажи имущества съ аукціона, вообще случаевъ разоренія здѣсь совсѣмъ не бываетъ. Это тоже характерная черта системы и послѣдовательности. Духовное лицо переходитъ съ копѣйки на гривенникъ, съ гривенника на рубль; но никогда съ рубля на гривенникъ оно не перейдетъ. Лучшій у насъ государственный счетчикъ, Вышнеградскій, былъ изъ семинаристовъ. Но и здѣсь, въ экономической области, они, кажется, тоже не геніальны, не творцы, а скорѣе — накапливатели.

Мнѣ кажется, здѣсь не столько традиціи сословія, сколько система образованія дѣйствуетъ. Семинарское образованіе замѣчательно послѣдовательно, систематично, философично. Ничего подобнаго никогда не было въ сложеніи гимназическаго образованія. Отъ того питомцы духовной школы на Западѣ и Востокѣ имѣютъ, въ сущности, одинаковую структуру ума. Далѣе, семинарское же образованіе глубоко проникнуто духомъ покорности, безропотности и дисциплины. Оно убиваетъ творчество; и, въ концѣ-концовъ, духовное сословіе. столь способное въ общемъ—есть самое у насъ нетворческое и недвижное сословіе. Недвижность и безсиліе къ творчеству наконецъ задавило его самого. Это есть одна изъ главныхъ причинъ, что чиновники, люди безъ

рясы, взяли въ руки свои всѣ дѣла духовнаго вѣдомства. Они сообщили импульсъ параличному. Они не отняли, а просто—пришли и начали дѣлать. Духовный все ждетъ приказанія; приказать самъ—онъ робѣетъ. Лучше ужъ онъ будетъ какъ-нибудь копаться, подкапываться, но не распорядится. Свойства крота, а не орла—присущи всему духовному сословію.

Въ концѣ-концовъ тутъ дѣйствуетъ образованіе. Будучи вѣковымъ, почти тысячелѣтнимъ все приблизительно въ одномъ духѣ—оно наложило отпечатокъ и на физіономію цѣлаго сословія. Отпечатокъ этотъ имѣетъ и свои достоинства, хотя нельзя не сознаться, что онъ нѣсколько тяжелъ. Но откуда само это образованіе? Это римско-византійская система мышленія, не столько разрѣшившая, сколько *осторожно обошедшая множество самыхъ тягостныхъ религіозныхъ проблемъ*, волновавшихъ за двѣ тысячи лѣтъ человѣчество; примирившая казалось бы непримиримое, сгладившая всякія рѣзкіе углы и замазавшая самыя опасныя щели вкрадчивыми и ласковыми словами. Все тутъ такъ мудро построено и такъ хрупко въ дѣйствительности, что кто поработалъ надъ этою системою—станетъ чрезвычайно методиченъ въ умѣ и остороженъ въ мышленіи, въ рѣшеніяхъ. Тутъ невозможно ничего „отъ себя“ и отъ ума своего рѣшить, и въ тоже время этого нельзя и усвоить безъ очень тонкаго ума. Вдохновеніе здѣсь все неминуемо перепутало бы, испортило. Вдохновеніе здѣсь не приложимо, даже не допустимо. Мнѣ передавали разсказъ изъ жизни знаменитаго, недавно умершаго профессора церковной исторіи въ Петербургской Духовной академіи: готовясь держать экзаменъ на степень доктора, онъ жилъ въ одной квартирѣ съ бакалавромъ академіи, изъ пріявшихъ монашескій чинъ и готоваго

вскорѣ стать архіереемъ (теперь архіерей). Шутя онъ спрашивалъ товарища, какъ надо „исповѣдовать“ ту-то и ту-то истину; тотъ отвѣчалъ осторожно, путаясь. „Ересь!“ на десятомъ словѣ съ торжествомъ перебивалъ его знатокъ: „это мнѣніе было осуждено такимъ-то правиломъ такого-то собора“. И о чемъ еще онъ ни спрашивалъ теперешняго архіерея, тотъ не могъ ни о чемъ безъ еретичествованія сказать. Когда возсоединяли съ православіемъ сиро-халдеевъ, то чинъ ихъ пріятія, т.-е. чинъ отреченія отъ несторіанской ереси и исповѣданія Православія, могъ составить только единственно этотъ ученый. Всѣ прочіе спутались бы, сбились; и сами впали бы, и сиро-халдеевъ ввели бы въ какую-нибудь изъ бывшихъ или въ новую ересь.

Такъ мудро все это построено. Между тѣмъ эта постройка падаетъ отъ одного восклицанія: — „Какъ, однако, это все непохоже на Евангеліе“! Ни блудный сынъ, ни мытарь, ни разбойникъ на крестѣ не спаслись бы черезъ это „исповѣданіе“, и, слѣдовательно, vice versa, эти исповѣдники не пойдутъ вслѣдъ мытарю, грѣшницѣ, разбойнику, блудному сыну: т.-е. не пойдутъ по испытанному пути спасенія и не получатъ удостовѣреннаго спасенія. Схоласты это несходство своего дѣла съ Евангеліемъ и знаютъ, и „спасеніемъ“ не тревожатся. На самомъ дѣлѣ „пути спасенія“ у насъ существуютъ въ монастыряхъ, и среди мірянъ—около храмовъ: но нѣтъ людей менѣе религіозныхъ, чѣмъ ученые „консерваторы“ (консерваторами называются хранители музеевъ) римско-греческаго вѣроисповѣднаго вервія.

Между тѣмъ строй церкви не есть эти монастырскіе и около-храмовые мірскіе порывы, а все-таки академическая наука. Сиро-халдеевъ возсоединяетъ съ православіемъ въ сущности профессоръ; даже духовныя „власти“

только присутствуютъ. Если что нибудь надо отвѣтить лютеранамъ, католикамъ, англиканамъ, то опять объ этомъ спросятъ не схимника, не затворника, не монастырскаго старца, но, можетъ быть, молодого, а во всякомъ случаѣ очень ученаго профессора. Фронтъ церковной мысли выражается академіей. А благочестіе и правда и искренность—схимниками. Схимники—смѣлы, порывисты; но они говорятъ лицо къ лицу съ мірянами, въ бесѣдахъ, шопотами, на исповѣди. Академики по свойству своей тонкой и хрупкой науки и не могутъ горячиться; они переступаютъ съ ноги на ногу, какъ лошадь съ занозой. Этимъ объясняется совершенная недвижность всѣхъ вообще церковныхъ вопросовъ. Ну, напримѣръ, возьмемъ старообрядчество. Кто *лично* и *за себя* не скажетъ, что въ основѣ его лежитъ грустное дѣло исправленія книгъ церковныхъ, — дѣло, терпѣвшее время, и которое безвременно, безтактно и въ отношеніи къ людямъ вѣрующимъ безчеловѣчно провелъ Никонъ. За безтактность, грубость и безчеловѣчіе въ отношеніи къ Царю онъ былъ осужденъ соборомъ; слѣдовало его судить и осудить и за отношеніе къ народу. Но пріѣхавшіе въ Москву греки имѣли дипломатическія соображенія и поползновенія около Царя, а до народа русскаго имъ дѣла не было. „Никона запереть въ монастырь, а народъ начать пороть за неповиновеніе Никону“, вотъ resumé, которое они вынесли въ 1666 году. Дѣло было и теперь остается испорчено. Христіанское сердце говоритъ, что все испорченное надо поправить. Это—актъ совѣсти, которая за нераскаянность съѣстъ насъ. Но академическая наука говоритъ, что если поправить рѣшеніе одного собора, то нужно начать поправлять или можно допустить поправленія и вообще постановленій всѣхъ соборовъ,—что̀ невозможно. И какъ бы сердце ни рвалось

къ примиренію, сколько бы совѣсть, сей „судія души“,— о которомъ столь хорошо разглагольствовалъ недавно одинъ архіерей въ „Моск. Вѣдом.“—имъ ни кричала: „примирись съ братомъ твоимъ“, „не истязуй раба твоего“, „прости имъ грѣхи ихъ: не вѣдаютъ-бо, что творятъ, по малости и неразумію“,—этотъ окрикъ совѣсти заглушается въ сущности какою-то религіозною дипломатикою.

Самаринъ въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что Флорентійскій соборъ (рѣшившій унію Востока и Запада), „съ формальной стороны былъ однимъ изъ самыхъ безупречныхъ, даже что онъ былъ выше и полнѣе по числу представителей Церкви, на немъ собравшихся, нѣкоторыхъ Вселенскихъ соборовъ“. Но тогда еще крики совѣсти не проходили въ ночныхъ слезахъ, а выносились на улицу. И рѣшеніе собора русскою совѣстью было брошено подъ ноги. Ибо Русь была безъ академій, была—народъ и царь, была—схимники и правдолюбцы. Въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ, когда началось ученое сохраненіе вѣры, Россія никакихъ бы силъ и никакой возможности не имѣла пойти противъ формально-правильныхъ флорентійскихъ постановленій.

Такъ образовалось духовенство — безъ вдохновенія, недвижное. От. Матвѣй Ржевскій кричитъ Гоголю (при первой встрѣчѣ): „Зачѣмъ не подходите подъ благословеніе мое? Значитъ, бѣгаете благодати!“. Онъ самъ себѣ представляется какимъ-то мѣшкомъ съ благодатью, изъ котораго она сыплется какъ мука. Это можно сказать звѣрски-невѣжественное понятіе о благодати и смѣшеніе себя съ Богомъ—очень распространено, какъ на Западѣ, такъ и у насъ. „Значитъ, вы Богу не хотите повиноваться“, говорятъ вамъ, если вы выказываете поползновеніе не повиноваться духовному лицу; „значитъ,

вы Бога не признаете", отвѣчаютъ вамъ на попытку полемизировать съ явно невѣжественной статьей духовнаго журнала. Развился фетишизмъ лица, фетишизмъ фигуръ, фетишизмъ цѣлаго сословія: они всѣ—маленькіе боги, ходящіе среди человѣковъ,—движущіяся мощи, каждая ждущая своей канонизаціи. Но за что? но почему? По праву тысячелѣтняго консерватизма. От. Матвѣй—самый нераскаянный человѣкъ. Во всѣхъ его поступкахъ—ни одной мысли, что можетъ быть и онъ грѣшенъ. Онъ—Зевсъ, сошедшій съ Олимпа, „сверхъчеловѣкъ", сущій нитцшеанецъ, стоящій „по ту сторону добра и зла". Но почему? Да въ мѣру того, какъ онъ уморилъ свое „я", заглушилъ совѣсть, „судію своего". И какъ Плюшкинъ ходилъ вѣчно съ ключами на поясѣ, и от. Матвѣй носитъ ключи отъ драгоцѣннаго музея и всю цѣну музея переноситъ на себя. „Я—богъ, изъ меня благодать сыплется",—это онъ и прямо говоритъ, а главное—косвенно. Гоголь пусть отречется отъ Пушкина, и похлопочетъ купить учебнички сыну от. Матвѣя, чтобы тотъ къ празднику не огорчилъ папашу дурными отмѣтками: „папаша" не долженъ ни огорчаться, ни отрекаться. От. Матвѣй всю жизнь собою доволенъ, это—самый самодовольный человѣкъ. „Боги—блаженны", опредѣляли греки олимпійцевъ. Вотъ таковъ же и от. Матвѣй и всѣ безчисленные отцы Матвѣи, „блаженные" при жизни, „праведные"—по скончаніи.

Міру отъ нихъ и тяжко. Тяжко отъ этой несломимой гордыни. Гордыни, источникъ которой—смерть сердца и память прошлаго, *непоправляемаго*, принципъ котораго—*неисправимость*. Вотъ ужъ... только не въ книгахъ, а въ лицахъ—старовѣрческое „непоправленіе книгъ церковныхъ", ставшихъ „неисправными за ошибками переписчиковъ". И въ духовенствѣ совершилось это же, но только—съ

сердцемъ. *Типъ* сердца человѣческаго, отъ временъ и отъ лица апостоловъ, отъ временъ и отъ лица святыхъ—все мѣнялся, и наконецъ выросъ совершенно *иной*. Но *само-ощущеніе* святости, естественно присущее апостоламъ и святымъ, „формально“ катилось въ вѣкахъ, докатилось до нашихъ дней, и вкатилось въ „не поправленное“ сердце от. Матвѣя. Нужно бы „согласовать съ подлиннымъ“, „исправить сердце“, удариться о земь и заплакать объ эгоизмѣ своемъ, о грубости своей, о нераскаянности, о совершенномъ своемъ невѣжествѣ. Куда! Онъ чувствуетъ себя, какъ ап. Павелъ, и гремитъ въ Ржевѣ и Москвѣ, какъ тотъ въ Римѣ. Ему „поправиться“—значитъ все начать исправлять; значитъ заговорить о дипломатикѣ въ 1666 году, начать мириться съ раскольниками, плакать, сѣсть на землю, рвать на себѣ волосы, посыпать голову землею и, словомъ, поступать какъ въ Евангеліи мытари и блудницы, какъ Іовъ на гноищѣ, значитъ—идти на „путь спасенія“, крестнаго и блуднаго и покаяннаго. Но куда же тогда шитыя мишурнымъ шелкомъ одежды дѣнутся, позументы и вся краска товарная и торговая? Нѣтъ ужъ, пусть это міръ спасается, и плачетъ и кается передъ „нами“. Дабы исполнилось слово Евангелія: „послѣдніе—будутъ первыми, а первые—послѣдними“.

1901.

Писатели-цѣлители.

Г. Петровъ, священникъ. *Къ свѣту.* Сборникъ статей. Москва. 1901.

Года три тому назадъ священникъ Г. Петровъ издалъ небольшую книжку: „Евангеліе, какъ основа жизни“. Теперь уже она вышла пятымъ изданіемъ. Фактъ стоитъ чего-нибудь и мы можемъ безъ преувеличенія сказать,

что священникъ Г. Петровъ замѣченъ читателемъ. Это великое дѣло въ минуты нашего многописанія и засоренія книжнаго рынка. Поле готово для автора, и теперь только одна забота должна быть у него: извлечь изъ сердца и ума своего возможно цѣнныя сѣмена. Кромѣ книжки, о которой мы сейчасъ скажемъ, онъ издалъ брошюрки: „Зерна добра", „Долой пьянство". „Божьи работники", „Христосъ Воскресе". Онъ идетъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ прямо къ больному нашему народу, запущенному, заброшенному, чтобы лѣчить его душевныя раны.

Вотъ въ настоящей книжкѣ слова о темномъ русскомъ народѣ:

„Крестьяне крестятъ своихъ дѣтей, вѣнчаютъ, ходятъ на исповѣдь или „на духъ", какъ они говорятъ, ходятъ въ церковь, соблюдаютъ посты и праздники, служатъ панихиды молебны просто потому, что не дѣлать этого—„грѣхъ". А въ чемъ этотъ „грѣхъ" заключается—они не знаютъ. Стоя въ церкви, они вслухъ между собою разговариваютъ. Послѣ службы заходятъ по пути въ кабачокъ. Во время крестныхъ ходовъ они также ведутъ бесѣды, полагая, что главное дѣло заключается именно въ обнесеніи иконъ около деревни, а не въ молитвѣ. А если бы священникъ отказался ходить около деревни въ праздникъ, то они, навѣрное, устроили бы бунтъ. Иконы они называютъ богами, безразлично, будутъ ли на нихъ изображены Спаситель или святые. „Вишь, Боженьку принесли!"—говоритъ мать ребенку при входѣ священника съ иконами. Если ребенокъ, играя на рукахъ матери, ударилъ ее ладонью по лицу, мать, показывая ему на икону, говоритъ: „Не смѣй драться, а то Боженька-те палкой—у! у!" Въ одной изъ записанныхъ мною былицъ разсказывается, какъ деревенскій сходъ хотѣлъ продать икону Николая Чудотворца за неисполненіе имъ даннаго обѣщанія. „Продадимъ его", т. е. образъ, „а то какой же это богъ, коли онъ смоталъ" (обманулъ), совѣтуются между собою крестьяне" (стр. 23—24).

И далѣе:

„Ужасно видѣть это въ народѣ, который справлялъ уже девятисотлѣтній юбилей своего крещенія. Запущена, огрубѣла, одичала жизнь сотенъ и тысячъ деревень. И пусть бы народъ былъ глухъ къ Божьему слову, не отзывался на добрый призывъ. А то вѣдь религіозности въ народѣ непочатый край. Темная деревня! Бѣдный народъ!“ (стр. 25).

Да, народъ нашъ—Лазарь, и кто-то его подыметъ! Очевидно, сюда и падаетъ задача священника. Его миссія около народа—не столько настойчиво-учительская, сурово-повелительная, сколько мягко-просвѣтительная. Священникъ есть самое образованное лицо въ деревнѣ. Онъ выполнитъ свое назначеніе только тогда, когда съ любовію войдетъ во весь округъ деревенской жизни, въ бытъ, обычаи, привычки, предразсудки, суевѣрія, въ бѣдноту народную, въ нестроенія семейныя; и во все это понесетъ любовь и совѣтъ, поддержку и просвѣщеніе. Г. Петровъ литературно и подходитъ къ нашей жизни съ этими задачами.

Онъ съ пастырствомъ несетъ и просвѣщеніе, съ любовью къ Церкви, къ Богу—онъ соединяетъ любовь къ цивилизаціи, народамъ, міру. Вѣдь есть же на міровомъ станкѣ челнокъ, который сплетаетъ небесныя нити съ земными въ одну ткань: это—задача религіи. И служить ей можно только не отрываясь отъ земного, не порывая ни одной земной нитки, а только связывая ее въ узелъ съ небесною, незабываемою нитью.

1901 г.

Независимый. *Какъ намъ жить?* Этика обыденной жизни. Второе изданіе. Спб. 1898 г.

Псевдонимъ едва ли удобенъ въ книгѣ, столь опредѣленнаго содержанія и столь нуждающейся въ нравственномъ авторитетѣ автора. Онъ принадлежитъ, однако, писателю со старой и заслуженною репутаціею.

„Бываютъ времена", говоритъ онъ о своей книгѣ въ заключительномъ словѣ,—„когда самыя простыя, ясныя, доступныя слова и понятія приходится произносить съ опаскою—и уже не передъ предержащими властями, а передъ накопившимися въ обществѣ предразсудками, и это опасеніе порождаетъ малодушіе и безмолвіе. Никому я не льстилъ въ этой книгѣ, писалъ прямо и откровенно, не обращая вниманія ни на консерваторовъ, ни на либераловъ, и теперь, разставаясь съ нею и выпуская ее въ свѣтъ, я, несмотря на всѣ ея несовершенства, въ первый разъ, можетъ быть, въ жизни своей, пересматривая свою книгу, назначенную для обращенія въ публикѣ, дерзаю со вздохомъ облегченія повторить вслѣдъ за святымъ писателемъ: „подвигомъ добрымъ я подвизался".—Дѣйствительно, чувство добра, порывъ благожелательности проникаетъ эту замѣчательно простую и замѣчательно нужную книгу. Есть или можно себѣ представить „искупительныя" книги (или сочиненія): авторъ грѣшилъ, грѣшилъ перомъ, и вдругъ ему хочется покрыть все надѣланное зло литературнымъ подвигомъ; онъ отрекается отъ льстецовъ-критиковъ, отъ „своей" партіи, и, собравъ силы, среди зубовнаго скрежета, пишетъ книгу, которая нужна не ему, автору, не „его партіи", а нужна человѣку, ближнему, читателю. Разумѣется, подобнаго мотива мы не можемъ предположить, и его не

было у автора настоящей книги: но порывъ, съ какимъ подобная книга была бы написана, ея слогъ, ея темы—все это въ высшей степени имѣется въ лежащей передъ нами книгѣ.

Какъ проводить каждый день и какъ сумму этихъ дней, что тысячи кирпичиковъ, сложить въ нѣкоторый храмъ домашняго очага—вотъ ея тема. Если это—храмъ, то тутъ долженъ жить Богъ: и вотъ авторъ обращается къ душѣ и, такъ сказать, религіи семьи и дома; слѣдуетъ рядъ разсужденій на высоко-отвлеченныя темы, выраженныхъ удивительно понятнымъ языкомъ (главы—„Эгоизмъ и альтруизмъ“, „Философія смиренія“, „Не соблазняйте дѣтей“, „Жизнь не есть страданіе“, „Любовь и похоть“). Далѣе, если семья ваша и домъ есть храмъ опредѣленнаго поклоненія, то онъ долженъ непремѣнно имѣть и соотвѣтствующее убранство и устройство: и вотъ авторъ переходитъ къ внѣшности, къ облику нашего домашняго житія (главы—„Одежда“, „Философія обстановки“, „Нужна ли собственность“, „Кто наши ближніе“, „Смыслъ раздѣленія труда“). Такимъ образомъ въ книгѣ данъ какъ бы маленькій „Домострой“, какъ онъ можетъ вырисоваться въ воображеніи конца нашего XIX вѣка. Вездѣ авторъ стоитъ внѣ сословій и партій, ибо безстрастно выбираетъ въ каждомъ положеніи и состояніи все теплое и поэтичное. Прекрасна глава: „Нужна ли собственность“. Да вѣдь „собственность“—это „трудъ“, и вопросъ о нужности ея есть вопросъ о нужности труда: т. е. это есть совершенное и именно безнравственное празднословіе, прикрывающееся высшею моралью или отдаленной и проблематичной политикой. Чувство собственности будетъ не только живо, но и горячо во всякомъ, въ комъ живо и горячо чувство семьи, чувство дома: можно быть бѣд-

някомъ—и понимать это, безкорыстнымъ—и проповѣдывать это; есть азартная, т.-е. подлая собственность; но есть собственность, какъ тихо льющійся и неустанный трудъ для ближнихъ, т.-е. святая собственность; есть собственность волка и есть собственность пчелы. Вообще отрицаніе ненужнаго (и обыкновенно фальшиваго) аскетизма составляетъ прекрасную черту книги. Сколько умнаго разсѣяно и въ гл. XII—„Библіотека“, гдѣ описано, какъ ее устроить и что для нея выбирать, что такое книга и какія бываютъ категоріи писателей. Мы не можемъ лучше опредѣлить характеръ и смыслъ всей книги, какъ сказавъ, что она посвящена какому-то радостному благочестію: она разбиваетъ клумбы и проводитъ дорожки въ бурьянѣ нашей жизни, который такъ дико разросся, что иногда и у иныхъ возникаетъ вопросъ: не вырвать ли его съ корнемъ.

НЕБЕСНОЕ и ЗЕМНОЕ.

I.

Между дубомъ и клюквой есть разница въ величинѣ, но не въ законахъ роста и не въ таинственномъ характерѣ роста. Кажется, дубъ ближе въ огромной скалѣ, около которой стоитъ: между тѣмъ разстояніе между ними безмѣрно. Кажется, нѣтъ ничего общаго между нимъ и травкой: между тѣмъ оба они одно.

Мы равнодушно слѣдили этотъ годъ за борьбою въ Парижѣ противъ католическихъ конгрегацій. Конгрегаціи ссылались на многія свои благодѣянія, просвѣтительныя и филантропическія; но Парижъ и парижане упорно, глухо, повидимому тупо продолжали требовать и добились удаленія большинства ихъ. „Что же, Франція остается безъ религіи, безъ Бога"? Франція на роковой вопросъ молчитъ и удаляетъ конгрегаціи.

„Pro illyrica lingua", „pro germanica lingua", „pro hungarica lingua", „pro polonica lingua", „pro lusitana lingua", „pro hispanica lingua", „pro anglica lingua", „pro gallica lingua", помню, прочелъ я надписи на маленькихъ, обычнаго типа, исповѣдальныхъ будочкахъ въ храмѣ св. Петра въ Римѣ. Признаюсь, эти надписи гораздо болѣе поразили меня, чѣмъ всѣ архитектурныя и скульптурныя работы вокругъ. Что скульптура! Это—праздникъ, отдыхъ, вздохновеніе художника, а не *работа папы*. Работа папы—вотъ эти „lingua illyrica", „lingua

hispaniса"... эти будочки. Онѣ каждый годъ дѣйствуютъ... онѣ дѣйствовали вѣка.—„Къ намъ всѣ идутъ: ирландцы, испанцы, нѣмцы, нѣкоторые ваши русскіе, англичане, поляки, венгры, кроаты. Они другъ друга не понимаютъ но *обо мнѣ* они всѣ знаютъ, даже самые безграмотные, которые, кромѣ родного края ничего, никакихъ другихъ странъ и другихъ языковъ не знаютъ. Я –какъ отецъ между ними, пастырь овецъ, и поворачиваясь къ каждому—говорю съ нимъ на его языкѣ. Они приносятъ мнѣ грѣхи свои. Я ихъ утѣшаю, наставляю, указываю путь... Блаженъ, кто меня слушается. Прощаю. Мое прощеніе и сила прощенія и дальность его—безконечны"...

Въ самомъ дѣлѣ, пріѣхавъ позднѣе въ Неаполь, я тамъ встрѣтилъ польскую даму изъ нашей Черниговской губерніи. Она приговорена къ смерти, конечно, не зная этого. Почти всѣ родные ея умерли отъ чахотки въ возрастѣ около 35 лѣтъ, къ которому она приближалась; и заботливый братъ отправилъ ее въ Италію и второй годъ держитъ здѣсь, высылая деньги и совѣтуя не возвращаться на холодную родину. Мы плыли въ лодочкѣ по Байскому заливу (Байи) втроемъ. Она и разсказываетъ:

— Я недавно въ Неаполѣ. Постъ и Пасху я провела въ Римѣ и на Ѳоминой недѣлѣ исповѣдывалась у св. Петра, и очень рада. Это главная наша годовая исповѣдь.

— Хороши ваши исповѣдники?

— Не всѣ. Но этотъ былъ очень заботливъ. Онъ далъ такія хорошія правила, и такъ много разъяснилъ. Такъ утѣшилъ. Я рада. Знаете, за годъ все тяжелѣе и и тяжелѣе дѣлается на душѣ, умъ запутывается. И вдругъ этотъ свѣтъ. Вотъ отчего можетъ быть вы и находите меня веселой: мнѣ въ самомъ дѣлѣ весело, т. е. свѣтло. И именно послѣ Ѳоминой недѣли.

Можетъ быть она совершала теперь какой нибудь внутренній молчаливый подвигъ и, восходя по ступенькамъ улучшенія—внутренне радовалась. Она видимо радовалась. Я вспомнилъ, тогда же въ Неаполѣ, наше русское начинающееся „старчество". Исповѣдь у насъ, какъ извѣстно, стала совершенно формальна, и коррективомъ ея явилось „старчество". „Старецъ"—это религіозный мудрецъ. Онъ выбранъ съ величайшимъ стараніемъ и предусмотрительностью монастырскою братіею, и къ нему идутъ всѣ чуткіе люди въ уѣздѣ, въ губерніи, иногда въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Таковъ былъ знаменитый „старецъ" Амвросій въ Оптиной пустыни (Калужской губ.), къ которому шли изъ 3-хъ—4-хъ ближнихъ губерній люди. Около него жилъ и питался его духовными совѣтами извѣстный публицистъ К. Н. Леонтьевъ и къ нему же для бесѣдъ ѣздили В. С. Соловьевъ, Ѳ. М. Достоевскій и, если я правильно помню разсказы, Л. Н. Толстой. И теперь преемникомъ его сидитъ другой старецъ. Въ Троице-Сергіевской лаврѣ есть знаменитый старецъ Варнава. Самъ я никогда не видалъ „старцевъ", но слышалъ много внушающаго удивленіе объ ихъ совѣтахъ, иногда практическихъ, иногда даже хозяйственныхъ, но, конечно, больше душевныхъ. Авторитетъ ихъ безмѣренъ. Къ нимъ идутъ со всяческой душевной и житейской нуждой, въ колебаніяхъ—идутъ за совѣтомъ. Сейчасъ—ихъ вліяніе благодѣтельно... Но это—сейчасъ только...

Авторитетъ, таинственный духовный авторитетъ, невидимый, неизслѣдимый, которому нельзя помѣшать, нельзя его разрушить, предупредить. „Но развѣ",—возразятъ,—„не этотъ же духовный авторитетъ и это же очарованіе у поэзіи? у философіи? Байронъ болѣе владѣлъ душами людей 20-хъ годовъ, чѣмъ всякій Амвросій, хотя

печаталъ свои произведенія, и жилъ не келейно, а открыто, шумно. Онъ жилъ шумно, а дѣйствовалъ келейно, какъ духовникъ. Его стихи и проза проползали въ дома въ кабинеты, въ спальни, и говорили убѣдительнымъ голосомъ воображенію и совѣсти. Никакой знаменитый исповѣдникъ не далъ столько правилъ и столь дѣйствительныхъ, какъ Шопенгауеръ. Исповѣдь—религіозная поэзія и философія. Она дѣйствуетъ внѣ правилъ и притомъ неуловимо и на неуловимое въ человѣкѣ. Она, правда, могущественна. Но она священнѣе и чище и обдуманнѣе случайно возникающей поэзіи и случайно направленной философіи, и необходима для народа. Хотя не скрываемъ, что полезна и намъ".

Въ Римѣ мнѣ разсказывалъ одинъ священникъ, католикъ, но русскій: „Черезъ *исповѣдь* папа знаетъ о всякомъ... чудѣ, о каждомъ проявленіи благодати Божіей въ католическомъ мірѣ, отъ Америки до Азіи. О какой-нибудь святой, юродивой, цѣлительницѣ, восторженной молитвенницѣ, священникъ—не говоря о ея имени, а только о мѣстности—сообщаетъ своему епископу. А епископъ пишетъ въ Ватиканъ. Ватиканъ все знаетъ и никогда не теряетъ надежды на небесное".

Этотъ шопотъ на ухо, эта вольная поэзія и вмѣстѣ такъ организованная, слишкомъ дѣйствуетъ на души. Парижъ и парижане, какъ только смогли, потребовали удаленія „конгрегацій", католическихъ „общинъ". Они, мнѣ кажется, могли бы, но не съумѣли сказать, по крайней мѣрѣ всемірно слышно и вразумительно:

„Нѣтъ, мы не противъ Бога, не противъ религіи... Но мы чувствуемъ, что если дать этой глухой, безмолвной, таинственной власти поползти по землѣ, то черезъ сто лѣтъ и даже скорѣе она начнетъ отнимать у родите-

лей—дѣтей, у мужа—жену, у друга—друга, у государства—гражданъ, унося лучшихъ овечекъ въ свои таинственныя выси и опустошая семью, отечество, науку, жизнь. Блаженъ, кто не соблазнится о ней! Мы не понимаемъ. Мы ремесленники и торгаши. Но и торгашъ имѣетъ права на свое особое и самостоятельное существованіе. Жизнь наша—часъ нашъ. Дайте намъ этотъ часъ провести по своему и не томите насъ вѣчностью и ея угрозами. Мы—не враги религіи, но *эта* религія—страшна...“

Удивительная запутанность. Встрѣча—страшныхъ идеализмовъ! Гизо, Маколей, первые умы Запада что́ въ сущности сказали объ этомъ черномъ сѣмени и красномъ сѣмени, о революціи и „клерикализмѣ“, которые отнимаютъ другъ у друга поле исторіи, усиливаясь засѣять, засѣять собою единственно, сердца людскія?

II.

Въ одномъ изъ діалоговъ Платона Сократъ отвѣчаетъ на недоумѣнія юнаго своего ученика:

— Что же, Сократъ, неужели и для ничтожнаго, малаго и смѣшного есть своя идея?

— Непремѣнно.

— Такъ что, напримѣръ, есть идея волоса?

— Есть.

— И есть также идеи для отрицательнаго? для блага, ложнаго?

— Непремѣнно есть.

„Идеей“ у Платона называется безкачественный и безвидный прототипъ вещи, по которому реальная вещь образуется. Напр., я имѣю въ виду идею: „прямая есть кратчайшее разстояніе между двумя точками“. Тогда,

разъ *есть* эта идея, я могу взять мѣлъ, уголь или карандашъ—и на бумагѣ или на доскѣ провести прямую линію. Но если идеи нѣтъ, то и реальной вещи, ей соотвѣтствующей, быть не можетъ. Платонъ и училъ, что сколько есть вещей, столько есть и идей. Что около видимаго міра есть невидимый, идейный или идеальный. И въ немъ лежатъ корни не только хорошихъ вещей, но и худыхъ, не только большихъ, но и малыхъ. Когда я читаю или вспоминаю начальное изрѣченіе нашей религіи: „И сотворилъ Богъ небо и землю“, то понимаю это не только въ планетномъ смыслѣ, но и вижу здѣсь другую мысль, быть можетъ, еще глубочайшую и чрезвычайно для человѣка дорогую, милую: что не только небесное сотворилъ Богъ, ангело-подобное, чистое, святое, нѣтъ: но что Онъ и малое все сотворилъ, мелкое, ничтожное, мизерное. Согласно этому воззрѣнію, Богъ обнимаетъ не только величавыя сцены Библіи, а напримѣръ и жанровая сценка, изображенная Теньеромъ, какая-нибудь пирушка въ тавернѣ, имѣетъ тоже свою „идею“, какъ говорилъ Платонъ, или входитъ въ ту „землю“, которую сотворилъ Богъ. Съ такой надеждой, съ такимъ истолкованіемъ слова Божія, будь оно въ умахъ людей и будь оно тамъ привычно и властительно, никогда бы не могло произойти такихъ фактовъ, какъ истребленіе испанцами перувіанцевъ и мексиканцевъ, сожженіе еретиковъ или притѣсненіе сектантовъ: пусть это „волосъ“, но и онъ имѣетъ свою идею; пусть это „земля“, но и она имѣетъ надъ собою Творца, Покровителя и Промыслителя. Язычники и еретики, ужъ конечно не меньшіе и не худшіе, чѣмъ комары и мухи, летающіе въ воздухѣ, суть части идейныхъ и матеріальныхъ богатствъ Божіихъ, подъ замкомъ у Бога: и тронуть этотъ замокъ, покуситься на что-либо изъ этихъ

владѣній Божіихъ, грѣшно и страшно. Образуется идея полноты міра и при томъ равно-прекрасности его въ большомъ и маломъ.

Счастливая идея, если бы она была вѣрна. Но вѣрна ли она? Все благопріятствуетъ ей въ ученіи о Богѣ-Промыслителѣ систематическаго богословія. Но это богословіе имѣетъ нѣсколько томовъ, и въ третьемъ или пятомъ, гдѣ излагается ученіе о *грѣхѣ* и *искупленіи*,— отрицается это ученіе о Творцѣ и Промыслителѣ, излагаемое обыкновенно въ первомъ томѣ. Дѣло въ томъ, что части этой системы сложились на разстояніи тысячелѣтій. На зарѣ исторіи Израиль услышалъ откровеніе: „и землю и небо создалъ Богъ". Но въ среднихъ вѣкахъ, гораздо ближе къ намъ и поэтому гораздо ярче для нашего ума, развилась и укрѣпилась идея искупительной жертвы, идея *зараженности* міра грѣхомъ. Эта идея стала чрезвычайно народной. Всякій замѣчалъ, что, зѣвнувъ—христіанинъ часто торопится перекрестить въ эту минуту раскрытый ротъ. Я не зналъ причины этого, пока не прочиталъ у Лекки, что это обыкновеніе возникло въ средніе вѣка на почвѣ того убѣжденія, что воздухъ, какъ и весь вообще міръ, наполненъ діаволами, вѣчно штурмующими человѣка,—и что перекрестить ротъ во время зѣвка для того нужно, чтобы заградить его отъ бѣса, могущаго воспользоваться минутою, влетѣть въ человѣка и затѣмъ начать губить его. Разсужденія Платона о „волосѣ", о маломъ и дурномъ— пали; о Промыслѣ—тоже пали. Поднялась жгучая и острая идея *вины, грѣха, страданія*. Міръ раздѣлился и противоположился. „Небо" по прежнему создано Богомъ; но „земля", земное, низменное, обыкновенное, если и не прямо, то косвенно, стало признаваться тварью діавола. Люди раздѣлились на святыхъ и грѣшныхъ,

очищаемыхъ и очищающихъ, прощаемыхъ и прощающихъ. Скорбь и мука поползли по низамъ человѣчества. И чѣмъ они ниже пали, чѣмъ глубже ихъ отчаяніе, тѣмъ выше поднялись „прощающіе“, „разрѣшающіе“, „очищающіе“. Бѣдный Нитцше называетъ христіанскую нравственность „моралью рабовъ“ и новизну христіанства находитъ въ томъ, что это рабы взбунтовались противъ господъ и основали царство „нищихъ духомъ“, „кроткихъ“, „послушныхъ“. Но развѣ когда-нибудь въ исторіи императорскаго Рима и восточныхъ деспотій поднималась такая властительная аристократія, какая выработалась у „кроткихъ“ и начала вырабатываться съ самаго ихъ появленія?! Исторія и психологія и механизмъ выработки *авторитета* и вообще *властительныхъ* элементовъ въ христіанствѣ есть одна изъ самыхъ великихъ темъ, пройденныхъ историками мимо. Какъ это медленно зрѣло, какъ тонко зрѣло! Кто не помнитъ, какъ на зарѣ нашей исторіи Ѳеодосій Печерскій пришелъ разъ на великокняжескій (въ Кіевѣ) пиръ. Всѣ веселились. Вы помните начало перваго дѣйствія въ „Русланѣ и Людмилѣ“. Глинка намъ далъ увидѣть и услышать уголокъ того веселья, изъ котораго выковалось поэтичнѣйшее „Слово о полку Игоревѣ“: „А струны сами князю славу рокотаху“... И вотъ на такой пиръ входитъ угодникъ. Онъ не упрекаетъ никого. Онъ сѣлъ и заплакалъ.—„Что ты, отче“?—молвилъ „сварожичъ-князь“ (Сварогъ—языческій богъ), какой-нибудь внукъ Краснаго Солнышка.

— Думаю я, братіе мои, будетъ ли на томъ свѣтѣ такъ же весело, какъ теперь сейчасъ у васъ?

И пиръ умолкъ. Струны порвались. Дружина понурила головы. „Отче“ въ сущности задалъ Шекспировскій вопросъ:

Умереть—уснуть.
Но если сонъ видѣнья посѣтятъ?
Что за мечты на смертный сонъ слетятъ,
Когда стряхнемъ мы суету земную?...

И младенцы исторіи замолчали передъ сѣдовласымъ, передъ древнимъ, старымъ-старымъ вопросомъ. О, не диво, что было написано „Слово о полку Игоревѣ“. Но не диво ли истинное, что до конца XVIII вѣка это чудо пѣвческаго искусства было забыто, да такъ полно, что сохранилось въ единственномъ экземплярѣ въ какомъ-то харатейномъ спискѣ какой-то лѣтописи. Вотъ это забвеніе! Вотъ это искорененіе! Вотъ это censura, своеохотная, съ порывомъ къ ней самихъ цензурируемыхъ, подлинная, настоящая цензура, душевная цензура. „Исповѣдь“, „исповѣдальня“ у католиковъ и нашихъ „старцевъ“, есть религіозная поэзія и философія, поэзія томленій и просіяній совѣсти: но вѣдь въ тоже время она слагается въ ужасную душевную цензуру, въ исправленіе директоромъ неудачнаго душевнаго диктанта, съ приказаніемъ написать все заново. Если бы эти вѣчныя помарки духовника полно дѣйствовали, то, конечно, не родиться-бы въ Европѣ поэзіи Байрона, философіи Шопенгауэра. Они *не нужны* оказались бы, невозможны; а родившись случайно—забылись-бы, какъ великокняжеское „Слово“ было забыто отъ XI до XVIII вѣка. „Ancilla theologiae“, „служанка богословія“, что-нибудь въ родѣ „умозрѣній“ Ѳомы Аквинскаго или мрачныхъ терциновъ Данта—только и возможны были-бы.

Авторитетъ въ христіанствѣ и имѣетъ въ себѣ ту острую и страшную, страшную и сладкую особенность, что въ немъ „склоненныя выи“ любятъ склонившее ихъ ярмо. „Рабы“ обливаютъ слезами десницу „господъ“ своихъ. Сперва—любя, а потомъ—уже и *невольно* любя. Кня-

жескій пиръ добровольно склонилъ свою голову передъ старцемъ: но за нимъ частью вольно, а частью и невольно склонила ее вся Русь. Идея „грѣха“, „грѣшнаго міра“, созданнаго и владѣемаго діаволомъ, ниже и ниже погружала міръ въ темницу, въ узы самой мрачной духовной зависимости.

Петръ очнулся первымъ:

— „Не давать чернцамъ держать чернила по кельямъ. Бумагу и перья отбирать. А если кто будетъ что писать безъ спроса—нещадно бить батоги (батогами)“,—распорядился онъ.—Въ сущности, Петръ сдѣлалъ первый то, что теперь дѣлаютъ Франція, Италія и Испанія, избавляясь отъ духовныхъ конгрегацій. Общее же явленіе это можно формулировать, какъ образованіе царства *отъ міра сего* рядомъ съ царствомъ „не отъ міра сего“. Въ послѣднемъ господствующая идея есть идея грѣха; грѣха и искупленія; грѣха и повиновенія грѣшныхъ „святымъ“. Второе царство есть просто комбинація способностей и нуждъ. Петръ Великій какъ-бы говорилъ „чернцамъ“:

— „Хорошо это и сладко помечтать о томъ свѣтѣ, поалкать небеснаго; потомиться о какой-то невѣдомой и вѣрно въ самомъ дѣлѣ существующей странѣ. Сладко... Но слишкомъ дорого это стоитъ. Напираютъ шведы, нужны пушки: снять колокола и перелить въ пушки. На томъ свѣтѣ разберутъ, а пока на *семъ* свѣтѣ—я судія и автократъ. Папа взялъ два меча: его удача; но на Востокѣ удалось другое: *я* взялъ два меча. Тамъ разберутъ. А пока—слушайтесь. Рога трубятъ, барабаны бьютъ: это —воинства, воинствующая Россія; она откопала и *Слово о полку Игоревѣ*; посмотрите, какъ она раскинулась между океанами, не хуже папства, и не короче, не меньше. Къ Ватиканскому старцу идутъ скорбныя души, но ко мнѣ тоже идутъ молодыя силы,

энергія, таланты, золото. Даже Бонапартъ унтеръ-офицеромъ чуть не попалъ въ русскую службу. Сильное—сильнаго тянетъ. А я силенъ. Есть царство „не отъ міра сего". Но я основываю именно царство „отъ міра сего".

III.

Ультрамонтантство... А мнѣ кажется, напримѣръ, что наше „старчество" —явленіе не офиціальное, а бытовымъ образомъ возникшее и развивающееся—точно такъ же какъ и плачъ Ѳеодосія Печерскаго на пирѣ княжескомъ и „тетрадки чернцовъ" эпохи Петра Великаго—есть то же самое „ультрамонтантство", или, по крайней мѣрѣ, относящееся къ нему такъ же, какъ душа относится къ тѣлу. У насъ только „тѣла" ультрамонтантства не выходило, *событій* не произошло или произошли *маленькія*. У насъ... Но вѣдь ужъ Некрасовъ сказалъ, что „у насъ" все не удается:

...даны намъ благіе порывы,
А свершить ничего не дано.

Я критикую и потому слово „благія" повторяю лишь въ силу того, что изъ пѣсни слова не выкинешь, но своихъ качественныхъ опредѣленій къ изучаемому явленію не прилагаю. У насъ *душа* въ исторіи зародится, а *тѣла* не выйдетъ. Эпизоды начнутся, но въ фундаментальную исторію не сложатся. Всмотримся, въ чемъ дѣло. Весь человѣкъ и все существо человѣческое *ультрамонтанно*,—что ничего другого не значитъ, кромѣ того, что оно въ корнѣ „по ту сторону земли". Для Европы есть Римъ, „по ту сторону Альпъ", ultra montes; но онъ потому и существуетъ и взялъ власть, что для цѣлой земли есть небо, „ultra terram"; и до сихъ поръ всегда человѣкъ радовался, что онъ сверхземенъ, а по-

чему-то теперь протестуетъ противъ ультрамонтантства. Между тѣмъ это два разныхъ имени одного явленія. Всякій идеализмъ до извѣстной степени „ультрамонтаненъ", не знаетъ земли и границъ:—идеализмъ, и религія, и Богъ. Развѣ въ Евангеліи есть *отечество?* Евангеліе началось *съ разрушенія Іерусалима* и призыва язычниковъ. Тоже было „ultra montes", заоблачная даль... Языческія религіи всѣ были *мѣстныя*, племенныя; жреческія и государственныя должности проходились одними людьми, совмѣщались на одномъ плечѣ, а христіанство—универсально. Оно покоряетъ народы, но *къ народамъ не прилѣпляется*. И два меча въ разныхъ рукахъ—его законъ. Мечъ духовный, мечъ свѣтскій; и послѣдній въ покорности первому.

Когда я собирался, прошлый годъ, въ Римъ, то наскоро выстригъ въ одномъ изъ нѣсколькихъ у меня имѣющихся изданій Библіи послѣднюю страничку изъ евангелиста Іоанна и заложилъ въ бумажникъ. „Вѣдь вотъ что я ѣду смотрѣть, и провѣрить и обдумать". На этой послѣдней страницѣ разсказывается о послѣднемъ явленіи Іисуса ученикамъ своимъ при Тиверіадскомъ озерѣ. Въ нашихъ учебникахъ въ тенденціозныхъ цѣляхъ эта страница—*послѣдняя, завѣтная*—комкается. Удивительное неуваженіе къ факту, къ буквѣ Евангелія. Наши „Иловайскіе" рѣшительно и мужественно урѣзываютъ, вырѣзываютъ, распространяютъ таинственную книгу, съ непремѣннымъ требованіемъ, чтобы и всѣ „рѣзали по нашему, а не по своему, а то выйдетъ сектантство", не замѣчая, что ихъ собственный методъ *частичнаго*, а не *цѣлостнаго* истолкованія Евангелія, и есть именно давно и вездѣ сектантство. Но возвращусь къ страницѣ. На ней съ подробностями, не оставляющими

сомнѣнія въ фактѣ и событіи, разсказывается, какъ ученики Симонъ, Петръ, Ѳома, Наѳанаилъ, два брата Заведеевы и еще два не названныхъ, вернулись по смерти Учителя къ старому ремеслу—рыбной ловлѣ, и вотъ въ эту ночь ловили и ничего не поймали. Имъ кто-то крикнулъ съ берега, чтобы они кинули сѣть съ правой стороны лодки,—и они захватили множество рыбы. Подъѣзжаютъ къ берегу—и видятъ, что кто-то стоитъ на немъ. Петръ первый узналъ Учителя и, выпрыгнувъ изъ лодки, побѣжалъ къ нему, а другіе „тащили за собою сѣть, въ которой потомъ оказалось 153 рыбы, и сѣть не прорвалась". Но вотъ они на берегу и собрались около Учителя, дивясь, не вѣря, что видятъ воскресшаго. Повторяю—послѣднее свиданіе. Іисусъ говоритъ имъ: придите, обѣдайте; „изъ учениковъ же никто не смѣлъ спросить Его, кто Ты, зная, что это Господь". Іисусъ подходитъ, „беретъ хлѣбъ и даетъ имъ, также и рыбу". Это уже въ третій разъ явился Онъ ученикамъ Своимъ по воскресеніи Своемъ изъ мертвыхъ. Когда же они обѣдали, Іисусъ говоритъ Симону Петру: —„Симонъ Іонинъ, любишь ли ты Меня *болѣе, чѣмъ они*"? Петръ говоритъ Ему:—„Такъ Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя". Іисусъ говоритъ ему:—„Паси агнцевъ Моихъ". Еще говоритъ ему другой разъ:—„Симонъ Іонинъ, любишь ли ты Меня?" Петръ говоритъ ему: „такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя". Іисусъ говоритъ ему:—„Паси овецъ Моихъ". Говоритъ ему въ третій разъ:—„Симонъ Іонинъ, любишь ли ты Меня?" Петръ опечалился, что въ третій разъ спросилъ его: любишь ли Меня? И сказалъ Ему:—„Господи, Ты все знаешь. Ты знаешь, что я люблю Тебя". Іисусъ говоритъ ему:—„Паси овецъ Моихъ. Истинно, истинно говорю тебѣ, когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и

ходилъ, куда хотѣлъ; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь".—„Сказалъ же Онъ это",—прибавлено и „изъяснено" въ евангеліи,—„давая разумѣть, какою смертью Петръ прославитъ Бога".—„И, сказавъ сіе, говоритъ ему Іисусъ: *иди за Мною*".

И все такъ совершилось, какъ предрекъ Іисусъ. Возвратившійся было уже къ рыбной ловлѣ послѣ смерти Спасителя, едва-ли что знавшій о Римѣ, ничего не подозрѣвавшій о его географическомъ и политическомъ значеніи, — Петръ теперь *спѣшитъ въ Римъ и здѣсь умираетъ подобно Спасителю — на крестѣ*. И вотъ на этомъ второмъ крестѣ, уже Петра, воздвигается Латеранъ, Ватиканъ, храмъ св. Петра. Все папство, какъ слѣдствія въ теоремѣ, уже дано въ этомъ троекратномъ: „паси овецъ Моихъ, паси агницевъ Моихъ, паси овецъ Моихъ". Милоть—брошенная Елисею Иліею.

Никогда и ничего наши богословы не умѣли разъяснить объ этихъ словахъ, твердя съ упорствомъ попугая пустыя и въ сущности нигилистическія слова: „всѣ апостолы были равны", „между ними различія во власти и достоинствѣ не было", „никто не выдѣлялся, всѣ были вмѣстѣ двѣнадцать, и по сему всѣ епископы равны, и римскій — равенъ калужскому". Да, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ бы ужъ говорить, что по принципу апостольскаго равенства папа не выше цареградскаго и московскаго „епископовъ", когда можно и слѣдуетъ прямо сказать, что онъ есть то же, что калужскій или костромской архіерей. Какъ эти разсужденія претятъ русской честности! Ну, скажи (о приведенномъ евангельскомъ текстѣ): „*не понимаю*". Скажи: „вижу, но *не хочу согласиться*". И вѣдь пишущіе дисертаційки на эту тему хорошо напримѣръ знаютъ, что цареградскій патріархъ

именовался (и, кажется, именуется) „общій учитель и отецъ, свыше отъ Бога поставленный для всѣхъ повсюду находящихся христіанъ, *судія вселенной, имѣющій права Бога*“ („Богословск. Вѣстн.“, іюль, 1901 г., стр. 380). А еще мы подсмѣиваемся надъ „непогрѣшимостью папъ“. Христіанство все и всегда было пирамидально, іерархично, вилось къ одной главѣ, а не ко многимъ; внизу стоящимъ овцамъ казалось временами, что какъ онѣ „въ кучкѣ“, такъ „кучкообразно“ и христіанство. Но надъ ними или вдали отъ нихъ, иногда въ узахъ, но постоянно съ надеждою освободиться, всегда стоялъ „Пастырь“, который помнилъ брошенную милоть... Онъ есть въ Калугѣ надъ малою братіею, въ Москвѣ надъ бо̀льшею, и въ Цареградѣ еще надъ бо̀льшею. Но *удался* онъ только въ Римѣ, куда былъ „поведенъ въ духѣ“ Петръ и умеръ тамъ, и побѣдилъ Колизей, ниспровергъ императоровъ и основалъ царство „не отъ міра сего“. Его и возненавидѣли-то особенно сильно другіе неудавшіеся „пастыри“ за то собственно, что имъ достались только маленькія колоколенки, а не главный соборъ, и они тѣмъ же духомъ „я“ и „Я“ руководимые, кричатъ: „маленькіе“, „мы — въ малости“, „маленькихъ возлюбилъ Христосъ“, „не въ Римѣ папа“, а мы всѣ „папы“... надъ этими заробѣвшими и темными сельскими попами, которыхъ деремъ за ихъ смѣшныя косички... Повторяю: мы, толпа, имѣемъ на христіанство воззрѣніе толпы, стада: но оно нисколько не обязательно для пастуховъ и подпасковъ. Внизу—равенство, и должно быть равенство одинаковаго безгласія. Но на верху—власть. Развѣ же рѣшенія вселенныхъ соборовъ подхватили въ себѣ какіе-нибудь вздохи народные? Нѣтъ, на нихъ были позваны и собрались одни пасущіе, которые вынесли къ народу однѣ истины „неоспоримыя и вѣчныя“.

Но гдѣ же истина? кто знаетъ ее, мы ли равные въ безгласіи, они-ли, пирамидальные? Начало авторитета... „За кого Меня *принимаютъ* люди?“—спросилъ однажды Іисусъ учениковъ. Они сказали, что „одни—за Илію, другіе—за Іоанна“.—А *вы* за Кого принимаете?“—„Ты—сынъ Божій“, воскликнулъ опять ревнивый Петръ. Іисусъ отвѣтилъ: „Блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ. И Я говорю тебѣ: ты Петръ и на семъ камнѣ созижду церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ее. И дамъ тебѣ ключи Царства Небеснаго, и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ“. Евангеліе и христіанство не въ добродѣтеляхъ состоятъ, которыя всѣ „приложатся“: но единственно *на фундаментѣ этого восклицанія Петра и вѣры Петра*. Христіанство и Христосъ не разъединимы. Христіанство есть Христосъ. Разбойникъ спасся на крестѣ. Какія же добрыя дѣла онъ совершилъ? Въ чемъ помогъ человѣчеству? Работа его *передъ человѣчествомъ*—ниже нуля. Но онъ сказалъ: „Помяни меня, егда пріидеши во царствіе Твое“. И все. И забытъ вредъ человѣчеству. Какъ же папѣ не отпускать всякій грѣхъ и всякому, кто придетъ и склонится и облобызаетъ старческую его руку?! Это не для себя, не для личнаго самолюбія дѣлается. Что личному самолюбію, имѣющаго завтра умереть старика, говоритъ поцѣлуй руки какого-нибудь мѣщанина изъ Литвы? Онъ его даже и не видитъ, поцѣлуя его не чувствуетъ, ибо такихъ миріады. Но это нужно, какъ выполненіе, какъ повтореніе: „Помяни меня, егда пріидеши во царствіе Твое“...

— „Это слишкомъ страшно“,—говоритъ Франція, борется съ ультрамонтантами, изгоняетъ конгрегаціи.

IV.

Годъ назадъ я имѣлъ случай говорить съ высокопоставленнымъ духовнымъ лицомъ. Я заговорилъ о томъ, какъ многихъ молитвъ на многіе случаи жизни недостаетъ... Съ живостью, какая присуща писателю, „вольной птицѣ“, я вынулъ одно мною полученное и очень меня растрогавшее письмо, относившееся къ этой темѣ:

„Прочитавъ статью вашу, мы, женщины, сердечно благодаримъ васъ за то, что вы очень сочувственно относитесь къ трудамъ и страданіямъ нашей половины рода человѣческаго, которое мы переносимъ при рожденіи дѣтей, и хлопочете, чтобы св. Церковь установила при своемъ богослуженіи особое о насъ „рождающихъ“ прошеніе. Но мы, слушая на сугубой ектеніи прошеніе *о плодоносящихъ* (подчеркнуто въ письмѣ), относимъ это прошеніе,—хотя знаемъ, что и неправильно,—къ себѣ, т. е. къ намъ женщинамъ, которыя беременны, которыя въ чревѣ своемъ носятъ плодъ, которыя въ это молитвенное время быть можетъ мучатся родами, мучатся и очень часто умираютъ. Еще разъ благодаримъ васъ.

Женщины NN“.

Какъ трогательно! Но для чего *публицисту* принимать эту благодарность? Не гораздо ли бы лучше ее принять Церкви? Вѣдь это говоритъ самый нравственный голосъ въ человѣкѣ, голосъ больныхъ и, можетъ быть, испуганныхъ очами смерти? И какъ хорошо, скромно, лишь косвенно онѣ просятъ молитвы о себѣ: „мы принимаемъ за молитву о себѣ то, что не къ намъ относится“. „Мы очень часто умираемъ въ это время“. Есть же у нихъ сознаніе этого! И какую особенную любовь себѣ стяжала бы Церковь, если бы такъ сказать принимала на остріе молитвы послѣдній вздохъ этихъ смиренномудрыхъ чувствъ. „Мы стоимъ въ углу и слушаемъ. И хотя не о насъ молятся, а о пшеницѣ, ржи и

яблоняхъ; но мы думаемъ, что это и о насъ". И никогда-то, никогда объ этомъ своемъ желаніи не сказали скромницы.

Іерархъ, прочтя письмо, сказалъ:„—Молитвы новыя слагаются; Ѳеодосію Углицкому не такъ давно, и вообще многимъ угодникамъ". Онъ не замѣтилъ, — такъ велико дѣйствіе исторіи на индивидуальный духъ—что это есть своеобразное ультрамонтантство, въ своемъ родѣ тоже „ultra Alpes". Молитвы есть и новыя, но онѣ всѣ *въ ихъ замкнутомъ кругѣ:* о *себѣ* молитвы, своимъ *предшественникамъ*, въ пирамидѣ священныхъ властей, восходящихъ къ ап. Петру. Я же говорилъ о противоположномъ теченіи, о молитвахъ *для міра*, для мірскихъ *трудовъ*, *заботъ*. Но онъ даже не схватилъ моего движенія. Я продолжалъ:

— Изъ этого *молитвеннаго охвата всей жизни* какой вытекъ бы авторитетъ, если ужъ онъ нуженъ. Что Ѳеофанъ Прокоповичъ и его „Регламентъ"? Щепка, которая цѣла только потому, что лежитъ на берегу. Буря вѣры разнесла бы ее.

— Все у васъ недвижно,—говорилъ потомъ я.—Нужда ли народная, недородъ, глубокая народная темь, невѣжество, дикіе нравы и наконецъ упадокъ свободы, да — намъ милой свободы. Гдѣ вы? Безмолвствуете. Отсутствуете. И вотъ—упадокъ авторитета, на что столько жалобъ.

И въ мои слова вплелись отвѣтныя тихія слова; я даже не слышалъ ихъ начала, такъ они были тихи, я уловилъ только середину:

„...Связь исторіи, событій и обстоятельствъ. Не страшно, что духовенство *не хочетъ* двигаться: это можно бы возбудить. Страшнѣе, что оно *не умѣетъ* двигаться: такъ давно оно уже недвижно. Вы сидѣли

на стулѣ, къ стулу привязанные: тогда было невозможно двигаться. И это длилось долго. Васъ отвязали: казалось бы—побѣжалъ, но уже ноги отекли, застыла въ нихъ кровь, и усилія сердца не вызываютъ движенія членовъ".

Онъ говорилъ тише и тише:

„Мы узники въ почетѣ. Подадутъ карету. Дѣло великое дѣлается, основана милліонная больница, новое учрежденіе создано новою государственною мыслью. Не нами это начато, мы тутъ не думали, не трудились. Мы позваны, когда все уже готово. Проѣдешь по улицамъ города. Отслужишь службу. Скажешь слово, соотвѣтственное случаю. И опять въ карету. И опять домой въ этотъ дворецъ. И дворецъ, и мантіи, и брилліанты—почетныя узы. Мы внѣ жизни—и не болѣе ей нужны, чѣмъ всякая обстановка".

Это меня поразило. Потому что это была истина. И видно было, что это не сейчасъ у него сказалось, а годами надумывалось. И по человѣчеству, „совоздыхающему со всякою тварью", мнѣ стало невыразимо его жаль. Мнѣ—малому, его—великаго. Но интересность явленія превозмогла волненіе сердца, и я насторожилъ умъ.

„Таинственный узникъ" шепталъ я себѣ: „откуда это? Что̀ совершилось въ исторіи? Какъ мало понимаемъ ее! Какъ мало размышляли о ней! Всѣ власть эту оберегаютъ, и нельзя затронуть ее въ печати, въ жизни, чтобы сейчасъ же васъ рѣзко не остановили. Ее возятъ въ каретѣ, и если не святостью, то недвижностью и пассивностью она напоминаетъ чудотворную икону, какую тоже возятъ въ каретѣ по городу. Но едва этотъ оберегаемый авторитетъ вздумалъ бы сойти на улицу, пойти по улицѣ, подойти къ народу, какъ чрезвычайный выра-

зился бы испугъ въ глазахъ возницы, онъ захлопнулъ бы дверцу и повезъ далѣе. „На тебя должно молиться, но тебѣ нельзя двигаться. Если ты двинешься—мы всѣ остановимся".

V.

Я долго не могъ забыть этого іерарха. „Неудавшееся ультрамонтантство", „удавшееся ультрамонтантство": но въ основѣ обоихъ дѣйствительное ultra terram, „по ту сторону земли", „не отъ міра сего" владычество—или какъ *поползновеніе*, или какъ *исполненіе*. „Я—*побѣдилъ* міръ". Но изъ подъ этой „побѣды" міръ—вырвался, и понесъ, какъ безразсудная и отчаявшаяся лошадь: и гдѣ ударитъ копытомъ, выскочитъ искра-Вольтеръ, искра-Байронъ, искра-Гейне, или тухлая головѣшка-Штраусъ, Ренанъ. Этихъ кропотливыхъ изслѣдователей я называю тупыми, потому что Евангеліе, конечно, есть чудная книга, книга чудесъ; и это видно съ перваго взгляда. Но что̀ это за книга, какого рода, смысла—отъ разгадки этого человѣчество далеко. Внизу стоящіе говорятъ: „Это *намъ* дана книга *любви*"; вверху стоящіе говорятъ: „Эта книга есть *основаніе нашей власти*",—и какой! Страдающіе указываютъ на притчу о милостивомъ самарянинѣ; но приходятъ судьи и говорятъ: „Отдѣлю солому отъ зерна и сожгу солому въ огнѣ неугасимомъ, вѣчномъ; я—зерно, а вы—солома".

Мы сидѣли разъ небольшимъ кружкомъ и разговаривали на разныя темы, частью философскаго, частью религіознаго значенія. Одинъ изъ собесѣдниковъ, занимающихся въ настоящее время детальнымъ изученіемъ біографіи Гоголя, разсказалъ о слѣдующемъ фактѣ изъ его жизни, отъ котораго я тоже не могъ заснуть. Гоголь въ предсмертные мѣсяцы находился въ религіозномъ

экстазѣ. Его окружали различныя аристократическія особы, кажется, ничтожнаго значенія. Вдругъ пріѣзжаетъ къ нему человѣкъ дѣйствительно достопримѣчательный, отецъ Матвѣй, изъ Ржева, его интимный близкій другъ, человѣкъ суровый, печальный, сильнаго душевнаго настроенія и послѣдовательно сухого взгляда. Въ томъ-то все и дѣло, что этотъ от. Матвѣй былъ для своего времени, можетъ быть, столь же замѣчательное и сильное и яркое явленіе, какъ умиравшій писатель, и только жизнь его проходила въ безвѣстности. Но, вѣдь, есть праведники и безъ біографіи? не попавшіе въ святцы? Гоголь весь встрепенулся, когда пріѣхалъ нужный и любимый и почитаемый другъ. Онъ его напутствовалъ. Гоголь уже отъ всего отрекся, отъ суеты, славы, литературы и, казалось, примирился съ Богомъ.—„Нѣтъ еще примиренія“, сказалъ ему от. Матвѣй: „отрекись отъ Пушкина и любви къ нему: Пушкинъ былъ язычникъ и грѣшникъ“.

Гоголь затрепеталъ. Вотъ когда ножъ вошелъ подъ ребро и дошелъ до сердца и остановился съ вопросомъ. А вопросъ былъ предсмертный и мы не должны судить Гоголя съ нашихъ точекъ зрѣнія, сытыхъ и беззаботныхъ, а съ точки зрѣнія и въ положеніи Гоголя. Признаюсь, я тоже затрепеталъ, узнавъ объ этомъ вопросѣ, и вдругъ вспомнилъ, что, вѣдь, точно такой же былъ въ сущности предложенъ вопросъ ап. Павломъ и эллино-римскому міру: „Отрекись отъ Гомера, отрекись отъ Виргилія. Отрекитесь отъ маленькихъ и горделивыхъ своихъ республикъ, и склоните выю подъ смиреннымъ зовомъ: *рабы—повинуйтесь господамъ своимъ!* И вы—не умрете, исторически и всячески, но воскреснете въ новую жизнь—духовныхъ восторговъ и возбужденія“.

Минута жизни Гоголя вдругъ освѣтила для меня гро-

мадныя перспективы исторіи, вплоть до нашего мелкаго теперешняго спора о классическомъ образованіи: а эти перспективы исторіи вдругъ какъ-то сдѣлали понятною и почти интимною загадочную, стенающую кончину Гоголя. Въ самомъ дѣлѣ, ну, представимъ себѣ, что онъ, любитель Рима,—да какой любитель, пѣвецъ Анунціаты!—буквально вмѣстилъ въ себя всю эллино-христіанскую распрю и такъ конкректно, лично, по-именно; и вдругъ:—„Отрекись отъ Пушкина". Конечно, грудь его разорвалась отъ отчаянія.

— Да что̀ отъ Пушкина! — подумалъ я про себя. Писателю писатель нуженъ, а есть вещи и поважнѣе.— „Я пришелъ раздѣлить человѣка *съ отцомъ его*, дочь *съ матерью ея* и невѣстку съ свекровью ея. И враги человѣку *домашніе* его". (Матѳ., 10). „Если кто приходитъ ко Мнѣ, и *не возненавидитъ отца своего и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ*, а притомъ и самой жизни своей—тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ" (Лука, 14). Развѣ же это меньше Пушкина для множества „малыхъ сихъ", которые живутъ невыразимою любовью и горятъ нѣжностью къ этимъ безсильнымъ и безмолвнымъ крошкамъ-дѣтямъ, къ помощницамъ-женамъ, къ взлелѣявшимъ ихъ родителямъ? Для чего такія ужасныя жертвы? И кто же, не Богъ-ли Промыслитель унѣжилъ наше существованіе и дѣтьми, и семьею, и наконецъ Пушкинымъ, и даже звонкими пѣснями Эллады? Гдѣ Промыселъ? Кто Богъ?

Идея Отца и Промыслителя, всеобщаго Опекуна міра, разрѣзалась идеей грѣха и искупленія. Если грѣхъ—то нужна жертва. Не только Пушкинъ, Эллада, но и эти дѣтишки и жены—жертва.

И мысленно я стоналъ, какъ Гоголь. Это міровой вопросъ. Скажутъ: „отецъ Матвѣй былъ безумный". Но ужъ

позвольте мнѣ отца Матвѣя раздвинуть тоже во всемірную панораму: семья, дѣти, родительство будто бы благословлены, и не *обходно и словесно только,* а *въ самомъ дѣлѣ и чистосердечно и вдохновенно?* Но тогда отчего же никогда ни въ одномъ духовномъ журналѣ я не прочиталъ не только что съ любовью написанной, но хотя бы и какъ-нибудь написанной статьи о дѣтяхъ? Ни одной. Купцы и „писаки" издаютъ дѣтскіе журналы: но почему нѣтъ и не было ни одного журнала духовнаго, посвященнаго воспитанію дѣтей? Ни одного. Вотъ—*дѣло.* И можно ли его затемнить, поправить, затушевать словесными и, я думаю, лже-словесными благословеніями семьѣ?

Я гулялъ полгода назадъ въ Ватиканской библіотекѣ. Въ одной витринѣ подъ стекломъ мнѣ показали письмо Генриха VIII къ Аннѣ Болейнъ, и что-то насмѣшливое говорилъ библіотекарь. Но я не слушалъ его и думалъ одну думу, связанную съ только что прочитаннымъ извѣстіемъ, что Левъ XIII очень любитъ посвящать свои досуги домашней фотографіи, и такъ любитъ эту маленькую забаву, что въ похвалу ей написалъ латинское стихотвореніе. Я думалъ:

„Pontifex Maximus, Первосвященникъ новаго завѣта! Всѣ радости міра вкусилъ ты. Но не вкусилъ одной и чистѣйшей—радости семьянина. Почему бы не войти тебѣ въ міръ, тобою управляемый, черезъ эту особенную и особенно крѣпкую и глубокую радость? Исполни заповѣдь, данную человѣкамъ еще въ раю, до грѣхопаденія: Законъ Божій, данный *всей* твари и составляющій въ собственной твоей Церкви священное, признанное, вслухъ объявленное таинство".

— Этого я не могу.

— Но отчего? Что благословлено и притомъ *отъ тебя*

самого—тѣмъ и благословись и притомъ *самъ*. Ты даешь міру чашу и указываешь изъ нея пить (бракъ, семья), но *самъ удерживаешься пить*. Ты говоришь, что это—не по существу вражды къ семьѣ, а по недосугу и занятости, которой помѣшала бы семья. Но ты занимаешься домашнею фотографіей. Дѣло такое безразличное. Перемѣни ее на семью, тобою благословляемую, чему я перестаю вѣрить. Въ чашѣ должно быть дурное содержаніе, если ты самъ *никакъ не можешь изъ нея выпить?!*

— Нѣтъ, не дурное.

— Тогда выпей.

— Не могу! Не могу!

— Тогда по крайней мѣрѣ одно изъ твоихъ *благословеній есть фальшивое, и эта разгадка есть начало длинныхъ другихъ разгадокъ*. Такъ длинныхъ, что надо начать новую литературу и наполнять новыя библіотеки, обширнѣе Ватиканской...

Голова моя горѣла вопросами. Это все „ultra montes", „ultra terram". И Пушкинъ, и Гоголь, и от. Матвѣй, и іерархъ, выхода котораго изъ кареты и вступленія въ міръ боится міръ, и борьба съ конгрегаціями въ Парижѣ, и этотъ мысленный разговоръ съ папою—суть разнообразныя постановки одной темы. Собственно нельзя никакого второстепеннаго вопроса рѣшить, включительно до назрѣвшаго сейчасъ вопроса о разъединеніи интеллигенціи и духовенства, раздѣленіи науки и религіи, общества и церкви, не разрѣшивъ этого вопроса о Богѣ и мірѣ, въ упоръ поставленнаго. Ну, вотъ, напримѣръ, Пушкинъ. Какъ нѣтъ ничего о дѣтяхъ написаннаго, и ихъ вскормленіи и ихъ воспитаніи, такъ, вѣдь, нѣтъ ни одной статьи въ духовныхъ журналахъ и о поэзіи

Пушкина, да и вообще ни о какой поэзіи, напримѣръ: „Эстетическія достоинства *Полтавы, Мѣднаго Всадника*“. Да такую статью и не приняли бы въ духовный журналъ, сказали бы, что „это—не духовное“. Это не духовное! Такъ что мы-то, міръ, и Бога любимъ и о Немъ размышляемъ,—и, какъ мои корреспондентки, письмо которыхъ я привелъ—усердно Богу молимся, стоя въ уголкѣ; но „они“ и не понимаютъ міра и не любятъ его: ибо объ этомъ нѣтъ свидѣтельствъ. И вотъ откуда дикій конь несетъ впередъ; и „узники“ таинственные, и воздыханія. И вѣчное „пораженіе“ „побѣдителей міра сего“.

Небо и Земля разорвались. Землѣ холодно, но Небо гордо высится и думаетъ не о примиреніи съ Землей, а о покореніи Земли.

Но я вспоминаю древнее: „Небо и Землю сотворилъ Господь“. И земное Онъ сотворилъ; и все маленькое; и Пушкина, и дѣтишекъ, и Элладу...

1901.

Недоумѣнные вопросы читателей и отвѣты редакціи „Православно-Русскаго Слова“.

1. Насколько состоятельна мысль въ фельетонѣ „Нов. Времени“ (№ 9258), будто „идея искупительной жертвы и зараженности міра грѣхомъ“ или „идея грѣха, грѣшнаго міра, созданнаго и владѣемаго діаволомъ, развилась и укрѣпилась только въ средніе вѣка“, когда и „люди раздѣлились на святыхъ и грѣшныхъ, очищаемыхъ и очищающихъ, прощаемыхъ и прощающихъ“ и т. д.?

2) Насколько правильно и резонно заявленіе, что Церковь, не имѣя за богослуженіемъ особой молитвы о женахъ, рождающихъ въ болѣзняхъ, должна бы ввести подобное прошеніе за богослуженіемъ?

3) Какъ вообще относиться къ подобному фельетонному затрогиванію и вышучиванію предметовъ священныхъ и церковныхъ?

(Отъ „Свѣтской женщины“).

Отв. Редакціи 1. Первая мысль есть рѣшительная ложь. Всякій, хотя немного смотрѣвшій въ Библію [1]) и учившійся катехизису, долженъ знать, что весьма существенную сторону въ обширной системѣ христіанскаго [2]) Откровенія составляетъ ученіе о падшихъ ангелахъ, во главѣ съ сатаною, или діаволомъ (Лук. X, 18; Іуд. 6; Апок. XII, 9), который явился такимъ образомъ противникомъ Самого Бога и вредителемъ всего дѣла Божія, былъ, по выраженію Спасителя, *человѣкоубійцею искони* (Іоан. VIII, 44). Самое явленіе Мессіи Сына Божія обусловливалось бытіемъ и постоянными злыми дѣйствіями въ мірѣ діавола [3]), разрушить которыя Христосъ и при-

[1]) Въ Библіи уже, конечно — говорится о *грѣхопаденіи;* и тамъ были *очистительныя, искупительныя* жертвы. Но принесъ ягненочка въ храмъ, принесъ двухъ горлинокъ—и все кончено, нѣтъ язвы въ сердцѣ, долголѣтней муки, до паломничества въ Римъ и пр. День Очищенія какъ и Юбилейный годъ—кончали всѣ и всякія счеты. На Западѣ исповѣдь только *мнимо* „все прощаетъ", а на самомъ дѣлѣ все остается: иначе зачѣмъ бы и паломничества въ Римъ?! Это какъ въ вѣнчаніи: „*очищаетъ* (оно) скверну плотскаго единенія"; но ребенокъ зачатъ, родился: и послѣ вѣнчанія читается *все таже* и *ровно таже* „очистительная" надъ роженицею и ребенкомъ молитва, какая читается надъ родившею безъ вѣнчанія. Въ Библіи даже фактъ съ дочерьми Лота передается безскорбно, безъ муки, безъ наказанія и упрека; а въ послѣднихъ словахъ разсказа даже появляется тонъ радости, побѣды: „цѣлые народы вышли, Моавъ и Амаликъ". Представляю себѣ, какъ-бы этотъ фактъ былъ разрисованъ Ѳомою Аквинскимъ и „братіею его": чернилъ-бы не хватило для черныхъ строкъ угрозы, страха, проклятія! Возражающіе мнѣ и не поняли, что вѣдь не одно и тоже *упомянуть* о грѣхѣ, признать *фактъ* грѣха (Библія), и—точно съ ума сойти отъ ужаса передъ грѣхомъ, трястись, *каинствовать* (средніе вѣка). *Нажима* не было до Р. Х. и до Голгофы.—*В. Розановъ.*

[2]) Да я говорилъ о *до*-христіанскомъ Откровеніи.— *В. Р—въ.*

[3]) Замѣчательно, что *всѣ* нижеприведенныя ссылки заимствованы изъ *одного* Новаго Завѣта, и ни одной не взято изъ Ветхаго (хотя и тамъ есть объ этомъ, но мало и безъ нажима): не явно-ли, что я былъ правъ? правъ *психологически*? Тогда какъ возражающіе мнѣ богословы, у которыхъ есть умѣлость около цитать, но ни малѣйшей въ душѣ не держится *религіозной мысли*—правы только нумераціонно и буквоѣдски.—*В. Р—въ.*

шелъ на землю и Своею смертію искупить и спасти зараженное грѣхомъ отъ діавола человѣчество (Мѳ. I, 21, XXVI, 28; 1 Іоан. III, 8; 1 Петр. III, 18; V, 8. Рим. V, 12; Евр. II, 14, 15). Въ той же книгѣ Бытія (гл. III), на которую ссылается фельетонистъ, сказано отъ лица Бога человѣку: *проклята земля въ дѣлахъ твоихъ*, но *сѣмя жены сотретъ главу змія*, и предречены *печали и болѣзни* людямъ, а землѣ—*тернія и волчцы*. Равно и о раздѣленіи людей на святыхъ и грѣшныхъ, прощаемыхъ и прощающихъ, очень много говорится въ Св. Писаніи, см., напр., Мѳ. XVIII, 18; Іоан. IX, 31; XVII, 9, 19; Дѣян. XXVI, 18; 2 Кор. V, 19—21; 1 Петр. V, 1, 2 [1]). Въ средніе вѣка [2]) это библейское ученіе могло быть такъ или иначе искажаемо, но развито оно и укрѣплено въ Св. Писаніи. Въ догматическихъ же системахъ богословія оно излагается не въ концѣ, въ 5-мъ т., какъ фантазируетъ фельетонистъ, а во всѣхъ томахъ, и въ трактатѣ о свойствахъ Божіихъ, и о твореніи міра, и о Промыслѣ Божіемъ и объ искупленіи.

2. Церковь молится о рождающихъ въ болѣзняхъ въ прошеніи на великой эктеніи „о недугующихъ и страждущихъ“, и нѣтъ никакой надобности въ отдѣльномъ еще прошеніи о болящихъ родами, потому что тогда и другіе больные, напр., чахоткою, ревматизмомъ и проч., пожелаютъ отдѣльныхъ о себѣ прошеній, и изъ церковной эктеніи выйдетъ тогда что-то вовсе не серьезное.

3. Относиться къ подобнымъ газетнымъ *словоизверженіямъ и вышучиваніямъ* слѣдуетъ такъ, какъ они того заслуживаютъ по самому своему назначенію, именно какъ къ фельетоннымъ фарсамъ. Очевидно, фельетонисту приходится измышлять разные курьезы, оригинальности и небылицы, чтобы развлечь читателя газеты и поддержать ея ложную популярность. Весь разсматриваемый фельетонъ переполненъ такими небылицами, кривотолками и извращеніями по части Библіи, исторіи, церковной практики и іерархіи, духовной литературы и пр. Но приходится весьма глубоко сожалѣть, что предметы священные и религіозные стали у насъ нынѣ легкимъ достояніемъ *фельетоннаго краснобайства и пустомельства*, доходящаго иногда до кощунства, и *низкопробной публицистики*, и что редакціи и цензура допускаютъ это, духовная же цензура,

---

[1]) Да все опять Новый Завѣтъ!! Тогда какъ я говорилъ о разности ощущеній грѣха *до* Христа и *послѣ* Христа.—*В. Р—въ.*

[2]) Я говорилъ „въ средніе вѣка“ въ смыслѣ: „въ христіанствѣ“, „у христіанъ“.

подчасъ излишне взыскательная въ области духовной литературы, не имѣетъ никакого касательства до свѣтской печати, когда она вдается даже въ явныя ереси, а опроверженія ихъ эта печать не любитъ и преднамѣренно отъ себя отклоняетъ. („Православно Русское Слово“ № 1).

Желчныя мысли въ желтомъ журналѣ.

Я высказалъ простую мысль о томъ, какъ желательно было бы, чтобы *семейство*, *супружество* и *дѣти* были обласканы и нѣжно согрѣты у своей груди Церковью. Насколько это обогатило бы вѣру новыми молитвенниками и просвѣтило бы, научило бы семью! Въ примѣръ того, о чемъ мнѣ мечталось, я указалъ, что недостаетъ двухъ молитвъ: 1) въ словахъ которой рождающая *мать*, испуганная болѣзнью и страхомъ возможной смерти, *лично* и *внутренно*, у себя *дома*, въ *постели*, обращалась бы къ Богу за помощью, и 2) лишняго прошенія во время *литургіи на эктеніи*, черезъ которое отцы, братья, мужья и дѣти женщинъ молились бы, въ разныхъ возрастахъ и разными голосами, за свою дочь или сестру, или супругу, или мать въ такой великій и исключительный моментъ ихъ существованія. Вѣдь, тутъ проходитъ центръ семейной жизни, „пуповина“ семьи. Капните сюда молитву,—и сколько лишнихъ сердецъ вы привлечете въ храмъ!

Много частныхъ писемъ получилъ я по поводу этой мысли, изъ которыхъ одно коллективное, очень трогательное письмо, говорило, что „мы, женщины, *относимъ* къ себѣ молитву о плодоносящихъ, хотя и знаемъ, что она *не къ намъ относится*“. Одно письмо, изъ Финляндіи, говорило, что „рождающія“ входятъ въ общій составъ тѣхъ, о комъ на эктеніи говорится какъ о „стра-

ждущихъ и недугующихъ". Но моя мысль была не о медицинской сторонѣ дѣла, не о механической боли: ибо рожденіе есть такой мигъ, который невозможно-же смѣшать съ другими болѣзнями. И даже грубая, не религіозная наука отнюдь не разсматриваетъ этотъ процессъ какъ болѣзнь, какъ отступленіе отъ нормы и нарушеніе здоровья, а какъ вполнѣ нормальный и здоровый моментъ, но (тутъ—дѣло религіи) какой-то мистическій и странный, подходящій къ краю безднъ между жизнью и смертью. Для такой минуты нужна молитва—сказалъ я. Что я не былъ неосторожень и неправъ, показала статья архимандрита Никодима въ „Церковномъ Вѣстникѣ" (академическій журналъ), гдѣ почтенный авторъ серьезно взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ мою мысль. Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить благодарность за вниманіе къ предмету, т. е. за уваженіе къ женщинамъ, почтеннаго монаха-автора. Въ статьѣ его есть трогательныя по заботливости мѣста, напр., гдѣ онъ говоритъ о состояніи „плодоношенія", какъ о *праведномъ* и *должномъ подвигѣ* супруги. Да и конечно: въ *чемъ*-же *назначеніе* женщины? *для этого* была сотворена Богомъ!—Совершенно иначе отнеслась къ моей мысли желчная редакція „Православно-Русскаго Слова" (годъ 1-й, № 1, стр. 84—85), органа богатаго „Петербург. общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви". Онъ не только отвергъ мой вопросъ, но и зоветъ на меня кару за самое предложеніе вопроса.

Между тѣмъ, что̀ за „ересь" попросить молитвы для рождающихъ? Вѣдь молимся же мы *раздѣльно*, *подробно* и *поименно*: 1) „о всемъ воинствѣ", 2) „о всей палатѣ" и 3) „о еже пособити и покорити подъ нози намъ всякаго врага и супостата"—послѣднее даже когда войны

не бываетъ? А рожденіе—вѣчный моментъ, черезъ него произошелъ весь русскій народъ. И можно-ли сравнить его съ ревматизмомъ?! Какая механика взгляда, какое отсутствіе поэзіи, мысли и мягкости и нѣжности въ воззрѣніи на супругъ и матерей! Но напомнимъ гордымъ редакторамъ, подписавшимъ книжку: „Редакторы: протоіерей Александръ Дерновъ, священникъ Павелъ Лахотскій, Александръ Надеждинъ“,—что о рожденіи и о трудахъ бѣдныхъ матерей въ Св. Писаніи болѣе сказано глубокихъ и любящихъ словъ, чѣмъ о всѣхъ редакторахъ въ мірѣ, въ томъ числѣ и о редакторахъ, выставленныхъ „Обществомъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви“ (безъ передышки не произнесешь пышнаго титула). Такимъ образомъ не могутъ не почувствовать изъ этого жесткаго отвѣта семьянинки всей Россіи, что въ то время, когда онѣ Богомъ такъ возлюблены, вотъ „Обществомъ распространенія религ.-нрав. просвѣщенія въ духѣ православной церкви“ онѣ не весьма возлюблены.

Редакція сѣтуетъ, что „свѣтскія изданія преднамѣренно отклоняютъ“ статьи духовныхъ лицъ, приносимыя въ нихъ какъ „опроверженія“. Но это вовсе не по значительности „опроверженій“, а по ихъ безсодержательности, какая сказалась, напр., въ произведенномъ отвѣтѣ редакціи „Православно-Русскаго Слова“,—отвѣтѣ, который я не могу, какъ авторъ проектируемой мысли о молитвѣ, не назвать бурятско-языческимъ отвѣтомъ; и, имѣй въ рукахъ журналъ, ни за что я не помѣстилъ бы въ немъ такихъ безчеловѣчно грубыхъ въ отношеніи женъ и матерей словъ. Редакторы спрашиваютъ: зачѣмъ я затрагиваю, съ вопросомъ о роженицахъ, „предметы священные и церковные“. Но, вѣдь, моя мысль заключается въ соединеніи *благословеннаго* Богомъ, слѣд.

„священнаго" рожденія, съ „церковью": а редакція, расторгая ихъ, уравнивая рожденіе съ ревматизмомъ, именно раздѣляетъ „священное" и „церковь". Но я, мірянинъ—тоже *членъ Церкви*, и имѣю *право вопроса и просьбы*. Мы, міряне—не рабы Церкви, а члены ея; а между тѣмъ даже и рабамъ не отказанъ и не заказанъ вопросъ, опросъ и просьбы. Пора покончить съ этими претензіями на отождествленіе духовенства съ Церковью, о то такъ и прямо съ Богомъ, и прекратить окрики на всякое замѣчаніе относительно духовенства (ибо вѣдь отъ его воли зависитъ вставленіе лишней молитвы въ прошенія, примѣры чего есть и мною были въ печати указаны): „а, вы отпадаете отъ Бога"! Господь съ вами: я молюсь Богу, но на ваши недостатки молиться не хочу.

Но оставимъ споры. Для русскихъ семьянинокъ я приведу утѣшительное слово изъ вѣчной Библіи: „И сказалъ Агари Ангелъ Господень: вотъ ты беременна, и родишь сына, и наречешь имя ему Измаилъ; ибо услышалъ Господь страданіе твое". Это было въ пустынѣ. Агарь обернулась, удивленная голосомъ: „И нарекла Агарь Господа, который говорилъ съ ней, симъ именемъ: Ты *Богъ — видящій меня*". „Ибо, — сказала она:—точно я видѣла здѣсь *въ слѣдъ Видящаго меня*".

Какія таинственныя оглядыванія другъ на друга Бога и беременной женщины! Нѣтъ,—это не великій часъ, а великіе девять мѣсяцевъ. И собственно тревожитъ меня не одна молитва на разрѣшеніе отъ бремени, а цѣлый циклъ молитвъ, и особенные, съ глубиною и нѣжностью придуманные, „чины службъ" церковныхъ, которые отвѣтили бы и частью выразили всю необозримую линію вздоховъ, надеждъ, безотчетной материнской радости въ теченіе этихъ девяти мѣсяцевъ. Часто я посѣщаю храмы;

почти однѣ женщины въ нихъ и молятся; по крайней мѣрѣ три четверти. Жизнь женщины на три четверти протекаетъ именно въ материнствѣ; да, вѣдь, мы такъ всѣ и формулируемъ: „быть *матерью—призваніе* женщины". Можно-ли же сказать о нихъ: „материнство—это все равно какъ чахотка или ревматизмъ; о каждомъ не намолишься, мы—сразу о всѣхъ". Нѣтъ, это отдѣльное; нѣтъ, это особое; нѣтъ, это великое. Со мною согласенъ и от. архимандритъ Никодимъ („Церк. Вѣстн."), становлюсь подъ его защиту. Лахотскій, Дерновъ и Надеждинъ явно не правы. Но я разовью мечту свою: что же эти $^3/_4$ изъ всего состава молящихся, женщины, находятъ о $^3/_4$ своей жизни и о главномъ своемъ жизненномъ и міровомъ назначеніи въ кругѣ существующихъ церковныхъ молитвъ? Ничего. Ни слова! А между тѣмъ приведенныя слова изъ Библіи указывали бы и въ богослуженіяхъ повторить эти ангельскіе имъ привѣты: ибо Ангела Богъ послалъ къ Агари; а Богъ Ангела посылаетъ туда, куда нужно, съ словомъ, съ какимъ нужно. И вотъ приведенную рѣчь Ангела къ Агари и Агари о Богѣ можно было бы развить, раздвинуть, какъ вѣточку въ полный дубъ—въ цѣлый чинъ богослуженія: внимая которому постоянная посѣтительница храма какъ почувствовала бы себя въ немъ согрѣтою! и подъ вліяніемъ, таинственнымъ и неизслѣдимымъ, слышимыхъ въ храмѣ словъ, до нея спеціально относящихся, я думаю, русская *мать вынашивала бы дѣтей лучшими нравственно и физически!* Ибо рано, еще съ чрева матери, начинаются наши пороки; а начинаются здѣсь пороки--могли бы начаться и добродѣтели. Не даромъ Библію и далъ намъ народъ, матери котораго уже въ беременности своей читали и слушали подобныя религіозныя ласки себѣ, и утѣше-

нія, и привѣты, и глубокую о себѣ религіозную философію *).

---

*) Примѣнительно къ высказываемой въ этой статьѣ мысли должно замѣтить слѣдующее. Въ христіанскомъ бракѣ, цѣль котораго заключается преимущественно въ реализаціи земнаго поприща, въ благословенномъ рожденіи и по закону Господню воспитаніи дѣтей, одну изъ важныхъ сторонъ занимаетъ материнство. Мать дѣтей—это великое слово: „ея святое назначенье нашь геній изъ пеленъ принять, направить душу поколѣнья...“; „сколько горькихъ слезъ украдкой“ матери приходится проливать надъ колыбелью любимаго малютки. „Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ святыя, искреннія слезы: то слезы бѣдныхъ матерей“. „Родная матушка плачетъ, что рѣка течетъ“ (народная п.). Мать, истинная мать, есть первая на землѣ заступница дѣтей своихъ послѣ Бога Вышняго и Святыхъ Его: *Забудетъ-ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалѣть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя*“ (Исаіи 49, 15), говоритъ Господь Богъ. „Стара“, мать Остапа и Андрея, всю ночь цѣликомъ, послѣднюю ночь, одна сидитъ у изголовья дѣтей своихъ, заливаясь горючими слезами, и думаетъ думушку, что больше уже не увидитъ милыхъ сердцу ея дѣтей. Какою великою радостію радуется „родившая“ (Сравн. Еванг. Іоанн. 16, 21) и какъ невыразимо радостно „плодоносящая“ передаетъ своей подругѣ вѣсть: (младенецъ) „взыгралъ“ (сравн. Еванг. Лук. 1, 41), „поворошился“. Въ Священномъ Писаніи живыми, пластичными чертами изображается пребываніе младенца въ материнскомъ лонѣ: „*И я въ утробѣ матерней образовался въ плоть въ девятимѣсячное время, сгустившись въ крови отъ сѣмени мужа и услажденія, соединеннаго со сномъ*“ (Премудр. Солом. 7, 2); „*Ибо Ты устроилъ внутренности мои и соткалъ меня во чревѣ матери моей... Не сокрыты были отъ Тебя кости мои, когда я созидаемъ былъ въ тайнѣ, образуемъ былъ во глубинѣ утробы. Зародышъ мой видѣли очи Твои; въ Твоей книгѣ записаны всѣ дни, для меня назначенные, когда ни одного изъ нихъ еще не было*“. (Псал. 138, 13, 15—16). Вотъ какое значеніе имѣетъ материнство и вообще „плодоношеніе“ матерей въ особенности. Мысль о молитвѣ за „плодоносящихъ“ и „рождающихъ“ матерей поэтому согласна съ богооткровеннымъ ученіемъ.

Примѣчаніе цензора архимандрита Меѳодія.

Вотъ чего не понимаютъ редакторы „Православно-Русскаго Слова“. И я пользуюсь правомъ мірянина сказать имъ нѣкоторое наставленіе. Легко сказать: „не надобно“. Нѣтъ, намъ-мірянамъ—„надобно“, а вы со своей стороны подумайте, какъ исполнить то, что намъ „надобно“. Такъ и жила и созидалась Церковь взаимодѣйствіемъ міра и клира. Вы печете, а подаете—намъ. И ужъ намъ судить, *какъ* и *что* вы испекли. У насъ тоже въ тѣлѣ—душа, а не солома, какъ это вамъ, повидимому, представляется.

1901—1903 г.

Письмо въ редакцію „Новаго Пути“.

Милостивый Государь!
Господинъ Редакторъ!

Въ полемикѣ съ журналомъ „Православно-Русское Слово“, издаваемымъ „Обществомъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной церкви“, на стр. 212—218 октябрьской книжки журнала „Новый путь“, г. В. Розановъ затронулъ въ нѣсколькихъ выраженіяхъ самое Общество. Эти выраженія, безотносительно къ предмету спора, котораго я не буду касаться, побуждаютъ меня просить васъ напечатать въ ближайшей книжкѣ вашего изданія нѣсколько словъ объ Обществѣ.

В. Розановъ называетъ журналъ „Православно-Русское Слово“ органомъ „богатаго“ Общества. Богатъ Богъ милостью: ею Господь обогатилъ и Общество религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Оно возникло 22 года тому назадъ по иниціативѣ нѣсколькихъ столичныхъ священниковъ и ими на своихъ плечахъ выношено; приняло же грандіозные размѣры силою того взаимодѣйствія, которое установилось въ немъ между духовными и свѣтскими лицами, входящими въ составъ его. За 22 года существованія Общества не было въ Петербургѣ сколько-нибудь выдающагося священника, который бы не участвовалъ въ той или другой отрасли его дѣятельности. По его примѣру учреждены такія же общества въ Кіевѣ и на дняхъ въ Варшавѣ, готовятся къ открытію и въ другихъ городахъ Россіи. Оно богато любовью къ религіозно-нравственному

просвѣщенію народа, безкорыстною работой и одушевленіемъ въ осуществленіи намѣченныхъ ему цѣлей. Вещественное же богатство Общества ежегодно все, безъ остатка, идетъ на расширеніе религіозно-просвѣтительной дѣятельности, такъ что въ этомъ отношеніи его справедливо можно назвать нищимъ, многихъ богатящимъ.

О названіи Общества г. Розановъ пишетъ: „безъ передышки не произнесешь пышнаго титула". Однако и г. Розановъ не будетъ спорить, что титулъ, пусть и длинный, точно выражаетъ цѣль и характеръ дѣятельности Общества, а это и имѣлось въ виду, когда учреждалось Общество въ отличіе и отчасти противовѣсъ сектантскому обществу, существовавшему въ Петербургѣ въ 70-хъ годахъ и потомъ закрытому. Смѣяться надъ титуломъ выросшаго въ значительную величину Общества не то же ли, что смѣяться надъ неблагозвучнымъ (на иной взглядъ) именемъ хорошаго человѣка?

Наконецъ, въ увлеченіи полемикой, г. Розановъ выраженіе своего противника изъ журнала „Православно-Русское Слово" относитъ ко всему Обществу и пишетъ, что „семьянинки всей Россіи не могутъ не почувствовать, что въ то время, какъ онѣ Богомъ такъ возлюблены, вотъ Обществомъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія онѣ не весьма возлюблены". Зачѣмъ было г. Розанову взводить такое обвиненіе на цѣлое Общество? И допускать такія ошибки поспѣшнаго обобщенія не значитъ ли рыть пропасть между собою и значительнымъ кругомъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, входящихъ въ составъ Общества, разнообразно заявившаго себя работой для укрѣпленія русской семьи въ теченіе не малаго числа лѣтъ?

Примите и пр.

Предсѣдатель Совѣта Общества
Протоіерей *Ф. Орнатскій.*

Отвѣтъ предсѣдателю совѣта „Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви", о. Ф. Орнатскому.

Я удивленъ, что одно только слово: „богатое общество", употребленное въ статьѣ моей объ означенномъ Обществѣ, — вызвало цѣлое письмо его Предсѣдателя,

почти жалующееся „на бѣдность“. Такая впечатлительность именно къ данному пункту не можетъ не показаться подозрительною; и я, изъ жизненнаго своего опыта, могу привести на память себѣ и въ объясненіе письма о. Ф. Орнатскаго только случаи, когда какая-нибудь фирма вдругъ начинаетъ усиленно жаловаться „на плохіе нынче доходы“, и это всегда есть признакъ, что торговля ея идетъ превосходно. Припоминаю также, съ какимъ трудомъ Плюшкинъ отыскалъ „лоскуточекъ бумажки“, чтобы написать записочку: между тѣмъ амбары и домъ его были полны богатства.

Перейду къ дѣлу, и скажу дѣйствительно нѣкоторые упреки Обществу и руководящему имъ Предсѣдателю, насколько отъ послѣдняго зависитъ направленіе Общества.

О „богатствѣ“ его я не имѣлъ бы причинъ упомянуть, если бы вотъ уже не первый годъ до меня не доносились съ разныхъ сторонъ слухи, что Общество это совершенно матеріализировалось и не имѣетъ въ себѣ ничего „духовнаго“. Извѣстно, что на кладбищѣ хоронятъ мертвецовъ; туда приходятъ горожане со слезами и скорбью. Но изъ чрезмѣрнаго соперничества, съ какимъ „батюшки“ стараются получить „штатное мѣсто“ при кладбищенской церкви, нельзя не заключить, что для нихъ кладбище открыто третьею своею стороною—доходною „Людямъ—слезы, покойникамъ—вѣчная жизнь, а намъ--доходы“. Я былъ пораженъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, хороня дочку на Смоленскомъ кладбищѣ, когда, раньше чѣмъ впустить гробикъ въ ворота „богатаго“ кладбища, мнѣ сказалъ сторожъ: „пожалуйте въ контору“ (кажется, чтобы взять пропускъ). И на вопросъ мой:

— А гдѣ контора?

Отвѣчалъ:

— Въ церкви.

Шла литургія, церковь была отворена. Я вошелъ и не могу передать изумленія, съ какимъ (въ самомъ храмѣ) прочелъ вывѣску-надпись (огромными буквами) на дверяхъ (помнится, на западной стѣнѣ):

„К о н т о р а“.

Это такъ же меня поразило, какъ лѣтъ тридцать назадъ, когда, еще будучи гимназистомъ, я разъ оперся (стоя на улицѣ) на рѣшетку кладбища же и, разсѣяно смотря на памятники могилъ, вдругъ увидѣлъ доску-вывѣску, прислоненную къ стѣнѣ церковной, гдѣ были двухвершковыми буквами обозначены prix-fixes:

„За мѣсто для покойника въ первомъ разрядѣ столько-то.

„Во второмъ—столько-то.

„Въ третьемъ—столько-то“. И пр.

Извѣстно, что гимназисты бываютъ идеалисты. Не могу передать, до чего изумленъ и испуганъ я былъ этой доской. А я-то думалъ, что „батюшки“ съ нами плачутъ около гроба. „Надгробныя рыданія“, „Небеснаго круга“... А на дѣлѣ—

„К о н т о р а“.

И такой смѣшокъ меня теперь разбираетъ, когда какой-нибудь этакъ „конторскій человѣкъ“ проводитъ въ „духовномъ журнальцѣ“ идею, что вотъ: 1) философы нынче всѣ матеріалисты; 2) появилась даже теорія экономическаго матеріализма, въ родѣ марксизма, которая всѣ явленія исторіи пытается объяснить экономической подпочвой; или что вотъ 3) „Новый Путь“ проповѣдуетъ не забывать земное, между тѣмъ какъ

Христосъ намъ указалъ, и религія извѣчно проповѣдуетъ, что слѣдуетъ помышлять только о духовномъ, о небесномъ, о горнемъ... „Экономическій матеріализмъ“: да неужели *серьезно* выражаютъ его полу-нищіе студенты, толкующіе, по Марксу, о нѣмецкихъ богатствахъ, а не гг. „духовные“, которые ухитрились даже въ центрѣ гробовъ, даже передъ рыдающими о покойникахъ родителями, поставить

„Контору“.

Съ такими-то житейскими впечатлѣніями и надуманными думами не могъ я не относиться скептически и къ длиннотитульному Обществу, особенно когда отовсюду началъ слышать о милліонныхъ его капиталахъ. Конечно, дай Господи каждому „капитальца“. И не сомнѣваюсь, что „падаютъ крохи“ отъ милліоновъ и на „сиротъ“. Не сомнѣваюсь, вообще, что все тутъ ведется чисто, отчетно (на то вѣдь и „контора“, на то есть и наука бухгалтерія): но только не понимаю, гдѣ тутъ „духовное“, „небесное“, „горнее“? Были у насъ „недороды“; пухъ народъ отъ голоднаго тифа; такъ вѣдь не то, что пошли, а побѣжали во множествѣ русскіе люди на помощь голоднымъ. Весьма буду обязанъ г. Предсѣдателю „Общества“, если онъ разскажетъ, какъ въ голодный годъ онъ командировалъ, положимъ, въ Орловскую губернію, или въ другую какую „пухнущую“, такихъ-то и такихъ-то протоіереевъ, вручивъ имъ тысячи изъ капиталовъ, и сказавъ: „не мы собрали, а намъ собрали, идите и раздавайте народу, что принадлежитъ народу“. Помню, въ два разные голодные года, товарищи мои и я откладывали на голодающихъ то часть учительскаго, то часть контрольнаго (на службѣ, въ контролѣ) жалованья; не могу забыть доброй нѣмки

и лютеранки, у насъ служившей бонною, которая услыхавъ отъ пастора въ киркѣ, что въ Россіи голодъ и добрые люди пусть пожертвуютъ, стала изъ десяти рублеваго своего жалованья, коего значительную часть высылала старухѣ-матери, отчислять нѣкоторую дольку русскимъ мужикамъ. Случай такъ меня поразилъ и удивилъ, что съ того времени, помню, во мнѣ и совершилось сердечное „примиреніе церквей“, и признаніе Лютера какъ бы своимъ, русскимъ, роднымъ проповѣдникомъ. Ибо онъ (косвенно и посредственно) далъ русскому хлѣба.

Но я все уклоняюсь. Вернусь къ „Обществу“. Что же оно сдѣлало „духовнаго“, милосерднаго, нужнаго, исключительнаго, что соотвѣтствовало бы исключительнымъ его силамъ (все видное петербургское духовенство), авторитету и богатствамъ? Если оно устраивало пріюты и богадѣльни—то это доступно средствамъ, разуму и сердоболію каждаго купца. Да и не дико ли было бы даже этого не сдѣлать: вѣдь явно жертвующіе жертвовали Обществу не „для его прекрасныхъ глазъ“, а именно *на* благотвореніе. Тутъ „Общество“ было только казначеемъ чужихъ денегъ. Но что виднѣйшее и довольно могущественное петербургское духовенство сдѣлало не въ предѣлахъ этого трафарета, повторяю—доступнаго каждому купцу, а оригинальнаго, новаго, въ чемъ сказалось бы, поэтично и мечтательно, его благое и мудрое сердце? Имѣя капиталы, „ворочая капиталами“, хоть приложило-ли оно стараніе о приданіи благочестиваго, тихаго и скромнаго вида кладбищамъ нашимъ? Дабы это былъ не „домъ торговли“, а обитель дорогихъ нашихъ покойниковъ подъ сѣнью Вѣчнаго Отца? Да, вотъ если бы я увидѣлъ не только протоіереевъ, посланныхъ въ голодный годъ устраивать

столовыя голоднымъ, а и другихъ еще протоіереевъ, въ лѣтній вечеръ сажающихъ цвѣты на свѣжихъ могилкахъ ими возлюбленныхъ покойниковъ (ибо вѣдь отъ того всенародно мы и зовемъ священниковъ „батюшками“, что имѣемъ иллюзію, что каждый-то священникъ есть „отецъ родной“ всѣмъ людямъ)...—было бы другое дѣло! „Какъ“,—скажетъ о. Ф. Орнатскій,—„чтобы протоіерей, въ камилавкѣ, съ наперснымъ крестомъ, началъ самъ и своеручно сажать цвѣты на могилѣ: не соотвѣтствуетъ сану“. И вспоминается мнѣ изъ гр. А. Толстого, какъ онъ, „суетный поэтъ“ (думалъ тоже все о „земномъ“), обрисовалъ вообще человѣческую гордость:

Ходитъ, Спѣсь, надуваючись,
Съ боку на бокъ переваливаясь,
Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень,
Пузо-то его все въ жемчугѣ
Сзади-то у него раззолочено.
. . . . . .
Идетъ, Спѣсь, видитъ: на небѣ радуга;
Повернулъ Спѣсь во другую сторону:
„Не пригоже“-„де мнѣ нагибатися“.

Невозможно не подумать съ глубокой грустью, что все „устроеніе покойника“ у насъ взяли въ свои руки „Бюро похоронныхъ процессій“, учрежденія чисто торговыя и даже иновѣрныя (сужу по одному уѣздному, въ Орловской губерніи, городу, гдѣ разныя принадлежности похоронной процессіи, между прочимъ, и кресты, выдѣлываются евреями ремесленниками). Между тѣмъ не дѣло-ли это духовенства, именно какъ корпораціи, какъ сословія, войти въ каждый домъ, гдѣ есть покойникъ, и съ момента, какъ закрылись его очи, и до момента, какъ закроется онъ землею, взять

его въ свои любящія, „отцовско-материнскія“ руки. Пусть бы монашенки обмывали его и читали — добровольно! у всякаго! *безмездно* даже у богачей! — псалтирь надъ нимъ. Повѣрьте, не возьмите вы тутъ (въ трагическую минуту) денегъ—вдесятеро дадутъ вамъ въ другой разъ: ибо увидятъ въ васъ отцовъ родныхъ, а не „контору“ и „спѣсь“, какъ теперь слишкомъ часто. Итакъ, обмывъ и прочитавъ псалтирь, пусть церковь и одѣвала бы покойника въ церковную рубашечку; пусть ткутъ таковыя опять же монашенки, и опять же безплатно (послѣ все вознаградится!); и своимъ способомъ, своими средствами пусть отвезетъ къ могилкѣ, опять даровой, и зароетъ своими руками, да еще и насадитъ бѣлыхъ розъ на могилкѣ, а въ годъ хотя бы разъ, въ день ангела, отслужитъ по каждомъ, по нищемъ, по безродномъ, по забытомъ, панихидку на могилѣ—и все безплатно, о каждомъ: а ужъ мы, міряне, хоромъ подняли бы на руки такое *родное себѣ* духовенство!

Но Общество-Длинный-Титулъ умѣетъ только повторять (очевидно, механически, т. е. безъ сердечнаго участія) завѣщанное отъ вѣковъ, т. е. повертывать стереоскопъ затвердѣвшихъ формъ. Будь у него другой предсѣдатель, *съ живою личностью въ себѣ*, и онъ указалъ бы ему все то, на что здѣсь указываю я, третій человѣкъ. Не въ словахъ наше оправданіе, а въ дѣлахъ. Въ „словѣ ходитъ“ (хлыстовскій терминъ) о. Ф. Орнатскій хорошо; а вотъ дѣла... переходятъ въ многоточіе. Казенно, конторски, трафаретно; „духъ Божій“ еще не проносился надъ „бездной“, т. е. надъ множествомъ „дѣлъ“ Длинно-Заглавнаго-Общества. Безъ иронiи измѣняю его титулъ: просто рука устаетъ прописывать „имя рекъ“ его.

В. Розановъ.

ДУХОВЕНСТВО, ХРАМЪ, МІРЯНЕ.

Въ уютной небольшой гостинной насъ собралось нѣсколько человѣкъ, и всѣ мы живо заговорили на тему, о которой только-что выслушали блестящую лекцію. Ее читалъ молодой богословъ, который, пройдя университетъ, поступилъ потомъ вольнымъ слушателемъ въ духовную академію и ведетъ теперь образъ жизни, который всего лучше можно охарактеризовать, назвавъ „свѣтскою миссіей". Странное казалось бы явленіе, а между тѣмъ—давно необходимое. Около Церкви, при сколько-нибудь сносномъ развитіи общества, не могутъ не группироваться люди совершенно частные, которые и помогаютъ, и критикуютъ то вслухъ, то интимно, и въ концѣ-концовъ не могутъ не дѣйствовать на ходъ и направленіе церковныхъ дѣлъ и особенно мыслей. Почему уже Хомякова не назвать дѣятелемъ такой „свѣтской миссіи"? почему Рачинскій, съ его преданностью Церкви, съ многолѣтнимъ трудомъ на ея пользу, не есть уже такой „свѣтскій и неоффиціальный миссіонеръ?" Но что принадлежитъ, какъ право, Хомякову и Рачинскому, принадлежитъ мнѣ и рѣшительно каждому моему читателю.

Лекція была трогательна по одушевленію. Я зналъ этого молодого богослова, „до слезъ" (если позволительно выразиться) преданнаго Церкви: но вотъ что ударило меня въ его лекціи. Какъ и многіе славянофилы (хотя совершенно самостоятельно), онъ повторилъ—„ex Oriente lux". Германскія и романскія страны онъ пред-

ставилъ намъ религіозно умершими. У него точно зеленые огоньки бѣгали въ глазахъ, когда онъ говорилъ о протестанствѣ и папствѣ. „Все отъ Руси! Все отъ насъ". Я улыбался. Но я былъ и самъ тронутъ чуть не до слезъ, когда вдругъ, привставъ и что-то процитировавъ, чуть не цѣлую страницу изъ одного беллетриста-народника, еще живого, но уже много лѣтъ замолчавшаго въ тягостномъ и неисцѣлимомъ недугѣ, онъ сказалъ:

— Но вотъ въ чемъ дѣло. Русская интелигенція имѣетъ за собою безспорный подвигъ. Кто бѣжалъ къ голодающему народу, кто бѣжалъ къ страждущему народу? Кто его лечилъ? и въ годы трудные и тяжелые, въ годы иногда страшные, кто предстательствовалъ за него? Все это есть не хвастливый подвигъ, а вѣковое дѣло той безформенной и казалось бы „не путёвой" интеллигенціи, которую многіе склонны упрекать, какъ не имѣющую въ себѣ Бога, религіи. Я говорю менѣе о людяхъ литературныхъ и болѣе о людяхъ трудовыхъ, но не обѣгаю и первыхъ. Въ нашихъ белетристахъ-народникахъ прошло столько любви къ народу, у нихъ есть страницы съ такимъ свѣтомъ совѣсти въ себѣ, что я, богословъ, не знаю высшихъ и чистѣйшихъ страницъ въ своей спеціальной литературѣ, которою занимался въ Академіи. Въ этомъ и пунктъ, что интеллигенція безспорно имѣетъ въ себѣ Бога, хотя и не говоритъ о Немъ, стыдливо Его таитъ: и что, безъ имени Божія на устахъ, она сдѣлала дѣла, которыхъ далеко не сдѣлали въ томъ количествѣ и съ тѣмъ же рвеніемъ люди съ именемъ Божіимъ на устахъ. И (онъ какъ-то вспылилъ и запутался) дѣло въ томъ, что эту интеллигенцію уже невозможно покорить, ее поздно покорять, ее никто не въ правѣ издали и высокомѣрно поманить перстомъ къ вѣрѣ; а можно только примириться съ нею, и притомъ при-

знавъ весь ея подвигъ и всю ея идеалистическую, трудовую и мыслительную, правду".

И онъ сѣлъ. И, какъ я постоянно его наблюдалъ не во время рѣчи, вдругъ потускнѣлъ въ выраженіи глазъ и лица. Теперь что̀ бы ни говорили вокругъ него, даже по поводу его чтенія, онъ все бы только полуслышалъ до новой своей рѣчи, всегда пылкой и иногда неизъяснимо-прекрасной. „Non, signore, io povro improvisatore"... вспоминалъ я не разъ изъ „Египетскихъ ночей" Пушкина, стараясь объяснить себѣ его натуру и талантъ, столь глубоко не діалектическій, иногда прямо не умный, и столь всегда вдохновенный.

Мы были возбуждены его чтеніемъ. И нѣсколько юристовъ, писателей, духовныхъ лицъ и чиновниковъ собрались еще разъ обсудить и перерѣшить ту же тему. Послышались разные голоса:

— Дѣйствительно, моментъ побѣды ни для одной, ни для другой стороны невозможенъ. Дѣйствительно— это міровой вопросъ, ибо не у насъ только, но и на Западѣ, до извѣстной степени въ цѣлой нашей цивилизаціи глубокая, органическая трещина раздѣлила культурное общество и Церковь. И этимъ тревожится не столько общество, сколько Церковь. Протестантскія, католическія страны и наконецъ наше Православіе равно объемлются тревогою, что приходящіе къ службѣ въ храмѣ Божіемъ все рѣдѣютъ и рѣдѣютъ, и что они не только количественно, но, главное, качественно понижаются. Вспомнимъ вѣщее слово К. Н. Леонтьева, смертельнаго врага интеллигенціи и самаго принципа интеллигентности: „вездѣ было и всегда будетъ, что народъ раньше или позже идетъ за интеллигенціею; распинаетъ ее—но потомъ все-таки за нею же идетъ". Отсюда-то и вытекала такая скорбь Леонтьева, который видѣлъ,

что его дѣло и идеалъ, дѣло и идеалъ византійской Москвы, не имѣетъ будущаго, проиграно по всеобщему отвращенію интеллигенціи и культуры русской къ этому идеалу. Перенесемъ это предвидѣніе Леонтьева на дѣла духовныя, религіозныя—и мы почувствуемъ тоску и тревогу Леонтьева. Я много лѣтъ каждое воскресенье бывалъ въ церкви. Бываю здѣсь въ Петербургѣ. Бывалъ въ Москвѣ. Бывалъ въ провинціи. Нигдѣ чиновникъ, судья, морякъ, генералъ, журналистъ, докторъ, общественный дѣятель не стоитъ среди народа и не молится усердно. Вездѣ—одни простолюдины. Простолюдины и еще въ самомъ небольшомъ числѣ образованныя, полуобразованныя женщины. Это гораздо болѣе жутко, чѣмъ книги Штрауса и Ренана. И Ренана можно было опровергнуть, а разсказываемаго мною факта ни опровергнуть, ни вообще какъ-нибудь побѣдить нельзя, и при видѣ его по душѣ вѣрующаго проходитъ тоска... Я вспоминаю слова Леонтьева и душа моя наполняется самыми тяжелыми предчувствіями.

— Вся сила лекціи, нами выслушанной, лежитъ въ томъ, что она показала raison d'être этого факта. До сихъ поръ надъ нимъ ругались, его порицали, впрочемъ одни богословы, при полномъ и нѣсколько пренебрежительномъ молчаніи интеллигенціи. Лекторъ намъ показалъ, что за стѣнами церковными, въ этой интеллигенціи, есть одушевленіе, идеалъ, что это вовсе не проходимцы идейные, не ничто. Идеализмъ встрѣтился съ идеализмомъ же, бросились грудь съ грудью. Общество наше глубоко реформировалось за эти двадцать лѣтъ. Въ немъ нѣтъ и помину о Дарвинѣ и Спенсерѣ. Я называю имена для краткости, хотя не въ именахъ дѣло. О прежнемъ бездушномъ взглядѣ на природу нѣтъ и помина. Общество вполнѣ религіозно, въ немъ выросла

религія; въ то же время оно однако и внѣ-церковно, даже хуже. Въ этомъ и мука. Поэтому когда церковные писатели въ старомъ полемическомъ задорѣ гремятъ противъ матеріализма и позитивизма общества, науки, литературы,—они не попадаютъ въ цѣль.

— Послѣднія допѣваются пѣсни,—я говорю о религіозной противъ интеллигенціи полемикѣ. Въ духовенствѣ болѣе и болѣе пробуждается сознаніе, подымаются свѣтлые умы, которые не подчиняются положенію дѣла, а хотятъ господствовать надъ положеніемъ дѣла. Еще вчерашніе дни собственной необдуманной полемики ими считаются какъ положительный проигрышъ дѣла. Они теперь хотятъ говорить, думать, слушать. Они говорятъ интеллигенціи: „Что такое, мы ничего не разберемъ? Вы отъ насъ уходите, мы васъ ругали; но тутъ есть что-то худшее, чѣмъ лѣнь и безвѣріе: въ васъ есть негодованіе; а когда слушатель негодуетъ, въ этомъ не всегда бываетъ онъ виноватъ, а бываетъ часто виноватъ и проповѣдникъ. Столпъ нашего утвержденія—связанность человѣка съ Богомъ. Это—религія. Мы ея служители. Камень подъ нами вѣченъ и не разрушимъ, но мы—относительны, несовершенны, слабы. Не трогайте Бога и говорите о насъ“. Это измѣняетъ положеніе дѣла. Это сразу опускаетъ копья между лагерями и открываетъ почву для мысли и сужденія.

Всталъ юристъ, бѣлокурый и съ сердитымъ лицомъ, прошедшій длинный путь гимназіи, гвардейской службы, вольнаго слушательничества въ университетѣ, жизни въ Толстовской колоніи, переведшій „Толкованія на Апокалипсисъ“ Ньютона, неизданныя „по независящимъ обстоятельствамъ“, и заговорилъ отрывисто:

— Многое говорилось на лекціи блестящаго, но какъ-то не дѣльнаго. Намъ показывали небесныя видѣ-

нія, рисовали воздушныя перспективы. Но все это какъ fata-morgana въ степи. Дѣло проще. Я вѣрующій, но съ кое-какими недоумѣніями. Я много блуждалъ въ вѣрѣ туда и сюда, но отчего? Да куда мнѣ было пойти?! Очень красиво было понятіе, развитое на засѣданіи, что „Церковь есть тѣло Христово, которое безгрѣшно и неосязаемо, что она поэтому вездѣ и ни въ какомъ опредѣленномъ мѣстѣ“, что это есть „вѣчно осуществляемое и никогда не завершенное“. Прекрасно. Восторгался, упоялся слушая. Но позвольте, куда же мнѣ однако конкретно пойти съ моимъ конкретнымъ сомнѣніемъ? Позвольте мнѣ спуститься на землю и стать на обыкновенныя, а не на мечтательныя ноги. Задавая себѣ вопросъ о Церкви—я нахожу догматы ея, нахожу ея службы и обряды; но я раскрываю катехизисъ Филарета и, прочитавъ въ немъ: „церковь есть *общество вѣрующихъ*, соединенныхъ единствомъ догматовъ и таинствъ“, оглядываюсь кругомъ и спрашиваю:—Ну, а гдѣ же однако самое это „общество?“ Закваска для тѣста есть: это—ученіе Христово, догматы, таинства; есть хлѣбопекарь—духовная іерархія; но нѣтъ муки—и нельзя замѣсить тѣста и испечь хлѣбъ. Мука—это вѣрующіе, какъ общество организованное около храма. Намъ, интеллигенціи, предлагается „мириться съ Церковью“, „пойти въ Церковь“. Ну, вотъ, я интеллигентъ. Но я не знаю, съ кѣмъ мнѣ мириться и куда мнѣ пойти, потому что—по Филаретову же опредѣленію—Церкви... ея вовсе *нѣтъ на лицо*!.. *Общины* христіанской нѣтъ. *Прихода* нѣтъ.

Мы были поражены. Духовныя лица смущены. Ораторъ продолжалъ:

— Мы странствуемъ отъ храма къ храму и заходимъ въ храмъ, а пожалуй и не заходимъ въ него, какъ... на

почту отдать письмо или въ булочную взять булку. Такъ странствуютъ бедуины по пустынѣ и подходятъ къ колодезю, когда хочется пить, а не хочется—проходятъ мимо. У меня нѣтъ *своей* почты, *да мнѣ это и не нужно*. Но храмъ есть *душевное*, и я также не могу имѣть „вообще тамъ гдѣ-то“ храмъ, какъ не могу имѣть „вообще тамъ гдѣ-то“ постель, обѣдъ, жену и комнату. Это странствованіе христіанъ безъ прикрѣпленія къ храму или безъ прикрѣпленія къ нимъ храма и вызвало то, что въ концѣ концовъ храмы очутились на одномъ берегу міровой рѣки и довольно пусты, а народъ очутился на другомъ берегу той же рѣки, и ужъ не взыщите, если не идетъ въ храмъ, въ который его не позвали, или, пожалуй и зовутъ, даже очень зовутъ, но въ качествѣ гостя-*посѣтителя*. „Нѣтъ *религіозной* жизни“, жалуются... Да нѣтъ *приходской* жизни! И вглядитесь: „религіозная“-то жизнь есть въ обществѣ, и даже горяча, но она стала душевною, внутреннею, *комнатною*, а *не храмовою*, потому что въ храмѣ, какъ и всякомъ *не моемъ* мѣстѣ, я чувствую себя чуждымъ и ненужнымъ. „Гостю“ и положеніе гостя и психологія гостя: шапку взялъ и вышелъ. Вся Европа оплакиваетъ разъединеніе „культурныхъ классовъ“ съ Церковью. Но и самые эти „культурные классы“ выросли пожалуй въ своихъ антипатичныхъ и легкомысленныхъ чертахъ, потому что выросли улично и театрально, и выросли они такъ потому, что отторгнуты отъ Церкви, пожалуй—вытолкнуты изъ Церкви. О, конечно, это совершилось незамѣтно, непреднамѣренно, безсознательно, мало-по-малу, въ вѣкахъ! Церковь теперь, въ смыслѣ организованнаго общества вѣрующихъ, ограничивается и исчерпывается старостою, клиромъ, и консисторіею. Ну, *они* и церковны. Но не взыщите, пожалуйста, что я, мірянинъ, не чувствую себя

и не веду себя какъ старостa или клирикъ, или членъ консисторіи, а какъ любитель литературы, лекцій, театра, гдѣ я не гость, а *дѣлатель*, *творецъ*, *критикъ*, немножко и косвенно даже *власть*. Свое дѣло любишь. Свое твореніе любишь. Въ Церкви я не творю—и... холоденъ къ ней. Въ журналѣ, гдѣ пишу, въ аудиторіи, гдѣ одобряю лектора или порицаю его, я творю—и люблю ихъ не менѣе, нежели какъ церковные старосты, творящіе въ храмѣ, любятъ невольно этотъ храмъ. Возьмите кн. Голицына, оберъ-прокурора Синода при Александрѣ Первомъ. Онъ отказывался отъ должности, засмѣявшись на предложеніе: „я не вѣрую, я—вольтеріанецъ“. А черезъ пять-шесть лѣтъ труда около Церкви сталъ почти святошей и ханжей до преувеличенія. И теперь совершенно въ рукахъ администраторовъ духовныхъ дѣлъ передѣлать всю Россію, извините за сравненіе, изъ Россіи-вольтеріанца въ Россію-святошу: для этого нужно только каждаго Ивана и Петра, Марью и Елизавету превратить въ стомилліонную долю такого же „оберъ-прокурора“ около своей мѣстной, маленькой и скромной церкви. Пусть храмъ будетъ *роднымъ у каждаго*. Распишите храмы по околоткамъ, кварталамъ, деревнямъ, селамъ. Словомъ, *отдайте храмъ міру*, какъ Богъ далъ Скинію въ руки Израиля: и вы получите церковный народъ, не мечтательно-религіозный, который теперь бѣжитъ чуть ли не въ буддизмъ и язычество, а народъ практично-религіозный. Своя забота создаетъ свою любовь. Можно сказать, міръ съ возможной высокой религіозностью—въ возможной власти Церкви; но для этого Церкви надо сдѣлать временный переломъ въ себѣ, въ своемъ отчужденіи, въ своей замкнутости: именно какъ бы *войти въ руки міра*, отдать надъ собою власть мірянамъ, міру. Послушайте: знавали ли вы помѣщика, который, вы-

строивъ у себя въ имѣніи церковь—не ходилъ бы въ нее и не любилъ бы ее, и не готовъ былъ бы защищать ее, даже до мученія? Не на казенныя же средства воздвигнуты десятки тысячъ храмовъ на Руси! Они воздвигнуты усердіемъ, міра „по копѣечкѣ". Помните Власа? Но дѣло было не во Власѣ, а въ тѣхъ, что̀ ему давали копѣечку. Возможно ли же представить себѣ, чтобы Власъ, воздвигнувъ на сборы храмъ, затворилъ его для себя, какъ свою собственность, и сказалъ: „вотъ Я построилъ храмъ и онъ теперь *Мой*". Очевидно, Власъ есть только казначей міра, и храмъ этотъ есть мірской, а Власъ простонапросто „управляющій у міра-господина", который далъ ему все и безъ чего Власъ былъ бы только мужикомъ-Власомъ, а не храмозиждителемъ-Власомъ. *Зиждитель храмовъ на Руси есть русскій народъ; и храмы всѣ матеріально ему и принадлежатъ.* Отсюда въ древней Церкви, въ первые вѣка ея, вовсе не по парламентскому чувству, а по чувству истиннаго значенія давальцевъ „копѣечки", и было строжайше и абсолютно установлено, канонически, что храмъ есть собственность прихода и что хозяинъ-собственникъ призываетъ въ него на службу священника, и если священникъ лѣнивъ къ службѣ, не трезвъ, жестокъ къ людямъ, не нравоучителенъ, то собственникъ-приходъ зоветъ на его мѣсто другого священника. Контроль-то какой надъ духовенствомъ! не то что архіерейскій глазъ, который за тридевять земель отъ села, и—не консисторскій, столь же отдаленный и еще своекорыстный. Оживленіе Церкви, прямо воскресеніе Церкви, т.-е. въ смыслѣ жизни церковной, въ рукахъ ея же. Надо только выпустить изъ рукъ часть столь аккуратно и заботливо подобранной власти, и дроби этой власти, пыль этой власти, а съ нею и заботы и участія, разсѣять въ мірѣ, среди мірянъ... Хомяковъ

тогда былъ бы не теоретикомъ церкви, а участникомъ церковной жизни. Судьба Пальмера, хотѣвшаго перейти въ православіе и перешедшаго въ католицизмъ, была бы другая: ибо Хомяковъ, какъ крошечная власть церковная, принялъ бы это „чадо“ своей литературной проповѣди въ свое руководство, и, держась немножечко за скипетръ церковный, не допустилъ бы въ отношеніяхъ къ Пальмеру той холодности и бездушія офиціальнаго, какія оттолкнули бѣднаго англичанина. Въ какія нибудь десять лѣтъ, какъ только началась бы жизнь народно-церковная а не чиновно-церковная,—богословская литература въ Россіи удесятерилась бы, а свѣтскіе журналы наполнились бы религіозными статьями. А? Вы не хотите этого? Духовенство говоритъ: „пусть мы одни пишемъ богословскія статьи“. Отлично. Но и будьте же единственными ихъ читателями. „Міръ вышелъ изъ Церкви“... Какая клевета; міръ отчужденъ, оттолкнутъ отъ Церкви—а потомъ и разбрелся по разнымъ мѣстамъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя „дома“.

Бывшіе изъ духовныхъ лицъ заговорили:

— Но вѣдь храмъ всѣмъ открытъ, всѣхъ зоветъ? Всѣ въ немъ участвуютъ, т. е. присутствуютъ!.. Придите и молитесь.

— Вы, батюшка, не такъ участливы къ дѣламъ консисторіи, куда тоже можете свободно войти и тамъ сдѣлаютъ всякое требующееся для васъ дѣло, какъ участливы къ своему приходу, гдѣ вы *дѣлатель* и *творецъ*. Великая вещь дѣланіе и творчество. Византія *вся* и *цѣликомъ* жила Церковью и потому сотворила въ Церкви великое: и службы, и законы, и молитвы, и напѣвы. У историковъ записано: „на торгу, на базарѣ покупатели и торговцы, кончивъ сдѣлку, спорятъ объ единосущіи или едино-качественности Сына и Отца“.

Вотъ это жизнь. Жизнь тогда мощна, когда она народна и волнуетъ улицу. Но съ тѣхъ поръ съ улицы дѣла взяты въ „судныя церковныя палаты“, и, кажется, судьи задремали надъ ними, а толпа, у которой изъяли такую тему и такой образовательный предметъ — разбрелась по кабакамъ. Русь механически скопировала Византію, не замѣтивъ, что главное-то въ Византіи было творчество, свободное, уличное, громадное, волнующееся, шумное, крикливое... Она только результатъ сотворенія взяла и поклонилась ему какъ богу, а процесса творчества не взяла и даже не поняла, что это-то и было въ Греціи до нѣкоторой степени живымъ въ сердцахъ богомъ. И вышла изъ нашихъ рукъ мумія вѣры, а не живое дитя вѣры, разумное и растущее. „Храмы открыты, войдите, молитесь“. Ну, и войду. Тò вошелъ, тò не вошелъ. Прохожу мимо, есть время—зайду, а нѣтъ—тò конечно не зайду. И это не я, можетъ быть, скептикъ, а даже самый вѣрующій человѣкъ, купецъ, мужикъ. Для всѣхъ храмъ Божій и служба въ немъ — послѣднее, остаточное дѣло, которому даютъ часъ, когда есть остатокъ времени отъ другихъ дѣлъ. Не Ренанъ же на купцовъ дѣйствуетъ, и не „развращенная русская журналистика“. Просто храмъ—чужое мѣсто и чужое дѣло, дѣло клириковъ и какой-то тамъ запутанной администраціи, гдѣ я... помолился, какъ опустилъ на почтѣ письмо или взялъ въ булочной булку. Но не буду же я засиживаться въ булочной или на почтѣ, и если храмъ обернутъ ко мнѣ такъ оффиціально, то пусть уже и не взыщутъ господа апологеты, что и я его не держу у себя около сердца, у себя за-пазушкой. Я ему не тепелъ и онъ мнѣ не тепелъ. Но, слава Богу, мы уже говоримъ объ этомъ и, кажется, говоримъ оттого, что не только міру холодно, что всегда и уже вѣка было, но что и самъ

храмъ почувствовалъ, что ему тоже холодно, что онъ самъ выстуженъ... заледенѣлъ. Великіе признаки. Великое сознаніе.

Одушевленіе оратора заразило и другихъ. Многіе заговорили разомъ:

— Пророкъ Давидъ унывалъ послѣ Вирсавіи и Уріи. Соломонъ зналъ горести; весь Израиль—несмотря на возлюбленность свою, дѣйствительную возлюбленность Богомъ—отчаявался и рвалъ на себѣ волосы послѣ грѣховъ и заблужденія. „Жертва Богу—духъ сокрушенъ, сердца уничиженнаго Богъ не уничижитъ". Вотъ—путь религіи и религіозной жизни; но думать, что это только путь овецъ и что нѣтъ момента покаянія для пасущихъ, что онъ не нуженъ и не отвѣчаетъ ихъ сану и величію — значитъ впадать въ худшій видъ фарисейства, которое, вѣдь, такъ же точно соблюдало законы и между тѣмъ какой получило отъ Спасителя судъ себѣ! Вся Византія въ творческихъ трудахъ страдала, мучилась, писала и зачеркивала написанное. И она не клала кирпичикъ на кирпичикъ, съ мыслью о „непогрѣшимости" каждаго кирпичика, а съ воплемъ разрушала иногда цѣлыя стѣны. Читайте-ка ея исторію объ отлученныхъ отъ церкви патріархахъ, объ одномъ соборѣ, который сперва былъ названъ „вселенскимъ", а потомъ переименованъ „разбойническимъ". Такъ мучилась Византія. Только Русь, видите ли, безгрѣшна и рождаетъ истину, какъ Юпитеръ Палладу изъ головы. Путь Давида послѣ Вирсавіи есть путь и Руси, а текстъ „гордымъ Богъ противится" пусть она навяжетъ себѣ на лобъ, какъ евреи навязываютъ на лобъ во время молитвы ящичекъ со словами: „помни, что ты былъ рабомъ въ Египтѣ". Намъ нужна тоже „памятка" и пусть этой „памяткой" будутъ слова: „гордымъ Богъ противится".

— Чего же вы хотите?

– Правдивости на мѣстѣ святомъ–самая простая вещь Давидъ былъ пророкъ—и согрѣшилъ; но раскаялся и вошелъ въ высшую, чѣмъ до грѣха, святость. Странно: будто покаяніе существуетъ только для коллежскихъ секретарей, и Евангеліе обязательно для паствы, а для клира не обязательно иначе, какъ въ смыслѣ умѣнья прочитать его передъ народомъ „съ полнымъ соблюденіемъ титлъ“ и умѣніемъ сказать: „археореови“ вмѣсто „архіереямъ“. „Покайтесь—приблизилось Царство Небесное“ звучало и для первосвященника Анны, и для Каіафы, а не только для Закхея, влѣзшаго въ простосердечіи на смоковницу, чтобы видѣть Іисуса, идущаго въ Іерусалимъ. Будто для насъ и у насъ нѣтъ „отцеживанья комара и поглощенія верблюда“. Сколько угодно. Да мы буквенники изъ буквенниковъ, и „книжникъ“, которому при Іисусѣ было росту вершокъ, къ нашему времени выросъ въ версту и съѣлъ нашу душу, совѣсть и сердце. Отъ Ватикана до Берлина и Петербурга не осталось отъ христіанства ничего кромѣ умѣнья „навести справку по книгамъ“, и это библіотечно-административное христіанство куда превзошло саддукейство и фарисейство. Увы, нигдѣ нѣтъ этой галлилейской свободы и простоты, этой религіи на улицахъ и въ полѣ, съ захожденіемъ въ дома для простыхъ бесѣдъ, съ проповѣдью на озерѣ, на горѣ, днемъ или ночью.—религіи среди знакомыхъ и друзей. Боже, до чего тогда было не похоже на наше. Плакать хочется при сравненіи. Мы разсѣлись по канцеляріямъ и говоримъ: „вотъ, взгляните на насъ, мы—христіане“. Нигдѣ теперь въ цѣломъ христіанствѣ нѣтъ этихъ бытовыхъ евангельскихъ сценъ, этихъ первыхъ „лилій“ и „птицъ“ преобразившей все новой религіи. До чего грустно. Какъ все началось. И

какъ все кончается... Ибо не я одинъ полонъ предчувствія, что уже здѣсь „все кончается“... Утрата чистосердечія и искренности— вотъ это болѣе всего поразительно in officio христіанства. Интеллигенція разбрелась по сторонамъ не только оттого, что ей холодно и неуютно, а и оттого еще, что безъ всякихъ высокихъ претензій однако она привыкла къ искренности, считаетъ ее почвою, внѣ которой нельзя ничего добиться и, наконецъ, простымъ пріемомъ умственной порядочности: и вотъ, этого обыкновеннаго и невысокаго качества не видитъ въ сферѣ столь высокихъ претензій.

— Напримѣръ? Напримѣръ?

— Стыдно и спрашивать о примѣрахъ. Возьмемъ изъ сферы, недавно еще горячо обсуждавшейся и, кажется, теперь оффиціально тронувшейся съ застарѣлаго мѣста подъ дѣйствіемъ жестокой критики. Неужели богословы въ цѣлой Европѣ, по крайней мѣрѣ тысячи разъ цитировавшіе слова: „нельзя мужу съ женой разводиться иначе какъ по винѣ прелюбодѣянія“, и построившіе на почвѣ этихъ словъ разводный процессъ, котораго, кажется, никто не считаетъ иначе, какъ чудовищнымъ по жестокости и грязи, и отвѣчавшіе на всѣ попытки реформы аргументомъ: „нельзя же нарушать столь прямыхъ словъ Спасителя“, не помнятъ о другихъ Его словахъ: „не собирайте сокровища вашего на землѣ, а собирайте его на небесахъ, ибо гдѣ будетъ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше“,— каковыя слова однако не помѣшали монастырямъ вѣка имѣть вотчины и крѣпостныхъ крестьянъ, да и теперь быть далекими отъ бѣдности и даже отъ умѣренности въ богатствѣ. Я не завидую. Но я позволю себѣ критиковать. Богатствъ отъ нихъ я не хотѣлъ бы отнять: но какую же надо было вѣка имѣть неискренность, чтобы

такъ фанатично цитировать слова о разводѣ, и ими конкретно вотъ этихъ плачущихъ Ивана и Марью, эту Лизу Калитину и Лаврецкаго, этихъ Карениныхъ гнести тяжко: и въ то же самое время столь же ясно помнить еще болѣе яркія и опредѣленныя слова о „сокровищѣ не на землѣ“, помнить также отвѣтъ, данный богатому юношѣ, и все-таки оставаться богатыми... Боже, неужели и объ этомъ спорить, о богатствѣ монастырей? Было же что экспропріировать Екатеринѣ и о чемъ плакать Арсенію Маціевичу? Было о чемъ спорить Іосифу Волоколамскому и Нилу Сорскому!

— Повторяю, ни малѣйшаго пожеланія взять хотя бы одну копѣйку „духовную“ я не имѣю, и взялъ эту сторону, какъ очень очевидную, не въ цѣляхъ упрека, а взялъ въ методическихъ цѣляхъ, и прикинулъ къ разводу, которымъ удушается ежегодно множество жизней. Всѣ духовные читали „Дворянское гнѣздо“,—вѣдь, они не невѣжды: но никто не ахнулъ. Какъ бѣдно бѣлое духовенство. Но черное объ этомъ не вздыхаетъ! Возьмите же интеллигенцію: она думаетъ вовсе не объ однѣхъ привилегіяхъ печати, а о здоровьи народа, о правосудіи для народа, о гибели общественной нравственности черезъ пороки пьянства и проституціи, да и рѣшительно обо всемъ она думаетъ, о всѣхъ заботится, когда со стороны клириковъ на нее несется аттестація: „безбожники“. Нѣтъ, Богъ есть въ интеллигенціи, и крѣпко есть. Время атеистической интеллигенціи минуло. Но вернемся къ искренности, которая меня особенно занимаетъ: ибо ужъ путямъ ли къ Богу быть неискренними?! У меня въ библіотекѣ есть старопечатное разсужденіе: „О вдовыхъ попахъ“, съ рукописи XV вѣка. И сколько разъ я его съ изумленіемъ разсматривалъ и перечитывалъ. Сколько подъ этимъ слезъ! Сколько муки! Сколько невольнаго

безпутства и наконецъ невоспитанныхъ дѣтей, безъ призора и попеченій рано умершей матери: только потому, что—не въ Евангеліи и не въ апостольскихъ посланіяхъ, а въ какомъ-то византійскомъ вѣкѣ—было построено хитросплетенное и косвенное доказательство, что „если Богъ отнялъ у священника жену, то на то была Его Божья воля, и допустить второй бракъ священнику значитъ противиться волѣ Божіей". И человѣкъ плачетъ,—а ему отвѣчаютъ такимъ аргументомъ! Такимъ образомъ сонмъ духовенства не только къ міру безжалостенъ, но и въ собственной-то своей сферѣ, раздѣленный на клѣтки, онъ никогда въ одной клѣткѣ не чувствуетъ боли въ другой клѣткѣ. Бѣдность сельскаго духовенства не смущаетъ богатаго городского духовенства. Вдовство бѣлаго—не тревожитъ чернаго. Для мірянъ и бѣлаго духовенства тексты примѣняются съ жестокой буквальностью, а для себя эти тексты, какъ, напримѣръ, о богатствѣ, перетолковываются въ смыслѣ „евангельскаго совѣта", буквально вовсе не обязательнаго. Это всѣ замѣчаютъ. И вотъ послѣдствія. Посмотрите: интеллигенція растетъ; ее всѣ любятъ любятъ этихъ докторовъ, учителей, даже писателей любятъ, повѣрьте. И при зрѣлищѣ, какъ падаетъ одинъ авторитетъ, древній, и возвышается новый, горестно вспоминаешь слова Іисуса: „вы называете себя дѣтьми Авраамовыми: но знаете-ли, что Богъ изъ камней сихъ властенъ сдѣлать новыхъ дѣтей Аврааму". Онъ сказалъ. И сердце мое тоскуетъ, что это готово повториться.

— Ужасно.

— Ничего не было ужаснаго для Давида, который умѣлъ плакать, и вообще религія потому есть великая и небесная вещь, что въ ней уже нѣтъ ничего ужаснаго. „Восплачьте—и я убѣлю васъ паче волны" (шер-

сти), говорилъ Богъ Израилю. Я упомянулъ въ методическихъ цѣляхъ о богатствахъ. Ни нитки изъ богатствъ ихъ не надо, не слѣдуетъ брать, и будетъ хуже Каина тотъ, кто посягнетъ на это. Достаточно вспомнить. Достаточно понять, что основаніе для слезъ есть и слѣдовательно есть возможность пути Давида послѣ Вирсавіи. Какъ только клиръ разорветъ съ гордостью, онъ станетъ не для однихъ „простолюдиновъ", а и для интеллигенціи „нашимъ" клиромъ, близкимъ и роднымъ нашимъ духовенствомъ. И мы не только не отнимемъ, а еще прибавимъ ему и богатства и власти: ибо почувствуемъ, что власть эта уже не противъ насъ, а наша же и съ нами, и богатство это тоже не отъ насъ взято, а какъ бы намъ еще прибавилось. Примиреніе интеллигенціи и духовенства слишкомъ возможно, но только послѣ нѣкотораго мірового, вѣкового „Помилуй мя, Боже".

Мы волновались. Но той неопредѣленной тоски, какъ при началѣ бесѣды, не было. Что-то появилось, что-то замелькало вдали. Во всякомъ случаѣ, путь есть, путь религіозный, путь главнымъ образомъ не нигилистическій. И путь этотъ только до вступленія на него тяжелъ, пока не сломлена внутренняя гордость, а какъ вступишь на него—онъ изъ радостей радость.

1902—1903 гг.

Напечатаніе статьи этой въ „Новомъ Пути" вызвало нѣсколько писемъ ко мнѣ. И чтобы ознакомить духовный міръ по крайней мѣрѣ съ *матерьяломъ* чувствъ къ нему, я позволю здѣсь привести два изъ нихъ:

„28 ноября 1903 г. Москва. Только что прочелъ вашу статью о раздѣленіи духовенства и интеллигенціи. Ко всему вами сказанному добавлю: общеніе *духовныхъ лицъ* (въ письмѣ болѣе жесткій терминъ) съ *интеллигенціей* станетъ возможнымъ только тогда, когда ихъ „образованіе" будетъ твориться не въ *лѣсу* Троицкой

Лавры, а въ самой *Москвѣ*, на Моховой въ *Университетѣ*. Каждое духовное лицо (въ письмѣ рѣзче)—только „*Матвѣй* Ржевскій".

Письмо рѣзко и чуждо разсужденій. Его не надо принимать въ значеніи состава мыслей; но въ значеніи состава чувствъ игнорировать нельзя. Слѣдующее письмо содержитъ и тезисы:

М. Г.

Во всѣхъ вашихъ статьяхъ видна какая-то нерѣшительность по дѣлу о вопросѣ свободы совѣсти и кромѣ того вы видимо еще не можете совершенно увѣренно заявить, что византійскія наслоенія вѣры (въ письмѣ поставлено конкретно одно слово, имя вѣры) не нужны Россіи. Поставимъ же слѣдующіе вопросы:

a) принесло-ли пользу тысячелѣтіе византизма въ Россіи?

b) необходимо-ли оно для нашей государственности?

c) почему мы, русскіе, обязаны слушать богослуженіе на чуждомъ намъ какомъ-то старо-болгарскомъ нарѣчіи?

d) истинны-ли догмы православія и какъ должны вліять они на народную нравственность?

По первому пункту можно, совершенно положа руку на сердце, отвѣтить: „нѣтъ, не принесло": общеизвѣстенъ фактъ, что населяющіе Россію протестанты, молокане, католики и особенно старообрядцы отличаются трудолюбіемъ и сравнительно высокимъ уровнемъ нравственности; православные-же почти повсемѣстно лѣнтяи, развратники, лгуны и пьяницы; по второму пункту также можно утвердительно отвѣтить: „нѣтъ не нужно;" такъ какъ опытъ показываетъ, что старообрядцы и протестанты являются самыми преданными своему монарху людьми; вспомните только, какой оплотъ представляли изъ-себя старообрядцы во время польскаго мятежа и балтійскіе протестанты въ 1812 году! По третьему пункту—для чего намъ славянскій языкъ на богослуженіи. Вѣдь я вполнѣ увѣренъ, что 90% молящихся не понимаютъ начальныя слова той херувимской, которой вы такъ восхищались въ одной изъ вашихъ прежнихъ статей. Относительно истинности византизма не стоитъ и говорить: развѣ не наглый обманъ и надувательство самыхъ лучшихъ чувствъ человѣка—спекуляція надъ разными вещественными фетишами въ лаврахъ

Будьте прямы—содѣйствуйте освобожденію Россіи отъ ига византизма.

ИЗЪ ПОДРОБНОСТЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

Гдѣ было хорошо на Новый годъ?

I.

На Новый годъ мнѣ хотѣлось помечтать о будущемъ,—помечтать съ перомъ въ рукахъ, какъ это присуще, къ несчастію, писателю.

Но помечтать на Новый годъ мнѣ не пришлось. Зато въ самый часъ его встрѣчи мнѣ выпала такая картинка, которая разбудила во мнѣ самыя далекія и дорогія мечты.

Разскажу, впрочемъ, по порядку, гдѣ я былъ и что видѣлъ. Не задолго до полночи я отправился по страшному морозу на Выборгскую сторону.

Здѣсь, я слышалъ ранѣе, есть какой-то сарай-церковь. Не такъ давно сгорѣла тамъ деревянная церковь Іоанна Предтечи, вся до тла, и въ то же время неподалеку строился деревянный баракъ для больныхъ. Мѣстность эта—фабричная, простонародная. Тогда рѣшили временно, пока будетъ выстроена на погорѣломъ мѣстѣ новая церковь, служить всѣ церковныя службы въ этомъ недостроенномъ баракѣ, каковой нѣкоторые простолюдины и называютъ вмѣсто „церковь“—просто „баракъ“. И раньше до меня доходили слухи, что въ баракѣ этомъ дѣлается нѣчто необыкновенное: а именно, что, кромѣ церкви, въ томъ же „баракѣ“ устроена народная библіотечка для выдачи книгъ фабричнымъ, а какъ зданіе-то

готовилось стать „баракомъ“, то въ то же время сюда приходятъ больные, а студенты-медики (такъ какъ все въ двухъ шагахъ отъ ихъ Академіи и клиникъ Вилліе) добровольно приходятъ осматривать и подлѣчивать больныхъ, а въ вечерніе часы каждый день ведетъ собесѣдованія съ народомъ молодой священникъ, „матушка“ коего завѣдуетъ библіотекой.

— Вотъ гдѣ дѣлается,—говорилъ мнѣ очевидецъ,— истинно христіанское дѣло; никогда такого не видѣлъ. Вмѣстѣ со священникомъ работаютъ студенты, да съ какимъ усердіемъ! Одни—подлѣчиваютъ, а другіе читаютъ отъ божественнаго, студенты въ мундирахъ читаютъ—просто удивительно! То споютъ молитву, а то подымется изъ народа кто и разскажетъ случай изъ своей жизни или поразившій его случай изъ газетъ, и попроситъ священника разсудить, какъ это надо понимать христіанину и какъ нужно христіанину въ подобномъ случаѣ поступить. И священникъ толкуетъ, какъ можетъ и умѣетъ. А послѣ всего приводятъ къ торжественному обѣщанію не пить трезвенниковъ, потому что при баракѣ и „Общество трезвости“ состоитъ, и много въ него записывается фабричнаго люда.

Въ этомъ-то „баракѣ“ я и рѣшилъ встрѣтить Новый годъ.

II.

„Баракъ“ — среди громаднаго двора или пустыря, обнесеннаго заборомъ, и до него добираешься по деревяннымъ мосткамъ. И весь онъ, деревянный и низкій, точно распластался по землѣ. Вошелъ я внутрь и за страшной давкой народа остановился у входа. Дѣйствительно, баракъ - церковь. Бревенчатыя стѣны. Потолка не настлано, прямо надъ головою скаты дощатой крыши,

а въ толстыхъ стропилахъ ввинчены желѣзные крюки, на какихъ въ мясныхъ лавкахъ вѣшаютъ туши, и на этихъ крюкахъ висятъ три бѣдныя маленькія паникадила. Однако, „баракъ“ — обширный, длинный и широкій, только очень низкій, „недостроенный“, какъ мнѣ и сказали. Паникадила не были зажжены, но алтарная стѣна вся была усѣяна множествомъ народныхъ свѣчекъ. То, что мы зовемъ „иконостасомъ“ и что являетъ обычный богатый и художественный видъ, здѣсь являло простой рядъ тесаныхъ бревенъ, какой можно увидѣть только въ деревенской избѣ. Рѣденько, на большомъ разстояніи, здѣсь были нарисованы картины-образа: напр. васнецовская „Богоматерь“ и другіе; но скорѣй это казалось олеографіею, наскоро сдѣланной на рынкѣ, чѣмъ образомъ. Во всякомъ случаѣ это было плохо, ново, неудачно, „наскоро“. Но, повидимому, изъ старой сгорѣвшей церкви успѣли вынести два большихъ и прекрасныхъ образа Божіей Матери, и помѣщены они: одинъ—высоко надъ царскими вратами, а другой—въ лѣвой стѣнѣ, и вотъ передъ ними прекрасно мерцали двѣ большія красныя лампады. Образа были богатые, квадратные, въ богатыхъ золоченыхъ ризахъ,—„полное православіе“. Смотря на ризы ихъ и сравнивая эти ризы съ неудачнымъ письмомъ масляными красками новыхъ картинъ-иконъ, я почувствовалъ: до чего или привыкъ русскій глазъ, или въ самомъ дѣлѣ тутъ проходитъ „существо вещей“, а только картина такъ и остается картиной, а большой квадратъ иконы въ золотомъ вѣнчикѣ, въ золотомъ же облаченіи Божіей Матери и Младенца-Іисуса, имѣетъ въ себѣ что-то царственно-религіозное; и передъ картиною молитва выходитъ искусственна, а передъ образомъ—естественна. „Образъ“ совсѣмъ не то, что „картина“. Образъ —„святая вещь“, и это не то, и это выше, чѣмъ Рафаэль.

„Какъ святая вещь?“—допытывался я въ себѣ,—„всѣ иконы освящены здѣсь, и картины освящены; что же другое святое есть въ иконѣ, кромѣ священнаго лика“? Но лампада мерцала, мигала, золотистый квадратъ былъ такъ чуденъ, и я подумалъ: „Святое мѣсто... Вотъ этотъ кубъ воздуха, не болѣе сажени, гдѣ образъ, лампада и красный свѣтъ—точно тутъ въ серединѣ кто-то живой и духовный есть, тутъ нельзя ничего сквернаго сдѣлать и ничего сквернаго подумать. И не захочется и страшно. Святое мѣсто! А живопись религіозная не есть святое мѣсто, а только напоминаніе о святомъ событіи. Но событіе было, его сейчасъ нѣтъ, а въ иконѣ есть сейчасъ святость“.

Вышелъ въ облаченіи изъ Царскихъ вратъ священникъ, съ молодымъ, прекраснымъ и нервнымъ лицомъ, и поздравилъ народъ „съ Новымъ годомъ“; на что и народъ отвѣтилъ: „съ Новымъ годомъ, батюшка“, и сказалъ слово о перемѣнѣ временъ и вѣчности христіанскаго подвига, христіанскихъ усилій. „А вы навстрѣчу Богу дѣлайте добрыя дѣла! Встрѣчайте Христа съ добрымъ дѣломъ и съ утра объ этомъ думайте“, такъ, мнѣ кажется, можно формулировать тему батюшкина слова. Оно было, я думаю, нѣсколько длинно и запутаннѣе, чѣмъ слѣдовало бы: видно, что батюшка говорилъ не заученное; что онъ *самъ* подумалъ о темѣ, но словъ для нея заранѣе не подбиралъ. Видно, однако, было, что батюшка радовался на народъ и что народъ радуется на своего молодого батюшку. И въ самомъ священникѣ и рѣчи его лилась какая-то непридуманная, не старая и отъ застарѣвшихъ книгъ взятая, но своя личная и собственная любовь „къ Христу и Спасу нашему“, и любовь же къ „спасенному“ народу. И обѣ эти любви не раздѣлялись, сплетались, точно радостно

обнимались. Церковь страшно не акустична, и священникъ очень напрягалъ голосъ, и видно, что это ему трудно, потому что здоровья онъ слабаго. Но вотъ кончилось „слово", начался молебенъ Василію Великому—и вся церковь, всѣ сотни, можетъ быть и тысяча человѣкъ, запѣли наше прекраснѣйшее: „Царю небесный". Первый разъ услышалъ я „общее пѣніе", и насколько оно лучше клироснаго! Толпа—всегда могуча. И пѣніе—могучее какое-то, народное. И я запѣлъ. Захотѣлось пѣть. Съ народомъ — хорошо вмѣстѣ, и я подумалъ: „какъ силенъ былъ бы народъ, если бы онъ всегда и все дѣлалъ вмѣстѣ".

Общее пѣніе, однако, и ограничилось одною общеизвѣстною молитвой „Царю небесный". Все остальное пѣлъ хоръ. Онъ стоялъ, однако, не на обычномъ мѣстѣ, ибо солеи въ церкви не было,—алтарь былъ въ уровень съ остальнымъ храмомъ,—а стоялъ посерединѣ церкви, только не противъ царскихъ вратъ, а влѣво. Пѣло очень стройно человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ подъ руководствомъ діакона-регента, какъ мнѣ показалось—простолюдиновъ, господъ, учительницъ и просто бабъ. Но когда я потомъ разспросилъ, оказалось, что все это были принаряженные къ Новому году фабричные работники и работницы. Не могу передать всего одушевленія, съ какимъ они пѣли. И тутъ что-то дружное, „вмѣстѣ", лица горящія и частью смѣющіяся—конечно, кроткимъ и пріятнымъ, приличнымъ смѣхомъ. Я думаю, я угадалъ причину ихъ тихаго и веселаго смѣха: „Мы были свиньи; мы всегда были свиньи и Новый годъ встрѣчали за штофомъ водки, въ сплетняхъ, пересудахъ, перекорахъ и иногда потасовкѣ. Но пришелъ добрый пастырь къ намъ, собралъ насъ въ храмъ Божій—и мы теперь люди, и намъ по-людски весело и хорошо".

Въ концѣ службы, часть которой была съ колѣнопреклоненіемъ, я сталъ обхаживать осторожно церковь; и у западной стѣны ея, въ уголку, увидѣлъ и библіотеку. Нужно замѣтить, среди молящагося народа я замѣтилъ нѣсколько студентовъ и Медицинской академіи и университета съ синими петличками. Вѣрно, это пришли сюда помогающіе „батюшкѣ". Библіотека точь въ точь какъ, помню, наши ученическія библіотечки въ гимназіяхъ. Тѣ же два шкафика, тотъ же наборъ книжекъ, та же ихъ затасканность и растрепанность. Книжки, какъ я разспросилъ, жертвованныя и представляютъ обычный „жертвенный" наборъ. Читаетъ народъ ужасно жадно, и отбою нѣтъ отъ разспросовъ о прочитанномъ.—„А бываютъ пропажи книжекъ? Вѣдь даете всякому"? — „Раза четыре случалось. Всякій народъ приходитъ—мы даемъ на вѣру, безъ записи. Но мы за пропажами не гонимся, такъ какъ и получаемъ даровое, и все вновь даемъ,—и выходитъ отлично". Такъ мнѣ говорила угрюмая, серіозная „матушка", небольшого роста и съ болѣзненнымъ лицомъ.—„Что же, вы въ епархіальномъ кончили, что понимаете въ книжкахъ"?—спросилъ я не совсѣмъ вѣжливо. Она улыбнулась образованной улыбкой: „Я не изъ духовнаго сословія, и только вышла за священника. Раньше я была учительницей, потомъ работала въ столовой на голодающихъ въ Тульской губерніи и тамъ встрѣтилась съ мужемъ. Потомъ онъ поступилъ въ священники, а я стала... матушкой". Она опять улыбнулась. И вся-то она была маленькая, точно ребенокъ, точно еще гимназистка. Лицо однако умное, настойчивое, съ лаской кому нужно и когда слѣдуетъ. Я вспомнилъ Некрасовское „мужичка съ ноготокъ". „Только и работаемъ мы двое: батька и я"...

Было очень тѣсно и жарко подъ низенькими сводами.

И еще разъ посмотрѣлъ я на множество горящихъ свѣчъ и двѣ-три мерцающія красныя лампады. Все было ужасно первобытно, элементарно; и, навѣрно, эта скороспѣлость и недодѣланность всего и напомнили мнѣ первоначальную недодѣланность христіанства въ катакомбахъ, которыя я осматривалъ около Рима. Но насколько тамъ было темно и мрачно,—настолько здѣсь все было свѣтло и весело. Дерзкая мысль, что я вижу передъ собою „петербургскія катакомбы", мелькнула у меня. „Какое сравненіе, какъ я смѣю! Тамъ—святыня, исторія, а здѣсь—ничто". Но упорно эта мысль долбила мнѣ въ голову. Главное,—веселье народное и что народъ „прибранъ", „у мѣста", подымало во мнѣ дерзость. „Мы уже въ богатыхъ храмахъ разучились молиться"; „мы завели тамъ электричество не столько для образовъ, сколько для себя и нарядовъ своихъ, которые ѣздимъ показывать и въ церкви"; „электрическій свѣтъ—мертвый, машинный, и сердца у насъ тоже машинныя, и ничего нѣтъ между нашими сердцами и между тѣми образами тамъ, въ мраморныхъ общественныхъ храмахъ или въ богатыхъ домовыхъ церквахъ. Внѣшность храма осталась, а сердце храма угасло, потому что сердце храма есть человѣкъ, молитвенникъ,—тотъ, кто молится. А здѣсь внѣшности у храма почти нѣтъ, за то загорѣлось его сердце".

Все было индивидуально въ церкви.

Такъ какъ весь свѣтъ былъ или вспыхивающій—въ свѣчахъ, или мерцающій—въ лампадахъ, то части церкви минутами какъ бы погружались въ темноту, минутами выходили въ свѣтъ. Вотъ я смотрю на Божію Матерь, залитую золотомъ, „въ славѣ". При электрическомъ свѣтѣ—Она была бы недвижна. И мое сердце не шевелилось бы. Но тутъ передъ лампадою Она нѣтъ-нѣтъ и вдругъ начинаетъ темнѣть, и это странно преобразовывается въ

моей душѣ: „Это я грѣшу и Она уходитъ отъ меня, не хочетъ меня видѣть“. Мнѣ грустно. Но вотъ что-то въ свѣтильнѣ дѣлается, чего я не вижу и до чего мнѣ нѣтъ дѣла; тамъ, вѣрно, уголекъ нагара упалъ. И вдругъ золото засіяло, я вижу черты Лица, его подробности и подробности Младенца. „Матушка, Ты все прощаешь, и меня простила, на меня смотришь“. Маленькія горести и маленькія надежды вспыхиваютъ въ сердцѣ, слѣдуя за вспыхивающимъ и погасающимъ свѣтомъ на образѣ. Икона живетъ таинственною жизнью; и мое сердце живетъ. Мнѣ кажется, это—все, что нужно въ храмѣ...

„Маленькія катакомбы“... Я помню и въ Римѣ, въ катакомбахъ Калликста, крошечныя ниши въ стѣнѣ съ жалкими остатками живописи, то „Добраго Пастыря“, то „Іоны, извергаемаго китомъ“. Особенно мнѣ нравился Іона. И мнѣ чудилось въ Петербургѣ, что всѣ мы похожи, черезъ XIX вѣковъ послѣ Христа, на Іону въ трехдневномъ, какъ бы гробовомъ пребываніи во чревѣ китовѣ. Также ужасно темно и страшно. Но такъ же не оставляетъ насъ вѣра.

1902 г.

Священническій совѣтъ при Епископѣ.

Обширный рядъ статей о нашемъ „Духовномъ управленіи“ проф. каноническаго права въ Московской дух. академіи г. Заозерскаго закончился печальною характеристикою духовныхъ консисторій, какъ учрежденія совершенно архаическаго и не стяжавшаго себѣ уваженія ни въ свѣтскомъ обществѣ, ни еще менѣе въ самомъ духовенствѣ. Помѣщеніе этихъ статей въ нашемъ лучшемъ и наиболѣе читаемомъ духовномъ журналѣ позволяетъ думать, что истина, о которой столь долго мол-

чали, получаетъ явное и распространенное признаніе. Въ послѣднія двадцать лѣтъ Духовное Вѣдомство наше дышетъ или пытается дышать обновленіемъ, и особенно оно старается въ учебномъ дѣлѣ. Рядомъ съ церковно-приходскими школами и школами грамотности, духовныя консисторіи высятся мрачною старою постройкою, возведенною во времена, очень мало знакомыя съ искусствомъ строительной техники. Профессоръ Заозерскій основательно говоритъ, что всѣ привычки и пріемы ихъ сужденія и дѣятельности до того закаменѣли, что невозможно думать объ ихъ обновленіи. И весь ходъ его мысли и аргументаціи приводитъ къ вопросу: можетъ ли быть признано полезнымъ сохраненіе учрежденія, которое, не говоря о народѣ, даже собственному Вѣдомству приноситъ не столько пользы, сколько вреда?

Главный недостатокъ ихъ, какъ выясняетъ и проф. Заозерскій, это пріемы *стараго формальнаго суда*, давно и вездѣ получившаго названіе „крючкотворства“. Римскій формальный судъ, произведеніе еще языческой цивилизаціи, исчезнувъ во всѣхъ другихъ областяхъ управленія и суда, какимъ-то непонятнымъ образомъ въ одномъ Духовномъ Вѣдомствѣ сохранился въ нетронутыхъ чертахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ до чрезмѣрности отягощаетъ само духовенство; что на каждомъ шагу онъ не помогаетъ, а мѣшаетъ епископамъ, превращая ихъ служеніе изъ священническаго, проповѣднаго и человѣколюбиво-заботливаго тоже въ какое-то почти юридическое, во что-то подобное римскому претору съ духовнымъ оттѣнкомъ и христіанской номенклатурою. Нѣтъ сомнѣнія, что консисторія камнемъ тянетъ книзу наше епископство. И это есть вторая худая сторона ихъ, послѣ жестокостей въ отношеніи къ епархіальному духовенству и послѣ вообще худой о нихъ молвы. Со всѣхъ сторонъ,

съ какихъ бы ни разсматривать, ихъ положительная работа мала, а отрицательное дѣйствіе велико. Что существованіе ихъ вызвано было практическими нуждами нашей жизни и не связано нисколько съ канонами, это не предстоитъ доказывать: консисторіи суть новое русское учрежденіе послѣ-Петровской эпохи. Главными дѣятелями въ нихъ являются секретари,—люди свѣтскіе, чиновники; священники тамъ есть, но на вторыхъ мѣстахъ. И уже это одно показываетъ, что какой-либо ненарушимо-священной санкціи ни въ строѣ ихъ, ни въ существованіи не лежитъ. Это есть утилитарная вещь, связанная въ бытіи своемъ только съ пользою или отсутствіемъ пользы въ ея существованіи для Духовнаго Вѣдомства, для духовнаго сословія и для населенія. Кажется, по всѣмъ этимъ тремъ рубрикамъ можно только отрицательно покачать головой.

Само священство наше въ настоящее время обновляется, и обновляется духомъ жизни. Сколько собесѣдованій съ народомъ и всяческаго подвига дѣломъ и словомъ оно несетъ на пользу населенія. Оно и около школы и около больницъ; оно руководитъ или значительно участвуетъ во множествѣ маленькихъ филантропическихъ учрежденій, всяческихъ богадѣленъ и пріютовъ. Духовенство бѣлое совершенно доросло до того, чтобы быть епископу добрымъ помощникомъ и совѣтчикомъ, безъ посредствующаго звена, да еще въ видѣ чиновника-секретаря. Думается, что духовная консисторія совершенно можетъ быть замѣнена *Совѣтомъ священниковъ* при епископѣ, частью по его выбору, частью по выбору отъ бѣлаго духовенства и также непремѣнно отъ мірянъ, частью на сроки, частью пожизненно:—приблизительно съ тѣмъ значеніемъ и въ такомъ устройствѣ, какъ, напримѣръ, педагогическій совѣтъ въ-

гимназіяхъ при директорѣ гимназіи, или члены суда—при предсѣдателѣ суда. Мы беремъ параллели на удачу,—параллели, снискавшія почтенное себѣ имя; но, конечно, могутъ быть избраны и другія. Важно, чтобы между епископомъ и духовенствомъ епархіи было отношеніе любящаго сотрудничества, любящей помощи; важно, чтобы между ними завязалось отношеніе простое и непосредственное, а не черезъ это звено—секретаря и чиновничество, которое разъединило у насъ, къ величайшему ущербу для дѣла, епископа и епархію.

О помѣстныхъ соборахъ въ Россіи.

Національная жизнь, и въ особенности духовно-національная, имѣетъ въ себѣ извѣстную соотносительность. Лежачее положеніе которой-нибудь части возбуждаетъ тенденцію „полежать еще“ и во всѣхъ прочихъ частяхъ; напротивъ, обновленіе и движеніе, если оно разомъ началось во многихъ частяхъ, гонитъ сонъ и недвижность и въ остальныхъ. Духовная и общественная жизнь вообще чрезвычайно связаны. И невозможно отрицать, что, во-первыхъ, солидность и глубина, а, во вторыхъ, энергія и живость давно сообщились бы и жизни нашего общества, даже нашей страны, если бы въ основѣ ея больше лежало религіозныхъ интересовъ и большая заинтересованность нашего общества религіозными, въ частности церковными вопросами. Не нужно теоретически доказывать этого. Достаточно указать на параллели въ мірѣ нашего старообрядчества и сектантства съ одной стороны, а съ другой на Московскую Русь, гдѣ живое соборное начало въ Церкви не осталось безъ воздѣйствія, какъ примѣръ и руководитель, и на соборное или

собирательное начало въ Земствѣ. Привычка совѣщаться о духовныхъ и церковныхъ дѣлахъ отозвалась легкимъ переходомъ этой привычки и на дѣла чисто мірскія и земскія. То же подтверждается и дѣлами нашихъ дней. Напримѣръ, община, вездѣ у насъ развалившаяся, крѣпко держалась и держится въ сѣверо-русскихъ областяхъ, гдѣ старообрядчество съ его живымъ внутреннимъ общеніемъ по дѣламъ церковнымъ свило себѣ коренное гнѣздо.

Въ „Моск. Вѣд." г. Л. Тихомировъ и въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" проф. А. Н. Заозерскій съ большою всесторонностью разработали въ послѣднее время вопросъ о помѣстныхъ соборахъ, какъ единственномъ надежномъ средствѣ оживленія и даже упорядоченія церковныхъ дѣлъ въ Россіи. Вопросъ этотъ „келейно" вся православная, сознательно мыслящая Россія считаетъ основнымъ въ современномъ положеніи Русской церкви. Всѣ понимаютъ, что отъ этого вопроса зависятъ судьбы ея воздѣйствія на православный народъ, въ моральномъ и наконецъ даже въ училищномъ значеніи, въ значеніи учащаго *авторитета*.

Въ высшей степени интересна и многозначительна самая схема помѣстныхъ русскихъ соборовъ, набрасываемая профессоромъ каноническаго права, въ строжайшей, конечно, согласованности съ церковными канонами, исторію и букву которыхъ онъ преподаетъ. Соборы, говоритъ онъ, должны собираться періодически, не менѣе чѣмъ разъ въ три года. Что касается состава ихъ, то онъ опредѣляется: 1) изъ членовъ съ рѣшающимъ голосомъ и 2) изъ членовъ съ *совѣщательнымъ только* голосомъ. „Принимая во вниманіе извѣстный канонический принципъ: *да при устахъ двухъ или трехъ свидѣтелей станетъ всякій глаголъ*",—проф. Заозерскій опре-

дѣляетъ число совѣщательныхъ голосовъ въ три четверти всего числа членовъ собора. „Такъ, если епископовъ соберется 50 человѣкъ, то священниковъ можетъ быть тоже 50, монаховъ и мірянъ 100. На соборѣ необходимо также присутствіе представителей государственной власти".

Всѣ лица епископскаго сана даннаго района Россіи, даже если по обстоятельствамъ они и не могли лично прибыть на соборъ, суть непремѣнные и естественные его члены, сохраняющіе рѣшающій голосъ. Что касается лицъ, имѣющихъ не рѣшающій, а *совѣщательный голосъ*, то проф. Заозерскій слѣдующимъ образомъ говоритъ объ ихъ составѣ: „Богословы, *ученые*, *литераторы*, *публицисты*, *художники*, люди житейской и юридической опытности, лица изъ бѣлаго духовенства и выразители монашескаго старчества—всѣ они должны получить почетное мѣсто на соборѣ, какъ желательные совѣтники". Мнѣніе этихъ совѣщательныхъ членовъ по каждому церковному или церковно-государственному, церковно-общественному вопросу, „должно быть внимательно выслушано и обсуждено, какъ бы ни казалось это необычно съ принятой ортодоксальной точки зрѣнія, какъ бы ни рѣзала слухъ его непривычная, не-церковная формулировка. Только при этомъ условіи достижима одна изъ цѣлей собора—достаточная освѣдомленность о запросахъ современной духовной жизни".

Въ составъ помѣстнаго собора, какъ вспомогательная сила для надлежащаго отвѣта на являющіеся вопросы и сомнѣнія въ населеніи помѣстной церкви, могутъ быть приглашаемы представители богословской науки. Архипастыри, конечно, и сами могутъ входить въ объясненія, въ пренія съ вѣрующими, недоумѣвающими и спрашивающими изъ мірянъ. Но это не непремѣнно, и

по существу положеніе ихъ на соборѣ другое. Они главнымъ образомъ *наблюдатели и судьи соборныхъ совѣщаній и разсужденій.* Ихъ призваніе — выразить въ своемъ *рѣшеніи* авторитетно голосъ помѣстной церкви".

„Приглашеніе на соборъ лицъ совѣщательнаго слоя должно принадлежать центральному органу церковнаго управленія, т.-е. примѣнительно къ существующему сейчасъ порядку—Св. Синоду". Что касается представителей государственной власти, то ихъ участіе на соборѣ необходимо потому, что соборъ есть органъ не одного разрѣшенія теоретическихъ вопросовъ вѣры и христіанской жизни, но также „полновластный оффиціальный органъ церковнаго законодательства". Назначеніе представителей отъ государства должно всецѣло опредѣляться Верховною Властью.

Такова схема, накидываемая проф. А. Заозерскимъ, съ которою вполнѣ соглашается и г. Л. Тихомировъ. Начало созыва помѣстныхъ соборовъ имъ обоимъ представляется гораздо болѣе существеннымъ дѣломъ, гораздо болѣе жизненнымъ и практическимъ, чѣмъ обычная формула славянофиловъ: возстановленіе патріаршества. „При существованіи помѣстныхъ соборовъ, управленіе Церкви можетъ остаться таково же, какъ нынѣ. Жизненный духъ обновленія проникнетъ неудержимо въ эти учрежденія и совершитъ ихъ обновленіе постепенно, безъ чувствительныхъ потрясеній". Центральное управленіе, сохраняя синодальный характеръ, можетъ допустить въ себѣ слѣдующія измѣненія: 1) возможно и полезно было бы усилить значеніе *примаса* путемъ возстановленія по праву принадлежащаго ему патріаршаго достоинства. „Патріархъ всея Россіи, архіепископъ С.-Петербургскій и Ладожскій, вотъ титулъ его, соотвѣтствующій современному величію русской Церкви. Далѣе,

рѣшительно за каждымъ изъ присутствующихъ въ Синодѣ епископовъ долженъ быть сохраненъ голосъ не совѣщательный только, но рѣшающій. Далѣе, въ составъ совѣщательныхъ членовъ Синода могли бы быть введены не только клирики, но и *міряне*. Вообще патріаршій соборъ долженъ быть организованъ по типу малаго собора".

Дѣло все въ томъ, что религія есть жизнь совѣсти, жизнь души: и всяческой по могуществу власти недостаточно для воздѣйствія на душу, если въ то же время эта власть не будетъ *правою*. Для души нужно *правое* рѣшеніе, и притомъ правое съ ея собственной точки зрѣнія, а не *сильное* рѣшеніе. „Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ", какъ воскликнулъ еще Александръ Невскій. Вотъ для сознательныхъ частей русскаго общества, которыя знаютъ строй и исторію церковной древней жизни, и для моря нашего старообрядчества и сектантства, которое продолжаетъ и до сихъ поръ, хотя бы уродливо, сохранять церковно-общественный (или духовно-общественный) строй, и невозможно въ настоящее время, при настоящемъ строѣ духовныхъ дѣлъ и духовнаго управленія, найти и составить *достаточно авторитетное рѣшеніе* по какому то ни было вопросу вѣры или христіанской жизни. Жизнь страны въ религіозномъ отношеніи начинаетъ становиться рѣшительно не упорядоченною и какою-то личною, а не общею: потому что нѣтъ и не откуда взять *нравственно*-убѣдительнаго, а не только *административно*-властительнаго рѣшенія. Л. Тихомировъ въ особенности подчеркиваетъ эту сторону, указывая множество самыхъ настоятельныхъ вопросовъ, самыхъ жгучихъ и быстро распространяющихся мнѣній, по которымъ Церковь текущаго момента имѣетъ только „разночте-

нія“ (разныя противорѣчивыя мнѣнія), а не единогласный взглядъ. Мнѣнія эти возникли послѣ завершенія восточно-греческаго канона, возникли въ русскомъ народѣ, за два эти вѣка сектантства, и на нихъ можетъ отвѣтить сперва теоретически-*справедливо*, а затѣмъ и законодательно-*властительно*, только *текущая* русская церковная жизнь, а не жизнь *древняя*. А „текущей“-то жизни у насъ и нѣтъ вовсе; есть только „стоячая“. Миссіонеры (епархіальные) могутъ и умѣютъ только порицать, браниться, приказывать; но это не убѣжденіе и никакой убѣждающей силы не имѣетъ. Преподаватели семинаріи, или изъ бывшихъ семинарскихъ преподавателей, эти „епархіальные миссіонеры“ только обременяютъ бюджетъ Духовнаго Вѣдомства безъ всякой для дѣла пользы. Ибо ни надлежащаго духовнаго образованія они не имѣютъ, и никакого духовнаго авторитета. Остается судъ и наказаніе, какъ единственная мѣра борьбы съ сектантствомъ. Но опять: что же можно сдѣлать наказаніемъ съ людьми, которые сами себя „приговариваютъ“ къ самосожженію или къ самому болѣзненному и вѣчному искалѣченію (послѣдователи Селиванова)?!! Очевидно, и судъ здѣсь не примѣнимъ. Что же остается? какъ поступать? Да и остается только созидать *праведный авторитетъ, правое, убѣдительное мнѣніе:* а таковымъ можетъ быть лишь мнѣніе, которое разсматривается и получаетъ возраженія себѣ (а затѣмъ и поправки въ себя) во время *процеса своего составленія*. Даже до Петра Великаго были открытыя „пренія“ о дѣлахъ вѣры съ раскольниками, сперва на Красной площади (въ Москвѣ), а потомъ въ Грановитой палатѣ. Вытекала эта открытость преній изъ увѣренности іерарховъ побѣдить. Но тогда не было еще богословской науки. Теперь, когда она есть, увѣренности побѣдить можетъ быть гораздо

больше. Но она можетъ осуществиться только въ томъ случаѣ, если побѣждать будутъ „на воздухѣ“, передъ лицомъ самихъ побѣждаемыхъ, а не за стѣною, въ канцеляріи, не въ тайномъ дѣлопроизводствѣ консисторій или центральнаго духовнаго управленія.

Открытое письмо миссіонера писателю г. В. Розанову.

Всему бываетъ предѣлъ; только злобнымъ экскурсіямъ вашего ядовитаго пера, кажется, нѣтъ и не будетъ предѣла.

Въ 9962 № „Новаго Времени“ вы заявляете, что „миссіонеры (епархіальные) могутъ и умѣютъ только порицать, браниться, приказывать“ et cetera... На какомъ основаніи вы позволяете себѣ такъ „лягать“ людей, съ дѣятельностью которыхъ вы совершенно незнакомы и имѣете о ней самое неправильное и превратное представленіе? Въ доказательство своихъ словъ вы не представляете и не можете представить никакихъ фактическихъ данныхъ, и потому ваша тирада о миссіонерахъ, извините, представляется мнѣ простонапросто *ложью* и *клеветой*. Да, г. Розановъ, вы любите находить „сучки“ у своихъ ближнихъ, а у себя не замѣчаете цѣлыхъ „бревенъ“. Ваши газетныя писанія, именно, и служатъ блестящимъ образцомъ грубаго неуваженія къ личности ближняго, котораго вамъ угодно бываетъ почему-либо не возлюбить. Простите за откровенность, но вы вообще отличаетесь способностью дѣлать скороспѣлыя обобщенія и, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, сыпать „брань и порицанія“, не разобравъ дѣла и не вдумавшись хорошенько въ то, о чемъ вы пишете.

Примѣровъ не привожу, такъ какъ не имѣю для того времени. Но о весенней вашей выходкѣ противъ г. Грингмута я вамъ напомню: слишкомъ ужъ она характерна! В. М. Скворцовъ гораздо раньше Великаго поста заявилъ въ распорядительномъ засѣданіи членовъ-учредителей Религіозно-философскихъ Собраній о томъ, чтобы въ эти собранія былъ допущенъ г. Грингмутъ. На предложеніе В. М. Скворцова послышались голоса сочленовъ (которые не составляютъ всего собранія) безъ всякой мотивировки: „нѣтъ, нѣтъ, не надо“... Между тѣмъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появляется статья г. Spectator'а, содержащая горькую правду по адресу г. г. новопутейцевъ. Не отвѣчая на нее по существу, вы дѣлаете нелѣпо-

шутовскую вылазку противъ собственной личности г. Грингмута, и предъ читателями „Новаго Времени“ грязните его съ совершенно спокойной совѣстью, надѣясь на то, что вамъ не сочтутъ нужнымъ отвѣчать. Привожу буквально ваши слова: „г. *Грингмутъ въ этомъ Великомъ посту просился (подалъ заявленіе съ просьбою), чтобы его допустили присутствовать въ Религіозно-философскихъ Собраніяхъ... Религіозно-философскія въ Петербургѣ Собранія отказали ему въ допущеніи* (курсивъ мой). Теперь онъ сплетничаетъ въ темную вмѣсто того, чтобы перевирать (перепначивать, искажать) въ открытую. Но за то какъ онъ раздраженъ, какъ убійственны его обвиненія. Читатель, однако, можетъ догадаться, что *выраженіе Религіозно-философскими Собраніями нравственнаго къ нему недовѣрія есть настоящій корень его словъ* (курсивъ мой)... Г. Грингмутъ просто *неразвитъ* (курсивъ вашъ); и его не только по склонности къ сплетнямъ не слѣдовало допускать на собранія, но еще и по той причинѣ, что въ вопросахъ религіи — какъ гимназистъ второго класса, не подготовленный къ слушанію наукъ изъ курса пятаго или шестого класса—онъ хлопалъ бы ушами на собраніяхъ; ни слова бы не сумѣлъ тамъ вставить; и позднѣе все бы перевралъ“. Довольно, довольно, г. Розановъ! Вамъ своевременно было разъяснено, что г. Грингмутъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія попасть въ Религіозно-философскія Собранія, и что вы не имѣли никакого права *свое личное мнѣніе* о редакторѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ выдавать за мнѣніе *всего* религіозно-философскаго собранія. Вы же, вмѣсто того, чтобы покаяться предъ г. Грингмутомъ и предъ читающей „Новое Время“ публикой въ своемъ клеветническомъ вымыслѣ, называете послѣдній *неточностью и невольною ошибкой* [1]. Какая дѣтская наивность!! Нѣтъ, г. Розановъ, поймите, что вы учинили гадость, и эта гадость становится гораздо гаже отъ того, что вы не хотѣли въ ней сознаться. Да и вообще кто вы такой, и какое имѣете право такъ беззастѣнчиво порицать своего ближняго и лгать на него? Я, г. Розановъ, знаю васъ давно, съ того самаго времени, когда вы состояли еще учителемъ въ прогимназіи г. Брянска.

---

[1]) Конечно! Г-нъ Грингмутъ *устно* просился въ Религіозно-филос. собранія черезъ В. М. Скворцова, а не „подалъ записку съ просьбою“. Но намъ, выслушавшимъ это предложеніе В. М. Скорцова, и не извѣстно было, и не интересно было, *какъ именно* г. Грингмутъ обратился къ г. Скворцову.—*В. Розановъ.*

И, по долгу миссіонера, позволю себѣ совѣтывать вамъ поглубже всматриваться въ собственную душу и почаще размышлять, не на опасномъ ли вы пути (Псал. 138, 24). Вѣдь вы уже не молодой человѣкъ.

„Миссіонеры (епархіальные) могутъ и умѣютъ только приказывать“... Факты, факты, г. Розановъ! Гдѣ [1]) они? Не лжесвидѣтельствуйте такъ голословно. Вѣдь это же грѣшно. Если бы вы потрудились прочитать синодальныя „Правила объ устройствѣ миссій“ [2])... и ознакомиться съ миссіонерскими дневниками и записками въ нашихъ духовныхъ журналахъ, — то увидѣли бы, что епархіальные миссіонеры не представляютъ изъ себя никакой начальствующей единицы. Миссіонеръ—de jure и de facto помощникъ [3]) священника и его опытный совѣтникъ [4]) въ дѣлѣ вразумленія иномыслящихъ. Мы никому не можемъ приказывать. Наоборотъ, мы стѣснены вся-

---

[1]) Въ Тобольской губерніи, г. Булгаковъ. Вѣдь въ этомъ 1905 г., послѣ дарованія *свѣтскою властью* благословенной вѣротерпимости, расковались *духовные оковы* и возвращены были изъ Тобольской губерніи на родину, въ Малороссію, кроткіе штундисты. Не священники-же и не полиція, не умѣющая *различать* вѣроученій, во всякомъ случаѣ не берущаяся за это, выпроводила ихъ: для этого нужны были „спеціалисты-эксперты“, каковыми на судѣ и являются г. г. эпархіальные миссіонеры. Эти всякое съ собою разномысліе объявляютъ „особо-вредною сектою, не токмо опасною для Церкви, но *и для Государства*“ (почти всѣ наши секты объявлены „особо опасными для государства“). Послѣдняя формула есть только варіантъ древняго инквизиціоннаго приговора: „передаемъ вамъ (свѣтскимъ исполнителямъ, свѣтской административной власти) сего грѣшника—для наказанія наиболѣе легкимъ видомъ наказанія, *безъ пролитія крови*“. Тогда ихъ сжигали, на глазахъ духовныхъ судей—при чемъ кровь, *запекаясь*, не „проливалась“. Милыя сердца. У насъ, конечно, „тѣхъ же щей да пожиже влей“.—*В. Р—въ.*

[2]) Ну, конечно—„безъ пролитія крови“.—*В. Р—въ.*

[3]) Какъ тонко, Боже, какъ тонко и деликатно. Сама Гоголевская „дама, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ“, могла-бы позавидовать „хорошему тону“ всего дѣла.—*В. Р—въ.*

[4]) Просто—шикъ. Нѣтъ, я думаю, уже не берутся-ли миссіонеры изъ воспитанниковъ пажескаго корпуса? Откуда-же эта деликатность!!!—*В. Р—въ.*

кими предписаніями, приказаніями, инструкціями. Пропагандисты расколо-сектантства въ этомъ отношеніи занимаютъ болѣе выгодное положеніе: они безъ всякихъ инструкцій свободно разъѣзжаютъ по Россіи для проповѣди, устраиваютъ противозаконныя сборища [1], при чемъ плодомъ одного изъ такихъ сборищъ было, какъ извѣстно, страшное Павловское дѣло. Мы же, проповѣдники вѣры Христовой, поистинѣ находимся, какъ овцы [2] среди волковъ. И замѣтьте, г. Розановъ, что въ настоящее время враги Церкви Христовой въ отношеніи насъ измѣнили свою тактику: прежде они тащили „благовѣстниковъ галилейскаго ученія“ къ звѣрямъ и на костры,—а теперь, наоборотъ, они приближаются къ намъ съ медоточивыми устами (Исаіи 29, 13), прося допустить ихъ въ церковную ограду, даютъ намъ іудино лобзаніе, дѣлятъ съ нами хлѣбъ-соль (Псал. 40, 10),—а затѣмъ привязываютъ къ позорному столбу газетнаго глумленія и своими грязными перстами указываютъ на насъ проходящимъ. Думаю, г. Розановъ, что такое поведеніе „нищущихъ Церкви“ несравненно отвратительнѣе, чѣмъ „сплетни всего міра въ темную“, и гораздо безчестнѣе открытой борьбы древняго язычества съ христіанствомъ.

„Епархіальные миссіонеры только обременяютъ бюджетъ Духовнаго Вѣдомства безъ всякой для дѣла пользы“. Такъ, такъ, г. Розановъ! Нѣкто, гораздо раньше васъ, высказывалъ подобное же сѣтованіе о чужихъ деньгахъ (Іоан. 12, 4—6). Будьте откровенны, г. Розановъ, скажите лучше прямо такъ: зачѣмъ Духовное Вѣдомство тратитъ деньги на содержаніе миссіонеровъ? Отчего бы миссіонерскія суммы не употребить, ну хотя, напримѣръ, на поддержку какого либо, любезнаго вашему сердцу изданія. Позволяю себѣ такъ комментировать ваши слова потому, что вы и въ „Новомъ Пути“ тоже кивали головой на *богатое* „Общество религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“ („Новый Путь“. Октябрь). Оставьте лучше свою сомнительнаго свойства скорбь о чужихъ деньгахъ, которыя совсѣмъ не такъ огромны, какъ вамъ кажутся: духовная власть, освѣдомленная гораздо больше васъ о нашей дѣятельности, знаетъ наши труды и цѣнитъ пользу, прино-

---

[1] Уже не помѣняться-ли миссіонерамъ съ ними положеніемъ и должностью? „Всѣ прерогативы“ у еретиковъ; а миссіонеры — „страстотерпцы“.—*В. Р—въ.*

[2] Скорѣе, я думаю, какъ ангелы среди чертей?—*В. Р—въ.*

симую нами Церкви Христовой. Мы по мѣрѣ силъ своихъ насаждаемъ и поливаемъ ниву Божью (1 Коринѳ. 3, 6); и вы не судите о насъ никакъ прежде времени, пока не придетъ Господь, который и освѣтитъ скрытое во мракѣ и обнаружитъ сердечныя намѣренія, и тогда каждому будетъ похвала отъ Бога (1 Коринѳ. 4, 5).

„Ни надлежащаго духовнаго образованія они (епархіальные миссіонеры) не имѣютъ и никакого духовнаго авторитета". Не вамъ, г. Розановъ, судить о томъ, имѣемъ ли мы надлежащее духовное образованіе: вы сами еще недостаточно тверды даже въ знаніи Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта и Православнаго Катихизиса. Вотъ вы издѣвались надъ г. Spectator'омъ „Московскихъ Вѣдомостей", „что онъ въ вопросахъ религіи, какъ гимназистъ второго класса" (см. свой фельетонъ). Между тѣмъ если бы у васъ была хотя самая малая часть богословскихъ познаній г. Spectator'а, то вы, навѣрное, избѣжали бы тѣхъ колоссальныхъ нелѣпостей, какія разсыпаны въ вашихъ quasi-богословскихъ статьяхъ. Не спѣшите умозаключать, что мы не имѣемъ никакого духовнаго авторитета. Если для васъ и вамъ подобныхъ интеллигентовъ нашъ голосъ не авторитетенъ, то, вѣдь, кромѣ васъ есть еще сонмъ культурнаго вѣрующаго русскаго общества народа [1]). Къ мнѣнію этого голоса мы совѣтуемъ вамъ прислушаться и спросить его, что онъ вамъ скажетъ о насъ. Да и вообще не мѣшало бы г.г. непрошеннымъ защитникамъ духовныхъ интересовъ нашего народа почаще справляться у самого народа о его духовныхъ запросахъ. Учредители „Религіозно-философскихъ собраній" сдѣлали крупную ошибку, что во время преній о свободѣ совѣсти не пригласили въ залъ своихъ засѣданій представителей настоящаго русскаго народа, любящаго свою вѣру, своего Царя-Батюшку и свое отечество. Эти представители весьма охладили бы истерическій вопль г. Минскаго, г-жи Бородаевской [2]) и К⁰. Христосъ Спаситель, пророки и апостолы

---

[1]) Неповятно. Запыхался человѣкъ.—*В. Р—въ.*

[2]) Г-жа Бородаевская, авторъ многолѣтнихъ изслѣдованій о сектантствѣ, спросила вслухъ В. М. Скворцова: „какихъ вы нашли въ Россіи *штундо*-баптистовъ, когда есть только *баптисты*". Смыслъ вопроса въ томъ, что баптисты—не наказуемая по законамъ протестантская секта, а *штундизмъ*—„особо опасная и строго наказуемая". Такимъ образомъ, вопреки свидѣтельству о себѣ самихъ сектантовъ, да и просто вопреки наукѣ этнографіи, г. г. миссіонеры

не были авторитетны для еврейскаго народа (Матѳ. 23, 34—37 и друг.); до сихъ поръ эта „блудодѣйная и похотливая нація“ (см. книги пророческія), которую однако вы такъ органически любите ставить въ примѣръ христіанской семьѣ, коснѣетъ въ своемъ противленіи Вѣчной Истинѣ. Неужели же разумно отсюда утверждать, что Спаситель и Его посланники вообще „не имѣютъ никакого духовнаго авторитета“ (выражусь вашими словами). Нѣтъ, г. Розановъ, слово проповѣдниковъ евангельской истины неубѣдительно только для тѣхъ, „кто“, по словамъ пророка, „упрямъ, у кого шея желѣзная и лобъ мѣдный“ (Исаіи 48, 4). Такіе люди всегда будутъ ставить прихоти своего сластолюбиваго сердца выше всего, и подъ угломъ ихъ оцѣнивать того или другого учителя (2 Тимоѳ. 4, 3—4); понятное дѣло, что для нихъ, какъ для „глухихъ аспидовъ“ (Псал. 57, 5—6), не будетъ авторитетна даже сама Церковь со всѣми ея отцами и учителями.

По недосугу ограничиваюсь пока настоящими словами. Въ заключеніе, опять таки по долгу православнаго миссіонера, ради спасенія вашей души, молю васъ, г. Розановъ, подумать о грозныхъ и непреложныхъ словахъ Спасителя: „создамъ Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея“ (Матѳ. 16, 18). Бросьте свои сладострастныя умствованія о тайнѣ пола, перестаньте плескаться мыслью въ еврейской миквѣ, прекратите апологію внѣ-церковнаго брака подъ видомъ якобы защиты семьи, и не хромайте на „оба плѣсна“ въ отношеніи Церкви и ея служителей, сказавъ прямо и откровенно: кто вы—другъ или навѣтникъ, христіанинъ или іудействующій? И не ожесточайте своего сердца, ибо *человѣкъ, который,— будучи обличаемъ ожесточаетъ выю свою, внезапно сокрушится и не будетъ ему исцѣленія* (Притч. 29, 1).

СПБ. миссіонеръ *Н. Булгаковъ.*

*

Не правда-ли, какой добрый тонъ? Евангельская любовь. И волкамъ-сектантамъ какъ, должно быть, уютно-тепло около „увѣщаній“ этихъ кроткихъ овечекъ. *В. Р—въ.*

вѣшаютъ на человѣка бляху съ подписью „волкъ“, и уже затѣмъ требуютъ застрѣлить его—какъ бы онъ ни кричалъ: „я называюсь *человѣкомъ*! меня крестили Иваномъ“—В. М. Скворцовъ, какъ и его „подручные мастера“, въ томъ числѣ г. Булгаковъ, были смущены и ничего не нашлись сказать.—*В. Р—въ.*

О пенсіяхъ духовенству.

Назначеніе пенсій и единовременныхъ пособій заштатнымъ священникамъ и діаконамъ и ихъ осиротѣвшимъ семьямъ, вызвавшее благодарственный адресъ Св. Синода, отвѣчаетъ самой настоятельной и уже давнишней нуждѣ. Никто у насъ не стоитъ такъ близко къ народу, какъ священникъ, и не знаетъ его жизни до такой глубокой подробности. Сельскій священникъ и діаконъ уже почти стоятъ въ рядахъ крестьянства, лишь немного изъ него выдѣляясь болѣе образованіемъ, чѣмъ бытомъ. Они также имѣютъ землю и обрабатываютъ ее; ихъ жизнь и средства этой жизни неотдѣлимо слиты со всѣми перипетіями крестьянской жизни, съ ея матеріальными невзгодами и благополучіемъ. Бытъ народный и душа народная въ глубинѣ и красотѣ, а также въ ея слабостяхъ и изъянахъ, никому такъ не вѣдомы, какъ священнику.

Начиная съ царствованія императора Александра III идутъ заботы объ улучшеніи его быта. Никто объ этомъ бытѣ такъ хорошо не писалъ, какъ извѣстный священникъ Беллюстинъ, еще въ 60-хъ годахъ; онъ пламенно указывалъ на безотлагательную необходимость обезпеченія сельскаго духовенства хоть небольшимъ жалованьемъ. Нынѣ все это благополучно двигается впередъ и, Богъ дастъ, дойдетъ до благополучнаго конца. Тѣснимое до крайности нуждою и въ понятномъ страхѣ за необезпеченность семей своихъ въ случаѣ смерти главы, духовенство вынуждалось къ нервному пересчитыванью тѣхъ пятаковъ и гривенниковъ, какіе получало за исполненіе религіозныхъ обязанностей. Тутъ нельзя его не пожалѣть. Существовать нужно, а за требу брать больно: и вся жизнь священника, діакона и при-

четника проходитъ между этими Сциллою и Харибдою и, можно сказать, была отравлена и испорчена этой связью противоположныхъ вещей. Вполнѣ нужно удивляться вѣковой выносливости нашего духовенства и огромному его самообладанію, что при такомъ положеніи оно сохранило въ лучшихъ представителяхъ и любовь къ народу, и теплую вѣру, и вообще прошло черезъ испытаніе, не деморализировавшись. Никогда не слышно было публичныхъ жалобъ священника къ прихожанамъ своего прихода на скудость приношеній. Этого не было во всей Россіи и никогда. Крестъ бѣдности священникъ несъ безмолвно. Между тѣмъ не неизвѣстны хотя рѣдчайшіе случаи, что и ксендзъ, и пасторъ *съ церковной каѳедры* говорили приходу о скудости приносимой лепты.

Слова, написанныя Государемъ на благодарственномъ адресѣ Св. Синода „о служеніи въ *истинно*-христіанскомъ *духѣ*“, къ усиленію коего призывается епархіальное духовенство, содержатъ указаніе на *нравственный, моральный* смыслъ христіанства и таковую же миссію въ народѣ нашего священства. Нельзя не замѣтить, что долгіе вѣка усердною работою духовенство *вышколило народъ въ обрядовой сторонѣ отношенія къ Богу.* Но *сердечная, совѣстливая* и *тревожная* сторона не получила такой же обработки. Русскій народъ былъ бы первымъ въ мірѣ по нравственности, страшись онъ такъ же обмана, какъ вкушенія скоромной пищи въ постъ. Прекрасно, что онъ соблюдаетъ посты, но бѣдственно, что въ той же мѣрѣ и заботливости и *непремѣнности* онъ не воздерживается отъ насилія, грубости и лукавства. Бытъ народа въ нравственномъ отношеніи, въ смыслѣ „нравовъ и обычаевъ“, оставляетъ чрезвычайно многаго желать. И намъ кажется, что указаніе „на служеніе въ *истинно*

христіанскомъ *духѣ*“ можетъ и должно двинуть духовенство въ этомъ направленіи. Христіанство у насъ было выражено какъ *уставность жизни;* между тѣмъ оно еще болѣе есть *жизнь духа и въ духѣ.*

Едва-ли мы не угадаемъ истину, если скажемъ, что въ самомъ нашемъ духовенствѣ есть уже встрѣчное сюда движеніе,—особенно въ молодомъ священствѣ. Многіе пламенно идутъ на просвѣщеніе народа, читаютъ съ нимъ, учатъ его, разсказываютъ, раздаютъ книги: и все съ зовомъ на подвигъ состраданія къ ближнему и очищенія сердца отъ всякой скверны и лукавства. Слова Государя на адресѣ живѣйшимъ ободреніемъ пронесутся въ сердцахъ этихъ частицъ нашего духовенства и еще болѣе окрылятъ его на подвигъ для народа. Нѣтъ сомнѣнія, что ближайшее будущее нашей Церкви выразится въ этомъ движеніи на моральную ниву, и въ распространеніи сознанія среди духовенства, что послѣ того какъ *девять вѣковъ народъ „служилъ Церкви“*,— какъ говорится въ молитвѣ передъ ученіемъ,—насталъ десятый вѣкъ, когда и *Церковь послужитъ народу* не однимъ насыщеніемъ его церковными истинами, но и возженіемъ въ немъ *общечеловѣческаго свѣта, общечеловѣческой совѣсти, общечеловѣческой отвѣтственности.* Здѣсь духовенство можетъ не только научать, но и укорять. Деревенское пьянство, нелѣпые и вредные приговоры сельскаго схода подъ давленіемъ кулака, самое это кулачество въ его беззастѣнчивыхъ проявленіяхъ—менѣе бы развились, если бы встрѣчали въ твердомъ священникѣ мужественный моральный себѣ укоръ, моральное противодѣйствіе. Но страшная необезпеченность духовенства и зависимость отъ всякаго пятака и гривенника сламливали твердость. Въ одномъ былъ твердъ священникъ—въ терпѣніи за себя и у себя; но

въ отношеніяхъ къ приходу и къ прихожанамъ онъ не имѣлъ ни силы, ни возможности быть твердымъ.

„Истинно христіанскій духъ“ можетъ быть подскажетъ духовенству о необходимости ослабленія еще одной неосторожности въ его отношеніяхъ къ міру, къ людямъ. Мы говоримъ о сектанствѣ русскомъ. Воздѣйствіе на него духовенства будетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ станетъ мягче, сердечнѣе; если будетъ ограничиваться всецѣло однимъ словомъ, бесѣдою,—ни прямо, ни косвенно не ища другихъ пособій.

О неудобствѣ частыхъ перемѣщеній въ Духовномъ Вѣдомствѣ.

Въ № 25 „Церковнаго Вѣстника“, въ статьѣ „Духовные воспитатели“, высказывается одна очень важная въ практическомъ отношеніи мысль:

> „Говоря о лучшей постановкѣ въ семинаріяхъ дисциплинарнаго дѣла, мы не можемъ умолчать объ одномъ ненормальномъ явленіи въ жизни этихъ заведеній: о частой смѣнѣ ректоровъ. Мы знаемъ, напр., одну семинарію, гдѣ въ теченіе 6 лѣтъ смѣнилось до 4-хъ ректоровъ. Нѣтъ необходимости доказывать весь крайній педагогическій вредъ такого явленія, не созидающаго, а скорѣе разрушающаго моральную сторону жизни воспитанниковъ“.

Дѣйствительно, если бездушнымъ вещамъ конечно безразлично, какой человѣкъ около нихъ работаетъ и долго ли онъ работаетъ, то совершенно иначе это чувствуютъ люди, у которыхъ существуютъ *приноровленіе*. Нѣтъ *машины*-человѣка, и это—какъ въ дѣйствіи, такъ и въ воспріятіи дѣйствія. Дѣйствующій, положимъ ректоръ семинаріи, ошибается въ началѣ: но онъ думаетъ, усиливается, изучаетъ сферу—и этимъ онъ становится неизмѣримо выше машины. Ибо понявъ обстоятельства,

оцѣнивъ людей окружающихъ, онъ *приноровливается* къ ихъ личнымъ недостаткамъ, слабостямъ, а также и къ ихъ талантамъ; приноровляется и, въ свою очередь, ихъ *приноровляетъ* къ себѣ. Но для всего этого надобно время: вначалѣ же всякій человѣкъ дѣйствуетъ даже *хуже машины*. Теперь, если въ теченіе 6 лѣтъ въ семинаріи смѣнилось 4 ректора, то очевидно, что каждый изъ нихъ дѣйствовалъ какъ новенькій, т.-е. совершенно неумѣло, *хуже даже бездушной машины*. Къ прискорбію, замѣчаніе „Церковн. Вѣстн." (органъ здѣшней Духовной академіи) можно было бы и распространить. Не въ однѣхъ семинаріяхъ, но и на епископскихъ каѳедрахъ частая перемѣщаемость лицъ также вошла почему-то въ обыкновеніе у насъ, въ значительной степени обезпложивая дѣятельность этихъ лицъ. Вотъ два полученныхъ нами письма, которыя какъ разъ продолжаютъ сѣтованіе, высказанное на страницахъ духовнаго органа:

„Не знаемъ, къ добру или къ худу для нашей епархіи частая перемѣна архипастырей: въ 15 лѣтъ пожило у насъ 8 владыкъ, а консисторія—все одна, ее такъ и не мѣняютъ. А вѣдь это главный органъ управленія епархіи; можетъ быть и онъ обветшалъ, не пора ли и его обновить?

„Владыки обыкновенно бываютъ руководителями консисторій, а у насъ, въ силу необходимости, консисторія руководитъ владыками. Черезъ два года и черезъ годъ пріѣзжаетъ новый владыка: не знаетъ ни жителей, ни условій жизни, надо познакомиться. А какъ? Разумѣется—черезъ консисторію. Ну, она и знакомитъ его по своему: себя похваливаетъ, а другихъ не рекомендуетъ. Владыка видитъ, что ближайшіе его слуги и самовидцы—люди не прыткіе, думаетъ и о прочихъ то же, и говоритъ: «людей нѣтъ, не съ кѣмъ служить". И радъ новому мѣсту, торопится переѣхать на него: а епархія, бѣдная, оставайся опять со своей старой консисторіею, какъ знаешь".

Письмо далѣе рисуетъ мелкія некрасивыя подробности, но вѣдь мы совершенно не знаемъ, гдѣ онѣ есть и гдѣ ихъ нѣтъ. Мы ихъ можемъ предположить вездѣ. И происходятъ онѣ оттого, что захолустное мѣсто какой-нибудь далекой губерніи видитъ у себя только почти проѣзжающихъ мимо архипастырей, которые не имѣютъ времени ни познакомиться съ дѣлами, ни узнать людей, ни *развѣдать злоупотребленія*. Скорѣе, ихъ короткое посѣщеніе служитъ только моментомъ, когди все сгруппированное въ самомъ губернскомъ городѣ, т.-е. въ консисторіи и близь нея, торопливо спѣшитъ *извлечь всевозможныя выгоды изъ неопытности епархіальнаго начальника*. Такъ развиваются злоупотребленія. А нужнаго благого дѣла, именно: нравственнаго вліянія епископа на епархію, нравственной связи пастыря съ пасомыми, устанавиться не можетъ. Вотъ еще письмо съ жалобою на ту же очевидно слишкомъ чувствуемую язву отъ частыхъ перемѣщеній владыкъ:

„Въ нашъ пересыльный замокъ (такъ называютъ владыки нашу каѳедру, на которую черезъ годъ и два посылаются все новые владыки),—пріѣхалъ новый владыка, по природѣ артистъ, любитель церковнаго пѣнія, живописи и садоводства, въ грандіозныхъ все размѣрахъ. Ему бы все это устроить въ богатой епархіи, напримѣръ въ Воронежской, а не въ нашей бѣдной. Владыкѣ новому не понравилась старая консисторія, а старой консисторіи новый владыка. Владыка предполагалъ членовъ перемѣнить, а члены собираются владыку смѣнить. Теперь они ловятъ его на неудачныхъ распоряженіяхъ и при помощи ихъ надѣются достигнуть цѣли. И вотъ опять будетъ новый владыка и старая консисторія. И такъ до скончанія міра“.

Намъ кажется, здѣсь нравственные интересы паствы слишкомъ приносятся въ жертву собственно „служебному движенію“, служебной наградѣ или служебному

повышенію духовныхъ лицъ. Да и соотвѣтствуетъ ли вообще высотѣ и чистотѣ архіерейскаго служенія это „передвиганіе“ владыкъ, какъ чиновниковъ всякаго другого вѣдомства? Русскій народъ привыкъ совершенно иначе глядѣть на архіереевъ, и нельзя не сознаться, что этотъ народный взглядъ—и благочестивѣе, и нравственнѣе. Да едва ли это странное передвиганіе архіереевъ не имѣетъ за собою молчаливую тенденцію: свести совершенно на „нѣтъ“ ихъ авторитетъ, ихъ дѣловое значеніе, и передать его всецѣло въ руки консисторіи, т. е. конкретно—секретаря ея; который, по регламенту, назначается на свое мѣсто и смѣщется съ него *личнымъ приказомъ* оберъ-прокурора Сѵнода, и *ему одному* во всемъ подчиненъ и обо всемъ доноситъ; тогда какъ архіереи связаны и отвѣтственны передъ Сѵнодомъ. Два отдѣленія, *свѣтское и духовное*, въ Синодѣ и въ епархіяхъ: и свѣтское, какъ впрочемъ и всюду, побѣждаетъ духовное.

Изъ оцѣнокъ русскаго народа.

Великія идеи (силы, вещи) велики своею приспособляемостью. Нѣтъ и никогда не было въ исторіи совершенно косныхъ вещей, неподвижныхъ мыслей, которыя получили бы значительность. Только то, что умѣетъ *во всякое время* быть *своевременнымъ*, что, живя, какъ-бы вбираетъ въ себя вѣка и въ новыхъ вѣкахъ получаетъ новыя краски,—то одно и существуетъ исторически, а не бытовымъ однимъ существованіемъ. Быть можетъ наиболѣе знаменитую иллюстрацію этого даетъ папство. Не смотря на его: „sim ut sum aut non sim“ т. е. „да пребуду таковымъ, каково есмь, или не буду вовсе“,—оно на самомъ дѣлѣ было крайне приспособляющееся

силою, всегда не только выражая свой вѣкъ, но иногда становясь и во главѣ вѣка. Папы эпохи Возрожденія становились друзьями художниковъ, каковы Рафаэль, Буанороттн, да-Винчи, и друзьями ученыхъ, отыскивавшихъ, разбиравшихъ и коментировавшихъ греческіе и римскіе пергаменты. Ватиканскія ложи вмѣщаютъ въ себѣ вдохновенія Рафаэля, а ватиканская библіотека есть богатѣйшая по отношенію къ словеснымъ останкамъ классическаго міра. Да и можно представить себѣ, чѣмъ были бы римскіе понтифексы, если бы они въ XV—XVI вв. захотѣли повторять Гильденбрандта и Иннокентія III, или въ XIX вѣкѣ—повторять полухудожниковъ, полуартистовъ-папъ XV в. Каждому вѣку свое. И залоги мудрости и силы несетъ явленіе, которое въ каждомъ вѣкѣ умѣетъ быть своимъ, а не чуждымъ и не инороднымъ явленіемъ, еще менѣе—явленіемъ враждебнымъ Русская царская идея едва ли менѣе гибка и приспособляема. Алексѣй Михайловичъ и его сынъ Петръ — какія двѣ различныя задачи, какіе два различные образа; и до чего мы живо чувствуемъ, что Россіи одинаково были нужны и классическій выразитель московской тишины и благочестія, и классическій выразитель труда и бранныхъ тревогъ совершенно особливаго цикла нашей исторіи. Не только въ вѣкахъ, но въ четверть-вѣкахъ русскіе Государи вели за собою иногда новыя событія, отвѣчая на нужду дня, на задачу дня. Здѣсь приспособляемость простиралась до перемѣны столицы, избранія новой столицы, и съ нею обыкновенно новаго принципа существованія. Кіевъ, Москва, Петербургъ—вотъ этапы движенія русскаго самодержавія, мѣста облаченія его въ совершенно новыя одежды, всегда соотвѣтственныя духу времени. И кому же не понятно, что безъ этой приспособляемости, разсматриваемая сила

была бы болѣе хрупка, да и для Россіи была бы болѣе обремѣнительна...

До чего это такъ, можно видѣть изъ особеннаго характера просвѣтительныхъ заботъ императора Александра III. Судя по нѣкоторымъ особенностямъ, можно было думать, что время этого царствованія окончательно погрузится въ разграниченіе „своего“ и „не своего“, „нашего“ и „ихняго“ у Россіи и Европы; между тѣмъ государь этотъ, и именно лично онъ самъ, двинулъ Россію къ совершенно неожиданной задачѣ: къ техническому усовершенствованію, къ техническому развитію, къ техническимъ дѣламъ и предпріятіямъ. Великій Сибирскій путь только самое крупное, но не единственное дѣло въ сферѣ этихъ заботъ. Классическое образованіе пошатнулось въ своемъ авторитетѣ въ это же время: и теперь мы на всѣхъ путяхъ стоимъ наканунѣ преобразованія тихой обломовщины существованія въ бодрый, укрѣпляющій силы трудъ,—въ бодрое, дающее хлѣбъ насущный, практическое просвѣщеніе. Вотъ прекрасное движеніе, личная иниціатива котораго принадлежитъ императору Александру III, который для Европы былъ „Миротворцемъ“, а для Россіи, если возможенъ подборъ новыхъ титуловъ, „реалистомъ“ въ высокомъ, историческомъ смыслѣ. „Довольно летать подъ небомъ, пора пообчистить грязь подъ ногами“. Вотъ лозунгъ, вотъ время, вотъ духъ исторіи, о перемѣнѣ котораго ничего ранѣе не было слышно.

Какою же археологическою ветхостью, а скорѣе — газетнымъ притворствомъ и газетною неумѣлостью повѣяло на насъ изъ статьи „Моск. Вѣд.“, озаглавленной „Русскій народъ“. Русскій народъ, видите ли, *не* техникъ.

„Онъ *не* техникъ и *не* практикъ, хотя, въ силу отлича-

ющей его общей даровитости, способенъ блестяще преуспѣвать и въ этихъ областяхъ, разработанныхъ *до* него и *для* него другими народами, *менѣе* крупными, нежели онъ, въ смыслѣ этическомъ".

Курсивы вездѣ московской газеты. Не правда ли, точно Фонвизинскій Вральманъ складываетъ комплименты ученику своему Митрофану?

„Ни техническіе успѣхи и меркантильный характеръ новой западной культуры, ни культъ художественной красоты древней языческой Эллады, ни идея права, завѣщанная человѣчеству древнимъ Римомъ,—не могли удовлетворить духовныхъ запросовъ русскаго народа..."

Ну, что ужъ, слышали: „не учись Митрофанъ, ты и безъ наукъ мудрѣе всякаго умнаго". Нѣтъ, наши государи не такъ учили Русь: нужно тебѣ и право, не чужда и красота тебѣ, своевременно будутъ тебѣ даны и техническіе успѣхи и пониманіе меркантильныхъ дѣлъ. Далѣе, чтобы оправдать свои пока только отрицательныя похвалы, газета кладетъ, въ противовѣсъ этимъ мелкимъ гирькамъ западныхъ идеаловъ, сразу цѣлый пудъ одного идеала:

„по существу своему религіозный идеалистъ, русскій народъ избралъ цѣлью своего національнаго бытія дѣятельное и доброе хожденіе въ волѣ Божіей и путяхъ семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ, стремясь къ Царствію Небесному путями царства земного".

Конечно, русскій народъ сложилъ поговорку: „безъ Бога ни до порога", но онъ никогда еще не понималъ этого такъ, что „съ Богомъ—ни за порогъ". Русскій народъ крестится, принимаясь за трудъ: и крестъ есть только введеніе, предисловіе, но не книга жизни, не страницы жизни. „Перекрестясь" и „съ Богомъ" — русскій выплывалъ на кораблѣ въ море, Андрей Боголюбскій бѣжалъ изъ Кіева въ Суздальскую землю, и Петръ бѣ-

жалъ изъ Москвы въ Петербургъ, встрѣчать голландскіе корабли и рубить отъ себя окно къ Западу и свѣту. Бога Россія не забывала и не забудетъ; но и свѣта, просвѣщенія не забудетъ же. И не забудетъ, до чего ей своевременно теперь, своимъ ли умомъ или по чужимъ образцамъ, пообчиститься и пообчиститься отъ историческаго сора, лежалости, затхлости.

* * *

Не такъ давно еще „Моск. Вѣд." высказывали, что русскій народъ куда выше стоитъ западныхъ народовъ, что онъ—народъ-„идеалистъ", тогда какъ западные народы суть народы-„техники". Такъ какъ идея вообще владѣетъ матеріей, то это опредѣленіе можно было перевести такъ, что русскіе есть племя высшихъ способностей, призванное въ будущемъ къ руководительству, а разные тамъ нѣмцы, французы и англичане, у которыхъ до сихъ поръ мы заимствуемъ даже учебники для ребятъ, не умѣя сами составить ихъ,—тѣмъ не менѣе суть народы низшихъ, именно только практическихъ способностей. Мысль эта развивалась и такъ-сказать художественно украшалась параллельно въ рядѣ редакціонныхъ статей и въ статьяхъ проф. Московской духовной академіи Алексѣя Введенскаго. Статьи эти—риторичныя, потому пришлись практически, какъ говорится, „ко дню". Но вотъ послѣ духовно-праздничнаго дня наступилъ обыкновенный понедѣльникъ, и газета быстро снимаетъ трехцвѣтные флаги патріотизма и о томъ же народѣ русскомъ говоритъ такъ, какъ паны польскіе о „быдлѣ". Ей нужно доказать, что „народъ-идеалистъ" долженъ быть выведенъ вонъ изъ земства, и что его вовсе не слѣдовало впускать туда при самомъ введеніи земскаго положенія; хотя, какъ писали многократно въ нашихъ дворянско-охрани-

тельныхъ органахъ, этотъ народъ вышелъ изъ подъ развращающаго гнета крѣпостного права сохранившись замѣчательно цѣлымъ, не испорченнымъ, трезвымъ, трудолюбивымъ.

> „Преобразованію надлежало намѣтить—кому, какимъ элементамъ мѣстнаго населенія и мѣстныхъ людей могли бы быть ввѣрены функціи мѣстныхъ заботъ, интересовъ и управленія. Способный къ управленію элементъ населенія представляетъ собою только одно помѣстное дворянство, и только ему и могли быть ввѣрены эти функціи. Никакихъ другихъ элементовъ, способныхъ принять отъ Государства мѣстную часть его общихъ заботъ, часть хотя бы мелочную въ проявленіяхъ, на мѣстахъ—не было и нѣтъ до сихъ поръ. Невозможно же съ пользой участвовать въ какой-нибудь организаціи, совсѣмъ ея *не понимая* (курс. „Моск. Вѣд.“). Какъ могъ крестьянинъ быть полезнымъ членомъ земскихъ учрежденій, не понимая ни что такое „гласный“, ни что такое „собраніе“ и „управа“, смѣшивающій „земскіе сборы“ съ „казенными повинностями“ и „члена“ управы съ „полицейскимъ засѣдателемъ“; не могущій уяснить себѣ разницы между „страховымъ агентомъ“ и „судебнымъ приставомъ“.

Такъ перемалевываетъ газета праздничнаго „херувима“ въ будничнаго „чорта“. Крылья обломаны, рожа зачернена; подпись: „чортъ и быдло“. Нужно наконецъ вывести на чистую воду газетку, которая на воскресенье надѣваетъ на себя доспѣхи рыцарскаго славянофильства, цитируетъ и излагаетъ мысли Аксаковыхъ и Хомякова, крестится на кремлевскіе соборы и вообще дѣйствуетъ по всѣмъ привычкамъ купца, который наиболѣе божится, когда наиболѣе собирается васъ надуть; а, приступая къ обсужденію какого-нибудь практическаго мѣропріятія, принимаетъ тонъ остзейскаго дворянина или галицкаго пана. „Моск. Вѣд.“ начали Цицерономъ и кончаютъ Чичиковымъ. Чѣмъ чернѣй русскій народъ, чѣмъ больше теми, пороковъ, „быдла“ на Руси, тѣмъ

блистательнѣе роль „Московскихъ Вѣдомостей“. Тутъ все начато и кончено эгоизмомъ. Прасолъ, скупавшій „по мелочамъ“ мертвыхъ душъ, ходитъ теперь съ просьбою о новенькихъ законцахъ.

„Мы сказали и говоримъ, что если ужъ Правительство рѣшило передать мѣстнымъ людямъ завѣдываніе нѣкоторыми хозяйственными функціями областного управленія, то искать людей для этого можно было и слѣдуетъ только исключительно среди помѣстнаго дворянства“...

Воронья пѣсня и ястребиныя когти.

* * *

„Моск. Вѣд.“ не въ первый уже разъ ставятъ на столбцахъ своихъ вопросъ: „Что выше въ житейскихъ отношеніяхъ—*любовь* или *законъ*?“ Намъ кажется, что законъ, въ которомъ нѣтъ любви, а есть ненависть,—нелѣпъ и едва ли возможенъ. Законъ требуетъ отъ насъ минимума любви, а когда есть больше любви, чѣмъ сколько требуется въ законѣ, то конечно законъ только можетъ одобрить ее. Законъ и любовь не въ разныхъ линіяхъ, а въ одной линіи. Но такъ мы думаемъ, *вѣря въ законъ и полагаясь на законъ*. Однако авторъ статейки, г. Semper idem, видитъ опасность для закона въ любви. Да не подумаетъ читатель, что вопросъ идетъ о бракѣ, гдѣ, какъ извѣстно, любовь—опаснѣйшее чувство, и всѣ наши консерваторы хоромъ утвердили, что основаніе семейнаго согласія лежитъ въ равнодушіи другъ къ другу. Дѣло идетъ не объ этой quaestio vexata' а о самыхъ обыкновенныхъ, такъ-сказать сосѣдскихъ отношеніяхъ.

„Корень и источникъ зла заключаются въ томъ, что любовь, о которой столь часто говоритъ современное общество оторвана (почему же оторвана?) отъ своей истинной основы,

т. е. отъ христіанской вѣры. Христіанство считаетъ высшимъ благомъ человѣка вѣчное спасеніе души, и всякая истинная любовь должна поэтому проявляться въ содѣйствіи достиженію именно этого блага. Современная же любовь высшимъ благомъ считаетъ благополучіе земное (какое горе!) и къ нему направляетъ всѣ стремленія. Христіанство говоритъ: „пусть тлѣетъ внѣшній человѣкъ, лишь бы обновлялся внутренній". А современный альтруизмъ возражаетъ и переставляетъ отношенія: „пусть благоденствуетъ и благодушествуетъ внѣшній человѣкъ, а тамъ будь что будетъ; до внутренняго человѣка намъ дѣла нѣтъ".

Ахъ, ужъ эти левиты!.. Совсѣмъ забываютъ притчу о томъ израильскомъ левитѣ, который, увидя израненнаго на дорогѣ разбойниками, сказалъ въ себѣ: „ну, что̀:—это израненъ внѣшній человѣкъ! поспѣшу въ храмъ и устрою въ себѣ внутренняго человѣка". Такъ и нынѣшніе левиты; не нравится имъ, когда мы помогаемъ другъ другу: „это—что-то опасное! Тысячу лѣтъ этого не было: мы въ старинку—жили желчью и кипѣли въ гнѣвѣ, а были во спасеніи. Теперь—любятъ другъ друга, и безъ всякихъ причитаній. Новыя вѣянія! новыя вѣянія!" Но, друзья, мы вѣримъ евангелисту, изрекшему: „Богъ—любы есть". И помнимъ слово апостола: „А если *закономъ* оправданіе, то Христосъ *напрасно умеръ*". Апостолъ сказалъ это въ объясненіе ученикамъ своимъ, почему Іисусъ нарушилъ субботу, и развивая далѣе ту мысль, что съ Христомъ упразднился весь древній, суровый къ человѣку, законъ. „Московскія Вѣд." могутъ быть увѣрены, что никогда русское общество не повернетъ отъ Христа къ іудейству. Да и откуда на Страстномъ бульварѣ юдаизмъ? Вѣдь, помнится, синагога тамъ на Солянкѣ?..

Ахъ, схимники, схимники: а по чемъ берете отъ казны со строчки объявленій?

О милости къ животнымъ.

Не однажды въ статьяхъ, печатавшихся въ „Мірѣ Искусства“, я обращалъ вниманіе на то, что исключеніе *крови* изъ средствъ *общенія человѣка съ Богомъ* (древнія жертвы) погасило въ людяхъ вообще чувство *трансцендентности* крови и жизни, сперва у животныхъ, а потомъ даже и у человѣка. Жизнь (чужая) стала дешева; кровь—какъ бы сукровица изъ нарыва—не вызываетъ видомъ своимъ страха. „Льется ли или не льется она—что̀ намъ, людямъ духа и духовности, до нея?“ Отсюда учащенность убійствъ, самоубійствъ; отсюда войны, и ихъ послѣдствіе—постоянныя арміи. Я, между прочимъ, ссылался въ тѣхъ статьяхъ на Турцію и извѣстный константинопольскій обычай—не убирать (не убивать) съ улицъ собакъ. Это сдѣлало улицы несносными, но стяжало славу доброты османлисамъ.

Въ одномъ и томъ же № 9773 „Новаго Времени“ я прочелъ два извѣстія, которыя поразили меня контрастомъ; и они, *мыслью* происхожденія своего, подтверждаютъ догадку мою, *откуда* идетъ вообще „звѣробойство“ нашего времени, такъ нерѣдко переходящее въ „человѣкобойство“. Вотъ эти извѣстія:

Вопіющее варварство.

(*Письмо въ редакцію*).

„М. г. Вѣроятно, мало кому извѣстно, что кожа животнаго лучше отвѣчаетъ предъявляемымъ къ ней требованіямъ, если она снята съ живого животнаго, и вотъ такія кожи дѣйствительно получаются повсемѣстно на Руси.

„Въ Конотопѣ, напр., существуетъ заведеніе, гдѣ приспособлена клѣтка, въ которую, насажавши собакъ, понудительнымъ способомъ выгоняютъ ихъ въ узкій проходъ изъ нея; въ проходѣ устроено приспособленіе, снимающее кожу, благодаря которому собака вы-

скакиваетъ изъ клѣтки и бѣжитъ ободранная. Съ живыхъ лошадей сдираютъ кожу слѣдующимъ способомъ: надрѣзываютъ кожу въ нужныхъ мѣстахъ и заворачиваютъ ее внаружу, пристегивая къ ворчику, въ который впряжена другая лошадь. Нахлеставъ послѣднюю, усиліями ея стаскиваютъ кожу съ первой и такъ ее и бросаютъ привычные къ этому мастера, не добивъ даже лошади. Надѣюсь, что мое сообщеніе обратитъ вниманіе и послужитъ хоть немного къ облегченію участи животныхъ. Очевидцы не откажутся подтвердить мои слова."

В. Тиморевъ.

Село Тулиголовы, Черниговской губ., Глуховскаго уѣзда.

Вы не испытываете ужаса? рѣшительнаго ужаса при этихъ дьявольскихъ мукахъ ради грошоваго интереса? Да что-же, есть на мѣстѣ этомъ священникъ? Вѣдь тутъ—религія; вѣдь онъ могъ-бы объяснить, что Богъ животныхъ сотворилъ *на ряду съ* человѣкомъ? Бросимъ, безнадежно. Вотъ другая статья:

Отдыхъ для животныхъ.

„Жители окрестностей Стараго Крыма (Таврической губерніи), по словамъ „Южн. Края", рѣшили предоставить отдыхъ... животнымъ! своимъ лошадямъ, воламъ и другой рабочей тварп. Они постановили въ воскресные дни не выѣзжать изъ села ни на базаръ, ни въ городъ для продажи продуктовъ своего труда, съ цѣлью дать животнымъ отдыхъ хоть одинъ день въ недѣлю."

Невозможно не подумать, что добрый крымскій обычай возникъ подъ дѣйствіемъ караимовъ и татаръ, которые помнятъ заповѣданіе о субботѣ: „пусть отдохнетъ въ нее и сынъ твой, и дочь твоя, *и рабъ твой, и волъ твой*". Потому что, отчего же этотъ обычай не возникъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, а только въ одномъ, единственномъ, гдѣ „безкровная жертва"—колоніальна, а не туземна? Обычай этотъ рядомъ лежитъ съ константинопольскимъ „не убивать собакъ". А наше *всероссійское* (пишетъ корреспондентъ) сдираніе кожи съ живого животнаго ле-

житъ рядомъ же съ повсемѣстнымъ и всяческимъ возвеличеніемъ человѣка надъ всякою иною, чѣмъ онъ самъ, „тварью“,—съ пренебреженіемъ къ животнымъ, съ презрѣніемъ и въ себѣ самомъ „животной, низшей стороны“.—„Мы не Адонисы“, какъ говоритъ и о. Михаилъ: и, уставивъ собаку въ клѣтку,—пугаемъ ее такъ, что она выскакиваетъ голенькая, а шкурку оставляетъ намъ, христіанамъ. Вѣдь вотъ къ чему ведетъ „умерщвленіе оргійнаго въ человѣкѣ начала“, которое о. Михаилъ, такъ мало его понимая, оспариваетъ у людей новой мысли. Едва ли надо объяснять, какъ и почему и караимы и османлисы болѣе „оргійны“, чѣмъ этотъ почтенный лекторъ въ Соляномъ городкѣ и большинство его слушателей, читателей и почитателей. Мы-же, поднявъ въ печати вопросъ объ „Адонисѣ“, между прочимъ говоримъ и о томъ, чтобы мы жили и радовались духовно и *животно,* сами—и *съ животными*; и заводили обычаи и праздники для себя и *для нихъ*. Это и есть „великій Панъ“ и „древній Эросъ“ въ эллинской транскрипціи; или: „субботу празднуй ты и *волъ твой*“—въ іудейской транскрипціи.

Я надписалъ статейку: „О *милости* къ животнымъ“. Правда, мнѣ хочется вымолить ее у читателя. Но это—европейская транскрипція моей мысли, которая едва ли приведетъ къ чему. Не научимся мы *миловать* животныхъ, пока не почувствуемъ ихъ *милыми* себѣ: а это уже семитическая или эллинская точка зрѣнія, по коей нужно животныхъ или художественно созерцать, или чувствовать ихъ родными себѣ, немножко „единокровными“.

ДВА СТАНА.

Все *блѣдно* въ разсужденіяхъ—безъ иллюстраціи; все остается безъ нихъ *недоказательно*. Вотъ отъ чего великая поднявшаяся тяжба между интеллигенціею и духовенствомъ, какъ уже ранѣе поднялась тяжба между *семьею* и *аскетизмомъ*, требуетъ страницъ и страницъ. Въ качествѣ такихъ иллюстрацій-ли, или, пожалуй, „приложеній“, я приведу частное письмо, напечатанное въ „Новомъ Пути“, екатеринославской помѣщицы, женщины, вѣроятно, или институтскаго, или гимназическаго образованія, во всякомъ случаѣ безъ ученаго диплома, хозяйки и матери семейства. И, вслѣдъ за симъ, перепечатаю первыя страницы „Публичнаго богословскаго чтенія, предложеннаго 21-го марта 1904 г. въ залѣ Московскаго епархіальнаго дома“ подъ заглавіемъ: „Что̀ намъ нужнѣе всего“ извѣстнаго архимандрита *Никона,* редактора „Троицкихъ листковъ“, литератора и ученаго или полулитератора и полу-ученаго. Сравненіе: *чѣмъ* занята мысль, воображеніе и сердце одной и другого; и *что вынесутъ* читатели этого письма и той лекціи—дастъ обильную пищу для размышленія читателя этой книги, для критики поставленныхъ здѣсь темъ и вопросовъ...

В. Р—въ.

Хуже, чѣмъ Иродовы жертвы.

„Со времени Достоевскаго въ русской литературѣ не было такихъ страдальцевъ за дѣтей... Нѣтъ проповѣдника, который бы воздвигся на защиту ближайшаго и еще неосквернennаго подобія Божія, нѣтъ миссіонеровъ, которые шли бы въ народъ возстановлять попранную заповѣдь Христа о дѣтяхъ.

(М. Н. М. „Иродовы жертвы". Статья въ „Новомъ Времени").

Иродовыми жертвами были названы въ одной статьѣ въ *Новомъ Времени* дѣти, бросаемые у насъ на произволъ судьбы; а мнѣ кажется, что младенцамъ, умерщвленнымъ сразу Иродомъ, было лучше, чѣмъ нашимъ, медленной смертью гибнущимъ, безпомощнымъ дѣтямъ.

Что-то безнадежное, непримиримое поднимается въ душѣ, когда видишь, что ко всѣмъ неизбѣжнымъ стихійнымъ бѣдствіямъ людей—мы сами своимъ тупымъ, жестокимъ равнодушіемъ создаемъ условія, отъ которыхъ только послѣ тяжкихъ страданій гибнутъ физически и духовно несчастныя дѣти, которымъ даже нѣтъ счета у насъ въ Россіи...

Сколько разъ безсильно, съ тупымъ отчаяніемъ опускались у меня руки, когда мною овладѣвало желаніе найти откликъ у общества и хотѣлось обратиться къ печати, чтобы вызвать участіе къ этимъ безпомощнымъ, безгласнымъ жертвамъ общественнаго равнодушія. Зачѣмъ писать и говорить, когда читатели не только съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, но даже съ досаднымъ брезгливымъ чувствомъ пропускаютъ разныя статьи, обращающія вниманіе на положеніе несчастныхъ.

У насъ еще можно растревожить сердца описаніемъ какого-нибудь трагическаго происшествія, кровавой драмы, бѣдствій войны: но напоминаніе объ обыденныхъ, близкихъ житейскихъ страданіяхъ вызываетъ только желаніе поскорѣе перевернуть страницу. Даже лучшіе люди у насъ выказываютъ какое-то пренебрежительное отношеніе къ вопросамъ благотворительности, которая большею частью выражается у насъ лицемѣрнымъ отбываніемъ повинностей, въ родѣ разныхъ дамскихъ засѣданій, въ которыхъ участвуютъ расфранченныя фешенебельныя дамы, являющіяся въ брилліантахъ и кружевахъ торговать грошевыми бездѣлушками на базарахъ „pour les pauvres", когда было бы гораздо проще и

выгоднѣе для бѣдныхъ, если бы имъ просто отдавались тѣ 10, 20 рублей, которые такая благотворительница выбрасываетъ на покупку моднаго газоваго бантика...

Но у насъ не любятъ этихъ вопросовъ и еще недавно посланное мною въ редакцію одной большой газеты письмо, обращающее вниманіе на нѣкоторыя вопіющія стороны въ положеніи безпомощныхъ сиротъ по деревнямъ, было отвергнуто, хотя газета охотно печатаетъ всякіе пустяки объ итальянскихъ тенорахъ, балеринахъ и т. п.

Между тѣмъ кто же услышитъ насъ, сельскихъ жителей, если столичная пресса будетъ глуха къ нашимъ голосамъ? Въ городахъ, гдѣ сосредоточены кадры интеллигенціи и сильныхъ міра,—кое-что все-таки дѣлается для попеченія о бѣдныхъ и безпомощныхъ дѣтяхъ, но никому нѣтъ дѣла до крестьянскихъ сиротъ, никто не хочетъ о нихъ думать, ничего для нихъ дѣлать! Въ каждой деревнѣ всегда есть круглые сироты или полусироты, остающіеся на рукахъ неимущей вдовы, положеніе которой поистинѣ безвыходное, потому что въ услуженіе такую бабу съ ребятами не берутъ, а земли или совсѣмъ нѣтъ, или такъ мало, что сдача ея въ аренду еле покрываетъ мірскіе сборы и налоги, отъ которыхъ не освобождаются такіе безпомощные голодающіе наслѣдники. Жителямъ деревни хорошо извѣстно тупое и безсердечное отношеніе мірскихъ заправилъ къ бѣднымъ и сиротамъ. По закону, напримѣръ, крестьянскія общества обязаны заботиться о сиротахъ и выдавать нуждающимся по 20 ф. хлѣба въ мѣсяцъ на каждаго сироту или полусироту.

На дѣлѣ же они не только ничего не выдаютъ имъ, но выталкиваютъ въ шею тѣхъ вдовъ, которыя рѣшаются просить о помощи.

Что же остается дѣлать такимъ вдовамъ?—Дѣтей, мало-мальски способныхъ къ хожденію, матери пускаютъ нищенствовать, отдаютъ слѣпымъ и калѣкамъ въ поводыри, а съ малыми перебиваются до тѣхъ поръ, пока тѣ не умрутъ отъ истощенія. Всѣмъ, кто приходилъ въ соприкосновеніе съ такими вдовами, извѣстно, какъ искренно молятъ онѣ Бога о смерти такихъ дѣтей, и я думаю, ни одинъ фарисей не осудитъ такую мать, не упрекнетъ въ жестокости,—вѣдь нельзя же выносить день и ночь жалобнаго плача голодныхъ умирающихъ дѣтей...

А между тѣмъ односельчанамъ, даже бѣдныхъ деревень, было

бы не трудно, въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ поддержать такую семью сиротъ, пока старшія дѣти подростутъ настолько, что ихъ можно отдать въ наймы, потому что деревенскіе дѣти уже съ 8, 9 лѣтъ могутъ зарабатывать себѣ пропитаніе, нанимаясь въ няньки и пастухи. Такимъ образомъ тутъ дѣло не въ недостаткѣ средствъ, а въ недостаткѣ участія, желанія помочь, и въ отсутствіи у насъ правильной организаціи призрѣнія бѣдныхъ, которая ужъ давно существуетъ вездѣ въ Европѣ. Большимъ зломъ въ этомъ отношеніи является традиціонная обособленность крестьянскаго сословія и вслѣдствіе этого некультурность крестьянскихъ порядковъ самоуправленія. По существующимъ законамъ только одинъ земскій начальникъ можетъ вмѣшиваться въ крестьянскія дѣла, но можно ли ожидать, что завѣдуя судебными и административными дѣлами нѣсколькихъ волостей, земскій начальникъ можетъ принимать ближайшее участіе въ темномъ царствѣ нашей деревни? Мнѣ извѣстны случаи, когда земскіе начальники отдавали строгія приказанія сельскимъ властямъ оказывать поддержку безпомощнымъ дѣтямъ,—и все это не оказывало дѣйствія, потому что земскій начальникъ не имѣетъ времени провѣрять на мѣстахъ исполненіе разныхъ своихъ требованій.

А теперь, при новомъ переустройствѣ продовольственнаго дѣла, положеніе сиротъ стало еще хуже. Прежде выдачей хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ завѣдывали члены земскихъ управъ и земскіе начальники, и тогда все-таки хоть часть вдовъ могла обращаться къ нимъ съ просьбами; но теперь каждое разрѣшеніе о выдачѣ хлѣба изъ общественнаго магазина должно идти на разсмотрѣніе Губернскаго присутствія, на что уходитъ годъ и болѣе, т. е. срокъ вполнѣ достаточный, чтобы уморить голодомъ несчастныхъ дѣтей.

И мы видимъ, что съ одной стороны законъ требуетъ призрѣвать сиротъ, а съ другой—самъ лишаетъ возможности это дѣлать. Все это происходитъ отъ нашей бюрократической централизаціи и столь губительной для народа обособленности крестьянскаго сословія. Крайне необходимо поэтому, чтобы намѣченныя правительствомъ преобразованія возможно глубже и шире захватили порядки крестьянскаго управленія, и обратили бы вниманіе на дѣло общественнаго призрѣнія. Но пока желанныя реформы получатъ свое осуществленіе, общество съ своей стороны должно сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы своимъ опытомъ указать наиболѣе

цѣлесообразные способы попеченія о сиротахъ и вообще всѣхъ гибнущихъ въ нищетѣ и потьмахъ. Съ такою цѣлью образовалось въ нашемъ уѣздѣ „Общество попеченія о сиротахъ и безпомощныхъ дѣтяхъ". Члены общества озабочены теперь устройствомъ сельскихъ участковыхъ попечительствъ, которыя могли бы привлекать къ сотрудничеству лучшихъ мѣстныхъ жителей всѣхъ сословій: помѣщиковъ, духовенства, учителей, врачей, фельдшеровъ, сельскихъ властей и крестьянъ. Успѣшное развитіе такихъ сельскихъ попечительствъ можетъ создать дѣйствительно организованную помощь нуждающимся и оказать большое культурное вліяніе на нравы деревни.

Являясь связующимъ звеномъ между интеллигенціей и народомъ, участковыя попечительства развивали бы въ крестьянахъ чувство нравственной отвѣтственности, которая лежитъ на тѣхъ, кто отказываетъ въ своей помощи, бросаетъ безъ призора безпомощныхъ дѣтей. Если ихъ гибнетъ столько по деревнямъ, или пополняются ими милліонные ряды нашей арміи нищихъ и преступниковъ, то не потому, что населеніе не имѣетъ матеріальныхъ средствъ для ихъ поддержанія, а потому, что оно не имѣетъ желанія и охоты, не сознаетъ своей нравственной обязанности въ этомъ. Удобнѣе всего было бы пріурочивать такія сельскія попечительства къ церковнымъ приходамъ, которые по числу жителей и протяженію представляютъ собою наиболѣе подходящіе участки.

Въ Европѣ, гдѣ духовенство всегда было дѣятельно и предпріимчиво,—такія благотворительныя попечительства съиздавна пріурочивались къ церковнымъ приходамъ. Но, къ сожалѣнію, наше духовенство не обнаруживаетъ желанія брать на себя это, казалось, самимъ Богомъ указанное ему дѣло. Такъ на обращеніе, разосланное нашимъ Обществомъ 98 священникамъ нашего уѣзда, съ просьбой вступить въ члены сотрудники и доставлять свѣдѣнія о нуждающихся заброшенныхъ дѣтяхъ,—откликнулось лишь трое. На мой запросъ одному молодому священнику—не желалъ ли бы онъ вступить въ члены Общества и сообщать свѣдѣнія, онъ отвѣтилъ, что „въ его приходѣ нѣтъ такихъ нуждающихся", а между тѣмъ вскорѣ было сообщено другими лицами о бѣдственномъ положеніи нѣсколькихъ сиротъ. Какъ грустно и безотрадно видѣть такое равнодушіе къ христіанскимъ обязанностямъ среди нашего духовенства. Если думать, что это происходитъ вслѣдствіе общей бѣдности и малокультурности нашего сельскаго духсвен-

ства, то почему же среди, напримѣръ, земскихъ учителей, которые по своему матеріальному и образовательному цензу стоятъ въ общемъ ниже священниковъ, нашлось больше лицъ, откликнувшихся на призывъ Общества? Почему даже въ Москвѣ съ ея богатымъ и образованнымъ духовенствомъ, при учрежденіи тамъ городскихъ попечительствъ въ 1894 г. *), изъ 230 приходовъ существовало только 32 „церковно-приходскихъ попечительства", дѣятельность которыхъ нельзя и сравнивать съ „Городскими участковыми попечительствами".

Въ Петербургѣ образовалось „Религіозно-философское общество", имѣющее цѣлью сближеніе интеллигенціи съ духовенствомъ. Мнѣ кажется, что самыя искреннія усилія этого Общества останутся безплодными до тѣхъ поръ, пока наше духовенство не выступитъ въ ряды дѣятельныхъ и идейныхъ сотрудниковъ во всѣхъ общественныхъ начинаніяхъ, направленныхъ на помощь ближнимъ, на предупрежденіе духовной гибели обездоленныхъ.

Ничѣмъ нельзя такъ завоевать себѣ уваженіе и симпатіи интеллигенціи, какъ дѣятельнымъ служеніемъ людямъ; и вездѣ, гдѣ явится пастырь, который искренно, безкорыстно посвятитъ себя добрымъ дѣламъ, внося примиреніе и дружелюбіе въ наше разрозненное общество,—вездѣ къ нему прильнутъ лучшіе члены общества, каковы бы ни были ихъ религіозныя мнѣнія.

Позволю себѣ по этому поводу привести слова глубокоуважаемаго дѣятеля изъ среды духовенства, протоіерея Григ. Петровича Смирнова-Платонова изъ его статьи „Попеченіе о немущихъ и защита дѣтей съ христіанской точки зрѣнія" **).

„Нужно ли говорить, кто долженъ быть учителемъ и руководителемъ благотворенія въ христіанскомъ обществѣ? Очевидно, представители христіанской Церкви, духовенство: это высшій и главный долгъ пастырства. Говорить объ этомъ много нѣтъ нужды: существо дѣла и примѣръ древней Церкви не оставляютъ въ томъ сомнѣнія. Попечителемъ бѣдныхъ и распорядителемъ приношеній общины на пользу бѣдныхъ былъ *епископъ*, самое наименованіе котораго знаменуетъ руководство и надзоръ за правильнымъ теченіемъ нравственно-общественной жизни, вѣрной христіанскому назначенію. Въ древней Церкви существовалъ потомъ особый инсти-

*) См. *Вѣстн. Евр.* янв. 1895 г., стр. 442.

**) См. „Охрана дѣтства". Сорокина, 1893 г.

тутъ діакониссъ—женщинъ, посвящавшихъ себя на служеніе дѣламъ милосердія".

Приходится ставить вопросъ: призвано ли духовенство, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, принимать непосредственное участіе въ дѣлахъ общественной благотворительности? По существу дѣла этому вопросу не должно бы быть и мѣста; но данное положеніе вещей такъ ненормально, что приходится ставить такой странный вопросъ, чтобы утвердить категорическій отвѣтъ на него и предъявить этотъ категорическій смыслъ желательныхъ отношеній между духовенствомъ и обществомъ, какъ общественному сознанію, такъ и вниманію духовенства. Жизненная связь между духовенствомъ и обществомъ въ новыя времена русской исторіи слабѣла болѣе и болѣе, и, несмотря на частныя оффиціальныя сношенія между обществомъ и духовенствомъ, во взаимныхъ нравственныхъ отношеніяхъ того и другого произошло, наконецъ, нравственное одичаніе. Духовенство цѣнитъ въ свѣтскихъ людяхъ *только набожность и такъ называемое усердіе къ церкви*, оставляя въ сторонѣ жизнь: общество смотритъ на духовныхъ только какъ на отправителей церковныхъ требъ.

Представители Церкви по долгу пастырства обязаны принимать ближайшее непосредственное участіе въ движеніи жизни общественной во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда такъ или иначе раскрываются въ ней нравственные интересы. Область общественной благотворительности всецѣло имѣетъ нравственный характеръ; и чѣмъ болѣе практическихъ недоразумѣній между духовенствомъ и обществомъ, тѣмъ настоятельнѣе потребность для духовенства выйти изъ своей замкнутости и вспомнить свой пастырскій долгъ.

Для самого духовенства вѣрнѣйшій способъ выйти на путь живой пастырской дѣятельности — принять участіе въ дѣлахъ общественнаго благотворенія, начиная съ самаго близкаго для него дѣла—приходскаго попечительства: только тогда убѣдится общество, что духовенство готово заботиться о немъ въ лицѣ нуждающихся классовъ и возвратитъ ему полное довѣріе, открывающее доступъ пастырскому вліянію.

Красный Рогъ, Екатерин. губ. *Вѣра Гриневичъ.*

Теперь послушаемъ человѣка, который не присѣлъ на минуту къ письменному столу, чтобы написать безъискусственное „письмо въ редакцію“ о томъ, что видитъ кругомъ себя и о чемъ страдаетъ его сердце, а приготовился торжественно къ рѣчи въ торжественномъ собраніи, гдѣ онъ не скажетъ *лишняго* слова, и не забудетъ ничего *нужнаго*.

Это—не суетный хозяинъ и семьянинъ, погруженный въ счетъ хлѣбовъ, въ болѣзни дѣтей, заботы о здоровьи мужа: нѣтъ, отъ юности онъ удалился отъ міра, и провелъ всю молодость въ мѣстахъ, гдѣ сердце его напоялось бы любовью, милосердіемъ, состраданіемъ, а умъ—мудростью. Вотъ его слово:

Что намъ нужнѣе всего?

Бесѣда Троицкаго инока по поводу современныхъ печальныхъ явленій въ духовной русской жизни *).

Властное слово пастырское, или авторитетное слово богословской науки—вотъ что обычно слышится здѣсь съ этой каѳедры. Но теперь предъ вами инокъ; правда, этотъ инокъ, судьбами Божіими, семь дней назадъ сталъ архіереемъ; но онъ не перестаетъ считать себя инокомъ отъ дому Живоначальныя Троицы и Преподобнаго Сергія и проситъ позволенія повѣдать свои *монашескія* думы по поводу печальныхъ явленій въ современной намъ духовной русской жизни. На это даетъ ему дерзновеніе столь дорогое для русскаго сердца имя *Сергіево*. Въ самомъ дѣлѣ: кому изъ православныхъ русскихъ людей съ ранняго дѣтства не знакомо это святое имя? У кого изъ насъ, коренныхъ москвичей, сладостно и радостно не трепетало сердце, когда наши благочестивые родители говорили намъ, дѣтямъ, о преподобномъ Сергіѣ и его знаменитой Лаврѣ? О, съ какимъ благоговѣніемъ вступали мы тогда въ святыя врата завѣтной обители Сергіевой, съ какимъ восторгомъ, благоговѣй-

*) Публичное богословское чтеніе, предложенное 21 марта 1904 года въ залѣ Московскаго Епархіальнаго Дома.

нымъ умиленіемъ повергались предъ священною ракою его нетлѣнныхъ мощей!..

Говорятъ: Москва есть сердце Россіи. Если такъ, то Лавра Сергіева есть одинъ изъ самыхъ жизненныхъ нервовъ этого сердца. Именно *здѣсь* скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно подслушать біеніе русскаго народнаго сердца, пріобщиться народной жизни, проникнуться сознаніемъ истинно-русскихъ основъ и идеаловъ этой жизни.

Мы переживаемъ періодъ нравственнаго пробужденія. О, какъ хотѣлось бы сказать: обновленія, возрожденія! Грянулъ громъ небесный, и мы проснулись. Заговорило патріотическое чувство, а оно въ русской душѣ нераздѣльно съ чувствомъ религіознымъ, православнымъ. И вотъ совершилось поистинѣ чудо: тѣ, кто вчера еще готовъ былъ кощунствовать надъ всѣмъ, предъ чѣмъ благоговѣетъ православный русскій человѣкъ, — сегодня поютъ уже на улицахъ: „Спаси, Господи, люди Твоя“...

Всѣмъ сердцемъ хотѣлось бы вѣрить, что совершается таинство духовнаго возрожденія въ этихъ пѣвцахъ, но—увы—мы знаемъ слабость и непостоянство людей, знаемъ ихъ склонность ко всему недоброму и опасаемся: не есть ли это лишь минутное пробужденіе, послѣ котораго и мы, и они—снова заснемъ безпечнымъ сномъ?.. Не годъ, не два, а цѣлое столѣтіе, больше столѣтія расшатывались коренные устои русскаго православнаго міросозерцанія; дошло до того, что и въ печати, и съ церковной каѳедры то и дѣло приходится слышать, что мы переживаемъ смутное время, тяжелое время. Исторія знаетъ смутное время триста лѣтъ назадъ: народъ назвалъ это время „лихолѣтьемъ“, историки—„междуцарствіемъ“. Но какая разница между смутою того времени и — нашего! Тогда причина была ясна, какъ Божій день. Царя не было на Руси: безъ Царя Русская земля—сирота. А въ глубинахъ народной души глубоко таилось великое сокровище вѣры въ святость Царской власти, непоколебимость убѣжденія въ правотѣ своего роднаго Православія. И вотъ, когда Русь была готова погибнуть подъ ударами чужеземныхъ враговъ—ее спасли эти безцѣнныя сокровища ея души. И смуты какъ не бывало...

То ли теперь?

Какъ солнце красное на небѣ ясномъ всѣмъ намъ свѣтитъ и всѣхъ грѣетъ нашъ воистинну благочестивѣйшій Божій Помазанникъ; не даетъ Онъ ворамъ и измѣнникамъ творить смуты на Святой Руси; высоко держитъ Онъ знамя Православнаго Самодер-

жавія на страхъ всѣмъ нашимъ врагамъ... А между тѣмъ — какъ всѣмъ намъ тяжело жилось въ послѣдніе годы! Сколько смуты вносилось откуда-то въ умы и сердца нашей молодежи, нашей такъ называемой интеллигенціи, и даже—рабочихъ и простого народа! Не диво, что врагамъ Россіи выгодно сѣять смуту; не диво, что заграничные Комитеты разрушенія всѣхъ устоевъ нашей народной жизни усердно разсылаютъ свои безграмотныя (а стало быть и *не русскими* людьми сочиняемыя) прокламаціи, — вотъ что удивительно: почему эти плевелы находятъ себѣ благопріятную почву именно въ *наше* время? Отчего такъ сладокъ кажется всякій запрещенный плодъ отрицанія нашимъ полуобразованнымъ классамъ и—нерѣдко—даже представителямъ нашего научнаго знанія?

Зло идетъ глубже. Оно проникаетъ въ такія семьи, которыя, казалось бы, должны быть застрахованы отъ его вторженія безусловно. Имъ заражаются дѣти, — не тѣ дѣти, что учатся въ среднихъ и высшихъ школахъ: тамъ эта болѣзнь давно извѣстна, — а тѣ дѣти, что живутъ подъ кровомъ родительскимъ. Недавно у меня въ кельѣ плакалъ—буквально навзрыдъ плакалъ одинъ священникъ: его тринадцатилѣтній мальчикъ сталъ невѣромъ, нигилистомъ, фанатикомъ-отрицателемъ подъ вліяніемъ своего репетитора-студента. Несчастный отецъ спрашивалъ: что ему дѣлать?.. Я знаю семью другого — сельскаго священника, теперь уже почившаго, дочери котораго, замѣтьте—*ни въ какихъ школахъ* неучившіяся, заразились толстовщиной и на мѣсто святыхъ иконъ поставили портретъ этого современнаго кумира...

Нужно ли напоминать тѣ глубокопечальныя, прямо — ужасающія явленія, которыя заставляли такъ много говорить о себѣ и печать, и общество хотя бы только за истекшій годъ? Я разумѣю тѣ возмутительныя убійства и самоубійства, которыя совершались или—разными юношами, почти дѣтьми, или же людьми, получившими дипломы высшаго образованія; я разумѣю ту открытую противоцерковную, противоправительственную пропаганду, которая недавно обнаружена даже въ народныхъ школахъ; я смѣло ставлю рядомъ всѣ эти явленія потому, что по внутреннему, нравственному ихъ смыслу, по ихъ отношенію къ христіанской совѣсти, они имѣютъ одну и ту же цѣнность, истекаютъ изъ одного общаго источника—полнаго презрѣнія къ требованіямъ внутренняго закона и попранія совѣсти...

Въ самомъ дѣлѣ: вдумайтесь въ психологію современнаго грѣш-

ника, нарушителя Божескихъ и человѣческихъ законовъ. И въ старину русскіе люди грѣшили, можетъ быть грѣшили и болѣе грубыми грѣхами, чѣмъ теперь; но тогда грѣхъ—грѣхомъ и называли, предъ совѣстью не лукавили, и въ этомъ признаніи уже было начало смиренія предъ Божьей правдой, возможность и сѣмя покаянія. Теперь не то. Теперь грѣшникъ хочетъ доказать свое *право* на грѣхъ, хочетъ ввести грѣхъ въ норму жизни,—не только оправдать его, но и поставить на пьедесталъ, поклониться ему, яко богу... Давно чувствовалась наклонность къ этому идолопоклонству, но люди все еще сдерживались—сначала остаткомъ страха Божія и совѣсти, потомъ—стыдомъ человѣческимъ, потомъ — приличіемъ, наконецъ—страхомъ человѣческимъ. А въ наше время уже перестаютъ стѣсняться: чѣмъ смѣлѣе выступаетъ наружу всякое хулиганство, начиная съ уличнаго, босяческаго, и кончая литературнымъ, тѣмъ больше оказываютъ чести героямъ такого хулиганства. Появилась якобы художественная литература, посвященная психологіи всѣхъ нравственныхъ отбросовъ общества и, какъ бы въ параллель съ этой литературой, и въ области религіозной мысли появились своего рода хулиганы, для которыхъ нѣтъ ничего святаго въ понятіяхъ Церкви и авторитета Божественнаго Откровенія. Чувствуется, что исконный человѣкоубійца становится все смѣлѣе и смѣлѣе въ своихъ нападеніяхъ на святую Христову истину, пріобрѣтаетъ все больше и больше себѣ сторонниковъ среди именующихъ себя христіанами, вноситъ все больше и больше смуты въ умы и сердца слабовѣрующихъ, всячески затемняя свѣтлыя и чистыя понятія въ области нравственной, подвергая ихъ какому-то пересмотру, переоцѣнкѣ, постепенно устраняя изъ сознанія вѣрующихъ самую *потребность* въ высшемъ, вѣчномъ авторитетѣ. Въ старину это ему не удавалось: съ молокомъ матери русскіе люди всасывали завѣтныя истины вѣры, непоколебимую преданность авторитету святой матери-Церкви, любовь къ ея преданіямъ и завѣтамъ. Русскій человѣкъ *сердцемъ* умѣлъ цѣнить эти сокровища и открещивался отъ всякаго вольнодумства. Умудренный тысячелѣтнимъ опытомъ Сатана хорошо понималъ это: онъ и не настаивалъ съ своимъ вольнодумствомъ въ русскихъ умахъ. Онъ дѣлалъ свое дѣло другимъ путемъ: все расшатывалъ и расшатывалъ самую жизнь нашу—сначала послабленіями себѣ, а потомъ и пороками, внося въ нее, въ эту жизнь, тлетворную атмосферу грѣха во всѣхъ его видахъ: похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской. Не-

замѣтно для насъ онъ отводилъ насъ отъ Христа, отъ жизни во Христѣ, отъ Его заповѣдей, отъ Его Церкви, и приводилъ къ практическому *язычеству*... Бога мы не отрицали, Церкви формально держались, обряды кое-какъ соблюдаемъ, но понятія о духовной жизни, о необходимости бороться съ страстями, очищать отъ нихъ свое сердце для Божіей благодати, воспитывать въ себѣ способность и пріемлемость къ будущему вѣчному блаженству — все это какъ-то постепенно гасло въ нашемъ сознаніи, вытравлялось изъ души, исчезало почти безъ слѣда. Наши школы, даже духовныя школы, не давали и теоретическихъ понятій изъ христіанской аскетики, и изъ нихъ выходили юноши, получившіе полное — даже въ богословскомъ смыслѣ—образованіе, но въ отношеніи духовной жизни—столь же полные невѣжды. Мало того: самое образованіе ума часто велось за счетъ развитія христіанской совѣсти: въ юношахъ намѣренно возбуждалось честолюбіе, тщеславіе, чтобы побудить ихъ лучше усвоивать научныя знанія. О воспитаніи сердца въ духѣ христоподражательнаго смиренія никому не было и дѣла: все было предоставлено неопытной собственной совѣсти учащихся, лишь бы они не нарушали самой необходимой дисциплины. Даже въ будущихъ пастыряхъ не воспитывалось убѣжденіе, что нельзя учить другихъ тому, чему самъ не научился; нельзя другихъ вести въ Царство Небесное, если самъ не знаешь туда дороги... Забыто мудрое слово Святыхъ Отцевъ: „аще кои, не дознавше самымъ дѣломъ, разглагольствуютъ о ученіи духовномъ, подобни видятся человѣку, меда ниже мало вкусившему, а другимъ, коль есть сладчайшій, доказати силящемуся“ (Пр. Макарій Егип.)... Такъ, незамѣтно для самихъ себя, мы уходили отъ Церкви, отъ Бога, и, не отрекаясь формально отъ христіанства, погружались въ духовное невѣжество, становились по жизни язычниками...

Сатана видѣлъ все это и—радовался. Отуманивая насъ суетою житейскою, онъ все больше и больше удалялъ насъ отъ матери-Церкви; отнимая изъ-подъ нашихъ ногъ почву церковности въ воспитаніи и жизни, онъ обольщалъ насъ разными вѣяніями, гипотезами, новинками—съ Запада. Появились, наконецъ, и свои доморощенные философы, мыслители, которые радикальнѣе своихъ западныхъ товарищей стали переоцѣнивать цѣнности и сплеча рѣшать вопросы вѣры и жизни. Сначала неясными намеками, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе, наши реформаторы стали расшатывать, дискредитировать въ глазахъ малосвѣдущихъ основные устои цер-

ковной жизни и вѣры, искать какихъ-то „новыхъ путей“ къ богопознанію, проповѣдывать даже новый культъ — поклоненіе полу... Это уже была проповѣдь настоящаго язычества. И мы, т.-е. наши такъ называемые интеллигенты, увлекались ею: начиналось шатаніе, колебаніе въ нашемъ собственномъ міросозерцаніи; намъ вѣдь *некогда* было *опытомъ сердца* познакомиться съ своею святою вѣрою; а когда, по временамъ, просыпалась совѣсть русскаго интеллигента, то онъ оказывался безпомощнымъ... Ему уже внушено было предубѣжденіе противъ родной Церкви—этой сокровищехранительницы истины Божіей, а какъ это случилось—онъ самъ не далъ бы себѣ отчета. Куда же бѣжать? Гдѣ искать утоленія пробудившейся духовной жажды? И онъ бѣжалъ къ пашковцамъ, къ штундистамъ, къ разнымъ новымъ непризваннымъ пророкамъ, не исключая и „великаго“ Толстого. Только бы не въ Церковь: это такъ старо, такъ пахнетъ ладаномъ и постнымъ масломъ...

Врагъ торжествовалъ. Верхніе слои Руси Православной были достаточно отравлены, достаточно подготовлены къ язычеству. И онъ поднялъ знамя этого язычества въ лицѣ Толстого,—язычества въ самой подходящей, самой тонкой формѣ, хотя и далеко не новой, въ формѣ подновленнаго, на русскій ладъ передѣланнаго пантеизма. Литературная слава писателя достаточно ручалась за успѣхъ сатанинскаго дѣла. Раздалась проповѣдь отрицанія личнаго Бога, злостной хулы на Церковь и на ея Божественнаго Основателя. Появилось богохульное искаженіе Евангелія. Нужно ли говорить, съ какимъ восторгомъ, съ какимъ обожаніемъ пошла извѣстная часть нашей интеллигенціи за этимъ новымъ лжепророкомъ? Его возвеличили именемъ „великаго писателя Русской земли“, — замѣтьте этотъ титулъ данъ ему не тогда, когда онъ писалъ дѣйствительно художественныя произведенія, а именно тогда, когда онъ сталъ проповѣдывать свои антихристіанскія бредни, и за эти-то бредни, какъ бы кощунствуя надъ всѣмъ, что свято и дорого истинно-русскому православному человѣку, который благоговѣетъ предъ иноками-*старцами*,—Толстого стали величать „великимъ *старцемъ*“... Что жъ? У Святыхъ Отцевъ это наименованіе придается, въ смыслѣ иронія, и исконному врагу Божію, діаволу, да еще съ придачею „*семитысячелѣтній*“...

Но нашимъ интеллигентамъ толстовцамъ этого было мало. Извѣстенъ законъ совѣсти: она требуетъ оправданія или осужденія всякаго нашего слова, поступка, даже мысли... Матеріалистъ счи-

таетъ себя потомкомъ обезьяны; ну и пусть бы его считалъ себя такимъ, лишь бы помнилъ, что обезьяна не считаетъ нужнымъ доказывать своего *права* быть обезьяною. А онъ, матеріалистъ, хочетъ намъ доказать, что онъ *имѣетъ* такое право. Это случилось и съ толстовцами, тоже и со всѣми новыми ересіархами. Они не довольствуются сознаніемъ собственнаго — надо сказать правду: очень невысокой пробы — достоинства; они хотятъ доказать, что имѣютъ *право* на то,—хотятъ увлечь за собою и другихъ, хотятъ и народъ отравить своимъ ядомъ: вѣдь эти милліоны вѣрующихъ въ простотѣ сердца душъ—живой упрекъ ихъ бреднямъ, ихъ заблужденіямъ... И вотъ, явились попытки привить народнымъ массамъ гибельныя идеи путемъ изданія разныхъ мелкихъ брошюръ, а если задремлетъ правительственное око, то и прямо чрезъ школьныхъ учителей. И дожили мы до того, что эти учителя на Всероссійскомъ школьномъ съѣздѣ 1902 года въ Москвѣ закричали: „долой поповъ, прочь ихъ отъ народной школы“! И надобно было имѣть не мало мужества, чтобы противостоять открыто этому вторженію язычества, а съ нимъ и нравственнаго одичанія въ среду народа,— всякій протестъ противъ него покрывался криками такъ называемыхъ „либераловъ“ и представителей безпринципной печати во имя яко бы свободы совѣсти: „это-де насиліе, ретроградство, мракобѣсіе!“.. Тѣхъ, немногихъ сторонниковъ Церкви, которые имѣли мужество защищать Христову истину, травили всячески, издѣваясь надъ ними, обращая ихъ почтенныя имена въ ругательныя клички...

Да, мы живемъ въ такое время, когда возможно настоящее исповѣдничество, если не мученичество за Христа и Его Церковь. Вдумайтесь глубже, напримѣръ, въ такое явленіе: откуда это озлобленіе противъ такъ называемыхъ церковно-приходскихъ школъ? Откуда это издѣвательство надъ ними, систематическое ихъ преслѣдованіе разными либеральными дѣятелями? И сколько поношеній, нерѣдко—публичныхъ — приходится переносить дѣятелямъ этихъ, кому-то ненавистныхъ, школъ? Да пусть онѣ, эти школы, плохи (хотя это неправда!): все же онѣ даютъ грамотность лишнему милліону дѣтей, все же онѣ лучше, чѣмъ ничего: вѣдь теперь грамотность считается такимъ всеисцѣляющимъ средствомъ, что о ней, о всеобщей грамотности, только и толкуютъ наши либералы: за что жъ такая напасть на церковныя школы? Вѣдь вражда, злоба противъ нихъ, доходитъ до нелѣпости, до безумія...

Такъ и во всемъ, что хотя бы только напоминало Церковь.

Таковы печальныя явленія нашего времени.

Въ чемъ же корень зла? Какъ назвать ту духовную болѣзнь, которая разъѣдаетъ наше общество, гибельно отражается на народной жизни? И, если въ нашей жизни проявляется духъ язычества, то какъ имя тому идолу, которому мы поклоняемся?

Этотъ недугъ—старый недугъ: имъ отравилъ исконный человѣкоубійца нашихъ прародителей еще въ раю, когда пообѣщалъ имъ: *будете яко бози*, когда, клевеща на Бога, обѣщалъ имъ путь къ совершенству *помимо* Бога. Имя современному идолу-Зевсу—*гордыня*, самоцѣнъ, самообожаніе. Это не есть особый порокъ; это—коренное свойство всѣхъ пороковъ, это—ихъ атмосфера, основа ихъ бытія. Этому идолу въ наше время приносится въ жертву все: и здоровье, и таланты, и душевныя способности, и — какъ это ни странно—самыя заповѣди Божіи"... И т. д.

Москва, 17 марта 1904 г. Епископъ *Никонъ*, редакторъ „Троицкихъ листковъ".

Поучительно?—*В. Р.*

РУССКО-КАТОЛИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ я не безъ удивленія долженъ былъ принять у себя одного католика-священника (француза, не приходскаго), который захотѣлъ со мною бесѣдовать о видахъ и возможностяхъ въ сферѣ русско-католическихъ отношеній, каковыя тянутся всѣ къ темѣ соединенія церквей. Такъ какъ это никогда не было предметомъ моего спеціальнаго размышленія, то я едва зналъ, что сказать, и высказалъ скорѣй горькія сѣтованія на то, какъ небрежно католическая церковь относится къ семейнымъ интересамъ подвластныхъ ей народовъ, и о позднемъ уже теперь обращеніи ею вниманія на положеніе трудящихся массъ, гдѣ были сдѣланы такіе недосмотры, которые едва ли исправимы въ будущемъ. Между подробностями бесѣды слѣдующая была поразительна. Когда я сказалъ, что наибольшую славу среди народовъ папа пріобрѣлъ бы торжественно и ex cathedra осудивъ инквизицію и отрѣшась этимъ способомъ отъ всякаго преемства и связей и возможнаго воскрешенія ея, то онъ отвѣтилъ: „Это невозможно. И посудите сами: такое бѣдствіе, какъ реформація, такое ужасное и непоправимое бѣдствіе (тонъ его былъ очень грустный и страшно серьезный)... неужели слѣдовало останавливаться передъ инквизиціей, чтобы предупредить его“? Я понялъ, что идея духовной имперіи дѣйствуетъ въ католичествѣ на подобіе или „навязчивыхъ мыслей“ у маніака или „врожденной наклонности“ у генія.— За эту зиму мною было получено (откуда?) очень много вырѣзокъ изъ французскихъ и итальянскихъ католическихъ газетъ, все съ переводомъ мѣстъ изъ статьи „Не-

бесное и земное" (въ „Нов. Вр."), гдѣ я коснулся іерархическаго момента въ христіанствѣ. Наконецъ, недѣли три назадъ изъ одного турецкаго города мною было получено, также на французскомъ языкѣ, письмо съ цѣлымъ рядомъ запросовъ религіозно-бытового характера, опять клонившихся къ идеѣ соединенія церквей, и съ пачкою фотографій, представлявшихъ католическую службу для славянъ,—при полномъ сохраненіи православнаго обряда и всей *видимости* нашихъ храмовъ (устроеніе алтаря, клиросовъ, облаченій и пр.). Такъ-какъ письмо это не представляетъ собою ничего личнаго и интимнаго, то я, можетъ быть, не нарушу скромности, если позволю себѣ предложить его вниманію массы русскихъ людей, къ которымъ оно болѣе даже относится, нежели лично ко мнѣ. И въ тоже время позволю себѣ сообщить и тотъ отвѣтъ, который я далъ корреспонденту. Мысли все—общерусскія; и даже это интереснѣе другимъ, чѣмъ собственно мнѣ.

Вотъ это письмо:

Caragatcsh-Andrinople, 28/11 Septembre 1902.

Monsieur

Cette lettre vous vient d'un francais, religieux assomptioniste, missionnaire en Thrace de Turquie d'Europe, professeur et surveillant dans un seminaire bulgaro-slave. Cette lettre, que je remettais à vous écrire depuis deux ans, je veux enfin vous l'adresser, surtout que notre oeuvre slave a été particulièrement favorisée du Souverain Pontife cette année-ci et que je retrouve dans mes papiers deux articles de journaux touchant votre séjour à Rome en 1901 et le second à propos de vos lignes dans le Novoié Vrémia 11/24 écembre 1902 „le Céleste et le Terrestre".

Et le but de ma lettre? Oh! Pas autre, que parler avec un Russe, et un Russe, qui pense si bien, comme vous pensez, monsieur, et d'une manière si large, si élevée! Et vous prier de me résumer en quelques mots la valeur *vraie* du peuple Russe au joint de vue chrètien: s'il a un *fond* solide de vertu qui lui permettra demain de faire de grandes choses: celles de la *rechrissianisation* du monde avec son

alliée la France;—ce que vous pensez de l'Union des Eglises et des moyens pratiques à employer de suite pour accélérer cette union—et vous prier, ensuite, de vouloir bien me faire cadeau de vos écrits sur Rome et l'Union.

Voila vingt ans et plus, que je rêve la Russie: voila plus de 50 ans, que le fondateur de notre famille le T. R. P. d'—on nous indignait qu'un de nos principaux travaux devait être de travailler au bien de la Russie. Nous nous acheminons à réaliser se désir: pour ce, deux sèminaires complets, c. a. d. Prèparatoire, Petit Séminairs et Grand Séminairs, ont été fondés: un, grec à Constantinople, et l'autre slave, ici, à Andrinople. Ce dernier a dêja fourni des prêtres du rite slave, celui de Constantinople envoie, cette année, ses premiers enfants au Grand Séminairs et en notre noviciat de Planaraki, près de Constantinople, côte d'Asie.—Nous, religieux, nous laissons le rite latin pour embrasser *absolument* le rit Slave ou Grec, et, en ce moment, une pleiade de vingt jeunes gens se prèpare à nous suivre en notre maison d'études le Kadikam (Constantinople) où résiolent les collaborateurs de la Revue bien comme en Russie du monde savant: „les Echos d'Orient".

J'ai pensé, monsieur, qu'il vous serait agréable de posséder les photographies que je joine à ma lettre: qu'elles vous soient un hommage en retour de ce que je me permets de vous demander.

L'une reproduit les paroles bien touchants du souverain Pontife à nos enfants, aux slave et signes de sa main vénirésquel document!

Les autres représentent notre petite Eglise Slave St.-Pierre et St.-Paul—une bonniérs et une image de la T. S. Vierge dont du la sainteté le Pape Lion XIII à notre Séminaire.

Vous priant d'excuser la liberté que je prends de vous écrire.

Veuillez agrier, monsieur, mon respectueux et religieux, hommage.

Ecole Française St. Basile. *P. —ier.*

Я отвѣчалъ такъ:

„Милостивый государь!

„Постараюсь отвѣтить на ваши вопросы сколько возможно яснѣе.

„Русскій народъ дѣйствительно чрезвычайно религіозенъ, но онъ религіозенъ болѣе въ смыслѣ жажды

быть ближе къ Богу и по волѣ Божіей жить, нежели in re, in statu.—In statu это народъ очень бѣдный и очень внутренно распущенный, семейно-распущенный, всячески распущенный. Всѣ наблюдатели согласно увѣряютъ, что тверже въ нравственномъ отношеніи живутъ люди стараго до-Никоновскаго обряда и разные сектанты. Вмѣстѣ съ тѣмъ это суть люди самые пламенно вѣрующіе. Но они всѣ похожи по враждебному отношенію къ Церкви на католическихъ Вальденцовъ (послѣдователи Петра Вальдо, во Франціи, уничтоженные папою Иннокентіемъ III). Во всякомъ случаѣ разъ вы интересуетесь міромъ Православія и религіознымъ состояніемъ русскаго народа, вы неизбѣжно должны ознакомиться и съ русскимъ сектантствомъ, очень пламеннымъ и очень разнообразнымъ.

„Что касается соединенія церквей, которое васъ такъ занимаетъ, то столь важное событіе едва ли можетъ произойти черезъ руки человѣческія и требуетъ вмѣшательства Промысла. Оно очень трудно потому, что отнимая у русской іерархіи какъ бы національную автономность, на подобіе галликанизма, естественно встрѣчаетъ въ этой іерархіи вражду. Съ другой стороны, наше свѣтское правительство, имѣя теперь въ русскомъ духовенствѣ лишь слабую степень сопротивленія всѣмъ своимъ предначертаніямъ, конечно, не захочетъ встрѣтиться съ сильной и иноземной папской властью, которая начала бы, въ случаѣ соединенія церквей, вмѣшиваться въ церковныя дѣла въ Россіи. Такимъ образомъ высшее духовенство въ Россіи и русское государство враждебны и не могутъ не быть враждебны плану соединенія церквей. Что касается народа, то онъ въ высшей степени ищетъ соединенія съ Богомъ, покоя душевнаго, умиротворенія совѣсти: но онъ и около себя не съ такою безусловностью считаетъ это связаннымъ съ духов-

ною іерархіею. Такимъ образомъ въ немъ нѣтъ и не можетъ быть большой жажды собственно къ внѣшнему авторитету, къ іерархической огромной санкціи, къ папству. Вы видите, такимъ образомъ, какъ слабы въ Россіи возбудители къ соединенію церквей. Имѣя столько прямыхъ и страстныхъ враговъ и притомъ могущественныхъ, эта идея почти не имѣетъ горячо заинтересованныхъ друзей. Міръ внѣ-русскій вообще далекъ отъ созерцанія русскихъ, исключая немногихъ людей невліятельнаго положенія и исключительнаго характера. Мнѣ лично думается, что какъ мало надеждъ на *„соединеніе* церквей“ въ смыслѣ *сліянія ихъ организаціи*, такъ много вѣроятностей за возможность *примиренія* церквей, въ смыслѣ устраненія всякаго *текущаго* ихъ *антагонизма*. Къ этому русское сердце, вообще чуждающееся всѣхъ видовъ борьбы, склонно. Но я не знаю, на сколько такое примиреніе удовлетворило бы папство, которое ищетъ господства. На встрѣчу этому господству, т. е. съ чувствами подчиненія, едва ли кто пойдетъ изъ Россіи.

„Извѣстныя слова Спасителя: „Паси овцы Мои“ (апостолу Петру) вообще исторически не привились у насъ, не вошли въ сердце; какъ и въ католической церкви не всѣ слова Спасителя получили одинаковое *приложеніе и культуру* (вниманіе къ ссбѣ, развитіе). Напр., слова Его о скопчествѣ, весьма короткія и попутно сказанныя, развиты были въ целибатъ всего католическаго духовенства, а Нагорная проповѣдь, составляющая нравственный центръ Евангелія, была предоставлена для частнаго пользованія отдѣльнымъ мірянамъ, безъ того, чтобы стать руководительнымъ принципомъ въ отношеніяхъ самой католической іерархіи къ мірянамъ. Вѣдь нѣтъ спеціальныхъ конгрегацій или орденовъ для реализаціи заповѣди: „Блаженни *миротворцы*“; новые бенедик-

тинцы не взяли въ культуру, въ разработку, въ практическое приложеніе исполненіе заповѣди: „Будьте *изгнаны правды ради*“ (отовсюду, за все). Аналогичнымъ образомъ Восточный міръ, Православный *спеціально* не принялъ къ сердцу словъ: „паси (Петръ) овцы Мои“. Подобно тому вообще, какъ Талмудъ истолковываетъ не все пространство Ветхаго завѣта, а только отдѣльныя главы и стихи его, такъ средневѣковое зданіе Церкви,—оно же есть и современное,—есть примѣненіе и распространеніе отдѣльныхъ стиховъ и главъ Новаго завѣта, а не его въ цѣломъ.

„Вотъ что я могу и имѣю вамъ сказать, какъ частный человѣкъ и писатель, имѣющій по сему неполный кругъ наблюденій и, вѣроятно, неполноту мыслей. Прибавлю къ этому изъ личныхъ своихъ впечатлѣній въ Италіи, что русскаго болѣе могли бы привлечь мощи апостоловъ Петра, Павла и Іакова, лежащія въ итальянскихъ городахъ, нежели собственно администрація католическая и ея глава. Вообще родниться съ русскими можно на почвѣ уже имѣющихся и старыхъ русскихъ чувствъ, а новыя чувства возродить труднѣе; умныя черты въ устроеніи администраціи-ли, литургіи-ли могутъ быть заимствованы русскими: напримѣръ ваши молчаливыя мессы меня трогали. Вотъ такими подробностями, частнымъ образомъ трогающими частныхъ русскихъ людей, можно болѣе завязать съ русскими связи, нежели давленіемъ или обаяніемъ всемірнаго папскаго авторитета, къ которому, мнѣ кажется, русскіе равнодушны. Наконецъ если бы вы сказали, что слова Іисуса объ „единомъ стадѣ“ должны исполниться, такъ какъ Онъ Богъ, а Божіе слово мимо не идетъ, и что передъ этимъ небеснымъ движеніемъ безсильны земныя преграды, мною выше указанныя, то я отвѣтилъ бы: образъ,

какимъ произойдетъ это „соединеніе церквей“, выразится не въ тѣхъ мелочныхъ и безсильныхъ путяхъ, какими велось до сихъ поръ это дѣло, не въ тихихъ переговорахъ, не въ оставленіяхъ нашего обряда древняго съ признаніемъ новой власти (ваши усилія въ Турціи) и особенно не черезъ переговоры Римской куріи съ русскою духовною и свѣтскою администраціею, а черезъ возженіе Іисусомъ новаго огня въ православныхъ сердцахъ и также, навѣрное въ вашихъ, отчего народы поднялись бы и потекли [на встрѣчу другъ другу со святынями, образами, хоругвями, по образу „крестнаго хода“, отъ Тибра и Москвы-рѣки, съ Волги и съ Пиринеевъ. Образцы для него, примѣры, аналогіи—вхожденіе Іисуса въ Іерусалимъ, встрѣча Исаака и Іакова, встрѣча Іосифа и Іакова съ 11-ю сынами на берегахъ Нила: что-то *громкое*, *яркое*, *ликующее*, *всенародное*, но ни въ какомъ случаѣ не переписка въ запечатанныхъ конвертахъ. Но такое великое движеніе не можетъ быть сдѣлано руками человѣческими, и мы можемъ ждать его (и не дождаться), но принимать въ немъ участія не можемъ. Тысячелѣтнія раздѣленія, великія пропасти не заваливаются мелкими камешками. Такъ я думаю касательно интересующихъ васъ вопросовъ...

Спб. 1902 г. *В. Розановъ.*

Позднѣйшее примѣчаніе. Впрочемъ, всякое дѣло мира—дѣло благое. И не ожидая большихъ событій и уже явныхъ манифестацій Провидѣнія, каждый про себя и за себя долженъ работать въ направленіи общецерковнаго, всемірно-церковнаго мира. Только нужно предупредить католиковъ: если они думаютъ пріобрѣсти русскія души (т. е. единеніе съ ними) *только какъ матеріалъ*, то они глубоко ошибаются. Въ русскихъ есть

сильная религіозная закваска: но именно теперь болѣе чѣмъ когда-либо *самостоятельная*. Я хочу сказать, что если русскіе теперь или когда-нибудь войдутъ въ станъ католиковъ: то не для того одного, чтобы повиноваться, слушать и всѣмъ восхищаться, но чтобы и *творить* — непремѣнно! *Суровость* католическую, *безпощадность* католическую они во всякомъ случаѣ отвергнутъ. Вспомнимъ, съ какимъ негодованіемъ уже Вл. Соловьевъ, въ самый разгаръ католическихъ симпатій, писалъ объ испанской инквизиціи. Онъ называлъ ее *атавизмомъ* финикійскаго культа Молоха, т. е. чѣмъ-то сатанинскимъ, дьявольскимъ, языческимъ. Русскіе, даже и единолично соединяясь съ католичествомъ, непремѣнно внесли-бы, и повелительно внесли-бы въ него свою славянскую мягкость, терпимость, прощеніе, кротость. Но это—оговорка. Я приведу строки одного русскаго священника, равно благочестиваго сердцемъ и высокаго умомъ, который былъ лично на одномъ католическомъ праздникѣ, и затѣмъ слѣдующимъ образомъ передалъ свои думы о прискорбномъ раздѣленіи Востока и Запада:

„Въ четвергъ, 16 іюня, въ мѣстной римско-католической церкви совершался крестный ходъ вокругъ церкви, по случаю праздника Тѣла Христова, несуществующаго у насъ въ Православіи. Церковь была нарядно уставлена бе́резками, какъ у насъ въ Троицынъ день. Виднѣлось много цвѣточныхъ букетовъ.

„Величественный храмъ былъ переполненъ молящейся публикой. И я, православный, благовѣйно и искренно преклонилъ колѣни передъ престоломъ алтаря католической церкви, въ ясномъ и твердомъ сознаніи, что я нахожусь въ храмѣ Тріединаго Бога, общаго Отца всѣхъ людей,—въ храмѣ Богочеловѣка, Христа Господа, истинныхъ послѣдователей Котораго не можетъ разъединить вѣковая, традиціонная, вѣроисповѣдная рознь и вражда,—въ храмѣ Духа Святаго, презобильно дышущаго дарами благодати Своей, какъ надъ православными, такъ и надъ католиками. Я призывалъ милость и благодать Божію на всѣхъ христіанъ, не зависимо отъ ихъ исповѣданій. Душа погрузилась въ живое ощущеніе брат-

ства между существующими христіанскими исповѣданіями, безъ малѣйшей тѣни, или безъ малѣйшей соринки, въ чувствѣ и сознаніи, какого-либо средостѣнія между ними. Да, въ эту минуту я сознавалъ и чувствовалъ одну только общность, одно только единеніе между христіанскими исповѣданіями, и совершенно забывалъ прискорбную рознь между послѣдователями нашего Искупителя.

„Давно пора всѣмъ намъ, и католикамъ и православнымъ, забывши старые счеты, братски обняться въ единеніи духа, и въ союзѣ мира любовно воспѣть стройную и вдохновенную пѣснь общему нашему Богу. До какого срока мы будемъ враждовать между собою? Не дѣти ли мы одного Отца Небеснаго? Не во имя ли Христово мы крестились? Не однимъ ли Духомъ Святымъ всѣ напоены? Что же намъ враждовать и ссориться между собою? Или мы все еще будемъ продолжать отдаленные отзвуки личной вражды патріарха Фотія и папы Николая I, патріарха Михаила Керулларія и папы Льва IX? Не время ли покончить съ этимъ пресловутымъ споромъ узко-тщеславныхъ людей? Подадимъ другъ другу руки и заключимъ другъ друга во взаимныя объятія! Да падетъ, какъ тяжелый камень, да разсыплется раздѣляющая насъ преграда. Утѣшимся общею вѣрою, взаимнымъ братскимъ чувствомъ и сознаніемъ общаго своего сыновства у единаго Отца Небеснаго. Долго мы жили во взаимномъ отчужденіи; познаемъ свое духовное родство и взаимную близость другъ къ другу по вѣрѣ. Долго мы подчинялись руководству богослововъ-теоретиковъ; послушаемся теперь непосредственнаго внутренняго чувства. Пусть голосъ сердечнаго сознанія, исходящій отъ массы народной, отъ практиковъ жизни, зальетъ собою сухость и мертвенность въ воззрѣніяхъ черствыхъ схоластиковъ. Пусть восторжествуетъ истинное и подлинное начало Христовыхъ завѣтовъ роду человѣческому—взаимная любовь. Вѣдь, стыдно сознаться, до сихъ поръ мы жили во взаимныхъ отношеніяхъ не по началамъ принципа взаимной любви, а по принципу взаимной вражды и ненависти. Свойственно ли такое отношеніе между христіанами, обращающими свои взоры къ одному и тому же Христу?

„Сознаемъ доказанную вѣками безполезность и безплодность горькаго опыта къ взаимному примиренію и обобщенію, когда католики желали и мечтали всѣхъ православныхъ превратить въ католиковъ, а православные всѣхъ католиковъ въ православныхъ. Напрасная и тщетная мечта! Никогда не превратится береза въ сосну, а сосна въ березу.

F14920

Напротивъ, береза такъ и останется навсегда березой, и сосна сосной. Такъ и христіанскія вѣроисповѣданія. Промыслу Божьему угодно было раскрыть христіанство предъ очами человѣчества въ трехъ главныхъ фазисахъ, или развѣтвленіяхъ. Смиренно преклонимся предъ вседѣйствующею и премудрою десницею Провидѣнія. И подобно тому, какъ мы исповѣдуемъ и признаемъ Тріединаго Бога, признаемъ и тріединое христіанство, ибо трудно противу рожна прати.

Да и какъ мы осмѣливаемся взаимно укорять и осуждать другъ друга? Вѣдь, это значило бы совершенно забывать изреченіе Христово: „что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревна въ твоемъ глазѣ не чувствуешь“ (Мѳ. 7,3), взятое въ коллективномъ смыслѣ. Признаемъ взаимное братство при существующихъ разностяхъ и не смотря на нихъ, предоставимъ каждому право быть самимъ собою.

Не будемъ отрицать взаимно индивидуальнаго развитія, а только почтимъ другъ въ другѣ тотъ общій духъ Божій, который насъ одушевляетъ.

Устремляя свои взоры къ одному общему Отцу, сознаемъ себя братьями. О, какимъ неизъяснимымъ восторгомъ, какимъ сладостнымъ трепетомъ наполнятся унылыя сердца наши отъ такого сознанія! И зачѣмъ намъ добровольно лишать себя этого счастія?

1905 г., 18 іюня. *Русскій священникъ.*

Эти мысли и чувства я вполнѣ раздѣляю. *Видоизмѣненія* церквей, въ цѣляхъ соединенія ихъ—не нужно. Пусть останутся онѣ каждая на своемъ мѣстѣ и въ своемъ видѣ. И это нисколько не должно препятствовать намъ *соединиться въ одной молитвѣ, въ однихъ таинствахъ*. Мы будемъ молиться въ ихъ храмахъ, и они будутъ молиться въ нашихъ храмахъ—вотъ что̀ нужно! Мы станемъ почитать ихъ священниковъ за своихъ священниковъ, и они будутъ почитать нашихъ священниковъ за своихъ священниковъ: вотъ это—да будетъ! И да будетъ для насъ древнее раздѣленіе—какъ пережитокъ и суевѣріе.

В. Розановъ.

Рожковъ, Н., приватъ-доцентъ Московскаго Университета и преподаватель Практической Академіи коммерческихъ наукъ.

Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Спб. 1904 г. **1** р. **10** к. **(№ 15).**

Тэнъ, И.

Происхожденіе современной Франціи. Томъ I. Старый порядокъ. Т. II. Новый порядокъ. Перев. съ франц. *Э. Пименовой* **(№ 10)** [печатается].

Файфъ, Ч.

Исторія Европы XIX вѣка. Перев. со второго англійскаго изданія *М. В. Лучицкой* подъ редакціей проф. *И. В. Лучицкаго.* Одобрена для ученическихъ библіотекъ среднеучебныхъ заведеній (1-е дополненіе каталога учебн. библіотекъ средн. уч. заведеній 1897 г., № 496). Съ 2 раскрашенными картами Европы и алфавитнымъ указателемъ именъ. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. **5** р. **50** к. **(№ 8).**

Франке, Куно.

Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ. (Съ V вѣка до настоящаго времени). Съ 39 портретами. Переводъ съ англ. *П. Батина.* Спб. 1904 г. **3** р. **(№ 9).**

Эндрузъ, Веньяминъ.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861 — 62 гг. и до нашихъ дней. Переводъ съ англійскаго *Е. А. Гурвичъ.* Спб. 1905 г. **2** р. **50** к. **(№ 17).**

II. Изящная литература, исторія, критика и публицистика

Бѣлозерскій, Н. (Ив. Порошинъ).

Записки учителя. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1905 г. **75** к.

Мельхіоръ де-**Вогюэ.**

Максимъ Горькій. Произведенія и личность писателя. Съ портретомъ. Переводъ А. Б. Ф. Спб. 1902 г. **25** к.

Горинъ, Н.

Основныя идеи произведеній Максима Горькаго. Съ портретомъ. Спб. 1902 г. **30** к.

Гуревичъ, Л.

„Сѣдокъ" и другіе разсказы. Спб. 1904 г. **1** р. **50** к.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ).

„Встрѣчи и воспоминанія". Изъ литературнаго и военнаго міра. Спб. 1903 г. **1** р. **75** к.

Лемке, Мих.

Думы журналиста. Спб. 1903 г. **1** р. **25** к.

Мережковскій, Д. С.

Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческая повѣсть Лонгуса о любви пастушка и пастушки на островѣ Лезбосѣ. 2-е изд. Спб. 1904 г. **1** р. **25** к.

Л. Толстой и Достоевскій. Т. I. Спб. 1903 г. **2** р. — Т. II. Спб. 1903 г. **3** р.

Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV в. 2-е изд. Спб. 1904 г. **1** р. **25** к.

Содержаніе: Любовь сильнѣе смерти. — Наука любви. — Микель-Анжело. — Святой Сатиръ.

Петръ и Алексѣй. Историческій романъ. Спб. 1905 г. **3** р.

Морсье, де-, А.

Права женщины. Вопросы соціальнаго воспитанія. Переводъ съ франц. Эльтъ. Спб. 1904 г. **50** к.

Якимовъ, Василій, авторъ книги *„По слѣдамъ голода".*

Безъ хлѣба насущнаго. Разсказы. Спб. 1904 г. **1** р. **25** к.

Выписывающіе изъ Склада за пересылку не платятъ.—Каталогъ высылается за 7-микоп. марку по первому требованію.

Цѣна за оба тома 4 р.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія

сочиненія В. В. РОЗАНОВА:

О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки, какъ цѣльнаго знанія. Москва, 1886 г. Цѣна **5** р.

Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія. Съ приложеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изданіе 2-ое. С.-Петербургъ, 1902 г. Цѣна **1** р.

Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Изданіе П. Перцова. С.-Петербургъ, 1899 г. Цѣна **1** р.

Литературные очерки. Изданіе П. Перцова. С.-Петербургъ, 1899 г. Цѣна **1** р.

Природа и исторія. Изданіе 2-ое, П. Перцова. С.-Петербургъ, 1902 г. Цѣна **1** р.

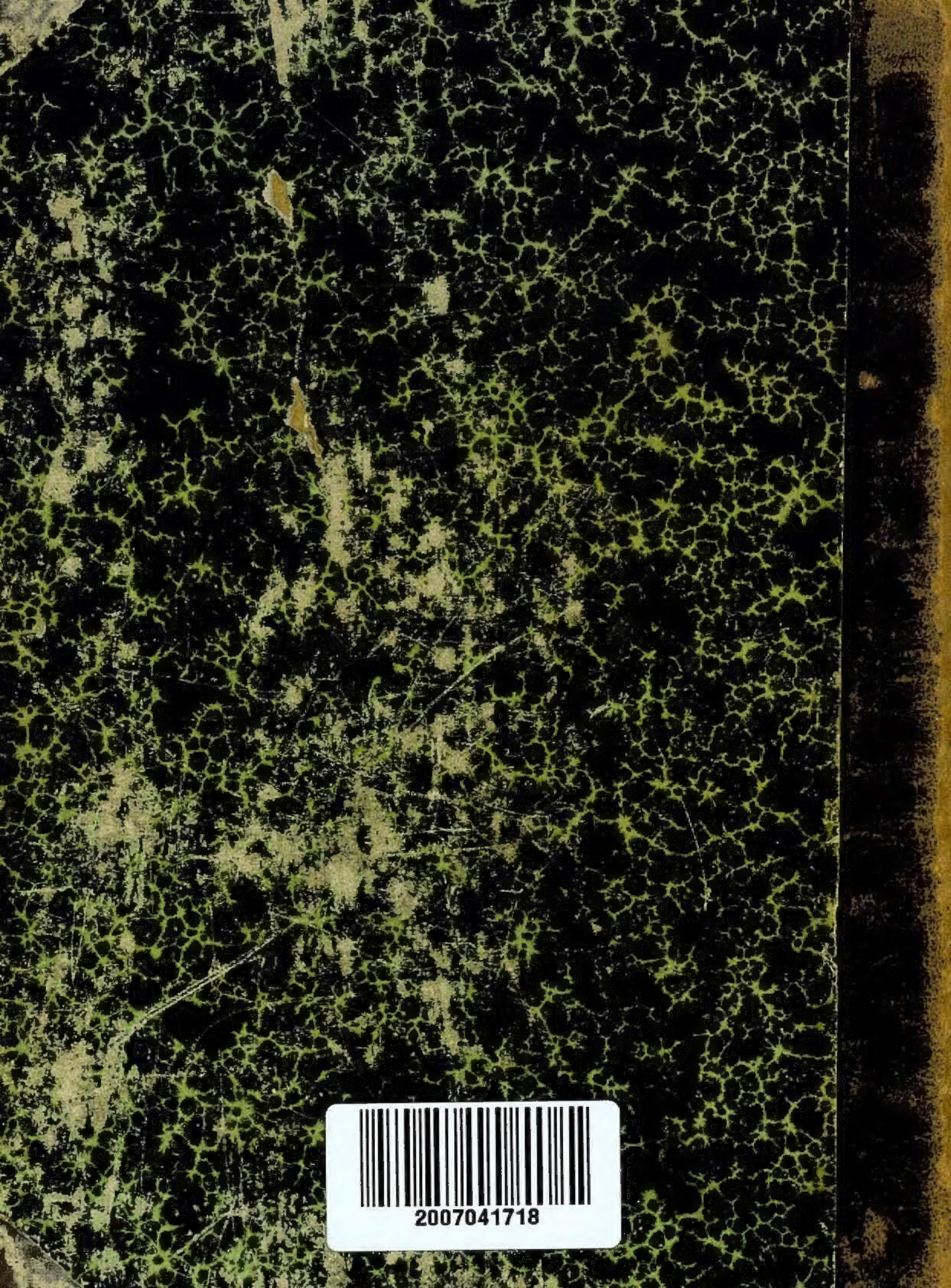
Религія и культура. Изданіе 2-ое, П. Перцова. С.-Петербургъ, 1902 г. Цѣна **1** р. **20** к.

Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-ое. С.-Петербургъ, 1904 г. Цѣна **1** р. **50** к.

Семейный вопросъ въ Россіи.—Дѣти и родители.—Мужья и жены.—Разводъ и понятіе незаконнорожденности.—Холостой бытъ и проституція.—Женскій трудъ.—Законъ и религія.—Съ рисунками въ текстѣ.—Два тома. С.-Петербургъ, 1903 г. Цѣна за оба тома **4** р. **50** к.

Мѣсто христіанства въ исторіи. Изданіе 2-ое. С.-Петербургъ, 1904 г. Цѣна **15** коп. (выпускъ 1-й „Религіозно-философской библіотеки“).

Выписывающіе изъ Склада М. В. **ПИРОЖКОВА** *(Спб., В. О., 2 л., д. 13)* за пересылку не платятъ.


2007041718